

ЧАСТЬ 1. ЛЕС

Первый раз я очнулась в каких-то кустах, лежа на земле: вокруг туманные сумерки, высокие стволы деревьев, кольшущиеся тени. В голове шумело, и звонко стучали молотки, будто несколько кузнецов ударно выполняли квартальный план. Всё тело жутко болело и как бы окаменело. Было страшно пошевелиться.

Я медленно поднесла руки к глазам и пошевелила пальцами. Двигаются... Чувствовалось, что я вся в какой-то липкой жиже. «Судя по запаху – кровь...» - подумала я. Сильнейшая боль в затылке пронзила до самых пяток, когда я попыталась поднять голову. Полежав неподвижно ещё несколько минут и переведя дыхание, я начала тихонько поворачиваться на бок, предпринимая попытку встать на ноги. Кое-как поднявшись на колени, я привалилась к ближайшему стволу. Перед глазами всё плыло и кружилось. А кузнецы в голове вместе с кузней сели в поезд, который понёсся по рельсам с адским грохотом: ту-тух-ту-тух, ту-тух-ту-тух, ту-тух-ту-тух...

Немного отойдя от этого стука и поползав вокруг дерева, я обхватила руками ствол и, прижимаясь к нему, словно к родному, начала вставать. После третьей попытки всё получилось. Очень сильно болело и почти не двигалось правое плечо, а левую ногу я совсем не чувствовала. «Только бы не было открытых переломов... Только бы не было открытых переломов», - как заведённая, повторяла я и стояла, обняв шершавое дерево, пытаясь, хоть как-то, собрать мысли в кучу или хотя бы кучку. Из-за грохота в голове сделать это было сложно: поезд громыхал колёсами, а кузнецы молотками.

Глаза уже немного привыкли к полумраку. С двух сторон были какие-то заросли, а впереди небольшая полянка. Вихрь панических мыслей бушевал в голове: «Наверно сегодня полнолуние, если в лесу так светло. Надо как-то выйти на дорогу, здесь вряд ли меня найдут, если вообще будут искать. Спасение умирающих дело рук самих умирающих. Вот же угораздило сесть в эту маршрутку, нет, чтобы дождаться Кирилла и спокойно поехать с ним на его машине. Понесли же какие-то черти ехать своим ходом! Вот и приехали! А теперь я сдохну в этом лесу! Умру от потери крови, и меня съедят дикие звери! Нет! Я не хочу, не хочу так умирать!»

Хлынули слёзы и, обняв дерево, я завывала. Прорыдав так некоторое время и размазав грязь, слёзы и кровь по щекам, я начала прислушиваться в какой стороне может быть трасса. Где-то вдалеке, как раз в направлении полянки, послышались непонятные звуки. «Так, мне туда», - решила я и, отцепившись от уже любимого дерева, сильно хромая и стиснув зубы от дикой боли, поковыляла вперёд. Уже знакомые черти, всё-таки решили меня добить. Когда я сделала очередной шаг, земля провалилась и я, с жутким воплем, полетела в чёрную пропасть.

Второй раз я очнулась от яркого света, бившего прямо в глаза. Вокруг слышались какие-то голоса, и было ощущение, что меня куда-то несут. Я не ощущала своего тела, не чувствовала ничего, кроме стука поезда в голове, а из-за яркого света не различала того, что происходило вокруг. «Наверно, я сломала шею и теперь парализована, - пришла мысль, а за ней другая: - Лучше умереть, чем жить инвалидом!». Так я подумала и опять отключилась.

Третье моё пробуждение было уже более интересным. Открыв глаза, я увидела над собой бревенчатую крышу, со свисающими нитками мха, и каменную стену с висящими на ней шкурами каких-то животных. Где-то рядом говорили люди хриплыми голосами, но слов было не разобрать. Надо мной наклонился какой-то человек с жуткой рожей и страшным шрамом через всю щёку, потом другой - ещё более страшный, с лысой на половину головой. Я попыталась заговорить, но язык не подчинялся абсолютно, выходило лишь какое-то мычание. Перед глазами

поплыл туман, вся картинка смазалась, и я опять потеряла сознание.

Следующее пробуждение началось с того, что меня пытались напоить. Моя бедная, разбитая голова была перевязана, а рядом сидел какой-то парень и, поддерживая меня под голову, пытался влить мне в рот что-то из маленькой плошки. Жадно вылакав горьковатое содержимое, я попросила ещё, но меня не поняли. Тогда, приподняв руку, я жестом показала, что хочу ещё. Он кивнул и принёс новую порцию. Когда я напилась от души, то даже дышать стало легче. Поезд из моей головы уже уехал, а вот кузнецы продолжали усиленно трудиться.

Я опустила голову вниз, на себя, и увидела, что укрыта какой-то дерюгой: правая рука туго примотана в согнутом положении к груди, а плечо неподвижно зафиксировано. Попытка пошевелить ногами показала, что левая нога полностью перевязана и почти не чувствительна ниже колена, а правая вроде в порядке. В общем, первая помощь мне оказана и шею я не сломала. Это радовало, только не покидало какое-то явное ощущение дискомфорта. Относительно целой левой рукой, в порезах, кровоподтёках и царапинах, я приподняла дерюжку. Ну вот, всё понятно, откуда это неудобство. Я лежала голая. Полностью. На грязном тюфяке, набитом то ли травой, то ли соломой. Та-ак! Весёленько! Повернув голову, я внимательно посмотрела на сидящего рядом юношу. Он, в свою очередь, также смотрел на меня.

- Ты кто? - спросила я.

Он слегка улыбнулся и что-то сказал.

- Я тебя не понимаю...

Он начал что-то говорить и в его речи явно слышались вопросительные интонации. Он о чём-то меня спрашивал, а я ничего не могла ему ответить, так как не понимала ни слова. В ответ я только отрицательно покачала головой и попыталась пожать плечами. Получилось только одним. На каком языке он говорил было непонятно, никаких знакомых слов я не расслышала, и его речь не была похожа ни на одну из тех, которые мне приходилось когда-либо слышать. Тут снаружи послышались голоса и парень, успокоительно похлопав меня, отошёл в сторону.

Обведя взглядом это помещение, я пришла к выводу, что лежу в самой настоящей землянке или хижине. В центре был очаг, сложенный из крупных камней, в котором горел огонь. Над ним, на перекладине с крюком, висел большой котёл, в котором что-то булькало. Вдоль стен лежали такие же мешки-тюфяки, на каком лежала я. Из некоторых торчала солома, а сверху лежали дерюжки, наподобие той, которой прикрыли меня. В хижине было довольно светло. Свет проникал сквозь широкие, в некоторых местах, щели между брёвнами, а также через отверстие в крыше, куда уходил дым.

Мне пришлось отвлечься от осмотра этого чуда деревянного зодчества, так как входная дверь отворилась, и в хижину завалились они... От страха и ужаса я сжалась так, что все мои болячки мигом дали знать о себе сильнейшей болью по всему телу. Перед глазами опять всё поплыло, а потом навернулись слёзы.

Я увидела четырёх здоровых мужиков, пятым был уже знакомый мне парень. Экземплярчики были ещё те! Страшные, морды злющие, заросшие щетиной, какие-то перекошенные все, в странных рубахах со свисающими то ли шнурками, то ли верёвками. В руках они несли громоздкие мешки, которые покидали по углам с жутким лязгом и с дружным гоготанием попадали вокруг очага на тюфяки. В ужасе, я зажмурилась: «Вот угораздило меня, так угораздило. Попала по полной! Я голая, перекалеченная и пять взрослых диких мужиков неизвестно где, в каком-то лесу. Да они сделают со мной всё, что захотят! А как наиграются, прикопают где-нибудь в овражке и дело с концом».

Пока я переваривала в себе эти мысли, разговор компании возле очага, видимо, переключился на мою персону, так как мой знакомый юноша, сидя на перевёрнутом

деревянном ведре, что-то говорил одному из этих страшилищ, периодически кивая в мою сторону. Страшилище неспешно поднялось и подошло ко мне. Я лежала, замерев от страха.

Передо мной стоял высокий, широкоплечий мужчина, непонятного возраста с тёмными волосами до плеч и в серой рубаше с закатанными рукавами, а тёмно-коричневые штаны были заправлены в высокие сапоги до колен. Всю правую половину его лица обезображивал рваный красно-багровый шрам, из-за которого правый глаз был гораздо уже левого, а угол рта подтянут кверху. Казалось, что он ехидно ухмыляется.

«Типичный бандитский атаман, - подумала я.- Лучше и не придумаешь». Тем временем «атаман» стоял надо мной, скрестив на груди загорелые мускулистые руки и, разглядывая меня, что-то спрашивал у моего знакомца. Тот спокойно отвечал. Быстро наклонившись, мужчина приподнял тощее одеялко, которым я была укрыта и начал рассматривать моё покалеченное тельце, отдыхающее на соломке.

Удовлетворённо хмыкнув, он прикрыл меня и, хлопнув стоящего рядом юношу по плечу, вернулся к остальным. «Фу, пока пронесло, - подумала я.- Будем надеяться, что пока я в таком состоянии за плотскими утехами ко мне не полезут». Но я ошиблась. «Веселье» меня ожидало очень скоро.

Почти целый день, с небольшими перерывами, я спала. Два раза меня покормили каким-то довольно вкусным супом, проверили раны, поменяли повязки. В общем, заботились. И всю эту заботу предоставлял мне тот же юноша. Остальные ко мне не подходили: отсыпались, ели, ходили туда-сюда по своим делам и только искоса поглядывали в мою сторону. Кузнецы в моей голове продолжали неутомимо трудиться, выдавая на-гора план по ковке, из-за чего все мысли разбегались, и я ни на чём не могла толком сосредоточиться.

Отдельная история случилась с туалетом. Очередной раз проснувшись, я поняла, что хочу в туалет так, как никогда в жизни не хотела. Мочевой пузырь готовился лопнуть в любую секунду. «Так, надо срочно вставать и плевать, что голая, тут уже не до стыдливости. Замотаюсь в одеяло и поковыляю наружу до ближайших кустов», - разработала я план действий и начала вставать, опираясь здоровой рукой на тюфяк и поставив босые ноги на земляной пол. Голова резко закружилась, стук в ней усилился, и очень захотелось упасть обратно, но попасть в кусты хотелось ещё сильнее.

Я медленно встала, ноги еле держали, постояла так несколько секунд, пытаюсь свободной рукой обмотаться своей дерюжкой, но тут вошёл мой лекарь. Увидев мои муки, он быстро подскочил и хорошенько сам замотал меня. Я сделала просящие глаза и характерным движением, слегка присев и сжав колени, умоляюще уставилась на него. Мальчик всё понял. Быстро усадив меня обратно, он живенько порылся в какой-то куче, нашёл такую же дерюжку, только гораздо больше и верёвку. Натянув верёвку на торчащие из стен крючья, он перекинул большую дерюжку через неё и соорудил шикарную занавеску, которая полностью загораживала мой угол от остальной части хижины. После этого принёс деревянное ведро, на треть заполненное водой и поставил его за занавеску. Кустики отменялись. Вместо кустиков было предложено ведро. Всё это проделав, парень подмигнул мне и вышел.

Господи, какое же это счастье, наконец-то сходить в туалет! Бухнувшись обратно на солому, я блаженно вздохнула. Через несколько минут он вернулся, поменял ведро на другое, а предыдущее вынес. Я молча наблюдала за ним и думала: « Ходить, хоть и со скрипом, я могу. Почему меня нельзя вывести на улицу и не заморачиваться с вёдрами? Похоже, не хотят выпускать, но может мне ходить пока, просто нельзя? Ну и ладно, нравится - пусть выносит. Только надо разобраться, где я и кто эти странные люди». Так как с помощью речи это выяснить было невозможно, я начала насколько могла, из-за головной боли, внимательно наблюдать за моими соседями и, наверняка, моими будущими насильниками и убийцами.

На вид это были чистые бандиты. На каждом были какие-либо увечья, агрессивные лица, хотя и не такие страшные, как мне показалось поначалу. Самым приятным из них был, естественно, парень, который мне помогал. Во-первых, он был самый молодой, лет восемнадцать - двадцать, худощавый, но с широкими плечами, а во-вторых - он очень мило улыбался и заботился обо мне. Хотя у него, как и у «атамана», был шрам на лице. Рубец рассекал левую бровь и через широкий лоб, слегка ветвясь, уходил в волосы, разделяя их косым пробором. В принципе, это не портило его симпатичное лицо с прямым носом, чётко очерченными губами, твёрдым подбородком и мягкой ямочкой на левой щеке, которая появлялась, когда он улыбался.

Остальные были довольно жутковатыми типами. Самый крупный из них, про себя я назвала его Гоблин, был выше всех как минимум на полголовы, с мощным торсом и огромными лапищами. Короче говоря, гора мускулов. На левой руке у него не хватало двух пальцев, мизинца и безымянного, нос расплющен, а маленькие глазки зорко поглядывали из-под кустистых бровей. Второй, самый маленький из пятерых, был жилистый и шустрый, с быстрыми, суетливыми движениями. У него не было верхней части одного уха, а сальные темные волосы завязаны в тощий хвостик на затылке. Его я окрестила Мелкий. Третий же, получил кличку Плешивый за то, что на всей верхней части головы, ото лба до макушки, красовался след от старого ожога, естественно, волос на этом месте не было. Из всех он был самый противный.

Одеты они были почти одинаково, так как свои лохмотья сменили на более чистую и целую одежду: коричневые или почти чёрные штаны, заправленные в мягкие сапоги до колен и серые рубашки со шнуровкой на груди с закатанными рукавами. У Гоблина был широкий чёрный пояс с дырочками, а у остальных ремни с крупными пряжками. В общем, если привыкнуть и присмотреться, не такие уж и чудовища.

Парень, который за мной смотрел, в мыслях я начала звать его Нянь, каждый день несколько раз поил меня какой-то горькой тёмно-бурой жидкостью. Когда я пыталась отказываться, он делал сердитое лицо и настойчиво протягивал мне плоску с этой бурдой. Я обречённо вздыхала и выпивала залпом. «Может лекарство какое...» - предполагала я.

Где-то дней через пять-шесть, после того как я окончательно пришла в себя, чуть и не случилось то «веселье», которого я так боялась. Очень показательная оказалась ситуация. С самого утра в хижине кроме меня и, бегавшего туда-сюда по хозяйству, Няня никого не было. Уже ближе к вечеру снаружи донеслись знакомые голоса, гогот и развернулась невидимая мне деятельность. Нянь носился из хижины и обратно, подкладывая дрова и хворост в очаг, параллельно сооружая над огнём какую-то конструкцию, подозрительно напоминающую мангал.

Когда в открытой двери показались Мелкий с Гоблином, я поняла, где все были почти весь день. Они ходили на охоту. На здоровенных шампурах, которые Мелкий держал в руках, были нанизаны крупные куски мяса. А Гоблин нёс длинный железный прут, на котором висела часть туши какого-то зверя. Мужчины были довольные, весело перекидывались непонятными для меня фразами и дружно хохотали. Охота удалась. Приготовлением всего этого мясного пиршества, занялся Гоблин. Он ловко орудовал возле очага, прямо как заправский повар-армянин в какой-нибудь летней кафешке: «Падхады, дарагой! Такой шашлик! Палчыки аближэш!» Представив эту картину, я тихонько рассмеялась.

Вскоре по хижине разлился аромат жареного мяса. Я очень надеялась, что и мне перепадёт кусочек: от запаха текли слюни, а голод давал знать о себе уже давно. Вся компания расселась вокруг в ожидании. Атаман принёс какие-то большие бурдюки и начал разливать содержимое по глиняным кружкам. Стало ясно, что грядёт грандиозная пьянка и есть, как-то сразу,

расхотелось. Я вжалась в свой угол. Ну вот, сейчас наедятся, наклюкаются и полезут ко мне за развлечениями.

Поначалу всё было нормально. Гоблин раздал всем шампуры, Нянь накидал в миски каких-то корнеплодов и зелени, и все дружно принялись за еду, раз за разом потягивая из кружек. Мне тоже досталась миска с ароматным куском и немаленькой кучкой зелёной травки с красными прожилками. Я смотрела на дымящееся, горячее мясо и думала, что, возможно, это последний кусок мяса в моей жизни и может быть, самый последний ужин. Почему же я не ем? Если уж помирать, то не на голодный желудок. Приговорённого к смерти обычно кормят перед казнью, так сказать, в последний раз. И я принялась за еду. Мясо было жестковатым, но вкусным, корнеплоды чем-то напоминали картошку или свёклу, а зелень просто потрясающая. Очень вкусно!

Пока я усиленно жевала, мужики продолжали пить. Завязался оживлённый разговор, что-то активно обсуждалось. Постепенно градус эмоций начал повышаться. Я старалась ловить каждое слово. Очень хотелось понять, о чём же идёт речь, хоть я и знала, что это бесполезно. Несколько раз даже показалось, что я расслышала какие-то смутно знакомые слова. Вдруг Плешивый вскочил и, обращаясь к Атаману, начал что-то ему громко доказывать. Атаман полулежал на тюфяке, облокотившись спиной о бревенчатую стену, и прихлёбывал из кружки. Тут Мелкого тоже пробило, и он начал вроде как поддакивать. Атаман молчал, только было заметно, как постепенно напрягается его лицо. Гоблин с Нянем сидели молча, уставившись в свои миски. Мелкий тоже вскочил, забегал вокруг очага, и они уже на-пару с Плешивым вопили что-то своему главарю, тыкая пальцами в мою сторону. «Ну, всё! - промелькнула мысль. - Только бы долго не издевались, пусть насилуют, пусть убивают, только побыстрее».

И вдруг Плешивый подскочил ко мне, схватил за волосы и сдёрнул на земляной пол, а одним прыжком подпрыгнувший Мелкий, резким движением сдёрнул тонкое одеялко. Я, скорчившись, сидела на земле. Плешивый очень больно вцепился в голову и держал так, что я не могла её опустить. Я только и думала о том, что не буду плакать, не буду кричать, всё равно меня никто не поймёт. Сидела и смотрела на них злющими глазами, стиснув зубы и сжавшись до предела. Уже было всё равно, что на мне, кроме нескольких повязок, ничего нет.

Атаман медленно встал. Я заметила, как подёргивается угол его рта, с той стороны, где лицо изуродовано. Он подошёл медленно, плавно раскачиваясь. Движения были настолько текучими, что казалось, будто он идёт не по земле, а мягко ступает по облакам. Как всё случилось дальше, я не уловила. Одним молниеносным движением он уложил обоих моих обидчиков. Секунда, и они уже корчились рядом на земляном полу.

Мужчина сделал несколько кругов вокруг нашей живописной кучки. Сказать, что он двигался с грацией хищника, значит, ничего не сказать. Он напомнил мне кобру и удава одновременно. Кобру за её скорость и непредсказуемость броска, а удава за его силу. Осталось впечатление чего-то змеиного и очень опасного. Каждый мускул источал такую силу, что я пришла к выводу, что самый сильный и опасный в этой компании не Гоблин, а Атаман, хотя по внешности этого не скажешь. В подтверждение моих мыслей, главарь схватил обоих стонущих у его ног мужиков за шкурки, как котят, и выволок наружу. Что уже происходило там, я не видела.

Подтянув к себе тонкое одеялко, я медленно отползла в свой угол. Кое-как прикрылась, упала на тюфяк и, спрятавшись за занавеской, перевела дух: «Вот и погуляли!» Через несколько минут за занавеску просунулась рука с кружкой. Это была рука Няня. «У-у-у, предатель! Даже глаз не поднял, когда эти двое на меня накинулись, не попытался ничего сделать, скотина, - я страшно на него разозлилась. - Если бы не Атаман, то эти уроды порвали бы меня на части, а он даже не смотрел в мою сторону. Больше всех его ненавижу!» Отпихнув протянутую с кружкой

руку, я отвернулась. Больше меня никто не беспокоил и через какое-то время я заснула.

А утром меня ждала целая куча, так сказать, подарков разного свойства. Когда я открыла глаза, то первое, что увидела - это маленький букетик мелких голубеньких цветочков, перевязанных тонкой бечёвкой. «Грехи замаливает, гад, - подумала я и отпихнула букетик, - не прощу!» Привстав со своего ложа, я увидела, лежащую рядом одежду. Это были такие же, как и на остальных коричневые штаны на завязках и серая рубаха со шнуровкой вместо пуговиц. «Ну наконец-то! Сколько же можно гольшом валяться?! А моя одежда, интересно, где? И кто такой добрый, что пожертвовал свои шмотки?» - день начинался приятно.

Одевание потребовало немалых усилий: хотя моё плечо, ещё было туго замотано, рука двигалась, а синяки и кровоподтёки на ней начали заживать. Скрепя зубами от боли, я кое-как натянула рубашку. И в ней же утонула, хотя подозреваю, что мне нашли самую маленькую. «Наверное, у Мелкого забрали»... - подумала я. И только одеваясь, поняла, как сильно похудела. Я никогда не была худой, но и толстой тоже, хотя периодически сидела на разных диетах, пытаясь хоть немного приблизиться к тонким, длинноногим красоткам из гляцевых журналов. По ощущениям и из того, что можно было рассмотреть - это руки, ноги, живот - я потеряла килограмм семь-десять, если не больше. Мои конечности стали гораздо тоньше, небольшой животик исчез совсем, даже ввалился, а на бёдрах хорошо прощупывались суставы. Вот и сбылась мечта! Я тонкая, звонкая и прозрачная. Только и врагу такой диеты не пожелаешь. И только взяв штаны в руки, я обратила внимание на очередной «сюрприз». К моей правой здоровой ноге была привязана верёвка. «Вот те раз! Привязали! Только зачем?! - глядя на ногу, я удивлённо хлопала глазами. - Руки у меня работают, что мешает мне её развязать? Ерунда какая-то... А как же я штаны одену?»

А дальнейшее было уже совсем интересно. Недолго думая, я наклонилась и попыталась отвязаться. И тут в глазах, словно всё расплылось. Я резко откинулась обратно: «Что за чёрт?» Снова наклонилась и опять всё поплыло. Тогда я нащупала пальцами узлы и попыталась распутаться наощупь. Узлы были твёрдыми, туго сплетёнными между собой и не поддавались. Да, что ж такое-то? Что за глюки?! Я опять отклонилась назад, и зрение тут же пришло в норму. Я чётко видела свою ногу, верёвку, переплетение узлов, место, откуда торчал длинный конец, лежащий на полу и уходящий под мою шторку. Я опять наклонилась ближе и всё снова повторилось.

Я пробовала и так и этак, крутилась, вставала, пыталась подтянуть ногу к носу и всё это, сопровождалось кряхтением, сопением и гримасами боли. Но ничего не выходило. Меня разобрал какой-то дурацкий азарт, смешанный со злостью. Я обломала все ногти, но толку не добилась. И только после этого заметила, что подпирая дверной косяк, стоят Нянь с Атаманом, и с ну, очень большим интересом, наблюдают за моими муками. Нянь держал в руке другой конец моей верёвки и слегка им помахивал. Я не придумала ничего другого, как показать пальцем на верёвку, выразительно пожать здоровым плечом и, разведя руками, уставиться на обоих. Как они заржали! Давненько, наверно, стояли. Я тоже улыбнулась, действительно, смешно.

Когда они более-менее успокоились, Атаман махнул на меня рукой и, вытирая слёзы, вышел. А Нянь, продолжая хихикать, смотал свободный конец этой странной верёвки на руку, подошёл ко мне и, взяв штаны, протянул моток сквозь одну штанину. Когда я справилась с завязками, то штаны на мне превратились в шаровары. Ну хоть так, и то хорошо, всё-таки одежда. Пока я возилась со штанами, Нянь сходил в другой угол, порылся в мешке и поставил передо мной короткие мягкие сапожки, очень сильно смахивающие на угги. «А вот и обувка!» - обрадовалась я. Сапожки были старые, уже сильно потрёпанные жизнью и, естественно, большие, как минимум, на пару размеров. Но как говорить «на безрыбье...».

Наконец-то я смогла выйти наружу. И пусть меня вывели, как собаку на поводке, всё равно это было здорово. Сначала яркий дневной свет ослепил, но глаза быстро привыкли. Я глубоко вздохнула, голова закружилась, и я припала спиной к ближайшему дереву. Как же хорошо! Было очень тепло, но не жарко. «Странно, - подумала я.- Когда я ехала в этой треклятой маршрутке на нашу дачу, стояло тёплое сухое, но «бабье» лето. Было начало октября. А сейчас лето... самое настоящее. Или время вернулось назад, или я нахожусь в каких-то других широтах, гораздо южнее?! Не могла же я провести «в отключке» почти год?!» Я обвела взглядом окрестности: вокруг лес, не очень густой, но и не редкий; местность не плоская, местами каменистая, кругом проступают скальные породы. «Какие-то предгорья, - подумала я. - И каким же образом я здесь очутилась? Ничего не понимаю!» Там, где я жила, никаких гор и в помине не было. Моему "няню" видно уже надоело стоять рядом и, сделав рукой характерный жест, он пошёл вперёд. Я поковыляла за ним.

Обойдя нашу хижину, которая, оказывается, была пристроена одной стороной к невысокой скале, мы углубились в лес. Спустившись в небольшой овражек и пройдя через кусты, я увидела очередное сегодняшнее чудо. Из жердей и длинных кольев, накрытых разлапистыми ветками, был сооружён симпатичный шалашик, зайти в который, можно было, не наклоняясь, мне, во всяком случае. А когда я заглянула внутрь, то обалдела. Это был самый настоящий туалет! Почти такой же, как до сих пор можно встретить у нас в деревнях. Клозет, типа сортира. Но самое прикольное, что свои дела в нём, можно было делать сидя. Укреплённую сверху толстыми досками отхожую яму, венчала конструкция с дыркой, а на ней что-то типа ящика, тоже с дыркой, обитой чем-то вроде кожи. Добротно. Я заулыбалась: « Ну прямо, рай!» Видя мой восторг, Нянь ухмыльнулся и, сделав приглашающий жест, повёл меня дальше показывать местные достопримечательности.

Мы вернулись к хижине, и пошли в противоположную сторону. Шли не более десяти минут, когда я услышала шум водопада. Но тут из-за деревьев, нам навстречу, вышли Мелкий с Плешивым. Оба были полуголые и мокрые. Когда они поравнялись, и я разглядела их рожи, то моему злорадству не было предела: «Вот это праздник души! Ай да Атаман! Отлично провёл воспитательную работу. Десять баллов! Так вам и надо, ублюдки!» Их лица напоминали мясной фарш: заплывшие глаза, распухшие носы, развороченные рты. Плешивый на меня злобно зыркнул, а Мелкий сделал вид, что меня не заметил, хотя как, вообще, он мог видеть сквозь такие щёлочки?

Я шла за "нянем" и меня просто распирало от радости: «Какой всё-таки сегодня замечательный день, несмотря на то, что меня привязали. Вчера вечером я готовилась умереть, а сегодня свалилось столько впечатлений. Теперь, точно, меня никто не тронет! По-моему, Атаман решил оставить меня только для себя. Что ж, в принципе, это не так уж и страшно, лучше он один, чем все пятеро». В том, что главарь этой банды, вскорости потребует оплату за своё покровительство, я ни секунды не сомневалась. Однако и панического ужаса перед ним уже не испытывала: он справедлив и умеет смеяться, значит как-нибудь справимся.

Пока я была в этих мыслях, мы пришли. Ну сегодня, точно, мой день! Изящный маленький водопад, окружённый зеленью, падал прямо из скалы. С высоты пяти-шести метров, вода летела вниз в почти круглое озерцо и дальше текла весёлым ручейком. Тут Нянь взял меня за руку и повёл к воде, я ещё сильно хромала. Когда я попробовала войти в воду, парень меня не пустил. Он показал на мою перевязанную ногу и отрицательно покачал головой. «Ага, мочить нельзя, - догадалась я.- Ну да ладно, раз нельзя искупаться целиком, искупаем половину». Я улеглась животом вниз на большой плоский камень и посмотрела в воду. Вода была кристально прозрачной, на дне видно каждый камешек, даже самый маленький. Дальше, в глубине, плавали необычные рыбки с очень длинными плавниками и хвостами, которые плавно колыхались от

движения воды.

Мне очень хотелось посмотреть на себя и поэтому, слегка приподнявшись, я попыталась увидеть своё отражение. Несмотря на то, что вода не была абсолютно спокойной, я смогла разглядеть, что на меня смотрит бледное чучело, с запавшими глазами и торчащими во все стороны короткими волосами, а под правым глазом и до середины щеки расплылся огромный синяк. А я-то всё думала, почему так болит пол-лица, списывала на головную боль. На секунду закрыв глаза, я попыталась представить, как выгляжу со стороны: фонарь под глазом, бледная как смерть, тощая, замотанная в повязки, в одежках, будто с пугала сняли, и с волосами как у дикобраза... «Красотка ещё та!» - сказал в голове какой-то голос. «Очень точное замечание», - подтвердила я, как видно самой себе, и продолжила самолюбование.

Остаётся задаться вопросом: как кто-то мог что-то от меня хотеть? Да на меня стоило только посмотреть, чтобы залиться слезами жалости. «Но я до сих пор жива и не умираю от заражения крови или какой-либо инфекции. У меня нет серьёзных переломов, и я уже могу ходить. А раны заживут, и голова пройдёт, рано или поздно». - Я улыбнулась отражению и, поддавшись какому-то наитию, быстро сунула голову в воду. Вода была очень холодная, но такая освежающая и живая, что вынырнув, я завопила диким голосом. Мне хотелось жить!

Оказывается, всё это время, пока я общалась с водной стихией, мой Нянь сидел позади и держал меня за ноги. Оглянувшись на него, я поняла, что мальчик в шоке от меня и моего поведения. От воды он оттащил меня практически силой и, усадив на ближайший камень, начал снимать с меня рубашку. Я сначала не поняла зачем, но увидев, как он ловко снимает с плеча повязку, догадалась. Он решил проверить, как там всё заживает.

Из того, что можно было увидеть, выходила неприятная картина. Моё правое плечо было порвано, а точнее разорвано в клочья. Грубые швы, с ёжиками торчащих ниток, начинались от локтя и, проходя вдоль ключицы, доходили до основания шеи. Багровые кровоподтёки и синяки дополняли картину. Смотреть было страшно, и я отвернулась. Навернулись слёзы, и всеми силами я старалась не заплакать. И это я ещё ногу не видела. Там то же самое, судя по ощущениям, если не хуже.

Что же со мной такое случилось, что я оказалась неизвестно где, в компании каких-то бандюганов, говорящих на непонятном языке? Аварию я помнила до того момента, когда машина въехала на мост, а через несколько секунд, удар... машину закрутило, крики людей, сидевших сзади, потом ещё удар и открывшаяся прямо передо мной дверь. Очень похоже, что в неё меня и выбросило, а дальше чернота и пустота. А уже потом лес, деревья, ощущение боли и опять я проваливаюсь куда-то и лечу в темноту. Одни вопросы и никаких ответов.

Из-за почти непрекращающейся, тупой головной боли, соображалось туговато, но, в общем, чувствовала я себя уже не так плохо. Пока я сидела в своих горестных мыслях, Нянь осмотрел, что хотел и прощупал некоторые места вокруг моих ран. Я сидела спокойно, лишь слегка морщилась от боли. Парень, довольно хмыкнув, обрядил меня обратно в повязки, и мы потопали обратно.

Когда мы вернулись к землянке, я, не дойдя до входа, бухнулась на травку и, прислонившись к бревенчатой стене, перевела дух. Больная нога разболелась ещё сильнее, голова гудела, дыхание сбилось, и накатила слабость. «Да-а-а, слаба ты, старушка, слаба... - посетовала я. - Ну ничего... Руки-ноги целы, голова на месте, хоть и болит, переломов нет, а мясо нарастёт. Главное, что до сих пор жива, и чего-то плохого мне никто ещё не сделал. Нянь, наверно, с того света вытащил, подлатал как мог, заботится как умеет. Всё очень даже не плохо: как-нибудь, потихоньку, помаленьку, выкарабкаюсь и разберусь во всём, всё выясню, рано или поздно. А пока, надо выздороветь».

В подтверждение моих мыслей Нянь сходил в землянку, принёс плоску с коричневой

горькой бурдой и протянул мне. Скривившись, я выпила. Эх, знала бы я тогда, чем он меня поит, то не кривилась бы, а добавки просила!

Приняв пустую плошку, парень присел рядом. Он внимательно рассматривал моё лицо, волосы, а потом взял мою ладошку в свои руки, и начал успокоительно и мягко поглаживать, при этом что-то говоря по-своему. Как хотелось понять, что он говорил! Я сидела и просто смотрела на него.

После этого первого «выхода в свет» я проспала почти сутки. Проснулась от голода, потому что снилась мне еда. Во сне я видела себя в гостях: сижу за огромным столом, заставленным всякими деликатесами. Вокруг люди: едят, пьют, громко разговаривают. Я пытаюсь что-то съесть или выпить, но ничего не выходит. Я накальваю на вилку сочный кусок мяса, а в рот попадает только вилка, пытаюсь что-то выпить из хрустального бокала, а ничего не льётся. Я злюсь, начинаю хватать с тарелок руками, но до рта ничего не могу донести, и вместо вкусных котлет, ловлю только воздух. От полного бессилия и "волчьего" голода я беру большую вазу, разбиваю её о пол и просыпаюсь...

Кроме Няня в хижине никого не было. Он сидел возле очага и что-то помешивал в котелке. От аромата ухи потекли слюни. Заметив, что я проснулась, он улыбнулся; на щеке показалась симпатичная впадинка, которая так мне нравилась, и, показав рукой на котелок, как-бы спросил: "Хочешь?" Я бодренько закивала. В меня влезло: большая миска, потрясающе вкусной ухи и две небольшие рыбины. Всё это время юноша сидел напротив и наблюдал за моим завтраком с довольной улыбкой.

После умывания над ведром и хождения в туалет на поводке, он уложил меня на лежанку и начал снимать повязки. Вскоре, я поняла, что он собрался делать - снять швы. Обработывал меня, мой лекарь, довольно долго. Иногда было больно, но я стойко терпела. Закончив с плечом, он перевернул меня на живот и размотал ногу. Мне очень хотелось посмотреть, но Нянь раз за разом, отпихивал меня, не давая взглянуть.

Когда же он всё сделал и протёр мою многострадальную конечность какой-то вонючей жидкостью, то разрешил посмотреть. Кое-как вывернувшись и привстав на здоровой руке, я оглянулась назад. Чего-то подобного я и ожидала. От середины задней стороны бедра начиналась самая большая и длинная рана, которая тянулась почти до пятки, другая - короче, из-под колена и до косточки на голеностопе, а третья: самая короткая, но самая страшная, в виде латинской буквы «V», с внутренней стороны икроножной мышцы.

Я внимательно рассмотрела свои раны. С медицинской точки зрения они выглядели неплохо: ни воспаления, ни гноя, ни других подозрительных признаков; чистые, сухие, заживающие. «Дело идёт на поправку,- я облегчённо вздохнула.- Только смотреть жутковато».

- Спасибо тебе, Нянь! - вслух поблагодарила я. - Спасибо за всё!

Он вопросительно приподнял, рассечённую напополам бровь.

- Спасибо тебе, - я повторила и, взяв его за руку, пожала.

В ответ он слегка склонил голову и приложил ладонь к груди, как будто говоря: «Всегда, пожалуйста!» Я засмеялась - он понял. Потом Нянь снова перебинтовал меня и вывел наружу.

«Волшебная» верёвка на моей ноге всё также висела, один конец которой Нянь привязал к дереву возле хижины, а сам занялся своими делами. Я сидела на тёплом камне, подставив лицо солнцу, рассматривала лес и потихоньку наблюдала за парнем. Вопрос о том, где я, до сих пор оставался открытым.

Остальные вернулись ближе к вечеру. Сначала пришли Мелкий с Гоблином и принесли целый мешок свежесвыловленной рыбы, а примерно через час, вернулись Атаман с Плешивым - эти были на охоте. На какого зверя они ходили, я не поняла, так как цельной туши при них не было: большие куски мяса были завернуты в крупные, как у лопуха, листья.

Следующие два дня я наблюдала бурную деятельность. Рыбу чистили, солили, коптили, вялили; с мясом делали то же самое. Точили ножи, кинжалы и короткие мечи. Складывали в мешки верёвки, одеяла, одежду и какие-то железки. «Пойдут на "дело", - решила я. - Возможно, далеко и надолго».

Ни к каким работам меня не привлекали. Мелкий и Плешивый в мою сторону вообще не смотрели, их рожи ещё всю сияли шикарными «фонарями». Нянь вёл себя как обычно заботливо, Атаман лишь изредка поглядывал в мою сторону, а для Гоблина меня не существовало.

Мне понравилось за ними наблюдать. Правильно говорят, человек может бесконечно долго смотреть на три вещи: как горит огонь, как течёт вода и как работает другой человек. Пятеро моих знакомцев работали слаженной командой, прямо загляденье. А на рассвете третьего дня - они ушли. Лёжа тихонько за своей занавеской, я видела в щёлку, как уже в дверях Атаман что-то сказал Няню и кивнул в мою сторону. Тот коротко ответил и главарь вышел. Мы остались вдвоём.

Я облегчённо вздохнула: «Пусть бы подольше не возвращались!» С Нянем мне было хорошо и спокойно. Я заметила также, что с уходом остальных, парень заметно расслабился: постоянно улыбался, брал меня за руки, садился всегда рядышком. Мальчик мне нравился, а учитывая, что он сделал и продолжал делать для меня, то дело уже было не просто в симпатии. Я чувствовала, что начинаю к нему «прикипать».

Мои раны хорошо заживали, и я уже довольно живо могла ковылять, только голова ещё ощутимо болела. Повязок на мне уже не было, Нянь снял их через пару дней после ухода нашей компании.

Каждый день, ближе к вечеру, мы ходили к водопаду. Я была всё время на привязи, которую никакими усилиями так и не смогла снять, но, к слову сказать, привязка эта мне уже не мешала, я даже к ней привыкла. Чтобы освободить руки, Нянь привязывал другой конец верёвки себе на пояс, а часть длины сматывал и вешал на плечо.

Дней через пять, с тех пор как мы начали практиковать вечерние купания, я узнала, почему Нянь никогда при мне не раздевался, хотя остальные меня совсем не стеснялись. Купались мы по очереди. Пока я, скинув одежду, быстро окуналась, парень сидел вдалеке, повернувшись спиной ко мне. Так было и в этот раз. Я нырнула несколько раз: от холодной воды тупая головная боль на время отступала, и шрамы переставали ныть. Выйдя на бережок, я обтёрлась большой тряпкой, которая была когда-то чьей-то рубахой, оделась и дёрнула за верёвку. Нянь обернулся, и мы поменялись. Он пошёл купаться, а я сначала хотела пойти на его место, но передумала и решила пройтись вдоль ручейка вниз по течению. Наша связка была очень длинной и сейчас лежала на берегу, постепенно разматываясь, а с другого конца верёвки, за моей спиной, плескался Нянь.

Я медленно шла, аккуратно ступая и посматривая под ноги. Ручей быстро бежал, вода искрилась в заходящих лучах, с громким жужжанием мимо летали большие жуки. И вдруг я увидела её... На дне, среди камней, лежала крупная раковина, похожая на раковину наутилуса. И дело было не в размере, мне поразил её цвет. Она была яркая, красно-оранжевая с фиолетово-голубыми узкими полосами, которые закручивались в причудливый узор. Вкрапления перламутра играли сияющими искрами сквозь бегущую воду - сказочная, волшебная красота!

Как-то забыв про хромоту, я потянулась за этим чудом. Глубина была не выше колена, и я, не в силах оторвать глаз, полезла её доставать. Ступив на крупный камень, я подалась вперёд, совсем забыв про верёвку. Но тут этот каменюка резко качнулся и поехал в сторону. Пытаясь сохранить равновесие, я дёрнулась, но верёвка не пустила, она просто закончилась. И со всего размаха я плюхнулась лицом вниз на дно ручья! Опять моя голова нашла на себя приключения!

Округлый, почти чёрный камень впечатался прямо в лоб. Из глаз посыпались искры.

Нахлебавшись воды и держась рукой за рассеченный лоб, я сидела в ручье и, стоная от боли, проклинала свою беспечность. Нянь оказался тут как тут. «Ну, конечно! Когда я упала, верёвка сильно дёрнулась, и он помчался ко мне», - сообразила я, закрывая ссадину на лбу ладонью. Мой зритель что-то взволнованно выговаривал, осматривая мой лоб и помогая подняться. Вот в этот момент я и увидела его тайну.

Парень был без рубашки, штаны толком завязать не успел и они висели у него на бёдрах: от середины живота страшными рубцами, уходил вниз след от большого ожога, а когда он, наклонившись, вытаскивал меня из ручья, то мне совсем поплохело. То, что я увидела ещё ниже, в том месте, где мальчики отличаются от девочек, повергло в шок. Там, конечно, что-то ещё болталось, но выглядело ужасно. Бедный парень! За что ж его жизнь так покалечила!? Вся жизнь впереди и как жить, зная, что ни семьи, ни детей, ни даже девушки не будет рядом!?

Я заплакала, но не из-за разбитого лба, а из-за него, моего "няня", такого милого и заботливого, такого молодого и несчастного, который так мучился и страдал; наверно он тоже был на грани жизни и смерти. Теперь понятно, почему я не видела его даже полураздетым, хотя был он такой же загорелый, как и остальные четверо. Юноша не хотел, чтобы я видела его боль. Вот почему Атаман спокойно оставлял меня на его попечение, зная, что он мне, как девушке, ничем не угрожает. Вот почему Нянь так умело за мной ухаживал, он сам всё испытал на собственной шкуре. Мои увечья, по сравнению с его - это царапины!

Мы сидели на траве. Парень обнимал меня за плечи, а я, прижавшись к его мокрому боку, ещё хлюпала носом. Начало смеркаться, и он протянул мне руку, помогая встать. Стоя напротив и завязывая шнурки на штанах, Нянь отводил глаза. Я понимала почему. Повинуясь какому-то порыву, я подошла к нему, взяла в руки его лицо, заглянула в такие красивые голубые глаза и... поцеловала.

Сначала он резко напрягся, но через секунду губы открылись и он... ответил. Целовались мы несколько минут, точно не могу сказать. Парень нежно обнимал меня, не сжимая слишком сильно, наверно, чтобы не сделать больно. Вскоре он отстранился и посмотрел такими влажными и грустными глазами, что опять навернулись слёзы. Приложив палец к моим губам и глядя в упор, он отрицательно покачал головой. Я всё поняла, он не хотел, чтобы я его жалела.

Лёжа ночью на своей соломе, я никак не могла уснуть. События дня, табуном сайгаков, носились в голове. Странная, удивительно красивая раковина, неизвестные растения и насекомые, нежные поцелуи и чудовищные шрамы моего спасителя, то, как он смотрел на меня - всё это скакало и прыгало в сознании. Я думала обо всём одновременно и никак не могла успокоиться.

Нянь спал или делал вид, что спит на одном из матрасов в дальнем углу. Мне очень хотелось выйти и остудить разгорячённую голову на свежем ночном воздухе, но сделать это было невозможно, так как по возвращении, Нянь поменял верёвки и посадил меня на короткий поводок, длины которого до двери не хватало.

Кстати, я узнала, что верёвку можно развязать, только очень необычным способом. Когда мы вернулись в хижину, мой лекарь, снял с крюка на стене такую же, но более короткую, туго завязал одним концом поверх первой на моей ноге, а другой привязал к одному из столбов, подпирающих крышу. Потом сходил наружу и принёс флягу, обтянутую тёмной кожей. Откупорив пробку, он аккуратно полил на узел длинной верёвки. Через несколько секунд от узла пошёл лёгкий зеленоватый дымок и иллюзия перед глазами, из-за которой я не могла понять и разглядеть, как она завязана, исчезла. Я во все глаза наблюдала за этими манипуляциями.

«Что же это за чудо такое?!» - восхищённо думала я. Вокруг загадок только прибавлялось.

Тем же способом Нянь развязался сам и бросил это «чудо» ближе к огню, возможно просушить. Потом мы поели и на этом приключения дня закончились.

Заснула я не скоро. А утром меня опять ждал сюрприз. Случилось то, что, должно было произойти рано или поздно, но из-за всех происшествий, свалившихся на мою голову, а также не регулярного цикла, я абсолютно про это забыла. У меня пришли месячные.

Ни про какие средства личной гигиены не могло быть и речи. У меня не было ничего, да и не могло быть в этом «каменном» веке. Из одежды тоже ничего не имелось, кроме грубой рубашки и штанов на завязках: ни белья, ни джинсов, ни футболки, ни куртки - ничего из тех вещей, в которых я попала в аварию.

Я лежала ничком на соломе в тихой панике, не представляя как выйти из этого щекотливого положения. Как хорошо, что кроме нас с Нянем больше никого нет. Я думала о том, что надо как-то сказать, как-то дать понять ему, что мне нужны какие-нибудь тряпки... А стыдно-то как!.. Как неудобно!.. Что же делать?!

Начав глубоко дышать, я пыталась совладать со своим стыдом и страхом. А с другой стороны - чего стесняться-то! Голой меня, скорее всего все видели, а Нянь тем более. Он все раны на мне обрабатывал и зашивал, значит, он-то видел меня всю, во всех подробностях. Так что надо перестать стесняться и попытаться объяснить ему ситуацию.

Сторож мой, видно заметил, отражение усиленной мыслительной деятельности на моём лице. Он отложил свои травки, которые перебирал и подошёл ближе. Я сделала испуганные глаза и начала развязывать шнурки на штанах, предварительно задрав рубаху. Глаза парня широко открылись. Когда же я запустила руку внутрь, то его брови поползли вверх, а когда, внутри штанов, в определённом месте я начала шевелить рукой, он отшатнулся, замахал на меня руками и на повышенных тонах, начал что-то выговаривать.

Меня разобрал смех. Милый мальчик решил, что я хочу его соблазнить, зная о его беде. Я расхохоталась! Стыд, как рукой сняло! Быстро вскочив с лежанки, я крепко схватила его за руку, чтобы не удрал, и сунула окровавленную руку ему прямо под нос. На бедного юношу напал ступор. Он стоял и хлопал глазами как пучеглазая сова. Я опять начала повторять свои прошлые движения, только быстрее, попутно показывая жестами, что мне надо что-то от чего-то оторвать и потом кое-куда засунуть.

Через пару минут... до него дошло!.. Как мы смеялись!.. Это был не смех - это была истерика, со слезами на глазах. Оказывается, у моей сиделки такой заразительный смех! Утерев слёзы, и продолжая похохатывать, мой Нянь кивнул (типа, я всё понял), жестом показал мне оставаться на месте и, прихватив нож и мешок, вышел, продолжая хихикать.

Я осталась одна. Наконец-то представилась возможность тут всё рассмотреть. Хижина была большая, не очень правильной формы, одной стороной прижатая к скале. Внешняя стена с дверным проёмом, а также две остальные, были сложены из необтёсанных брёвен. Потолка как такового не было - была крыша из широких досок, соединяющихся в конус над отверстием очага, в которое выходил дым. В центре - два столба, возможно, играющие роль опорных балок. И к одному из них была привязана я. Вдоль стен на соломенных тюфяках, лежали свёрнутые одеяла. В углу составлены несколько вёдер и корзин, а также два больших котла, рядом глиняная и деревянная посуда. С двух сторон от двери на крюках, висело оружие: пара луков, четыре колчана со стрелами, три больших меча, несколько дубинок, окованных железом с торчащими шипами и какой-то другой оружейный антиквариат.

Не дойдя до выхода двух шагов, я поняла, что лимит передвижения исчерпан, дальше длины верёвки не хватало.

Вернулся Нянь примерно через час. Я уселась на перевернутое ведро и, вытянув больную ногу, приготовилась наблюдать. Парень повесил над огнём большой котелок, в котором обычно

варил еду, и залил в него воды. Когда вода закипела, он начал доставать из мешка пучки каких-то растений, очень похожих на длинные серо-зелёные водоросли. Закинув всё вариться, он подождал, пока вода опять закипит и уселся рядом, помешивая и снимая серую пену длинной деревянной ложкой. Готовилась эта бурда минут десять - пятнадцать. Слив воду, он соорудил рядом с очагом перекладину и развесил на ней тонким слоем то, что сварил.

Я присмотрелась: «Ну точно водоросли! А если и нет, то какие-то растения». Пока всё сушилось, мы успели умыться, поесть и Нянь опять поменял на мне веревку, чтобы я могла выходить. Второй конец он обвязал вокруг дерева, растущего в нескольких шагах от хижины. Когда растительность просохла, Нянь посадил меня рядом, чтобы я могла видеть его действия.

Сняв с перекладки небольшой пучок этих «типа водорослей», он смял их и, катая между ладонями, сделал плотный шарик размером с грецкий орех и показал мне. Потом раскатал этот шарик в коротенький толстый цилиндр, привязал к одной из сторон заранее приготовленную нитку, а оставшийся хвостик немного укоротил и, с лукавой улыбкой, протянул мне.

Я не верила своим глазам. Это же тампон! Самый настоящий женский гигиенический тампон, только растительный! Мне хотелось броситься на шею моему спасителю и зацеловать от переполнившей благодарности. Видя мой восхищённый взгляд, он наверно что-то такое и подумал, потому как сунул мне в руки своё творение, ткнул пальцем в остальные висящие на перекладине растения и, бросив мне моток ниток, ушёл.

Я его прекрасно поняла: «Я мол, принёс, показал, а делай сама». А я и не возражала. Но первым делом не терпелось испытать это гигиеническое творчество на себе. Быстренько накрутив, ещё пару штук точно таких же цилиндров, я помчалась в лесной сортир. Никаких проблем с установкой в нужное место не возникло. Не было никакого дискомфорта или других неприятных ощущений. Мне хотелось петь от радости! Как всё-таки мало нужно для счастья! Достаточно попасть в другие условия, как приоритеты и ценности совершенно меняются.

В тот момент, когда я вернулась к нашей лесной избушке, Нянь, голый по пояс, рубил толстые сучья. «Обожаю его! - радостно думала я.- Разделся, уже не скрывает свои шрамы. А чего таиться, когда я в курсе, всё видела. Обожаю!» Прислонившись к дереву неподалёку, я улыбалась во весь рот и нагло разглядывала парня: загорелый, высокий, симпатичный, с рельефной мускулатурой, хоть и худоват на мой женский взгляд. От того, что я теперь знала, что он по сути «евнух», а не нормальный мужчина, моё отношение к нему не изменилось. Наоборот, я прониклась к нему ещё большими чувствами. И дело здесь не в жалости и сочувствии, хотя это тоже присутствовало, а в уважении и даже восхищении что ли. И мне всё равно, что у него внутри штанов, почти ничего нет, он - мужчина, самый настоящий, несмотря на молодость. С этой минуты я начала считать парня своим другом, хотя до сих пор не знала, как его зовут.

Вернувшись в хижину, я занялась своими тампонами. Я почему-то уверилась, что это именно водоросли, уж очень было похоже. Часа за полтора я накрутила штук пятьдесят. Нянь, зайдя за чем-то и увидев плоды моих трудов, рассмеялся: наверно вспомнил наши утренние разборки. Порывшись в своих закромах, он нашёл для меня небольшой такой, чистенький полотняный мешочек с затягивающейся верёвочкой. Сложив в него своё богатство, я засунула его под свою солому. Этого количества надолго хватит!

Через некоторое время я поняла, что моя физиология поможет в очень важном деле. Я смогу составить календарь, пусть приблизительный, но всё-таки. Раскопав в кострище несколько угольков, и, обойдя хижину с тыльной стороны, я подобралась вплотную к огромному камню с почти плоской стороной. Валун торчал из земли вертикально, и я решила, что чёркать на нём будет очень удобно.

Расслабившись, я прикрыла глаза и начала вспоминать. Головная боль ещё не прошла, но и

не была уже такой сильной. Она просто раздражала и мешала думать. Из-за некоторых проблем со здоровьем, цикл у меня был крайне не регулярным, но дату начала прошлого я помнила. Увлечённо считая, я исписала датами и цифрами почти всю доступную поверхность, когда почувствовала движение за спиной. Я обернулась. Нянь стоял возле дерева и наблюдал за моей математикой.

- Что, теперь ты за мной подглядываешь? - я улыбнулась. - Да, дорогой, я и писать, и считать умею, да только не по-вашему. И образование у меня хорошее. Так что я не какая-нибудь... дурочка деревенская.

В ответ он только развёл руками и улыбнулся.

В конечном итоге, эта моя наскальная живопись, привела к двум интересным выводам. Во-первых: в этой избушке я находилась уже около трёх недель, а во-вторых, что-то случилось с моей головой, а точнее с памятью.

Ах, головушка моя, многострадальная! Возможно, это были последствия травмы или сотрясение мозга так повлияло, а может и то и другое вместе. Но раньше моя память точно такой не была! Пока я прикидывала и считала, всплыло очень много разных мелких подробностей и деталей, не только из недавнего, но и более далёкого прошлого.

Я подробно, в деталях, вспомнила аварию. Вспомнила в лицо всех кто сидел рядом: что делали, что говорили. Вспомнила перекошенное лицо водителя, который оглянулся в салон, между первым и вторым ударами. Вспомнила, как летящий на огромной скорости белый джип, врезался в наш микроавтобус. Я вспомнила, как маршрутку несколько раз крутануло и идущая сзади «фура» отправила всех нас в полёт на середину реки. Также моя память показала мне, как ещё от первого удара, передо мной открылась дверь и я увидела яркий цветной свет, вернее сказать, какой-то сияющий цвет ночного неба с маленькими звёздочками внутри. Я влетела туда и подумала, что мне повезло: у меня такая красивая сверкающая смерть.

Резкий и неожиданный приступ головной боли заставил прервать неутешительные размышления. Виски и затылок сдавило так, что всё закружилось вокруг, деревья почему-то стали красными, а трава - чёрной. «Всё красное и чёрное...» - успела подумать я и отключилась.

А очнувшись от ощущения холода. Я лежала на своём тюфяке в хижине, а рядом сидел Нянь, нежно поглаживая меня по щеке. Холодная мокрая тряпка на лбу охлаждала голову, и такой сильной боли уже не было. «А с башкой, явно, дело плохо, - мысли ещё еле-еле проворачивались. - Вроде уже на поправку шла, а тут такой приступ. Вот и Нянь, какой перепуганный сидит, волнуется. И это же он меня принёс, как бы не надорвался, бедняга».

Однако мой врождённый оптимизм всегда помогал переживать трудности. Сжав руку парня, я ему улыбнулась и подмигнула, мол, всё хорошо, не переживай. Он только криво усмехнулся в ответ. Я закрыла глаза и решила ни о чём сегодня больше не думать. Так и заснула.

Тихо и спокойно мы прожили ещё четыре дня. После приступа моя головушка окончательно перестала болеть через двое суток. Сначала я даже не поняла, как и когда это случилось. Просто в один момент, когда мы завтракали запечённой рыбой, я поймала себя на мысли, что боли нет, нет совсем. Кузнецы закончили свою работу и убрались восвояси.

Чувство огромного облегчения и освобождения нахлынуло прохладным потоком. Появилось ощущение, что в мозгу образовалось много свободного места, как будто из старой захламлённой комнаты выкинули всё ненужное, весь мусор, который копился там годами, и сделали генеральную уборку. Я ликовала! Раны мои хорошо закрылись, правда, ещё очень сильно тянули и болели при резких движениях, но это меня не беспокоило. Всё заживёт, никуда не денется, главное, что голова уже не болит.

А ещё через пару дней вернулась наша банда... И моё спокойствие закончилось. Они

пришли все вместе среди дня, уставшие, грязные, но вроде довольные. Мне было интересно, а где же добыча? Где добытое ратным грабежом добро? Но при них было только то, с чем они уходили, а также пара крупных свежевывловленных рыбин и четыре трупика каких-то зайцеобразных зверюшек. Больше ничего. Меня осенило: «У них есть тайник! Где-то по пути, они прячут всё в надёжном месте. Зачем таскать награбленное в своё логово? Настроение у мужиков хорошее, значит, поработали удачно, спрятали и пришли спокойно отдыхать».

Хотя, конечно, уверенности в том, что они именно бандиты, грабят и убивают, у меня не было. Кем являются эти люди, чем они занимаются и почему живут в лесу, я всё же не знала. Гоблин с Мелким, покидав оружие, заплечные мешки и дичь возле хижины, схватили смену чистой одежды, ушли в сторону водопадика. Плешивый, сбросив рыбу Няню, завалился на солому и почти сразу захрапел. Атаман же уселся на камень возле стены, вытянув ноги.

Пока все отдыхали, Нянь бегал по хозяйству: разделал зверюшек, обработал рыбу, принёс воды. Я сидела всё это время на небольшой полянке, как всегда привязанная, словно коза на выпасе, и потихоньку массировала больную ногу. Закончив работу, парень уселся рядом с начальником, и пошла неспешная беседа. Сначала Атаман что-то спрашивал, а Нянь отвечал. Потом вроде, наоборот. Но дальше сложно было понять, кто из них спрашивает, а кто отвечает - они разговаривали спокойно.

Разминая конечность, я сидела и думала о том, что здесь я уже месяц, по моим подсчётам, а до сих пор не удалось толком понять значение почти ни одного слова из речи этих людей. Мои попытки выяснить у моего зрителя как его зовут или как называются предметы, успеха не принесли. Я наткнулась на стену недоумения и непонимания. Но была уверенность, что парень не пытается наладить со мной речевой контакт намеренно и просто прикидывается. Несколько раз я, показывая рукой на себя, чётко, по слогам проговаривала "Ка-ри-на", при этом вопросительно глядя на своего молчаливого собеседника и переводя руку в его сторону. Нянь же в ответ улыбался и пожимал плечами. Но я чувствовала, что он просто не хочет назвать мне своё имя. Оставалось только наблюдать, прислушиваться и делать выводы. А вот будут ли эти выводы правильными - большой вопрос.

Подняв глаза от своего занятия, я заметила, что Атаман смотрит на меня, а Нянь продолжает ему что-то говорить: «На меня переключились... Интересно, что он про меня рассказывает? Ну, про поцелуй у водопада вряд ли проболтается, а вот про остальное наше совместное проживание, точно доложит».

Но тут они встали и пошли за хижину, туда, где я углём исчеркала камни. Дождь за прошедшее время прошёл всего один раз и то не сильный, так что мою писанину еще было хорошо видно. За избушкой раздался "атаманский" хохот. «Да, что же эта "нянюшка" моя заботливая, там про меня плетёт? Как же хочется узнать!» - Любопытство просто раздирало на части!

Весь остаток дня, главарь поглядывал в мою сторону. «Да что б ты окосел! - сначала разозлилась я, а потом пригорюнилась. - Ну, вот и пришло время рассчитаться за заботу, защиту, уют...» Я постаралась держаться подальше: пряталась за хижинкой и уходила в лес, насколько хватало моей верёвки. Сердце замирало и колотилось, моя и так не слишком хорошо двигающаяся нога, предательски подгибалась, я еле-еле ходила. «Может он передумает меня трогать: посмотрит, как я ковыляю, на мой испуганный вид и пожалеет, - лелеяла я надежду. - Хотя вряд ли, слишком уж заинтересованно смотрит».

Собрав волю в кулак и отринув свои страхи, я решила для себя: «Чему быть, того не миновать. Девочка я уже давно взрослая, двадцать семь годиков как-никак». Тем более что мужчин и отношений с ними я особо никогда не боялась. Заморочек и комплексов, в плоскости между мужчиной и женщиной, у меня тоже уже не было, а моралисткой я вообще никогда не

была. Но сейчас было реально страшно. «Самое главное - это чтобы меня не покалечили, а если будут убивать, то желательно быстро. Значит, сопротивляться не нужно, может быть только хуже. Надо расслабиться, успокоиться и настроиться... Рано или поздно, это всё равно случится и удрать я тоже пока никуда не могу», - пыталась я себя успокоить, но не очень-то получалось.

Промаявшись так некоторое время, я решила сходить к водопаду, если Нянь, конечно, сводит. Заглянув в хижину, я обнаружила, что вся компания собирается ужинать. Нянь махнул рукой и, показав на свободный пенёк, протянул миску с хорошим куском рыбыны. Приняв еду, я присела со всеми у очага. Сначала подумалось, что кусок в горло не полезет, но откусив кусочек, я не заметила, как съела всё. Рыба была великолепна, почти без костей и по вкусу чем-то напоминала лосося, хотя внешне ничего общего.

Когда мужчины поели и завалились на свои тюфяки, о чём-то переговариваясь, я втихую дёрнула Няня за рубаху и, кивнув в сторону двери, вышла наружу. Вскоре он вышел и я, показав на себя, потом на него махнула в сторону нашей купальни. Парень как-то очень странно посмотрел и нахмурился. Только я собралась повторить свои жесты, как он утвердительно кивнул.

Пока мой провожатый отвязывал «волшебную» верёвку от дерева и перевязывал на себя, я стояла в ожидании и думала: «Вот если бы у меня был выбор, кого, так сказать, отблагодарить собой за спасение, то естественно, выбрала бы Няня и не важно, есть у него мужской орган в штанах или нет». Парень мне действительно нравился. Я привыкла к его постоянному присутствию, к вниманию и заботе. К тому, как он быстро и чётко решает мои проблемы. Хотя всё же... Я ведь его совсем не знаю... И чем продиктованы непонятные для меня действия, не имею настоящего представления. Атамана же я откровенно боюсь, хотя если бы не его уродливый шрам, то мужик был бы очень даже ничего. Надеюсь, что не вся банда будет иметь доступ к моему телу: Гоблин в мою сторону не смотрел, а Мелкий с Плешивым, после полученного «кровоавого» внушения, старательно делали вид, будто меня не существует.

За это время пока я размышляла, Нянь взял из хижины остатки рубахи, заменяющей полотенце, и мы пошли в лес. У водопадика было очень красиво. Закатное солнце пробивалось широкими лучами сквозь стволы деревьев. Красноватый свет перекрашивал и перекраивал лес в какие-то сюрреалистические цвета и формы. Было полное ощущение нереальности всего вокруг.

Подойдя к купальне, я быстро скинула одежду и вошла в воду. За все время я уже настолько привыкла к этой хрустальной ледяной воде, что могла даже немного поплавать. Сделав несколько гребков, я встала на дно и оглянулась. Нянь не сидел, как обычно, вдалеке и отвернувшись, нет... Он сидел прямо на берегу, на камне и смотрел в упор.

Может от страха и ожидания того, что ждёт меня впереди, может от осознания безвыходности и обречённости ситуации, в которой я оказалась, может вообще от всего того, что я пережила за последний месяц, накатило такое раздражение и такая злость, что я обратила весь этот негатив на своего друга.

- Что смотришь, вылупился?! Голой, что ли меня не видел?! - крикнула я парню. - Не насмотрелся ещё?! Ну гляди- гляди, облизывайся, кусай локти, что не тебе достанусь, а начальничку твоему, черти бы его взяли!

Я подняла руки кверху, отжимая и откидывая со лба волосы и пошла к берегу, прямиком на парня: грудь приподнялась ещё выше, а соски затвердели от холодной воды. Вообще-то, грудь была моей гордостью. Это единственная часть тела, которая мне по-настоящему нравилась. Не большая, но и не маленькая, высокая, очень красивой формы с аккуратными чёткими сосками. Несмотря на сильное похудение, она почти не изменилась, ну если только чуть-чуть.

Выйдя из воды и подойдя к сидящему юноше, я слегка наклонилась и протянула руку за

импровизированным полотенцем. Мои прелести оказались прямо перед его носом. Переведя взгляд с них на моё лицо и обратно, Нянь начал заливаться краской. Потом вскочил, швырнул мне мою одежонку и рванул в сторону.

Я понимала, что повела себя некрасиво. А с другой стороны он сам начал пялиться, сидел и буравил глазами, не отвернулся как обычно; так что сам виноват... Возможно, хотел налюбоваться напоследок. Вот и пожалуйста, вот и получите! Он же понял, что я догадалась о планах Атамана в отношении меня, и понял, что я также догадалась и о том, что он знал об этом заранее.

Мы вернулись уже в сумерках, я прошла в свой угол и задёрнула занавеску. Все спали, Атамана не было. Я слышала, как Нянь ещё возился с одеждой, а потом лёг. Я забралась под своё одеялко и закрыла глаза. «Ничего-ничего, спокойно, как-нибудь перетерплю... как-нибудь... - пыталась я себя успокоить, но одна мысль не давала покоя. - А вдруг он со мной наиграется, а потом отдаст на растерзание остальным, воспользуется так сказать «правом первого», а дальше, пользуйтесь ребята, наслаждайтесь. Вот это будет совсем не мой вариант! Такое я не выдержу... Надо будет завтра нож стащить, я видела пару штук, они лежали возле двери, завёрнутые в тряпку, Нянь редко ими пользовался. Если станет совсем не вмоготу, придётся попробовать совершить «харакири», только сомневаюсь, что получится: только покалечусь, что ещё хуже».

Но тут мои суицидальные мысли прервал шорох. Занавеска слегка отодвинулась и в свете тлеющего очага, надо мной возник силуэт. Атаман, а это был, конечно же, он, задвинул шторку обратно. Стало совсем темно. Зажмурив глаза, я начала мысленно считать: «Один, два, три, четыре, пять...» Сердце забилося, ноги похолодели...

Судя по шороху, он разделся, и рядом опустилось тело. «Шесть, семь, восемь, девять, десять...» - я почувствовала рядом его тёплое дыхание и руку, опустившуюся на бедро. Прижавшись, он уткнулся носом мне в шею и шумно вдохнул. Рука, начавшая гладить, вдруг остановилась и сжала ткань моей рубахи. Слегка приподнявшись, мой ночной визитёр, резко рванул мою последнюю защиту. С громким треском одёжка разделилась на две половинки. «Ну вот и всё...» - только и подумала я.

Освободив меня от рубахи, Атаман опять лёг рядом. Голову положил мне на плечо, уткнул нос в подмышку, а рука пошла гулять по телу. Он поглаживал очень нежно и медленно, слегка сжимал грудь и, обводя пальцами сосок, поднимался к шее, плавно проводя под ключицами. Потом опускался вниз, тем же путём, к животу и ниже, но дальше рука не двигалась, а опять поднималась к шее.

Вскоре мужчина приподнялся надо мной, пропустил руки под мою спину и прижал к себе. От страха, я не сразу сообразила, что он делает. Ведь он не целовал меня, нет... Он меня нюхал! Гладил и нюхал... Я не сопротивлялась, но и более ничего не делала. Если он меня поворачивал - я поворачивалась, отклонял мою голову назад - я послушно отклонялась и тогда, проводя пальцами по моей шее, он вдыхал запах моей кожи. Руки у Атамана были очень сильные, он легко держал меня, прижимая к себе.

Так продолжалось довольно долго, от его поглаживаний я расслабилась и успокоилась. Уложив меня очередной раз на спину, он уткнулся носом между грудей. Дыхание его было горячим, а от волос пахло костром, руки сжимали и разжимали мои груди, скользили по бокам и плечам. Странно то, что штаны с меня он так и не снял. Через несколько минут дыхание его участилось, резко подхватив, он опять прижал меня к себе и сильно сжал в объятиях. Сердце его гулко стучало, а тело покрылось испариной. И тут он дёрнулся, застонал прямо мне в ухо, прижимая мою голову к своей, и я почувствовала, как на живот вылилась горячая жидкость.

Полежав рядом ещё некоторое время, он поднялся и ушёл на общую половину. Я лежала и никак не могла понять, что же это было такое. А потом захотелось громко засмеяться, но я

зажала рот руками: «И это всё!?!.. Сеанс окончен!?!.. Секс «по-атамановски»?!.. Погладил, понюхал, пообнимал, удовольствие получил и всё что ли?! А я- то дурища, вот накрутила-то себя, а! Уже в самоубийцы собралась податься, вот ненормальная! Ну, если это всё, что ему от меня надо, то я не возражаю. Даже понравилось! Честно! Посмотрим, что будет дальше, может, я рано радуюсь. Мужик, возможно, давненько этим делом не занимался, за грабежами да убийствами некогда было, вот и сработал раньше времени. А сейчас успокоится, отдохнёт, выпится, а завтра доведёт дело до конца, его ж в шею никто не гонит». Но почему-то глубоко внутри сидело ощущение, что ничего другого ему от меня не надо, во всяком случае, пока. С такими мыслями и чувствами я и заснула.

А дальше всё повторилось. Каждый вечер он приходил ко мне, раздевался, ложился рядом, гладил, нюхал, крепко обнимал, получал разрядку и... уходил.

Днём Нянь старался в мою сторону не смотреть и упорно игнорировал. Правда, продолжал поить каждое утро коричневой горькой бурдой, протягивая плоску и отводя глаза; водил по вечерам купаться, но сидел далеко и, отвернувшись. В общем, делал все, как и прежде, но так, будто меня для него больше не существовало. «Неужели я потеряла своего друга?» - задавалась я вопросом. Очень не хватало его улыбок и тёплых взглядов.

Заниматься мне было абсолютно нечем, что-либо делать никто не заставлял, а я и не пыталась лишний раз привлечь к себе внимание. Вскоре, я окончательно почувствовала себя козой или коровой на выпасе, о которой по мере необходимости заботились, кормили и использовали по назначению - милое полезное домашнее животное. Я окончательно убедилась, что делить меня с кем-то, а тем более отдавать, Атаман не собирался.

Я продолжала вести календарь, отмечая дни. Выходило, что я здесь уже почти два месяца. Погода стояла хорошая, днём было довольно жарковато, а по ночам шли дожди. Мои раны хорошо зажили: плечо вообще было в порядке, остался только длинный рваный шрам от середины плеча через ключицу к основанию шеи, что выглядело, конечно, ужасно, а вот нога беспокоила. Мышцы вроде срослись, но ногу продолжало тянуть, сгибать было легко, а вот разгибать...

И я решила заняться растяжкой и разминкой. Каждое утро, после умываний у ведра, я приходила на уже облюбованную полянку, длины моей привязи, как раз хватало с избытком. Вспомнив свою активно-спортивную юность, я принималась за восстановление двигательного аппарата. Сначала я разминала мышцы руками, делая массаж, а потом потихоньку пробовала делать разные упражнения. В первые дни было очень больно, часто до слёз, но я не прекращала занятий, делать-то всё равно нечего.

Дней через пять-шесть я уже занималась два раза в день, утром и вечером, а днём массировала ногу. Через боль и слёзы дело пошло. Благодаря проснувшейся памяти, вспомнилось много информации о подобных травмах, всё это я когда-то читала, видела или слышала от других, а потом благополучно забыла. Вспомнила, какие именно упражнения нужно делать, вспомнила как нас, девчонок, гоняли на лёгкой атлетике, и как тренер Иван Владимирович, говорил, что у меня есть шансы проявить себя в большом спорте.

Мой мозг оказался кладезем всяческих нужных и не очень данных, из различных наук и областей жизни. Иногда всплывало такое, что я удивлялась, откуда это я могла знать. Для того чтобы что-либо вспомнить, надо было точно сформулировать в голове вопрос, расслабиться и закрыть глаза. И через какое-то время, когда быстро, когда не очень, всплывала нужная информация. Прямо не человеческая память, а гигантский банк данных. С одной стороны это очень радовало, а с другой - настораживало.

Однажды, когда я, сидя на траве, пыталась, растягивать порванные мышцы и доставать руками пальцы ног, делая короткие наклоны, невдалеке медленно прошёл Нянь с ведрами воды

в руках. Он глянул на меня, одобрительно кивнул и слегка улыбнулся. Как сразу потеплело на душе! Может, мы всё же наладим наши добрые, хоть и молчаливые отношения.

Атаман же не переставал меня удивлять. Несмотря на свою агрессивно-хищную внешность, при виде меня он как-то расслаблялся что ли, и посматривал иногда среди дня таким томным взглядом, прямо аки девица на предмет своих воздыханий. Если ночью, поначалу, он уходил на общую половину, то потом, закончив свои нюхательно-ласкательные сеансы, натягивал штаны и, обняв меня, засыпал.

«Всё, пропал, мужик!» - подумала я, когда это случилось в первый раз. И вскоре, убедилась в этом.

В один из дней, с самого утра, а может и с ночи, зарядил дождь. Никто особо ничем не занимался: только ели, валялись да разговаривали. Я хорошо разбираю слова и уже чётко знала звуки их речи, но смысл сказанного был всё также не доступен.

Сначала все что-то обсуждали, чертили на земляном полу какие-то схемы, похоже, что планировали новый "гоп-стоп". Потом Мелкий начал Атамана вроде как просить о чём-то. Через несколько минут они уже все вместе, дружно, пытались на что-то уломать своего "босса". Совсем как детишки, наседающие на папочку в магазине: «Ну купи-и-и... Ну купи, купи-и-и машинку!» В ответ на заискивающе-умоляющие просьбы, главарь хитро улыбнулся и кинул. Мужики радостно загалдели.

Атаман вышел из хижины, накинув от дождя, длинный тёмный плащ и вскоре вернулся, держа в руках два больших бурдюка. Этой пьянки-гулянки я уже так не испугалась. Статус в этой компании у меня уже был неприкосновенный. Как ни странно, но мне тоже налили. Сначала я подумала отказаться, но передумала. Выпивать я, особенно никогда не любила, но тут решила поддержать компанию.

Штука оказалась забористая, чем-то смахивающая на текилу. Так как запивать кроме воды было нечем, а есть уже не хотелось, я сходила к небольшому мешку, в котором была крупная соль и зачерпнула её в маленькую плошку. Потом взяла жменю плотных фиолетовых ягод из рядом стоящей корзины, их Нянь ещё вчера насобирал. На вкус эти ягодки были кисло-сладкими, не лимон, конечно, но пойдёт.

Усевшись на перевёрнутое деревянное ведро, как выпивоха со стажем, я насыпала соли на руку, слизнула и, сделав большой глоток, закинула в рот пару ягодок. Мужчины смотрели на сие действие во все глаза. Такого способа питания, мои разбойнички, точно не знали. Жестами, я предложила сделать им то же самое и протянула соль, сидевшему рядом Гоблину. Мой способ оценили! Всем понравилось, особенно Мелкому. Он подскочил ко мне и прицокивая, начал что-то говорить, как всегда, возбуждённо махая руками. Я лишь пожимала плечами и улыбалась в ответ.

В результате, нагрузились все моментально - выпивка-то была крепкая. У меня тоже шумело в голове. Глядя на этих мужчин, с которыми я жила уже третий месяц, я думала: «А ведь я прекрасно вписалась в их компанию. Внешне я такая же шрамированная, как и они, ношу их одежду, Атаман ко мне не ровно дышит, да и Нянь, кстати, тоже, хотя и пытается это скрывать. Можно сказать, что «Анжелика - маркиза ангелов» из меня получилась».

Дождь не прекращался. Захотелось выйти и постоять немножко на свежем воздухе. Нянь уже спал, свернувшись калачиком, на своём тюфяке. Плешивый и Мелкий тоже вовсю храпели. И только Гоблин с Атаманом ещё сидели и о чём-то в полголоса переговаривались. Я тихонько вышла, а так как верёвку на короткую мне не меняли, то отошла от двери на несколько шагов так, чтобы меня не было видно в дверной проём, и подставила лицо падающим каплям.

Дождик был мелкий и так стоять, чувствуя, как под влагой освежается разгорячённое лицо, было очень приятно. Не знаю, сколько времени я так простояла в полной «нирване», только

очнулась, когда сзади на плечи легли знакомые руки. Подойдя вплотную, Атаман обнял меня, погрузив лицо в мои волосы и опять начал внюхиваться.

Стояла я спокойно и расслабленно, облокотившись на его грудь, не обращая внимания ни на сильный запах алкоголя от него, ни на то, как он крепко, до боли, сжимал меня в объятьях. Сделав неуловимое движение, он подхватил меня на руки. «Уже и на руках носит...- я мысленно улыбнулась. - А приятно-то как!»

С кавалером мне всё-таки повезло. Он до сих пор не сделал ничего такого, что было бы действительно неприятно или противно, да и сам он, как мужчина, не был мне неприятен. Да, я его боялась, был повод убедиться, что бояться есть чего. Убить меня он мог голыми руками.

Развернувшись со мной на руках и направившись к хижине, мой любитель нюхать, забыл одну вещь... Я была привязана. Каким образом веревка зацепила его за ногу, я не видела, почувствовала только, что мы падаем. Рухнули мы знатно - всем весом. Но Атаман умудрился упасть так, что я оказалась сверху. Мы валялись на мокрой земле под дождём прямо возле входа. «Да-а-а, произвёл на девушку впечатление, ничего не скажешь!» - не выдержав комичности ситуации, я расхохоталась, а мой носильщик следом.

Смеялись мы долго, то ли от «красивого» падения, то ли от выпитого. Но было очень весело! Пока отмывались от грязи, совсем стемнело. Мужики дрыхли, и в избушке стоял стойкий аромат качественного перегара. А дальше мой нюхач опять меня удивил.

Уже лёжа за занавеской в моём углу, Атаман прижимался всем телом, нежно сжимая меня сильными руками. Он дышал мне в ухо и шею, когда я услышала слова, сорвавшиеся у него в страстном порыве. Слова были нежные, ласковые, голос хриплый с придыханием - до этого он ни разу ничего мне не говорил, всегда всё делал молча. Из этого шёпота одно слово выделялось, тем, что повторялось чаще других. Хоть я ничего и не понимала, но структуру языка чувствовала и отличала слова от фраз и предложений. Это слово мне понравилось, значение было загадочно, но звучало красиво.

«Отари... отари... - потом шли другие эпитеты, - и опять отари... отари...»

«Что же это за «отари» такое? - думалось мне. - Красивое слово, что-то ласковое, наверно, и приятное». Как ни странно, но под его голос и поглаживания я заснула.

А на следующий день мои лесные разбойники начали собираться. Процесс сборов повторился, как и в прошлый раз. Запаковав мешки, вычистив и наточив оружие, все собрались возле очага в живописный кружок. Похоже, главарь раздавал последние указания. Все внимательно слушали, изредка вставляя замечания. Прямо заседание «генштаба» перед наступлением, только карты боевых действий не хватает.

Они ушли на рассвете. Уже выходя из хижины, Атаман оглянулся на меня и усмехнулся. Было непонятно, что значила эта полуулыбка или полуусмешка. Всё-таки изуродованная часть лица, делала его мимику сложной для понимания. Я просто улыбнулась в ответ. Он кивнул и ушёл. И опять мы с Нянем остались вдвоём.

Несколько дней прошли спокойно. Мы не общались с моим зрителем, даже по возможности, не смотрели в сторону друг друга. Я занималась своей гимнастикой, которая уже начала давать ощутимые результаты: я почти не хромала, нога слушалась, боли, такой как раньше уже не было; я окрепла и чувствовала себя вполне хорошо. В перерывах между тренировками, я лазила по скалам, насколько позволяла длина верёвки, и, найдя плоские и удобные части камней, рисовала то, что видела: насекомых, деревья и формы их листьев, попадались весьма причудливые, кстати, и всякую другую ерунду.

Эта наскальная живопись отвлекала от одних мыслей, но в тоже время наводила на другие. Очень многое из того, что меня окружало, было неизвестным и непонятным для моих цивилизованных мозгов. Я будто попала в далёкое прошлое. С одной стороны вполне обычные

люди, пусть и жутковатые и говорящие на незнакомом языке, с другой - абсолютно древний быт: без пластика, механизмов, компьютеров, мобильных телефонов, электричества, горючего и других благ цивилизации. А также древнее оружие, которое я видела только в кино и музеях, незнакомые растения, хотя были и вполне обычные сосны и осины. С животными сложнее - вроде знакомые, а вроде и нет: что-то в рыбах, жуках и трупах тех зверей, которые добывались для еды, было не то и не так.

Поэтому эти рисунки, а рисовала я очень даже неплохо, хотя никогда не училась специально, помогли окончательно осознать, что я непонятно где и самое главное, непонятно «в когда». Одно было ясно - я не в средней полосе России, и какой сейчас год или век большой вопрос. Однако уже очень скоро представилась возможность получить ответы на эти вопросы.

На четвёртый или пятый день, ближе к вечеру, после того как банда ушла на промысел, Нянь не выдержал. Он пришёл на полянку, где я качала пресс, и присел рядом на корточки. Я остановилась и вопросительно посмотрела на него. Парень улыбнулся и сделал приглашающий жест. Я пошла за ним. Посадив меня на камень возле хижины, он быстро поменял верёвку на другую, обвязав одним концом себя вокруг пояса, вынес уже набитый заплечный мешок и два одеяла, которые всучил мне, повесил за спину лук и колчан со стрелами, а к широкому поясу прицепил короткий меч и потянул меня за собой.

Шли мы довольно долго, минут тридцать-сорок не меньше, в сторону противоположную от водопада; так далеко я никогда не забиралась, в виду своей привязи. Сначала лес был довольно густой, но потом поредел. Нянь хорошо знал дорогу, так как шёл уверенно и быстро, я еле за ним поспевала. Впереди показались серые высокие скалы, местами поросшие деревьями и кустами. Мой провожатый приостановился и дождался пока я подойду. Взяв меня за руку и смотав верёвку до короткого поводка, он потащил меня в какую-то расщелину между скал. Мы протиснулись между каменными стенами, и вышли на другую сторону.

Сказать, что открывшейся картиной я была поражена, значит, ничего не сказать. Мы стояли на очень широком, практически плоском обрыве, с ковром зелёной травы по всей площади и торчащими местами небольшими валунами. Окружающий вид захватывал дух! Вокруг было только небо и море... Море кольшущейся зелени далеко внизу и во все стороны до самого горизонта. В ушах шумел ветер и на глаза навернулись слёзы. Такой первозданной и бескрайней красоты я не видела никогда.

Подойдя ближе к краю, я осторожно посмотрела вниз. Обрыв был почти вертикальным, он торчал как острый нос, среди лесного моря. Возможно, это было место соединения геологических плит, одна из которых высоко поднялась из-за катаклизмов бушевавших здесь много-много тысяч лет назад, а может, и нет. Я была не слишком сильна в таких вопросах. Но мозг подсказывал, что так оно и есть. А ещё он тихонько, чтобы я не впала в истерику, шептал в сознание: «Карина, дорогая, хорошая моя, не расстраивайся, не плачь, но ты видишь и понимаешь, что домой ты, неизвестно когда попадёшь. Потому что выбраться из этого загадочного места пока не представляется возможным».

Я опустила на траву. Впереди, внизу, насколько хватало глаз, простирался один сплошной лес и только недалеко от линии горизонта с западной стороны, поблёскивала снежными вершинами горная гряда. Ни дорог, ни посёлков, ни линий электропередач, ни труб, ни радиовышек - ничего, только лес и синее, с пушистыми облаками, небо.

Нянь присел рядом и обнял за плечи. Я повернулась к нему и спросила, зная, что не пойму ответа:

- Ты привёл меня сюда, чтобы сделать сюрприз? Порадовать, хоть чем-нибудь? Удивить?

Он смотрел мне прямо в глаза.

- Ну, сюрприз точно получился, только не уверена, что приятный, - я криво усмехнулась, а

по щеке сбежала слезинка.

Взяв в руки моё лицо, мой «заботливый нянюшка», смахнул слезинку и, крепко прижав мою голову к себе, поцеловал в макушку. Вот и помирились! Но сюрпризы на этом не закончились.

Пока я сидела на мягкой травке и обозревала окружающую панораму, мой друг, расстелил одеяла, достал из мешка жареное мясо, несколько кусков запечённой рыбы и не мелких размеров круглую флягу. «Так вот оно, что! Пикничок решил устроить, порадовать пленницу сменой обстановки. Ну и на том спасибо, заботливый ты мой!» - думала я, наблюдая за его действиями.

Через несколько минут мы уже сидели, удобно расположившись у одного из крупных валунов и прихлёбывая крепкий алкогольный напиток, дружно закусывали. А, действительно, настоящий пикник получился с выпивкой и закуской на природе, хотя природы мне последнее время хватало с избытком. Глядя на довольного парня, я думала: «Интересно, а где он это пойло взял? Неужели знает, где Атаман его прячет?» Бандитский начальник пьянство не поощрял, выдавал строго дозированно и редко. Я была свидетелем всего лишь двух совместных попок за два месяца, что я здесь, и пару раз он наливал всем вечером по одной небольшой кружке. «Значит, у моего зрителя есть свой тайник или он потихоньку отливает у «босса». Вот, жучила! А таким тихоней прикидывается! - я улыбнулась своим мыслям. - Я ведь ничего о нём не знаю, даже имени».

Нянь заметив, как я его рассматриваю, улыбнулся во весь рот и протянул фляжку. Я замотала головой, пить больше не хотелось. Накинув одеяло на плечи, я прислонилась спиной к камню и, дожёвывая мясо, смотрела вдаль. Дело близилось к вечеру, удлиннились тени, и небо на западе начало багроветь.

То, что я увидела в закатном небе, сначала показалось пьяным глюком. Я тупо смотрела и чувствовала, что трезвею со скоростью ветра, дующего в голову. К линии горизонта катились два солнца.... Два!.. Два!!.. Два!!! Одно совсем обычное красно-оранжевое, а другое - раза в два меньше, бело-желтого цвета. Мозг-поганец выдал: «Двойная система...» Головоломка, длиной в два с лишним месяца, с громким хлопком сложилась.

Я не знаю, какое у меня было в тот момент выражение лица, но Нянь испугался, и очень. Он пытался заглянуть мне в глаза, трясти за плечи, что-то говорить, но я не реагировала. Только тогда, когда он собой загородил мне обзор, я так сильно оттолкнула его, что он отлетел в сторону как мячик. Если бы парень, в ответ на моё неадекватное поведение, ударил или, выхватив меч, отрубил мне голову, или сбросил с этого обрыва, то я бы даже не пикнула и не сопротивлялась. Наверно, так сработало моё подсознание или наоборот, сознание - в попытке неприятия страшной правды, я хотела умереть.

Но юноша, лёжа на траве, только смотрел ошарашенным, непонимающим взглядом. Очнувшись от шока, Нянь резко вскочил и, дёрнув за верёвку, свалил меня с ног. Пока я валялась, он быстро покидал в мешок остатки нашего ужина, скрутил одеяла и, упаковавшись, рывком вернул в вертикальное положение. Он был злой, очень злой и обиженный, я понимала его чувства, но объяснить ничего не могла, да и не хотела пытаться. Я хотела только одного - проснуться завтра утром в своей квартире, в своей постели и с радостью осознать, что всё это мне приснилось. Это сон - яркий, запоминающийся, интересный и страшный одновременно, но сон, всего лишь сон! И через какое-то время я забуду его и не вспомню больше никогда.

В прострации я брела обратно к хижине. Парень крепко держал мою руку, даже слишком крепко и шёл в сумерках очень быстро, практически волоча меня за собой. Всю обратную дорогу я пыталась вспомнить, что знала об оптических обманах, миражах, солнечных гало, «явлении тысячи солнц» и других подобных атмосферных странностях. Информации было

много, только от избытка эмоций сосредоточиться было сложно.

Вернувшись в нашу избушку, Нянь опять поменял верёвки и свободным концом привязал меня к столбу, подпирающему крышу. Эта верёвка была короткой, и выйти наружу я не могла. Бухнувшись на соломенный тюфяк, я отвернулась к стене. В голове всё бурлило и клокотало. Вскипало жуткое варево из мыслей, чувств, эмоций и открытий этого дня. Стало понятно всё.... Все подозрения, догадки, неизвестности и непонятности встали по местам. Я находилась не просто в другой местности или другом времени. Я вообще была не на Земле! Это другая планета, очень похожая на Землю, настолько похожая, что у меня за время пребывания здесь, не возникло никаких подозрений на этот счёт.

Всё понятно, теперь мне всё понятно... Небесных светил этого мира я толком ни разу не видела, мы сидели в лесу, и подробностей закатов и рассветов за высокими деревьями и их кронами я не замечала, да и в голову не приходило присматриваться. А днём, когда выше крон, проглядывало солнце, я на него и вовсе не смотрела. Правда мне показалось пару раз, что дневное светило как-бы больше и светит ярче, но я приписала это тому, что нахожусь других широтах. А оно вот как получилось! Но нет, это всё неправда, такого просто не может быть! Всё это дурной сон, кошмар, помешательство, но только не реальность! Этого не может быть, потому что не может быть никогда!!!

Я перевернулась на спину и открыла глаза. Уже совсем стемнело. Огонь очага отбрасывал тени на бревенчатые стены, в щелях гудел ветер и звенели ночные насекомые. Я ощупала себя руками. Вот она я, Карина Александровна Матвеева, двадцати семи лет от роду, инспектор отдела кадров, разведена, детей нет, лежу на соломе в грубой рубахе и таких же жутких штанах, в деревянной избушке, приткнувшись одной стороной к скале на неизвестной планете, чёрт знает за сколько тысяч или миллионов световых лет от родного дома. Вокруг ночь, пахнет костром, соломой и ночным лесом. Ничего не изменилось, кроме одного. Коренным образом изменилось моё восприятие и понимание или непонимание того, что произошло со мной. Что ж, осталась ещё одна возможность проверить и удостовериться, что я не сплю и не сошла с ума, и что тихий, успокаивающий голос моего разума или внутреннего я, убеждающий, что это не Земля, говорит правду - это реальность, а не бред травмированного, воспалённого сознания.

Я резко отдернула свой импровизированный полог. Нужно было окончательно убедиться в том, что я увидела на закате. В глубине сознания ещё теплилась надежда, что я ошиблась и что два светила, спускавшиеся за горизонт, это всё-таки оптический обман, мираж или что-то подобное. Хотя разум твердил - глаза меня не обманули. Но я не верила, не верила своим глазам и не хотела верить. Я хотела увидеть ночное небо, если, конечно, там будет на что смотреть. Ведь ночное небо я тоже ни разу не видела, по ночам меня не выпускали.

Мой страж сидел у огня и зашивал мою очередную рубашку, недавно опять порванную Атаманом. Я подошла к парню, показала рукой на него, на себя, на верёвку, а потом на дверь. В ответ он хмыкнул и отрицательно покачал головой. Начала опять накатывать злость. Уже более резко я повторила предыдущие движения и топнула ногой. Нянь только приподнял рассеченную бровь и странной ухмылкой уставился на меня.

- Выведи меня немедленно! - гаркнула я.

Уже обе его брови поползли вверх. Парень явно обалдел от моей грубости и наглости. Но вдруг он широко улыбнулся, что-то сказал и вышел. «За фляжкой для верёвки пошёл», - подумала я. И не ошиблась. Минут через десять, наверно в темноте искал долго, он вернулся, держа знакомую флягу.

Привычно завязав на нас походный поводок и плеснув на «домашний» жидкостью из фляжки, одним движением он отвязал мою ногу. Я рванула к выходу. Только побежала не в сторону лесного клозета, как Нянь, наверно, подумал, а к обрыву. Парень этого не ожидал. Он

схватил верёвку и резко дёрнул на себя. Я рухнула на колени. Парень что-то быстро заговорил, показывая жестами на любимые кустики.

- Нет! Нет, ты не понял, - я завертела головой в стороны, - я не хочу в туалет, мне надо туда, к обрыву, мне надо посмотреть, понимаешь?! - умоляюще глядя снизу вверх на этого высокого симпатичного юношу, я продолжала показывать в противоположную от туалета сторону. От бессилия хлынули слёзы.

Страж мой, как-то глубоко вздохнул и его лицо смягчилось. Он махнул рукой, типа, да ладно не плач, и помог подняться. Он вернулся в избушку, благо длина привязи позволяла, пристегнул к поясу меч, в сапог засунул узкий кинжал, вооружился, так сказать, и, сунув мне в руки свёрнутое одеяло, двинулся в лес. Он или очень хорошо знал дорогу или видел в темноте.

Только сразу показалось, что вокруг непроглядная тьма. Буквально через несколько минут я уже могла видеть, куда ступаю и на несколько шагов вперёд. Мой «нянька» одной рукой держал мою, а верёвку намотал на другую, чтобы не путалась под ногами, и так тащил меня за собой. Так и шли, он впереди, я сзади. Дошли быстро. Я уже чётко видела, что впереди и не спотыкалась на каждом шагу. Мой провожатый оглянулся, и я увидела, как в темноте сверкнули его глаза. Как у хищника! Жуть! Но тут тёмные стволы расступились и, чёрной стеной, перед нами выросла знакомая скала с расщелиной. Протиснувшись сквозь черноту, мы вышли на поляну над обрывом. Впереди зиял страшный своей чернотой, провал пустоты, а сверху сияло оно - небо.

Картину, открывшуюся перед глазами, нельзя было описать никакими словами. У меня перехватило дыхание и, наверно, остановилось сердце. Это было не звёздное небо в моём понимании и представлении, тем более что дома, красивое звёздное небо с дорожкой Млечного пути я видела не один раз, не считая фото в интернете и фильмов по телевизору. Это было не просто красивое звёздное небо! Это была какая-то музыка сфер! Безбрежный, бескрайний космос во всём своём величии, раскинулся передо мной! Хотелось поднять руки, взлететь и умчаться туда, окунуться с головой во всю эту красоту! Никогда, никогда ни в одном сне нельзя было увидеть такое! Если бы земные астрономы узнали о том, что сейчас видела я, то они бы удавились от зависти! Ради этого зрелища стоило родиться и умереть, страдать и мучиться и просто попасть сюда. Теперь мне это было ясно!

Как я и предполагала, никаких знакомых созвездий на этом великолепном небе не было, да и не могло быть. Неизвестно было всё! Самым красивым и большим объектом на звёздном куполе была красно-голубая туманность в виде наклонённой, градусов на сорок пять, размытой восьмёрки. Она висела в восточной части неба, занимая примерно четверть небосклона. Последствия взрыва какой-то звезды, разлетались в пространстве, создавая великую картину жизни и смерти звёзд во Вселенной.

Тем временем Нянь, пока я стояла столбом и приходила в себя от понимания того, что всё... я попала, ... здравствуй новый дом, развёл костерок и стоял рядом, посматривая настороженным взглядом. Он наверно никак не мог взять в толк, зачем я его сюда притащила. Он тут родился, вырос и живёт всю свою жизнь и для него это небо так же привычно, как и для меня, моё родное небо на Земле.

Я всхлипнула. Накатила такая боль и обида от того, что я невесть где, у чертей на рогах, на чужой, незнакомой планете в неизвестной галактике и, возможно, даже в другой Вселенной или в каком-то параллельном мире (я теперь во всё поверю), что слёзы переросли в рыдания. А потом клемануло так, что бухнувшись на колени и держась руками за голову, в которой чёткой точкой запульсировала резкая, острая боль, я начала дико хохотать.

Сколько продолжалась эта истерика, не помню. Помню только, что в один момент, когда я переводила дыхание для следующего захода вселенских страданий, Нянь дал о себе знать.

Дёрнув меня за рубаху, он поднял руку и, показывая на сияющую туманность, очень чётко произнёс:

- Ок-та-эн, - посмотрел на меня и повторил, - Ок-та-эн.

Я кивнула. Тогда он отошёл на несколько шагов, развёл руки в стороны, обернулся вокруг себя на триста шестьдесят градусов и так же чётко сказал:

- О-ка-тан! - и опять уставился на меня.

Окончательно опомнилась я только тогда, когда взволнованное лицо моего «няньки» появилось прямо перед носом. Парень тряс меня за плечи, что-то говорил, заглядывал в глаза. Рыдания не прекращались. Тогда он порывисто обнял меня, прижал к себе и начал что-то ласково и нежно шептать прямо в ухо. От звука его тихого голоса, крепких объятий и горячего дыхания истерический приступ начал отступать. Болевая точка внутри черепа стала меньше и просто стучала маленьким молоточком. Я обняла своего друга и уже всхлипывала, уткнувшись носом ему в шею.

Вот оно как получается! Я одна здесь... одна... совсем одна в этом мире. И кроме этого парня, который заботился обо мне, лечил, помогал всё это время, и которого я так обидела недавно, и этой банды жутких разбойников у меня здесь никого нет. «Белоснежка... и пять разбойников, - посетила мысль. - Смешно... если бы не было так грустно...»

Я была занята своими переживаниями и не заметила, что мы уже не стоим, а сидим у костра под накинутым одеялом. Мой друг, очень хотелось таковым его считать, обнимал меня за плечи, а я прижималась к его теплому боку: «Значит, всё-таки простил, не обижается...» Я смотрела на это фантастическое, сияющее всеми цветами спектра, ночное небо Окатана и понимала, что похоже задержусь здесь надолго, если не навсегда. Вот как распорядилась судьба! Но оставалась надежда, что раз я попала сюда, на неизвестно какой конец неизвестно какой галактики без всякого космического корабля, через какой-то проход, портал, «звездные врата» или червоточину в пространстве, значит, также можно и вернуться, нужно только выяснить как. А для этого нужна информация... обо всём. Нужно постараться узнать максимум об этой планете, её истории, условиях жизни, населении, социальном устройстве, в общем, про всё и обо всём, настолько насколько получится. А значит нужно учить язык, ведь до сих пор я почти ничего не понимаю, так несколько слов и то не уверена в их значении. К горлу опять подкатил ком, но я сжала зубы: «Пусть на это уйдёт вся моя жизнь, пусть я так и не вернусь домой, но теперь у меня есть цель. Цель, ради которой я смогу выжить... выжить здесь, на Окатане!»

Заметив, что я уже немного успокоилась, Нянь пристально посмотрел мне в глаза, вытер пальцами остатки слёз с лица, очень тепло улыбнулся и махнул в сторону леса. Я послушно кивнула. Действительно, пора возвращаться, да и холодно уже. Добрались до хижины мы почти без приключений, не считая того, что пару раз я чуть не навернулась, зацепившись за коряги, но мой ангел хранитель был начеку и оба раза меня поймал. Я упала на свою солому, застеленную большим одеялом, и, не дожидаясь, пока Нянь поменяет прогулочный поводок на домашний, провалилась в сон.

А утром... случилось чудо!

Разбудили меня шорохи и глухие стоны. Слегка отодвинув край занавески, я увидела следующую картину. Возле очага, прямо на земляном полу спиной ко мне, сидел Мелкий, прикладываясь к плоской фляжке. Судя по запаху, то самое крепкое пойло, которое мне уже доводилось пробовать. Сбоку от него на перевёрнутом ведре сидел Нянь и зашивал тому рваную рану на лопатке.

- Чем это тебя? - спросил парень.

- Да, гад этот, торгаш, шипаткой зацепил, - прохрипел раненый и опять прихлебнул из фляги. - Ловко он с ней обращался, я поначалу даже испугался.

- Ты... испугался? Никогда не поверю!

- И правильно, не верь, - и он опять сделал глоток. - Теперь этот «горе-войка» со своей ржавой железкой, на дне, вместе со всем обозом!

И заржал в голос.

- Тише, ты... - шикнул Нянь, кивнув в мою сторону, - спит ещё.

- А-а-а, ещё дрыхнет, «звёздочка» наша, поздновато что-то, - ответил Мелкий и хитро подмигнул. - Что, небось, всю ночь с ней развлекался, да? Смотри, парень... Карелл за неё тебе голову оторвёт.

- И никто не развлекался, ты же знаешь... - огрызнулся юноша. - Достала просто меня уже. Я как персональная нянька или служанка при ней, надоело. Да и сиди ты, не крутись, мешаешь.

Я тихонько лежала, слушая этот разговор и тут... начало доходить. Я ведь понимаю!!! Понимаю каждое сказанное слово!!! Как это возможно!?!.. Ещё вчера я была «ни бум-бум», смутно улавливала только смысл нескольких слов и отрывочных фраз, а сегодня ... всё понимаю дословно. Вот это чудеса! Вот это скорость обучения! Такого просто не может быть!.. Хотя ... Учитывая, что со мной произошло и где я нахожусь, то верить можно во всё что угодно!

Я чуть не вскочила со своего ложа с воплями: «Ребята, я вас понимаю!» Однако, дёрнувшись, судорожно зажала руками рот: «Вот, дура! Курица, тупая! Чуть сама себя не выдала! Лежи тихо, идиотка!» В голове забегали мысли, испуганными тараканами, а сердце затрепетало как у убегающего от лисы зайца. «Да если, не дай бог, кто-нибудь догадается, что я понимаю их речь, то всё... мне каюк, крышка! - Тело покрылось холодным потом. - Пока мои бандюганы уверены в том, что я ничего не понимаю, я в безопасности и ничего мне не грозит, кроме вечерних ласк Атамана... оказывается, его Карелл зовут, но к этому я уже привыкла. Для них я - забава, а для главаря ещё и любимая живая кукла. Пока я молчу, ребята могут спать спокойно, зная, что я никак не могу им навредить». Все эти мысли вихрем пронесли в голове, подсекая в каждую клеточку тела вирус страха.

В этот момент Нянь, как будто что-то почувствовал и резко повернулся в мою сторону. Наши глаза встретились. Мне оставалось, лишь глупо улыбнуться, тем самым показав, что «звёздочка» уже проснулась. А всё же хорошо Мелкий меня назвал, красиво... Главное, как в точку попал, я же реально свалилась на них с неба.

Весь день я подслушивала. Конечно, стараясь при этом вести себя как обычно. Нянь подозрительно косился, видимо прикидывал, каких сюрпризов ещё от меня ждать. Мелкому, о событиях вчерашнего дня и ночи он не обмолвился ни словом, да и разговаривали они мало. Но кое-что всё-таки удалось узнать.

Это действительно была банда разбойников, но не совсем обычная. Грабили они только те обозы и караваны, которые помимо всего остального, везли золото. Именно золото было нужно атаману. Оказывается и здесь, на Окатане, этот металл был таким же редким и ценным, как и на Земле. В трёх ближайших городах у Карелла были осведомители-наводчики, поставлявшие ему информацию о движении золотых потоков. А вот зачем и куда перевозили золото, было непонятно.

В последнем налёте, когда ранили Мелкого, взяли мало, того количества на которое рассчитывали, там не оказалось. Отправив раненого на базу, то есть к нам в лес, Карелл с остальными пошёл в Киф и ждать их нужно дня через три - четыре, не раньше. Оказывается, сидели мы не в такой уж и глуши. Недалеко были и селения, и в нескольких днях пути небольшие города, один из которых и назывался Киф.

Вечером, пока мы с Нянем ходили к водопаду, меня прямо подмывало как-то дать ему

знать, что их разговоры уже не являются для меня тайной. С одной стороны, так хотелось поделиться своими чувствами, эмоциями, мыслями и открытиями, задать кучу вопросов, извиниться перед ним за своё поведение и поблагодарить за всё, что он для меня сделал. Но с другой стороны - делать это было очень страшно, так как теперь мне начало казаться, что парень совсем не так прост, как кажется и, что он может оказаться совсем не таким белым и пушистым, каким я его себе представляю. И вся его забота обо мне, помощь, нежные улыбки и знаки внимания, могут быть продиктованы совсем не искренними чувствами, а чем-то другим. Поэтому я упорно помалкивала, пытаюсь не выдать себя раньше времени.

Остальные вернулись через трое суток, а до этого я продолжала свою гимнастику, а также снова ползала по скалам и рисовала. Но теперь уже рисовала не то, что видела вокруг, а свою прошлую жизнь: автомобили, самолёты, океанские лайнеры, парусные корабли и подводные лодки. Нянь с Мелким только диву давались. Они никак не могли взять в толк, зачем я это делаю и что рисую, хотя парусники узнали сразу. Одно только то, что я вообще умею рисовать, повергало их в состояние глубокого удивления.

- Странная она совсем, - как-то произнёс Мелкий, когда они с Нянем наблюдали за моими художествами. - Может у неё всё-таки с головой не хорошо, ты ведь помнишь, какая она была плохая? Сам ведь говорил, что совсем на «краю стояла».

- Я думаю, что с ней всё в порядке, - ответил парень. - Просто она поняла, что здесь чужая, вот и рисует, чтобы успокоиться.

- А откуда она взялась?

- Да я почём знаю! - усмехнулся Нянь. - Я знаю столько же, сколько и ты: только где, когда и в каком виде мы её нашли. Она же не говорит. Вернее, говорит, но язык-то неизвестный: не похож ни на северный, ни на язык древних или древнейших, и даже на язык ангалинов не похож.

- А ты слышал язык ангалинов?

- Я-то нет, не слышал, но и слышать не хочу. Но мне дед рассказывал, что в их языке очень много шипящих и свистящих звуков, а её речь совсем не такая. А то, что она нас не понимает, а мы её, так это даже хорошо, так спокойнее.

- Да, это верно.... И Карелл как доволен! Такой молчаливой и послушной бабы у него, наверно, никогда не было!

И они дружно захохотали. Я же продолжала усиленно чёркать, ловя каждое их слово. Мои уши уже, наверно, превратились в локаторы огромных размеров, от усиленного подслушивания. Я незаметно их потрогала: да нет, нормальные пока, но если так буду продолжать, точно стану чебурашкой.

Как же всё-таки интересно слушать, когда другие уверены, что ты их не понимаешь! Никогда раньше я не старалась подслушивать чужие разговоры и подглядывать в замочную скважину, всегда считала это чем-то унижительным и не достойным, но теперь всё кардинально изменилось. Я только и делала, что прислушивалась и следила за каждым движением моих лесных сожителей, и при этом не испытывала никаких отрицательных эмоций по этому поводу, а даже наоборот. От любой, даже самой короткой фразы, могла зависеть не только возможность вернуться домой, но и моя жизнь.

Когда же вернулись ещё трое из нашей «весёлой компании», стало ещё интереснее. Но мои уши-локаторы донесли, что надолго они не задержаться. Через несколько дней им нужно будет опять уходить на промысел, так как идёт большой караван с севера, среди основного груза которого, будет несколько мешков самородного золота, которое является платой Северного террхана Восточному, за свою новую молодую жену. Мешки будут в открытой повозке среди мешков с горным стеклом. Охрана обычная, чтобы не привлекать лишнего внимания, но среди

охранников будет несколько сильнейших воинов северного террхана, то есть короля. Всё это я узнала, почти сразу, после того как прибыли атаман, Гоблин и Плешивый.

Было так интересно слушать, как Карелл разрабатывает план действий, что я даже сначала не поняла, что Нянь пытается обратить на себя моё внимание. Я вздрогнула: «Так и засыпаться не долго, развесила уши, про конспирацию совсем забыла, как-бы никто не догадался. Надо повнимательней быть, не слушать так явно, лучше что-то пропустить, чем дать себя в чём-то заподозрить».

А мой зритель хотел сводить меня искупаться. «Ну да, начальник вернулся, надо бабу к ночи подготовить. Вот какой ты исполнительно-заботливый мальчик, прямо личный камердинер», - ехидно подумала я. Пока Нянь перематывал на себя мою привязь и искал по хижине чистую одежду, я доедала предложенный ужин из запечённой рыбы с какими-то кисловатыми плодами, похожими на сливы. И вдруг "атаман" перевёл разговор на меня.

- Дайк, ну как вы тут жили-поживали?

Парень еле заметно вздрогнул и обернулся. "Так вот как тебя зовут, нянюшка моя дорогая! Дайк, значит. Ну, наконец-то, узнала!" Хорошо, что в сторону "няня" никто не смотрел, кроме меня, а то бы точно заметили, как тень промелькнула по его лицу.

- Да нормально жили, спокойно... - ответил он совершенно ровным голосом.

Всё это время Карелл не сводил с меня глаз. Я замерла, не успев проглотить последний кусок рыбы.

- Чем занимались? - протяжно продолжил бандитский "босс".

- Всё как всегда, я один раз на охоту ходил, но не удачно, а она... - он кивнул на меня, - совсем в свои художества ударилась, все камни вокруг изрисовала. И рисует что-то совсем не понятное, я только корабли да колёса и разглядел, а остальное... - И Дайк выразительно пожал плечами.

- Да... я видел, - атаман продолжал меня рассматривать, - а как её раны, как нога?

- Всё хорошо, ногу она сама отлично растянула, почти не хромотает уже. Молодец, сообразила, что и как делать, я не помогал.

- А как с речью?

- Никак.

Карелл продолжал разглядывать меня в упор. Кое-как проглотив застрявший кусок и улыбнувшись своей "фирменной" глупой улыбкой, я вышла вслед за "нянем".

Пока шли купаться, Нянь, он же Дайк, шёл рядом, постоянно пытаюсь заглянуть мне в лицо. Я же отводила глаза или смотрела под ноги. Когда подошли к воде, Дайк, взяв мою руку, потащил меня в обход озерца, прямо к скале, из которой струился водопад. Пройдя по камням, мы подошли очень близко к падающему потоку. Усадив меня на валун, парень опустился на корточки и, положив свои руки на мои, сказал:

- А теперь, когда мы одни, скажи мне, пожалуйста, это очень важно для тебя и для меня... - он сделал паузу, - ты меня понимаешь?

Я зависла: "Догадался!.. Грош цена моей конспирации, не выйдет из меня Маты Хари. Что же делать- то?.. Надо, наверно, признаться ему.. Раз он догадался, значит и остальные скоро меня раскусят, а Карелл тем более. Значит, всё-таки за мной очень пристально наблюдали, а я-то думала, что и внимания никто особо не обращает. Дайк смотрел на меня и успокоительно поглаживал мои руки:

- Я прошу тебя, скажи, не бойся... Я не для того выцарапывал тебя у Хранителя, чтобы потом увидеть как тебя убьют.

Я судорожно сжала его руку и кивнула.

- И как давно?

- После ночи над обрывом, - сдавленным голосом ответила я.

Наступила долгая пауза, я увидела, как Дайк о чём-то усиленно думает.

- Я не понял, повтори.

Я повторила. Он опять не понял.

- Ты... ты, точно меня понимаешь?

Я усиленно закивала. Странно! Понимаю всё, а говорю по-своему.

- Подними руки вверх.

Я подняла.

- А теперь опусти и погладь себя по голове.

Я выполнила. Стало смешно.

Сдёрнув с камня, Дайк порывисто прижал меня к себе.

- Значит получилось! Сработала травка, а я уже не надеялся... - он продолжал меня обнимать. - Пусть и не совсем так, как я ожидал, но всё равно хорошо. Главное, что мы можем теперь общаться, пусть и однобоко, правда?

В ответ я кивнула и улыбнулась.

- А теперь, пошли, быстро окунайся и нужно возвращаться, мы не можем рисковать.

Пока я вытиралась и переодевалась, Дайк постоянно оглядываясь, давал последние указания.

- Веди себя спокойно и старайся себя не выдать, не прислушивайся так явно.хлопай глазами и улыбайся, как и раньше. Я догадался, потому что уже хорошо тебя знаю и ожидал того, что ты должна будешь со временем начать понимать нашу речь, ведь для этого и поил тебя "травой разума". Карелл очень хитрый и подозрительный, с ним веди себя крайне осторожно и не думай, что ты для него что-то значишь, остальные тоже не дураки, лучше держись от всех подальше. Ты понимаешь, что я тебе говорю?

Я опять закивала, как китайский болванчик. Парень продолжил:

- Пока я не знаю дальнейшие планы, но на зиму мы точно здесь не останемся. И как Карелл поступит: возьмёт тебя с собой, спрячет где-нибудь или убьёт, я не знаю.

Я похолодела. Так вот, значит, как! "Весёленькая" перспектива! Но, теперь понятно, что у меня есть союзник. Дайк - это единственная моя надежда, возможно, он что-нибудь придумает.

- А сейчас всё, молчим и делаем вид, что ничего не изменилось. Через два дня все уйдут, и тогда поговорим. Ты поняла меня?

Ответом был мой кивок.

Вернувшись в хижину, я забила в свой уголок и, задвинув занавеску, попыталась расслабиться и хорошенько всё обдумать, пока не появился Карелл. А подумать было о чём!

Уже не один раз и не два, в последнее время, особенно после памятной ночи, когда я поняла, где нахожусь, мои раздумья проходили как бы в форме диалога между мной и моим внутренним я, которое начало принимать какие-то странные формы, в зависимости от темы нашей внутренней беседы. То оно читало мне лекцию в виде лохматого профессора, то механическим голосом робота выдавало сухие факты, то успокаивало обволакивающим шёпотом влюблённого мужчины. Я начала подозревать, что у меня развивается шизофрения с раздвоением личности, как последствие травм, потери крови и сотрясения мозга, а также стресса. Но мой мозг властным, начальствующим тоном сообщил, что на фоне пережитых травм и потрясений, я просто наконец-то научилась слышать и слушать свой внутренний голос, который отныне всегда будет со мной, то есть во мне, где оборудует для себя персональные апартаменты. А вот общаться он будет в такой форме, в какой сам посчитает нужным. Сказал, как отрезал.

В тот момент почему-то пришла мысль, что в доме может поселиться "домовой", а в моих

мозгах поселился... Мозговой и очень похоже, что он, этот самый мозг и будет мне выносить. А ещё через несколько секунд родился какой-то идиотский стих по этому поводу, хотя никакой склонности к поэзии, я за собой никогда не замечала:

В доме с длинною трубой
Поселился домовой.
Он не курит и не пьёт,
Но хозяйство всё ведёт.
А в моей же голове
Черти спели на заре...
Навести порядок свой
Сможет личный "мозговой"!

Когда мой внутренний голос услышал это моё первое стихотворчество, то сказал, что в общем, суть отражена, верно, и ему вполне нравится, но лавры знаменитой поэтессы мне точно не светят. В общем, вот как-то так я и познакомилась со своим внутренним другом.

Поэтому, лёжа в полумраке и закрыв глаза, я как-бы постучалась в воображаемую дверь, откуда мне ответили: "Заходи!" Открыв тяжёлую дверь, я вошла в старинную библиотеку, с массивным столом в центре круглого пространства, высокими стеллажами книг по всей окружности и большим глобусом с орбитами спутников вокруг него: «А неплохо он устроился и библиотека шикарная, сама бы тут жила».

Голос моего разума стоял на лесенке и что-то искал среди древних фолиантов. Он выглядел как типичный профессор: седой, в бордовом бархатном халате и с моноклем в глазу:

- Ну, что надумала? - спросил он, не отвлекаясь от своего занятия.

- Да я вообще-то, у тебя хотела спросить, что делать и что думать.

- Вот, нашёл... - он быстренько спустился и помахал перед моим носом какой-то мятой бумажкой. - Как думаешь, что это?

- Не знаю.

- Это будущая карта материковой части Окатана, я уже начал её составлять. Догадываешься, зачем я её тебе показываю?

- Нужно бежать отсюда, - я вздохнула, - как можно быстрее и как можно дальше.

- Умница! - и профессор послал мне воздушный поцелуй.

- Только, как и куда?

- Я думаю, что скоро мы поймём, а пока очень мало информации, чтобы принять какое-либо решение, но уверен, что Дайк знает, как и куда, он поможет тебе... Спроси ещё что-нибудь.

- Почему я понимаю разговоры, но сама не могу связать и двух слов? Я ведь прекрасно понимала, что говорит Дайк, но отвечала на своём языке и конечно, он меня не понял. Как такое может быть?

Мозговой уселся в мягкое кресло за столом и сцепил пальцы в замок:

- Всё просто и сложно одновременно. Сейчас, а точнее после той ночи над обрывом, когда ты поняла, что это не Земля и убедилась в этом, некоторые части твоего мозга, под воздействием сильнейшего стресса и напряжения, как-бы перенастроились или перепрограммировались, и главную роль в этой перенастройке сыграла та химическая подготовка, которую провёл Дайк, давая тебе отвар той травки, которую ты так не любила пить. Если упростить, то можно сказать, что твой мозг настроился на принятие других частот. Ты ведь знаешь, что реакции мозга имеют электрохимическую природу?

- Да знаю.

- Поэтому, Кари, - он поднял вверх указательный палец, - ты понимаешь всё, что говорят вокруг тебя, но не на уровне языка, языка ты пока не знаешь, а на уровне мозговых вибраций, то

есть, частот той речи, которую ты слышишь.

- Я читаю мысли?

- Не-е-ет! Ты не читаешь мысли! - он быстро замотал головой в стороны. - Ты только улавливаешь частоты языка. Твой мозг, то есть я, обрабатывает их, переводит на твой родной язык и выдаёт в качестве понимания.

- Ну, понятно? - и "профессор" уставился на меня через дурацкий монокль.

- Не-е-е совсем.

- Так, ладно, объясняю для тупых. Звук - это вибрации, то есть колебания, так?

- Так.

- Любое колебание имеет частоту, так?

- Так.

- Разговор или речь - это также колебания воздуха, которое обладает своей частотой, так?

- Ну, допустим.

- Из-за различий произносимых звуков, тембров, произношений, интонаций и т.д. каждый язык имеет свою индивидуальную частоту колебаний, так?

- Так.

- Да хватит такать уже!

- Ты первый начал!

Мозговой нахмурился, но махнув рукой продолжил:

- Поехали дальше. Любое ухо, устроено таким образом, чтобы улавливать эти колебания и соответственно частоты. Я доступно объясняю?

- Вполне.

- Слыша речь, то есть, улавливая частоты колебаний, ухо отправляет эти сигналы в мозг, которые он воспринимает и обрабатывает...

- Всё,... всё хватит, стоп, - я выставила ладонь вперед. - Дошло, я поняла.

- Что ты поняла?

Я собрала мысли в кучу:

- Некоторые частоты моего мозга теперь совпадают с частотами мозга, окружающих меня людей и я, буквально не понимая значения слов, воспринимаю сразу частоту сигнала и перевожу в понятный для себя.

- Правильно!

- То есть, для того что бы говорить самой, а не просто принимать частоты как радиоприёмник, язык придётся учить обычным способом.

- Десять баллов! - засмеялся мой внутренний умник.

- Но подожди... - я на несколько секунд включила паузу, - а не значит ли это... что...- открывшаяся перспектива была потрясающая, - теперь я смогу понимать любой язык, ведь мой мозг напрямую считывает частоты речи, которую слышит и может перенастраиваться?!

- Очень велика вероятность, что так оно и есть. Отлично! Соображаешь, когда хочешь! - он радостно потёр руки. - Ну, хватит на сегодня, всё, проваливай. Сейчас твой ночной дыхательный аппарат заявится, а я не хочу при этом присутствовать. Развлекайся пока.

Внутренний голос взмахнул руками, и я открыла глаза.

«Хорошо поболтали, - я удовлетворённо хмыкнула, - и библиотека красивая». В голове всё разложилось по местам, ответы на возникшие вопросы я получила и то, что придётся вскоре "делать отсюда ноги" уже так не пугало. Первый этап моей жизни здесь, на Окатане, подходит к своему завершению. Нужно идти дальше, узнавать этот мир, учиться жить здесь и самое главное - искать путь домой.

Мысли прервал шорох. «Явился, не запылится,- злобно подумала я. - Сеанс вынюхиваний

объявляется открытым». Кулаки сжались сами собой. Спокойствие, только спокойствие. Как-то сегодня терпеть атамановские штучки совсем не хотелось. По старой привычке, я начала считать и дошла уже до сотни, но ничего не происходило. Карелл просто лежал рядом, не проявляя ни капли активности.

«Может, спит уже? - мелькнула мысль. - Устал, переход был дальний и к бурдюкам вечером все неплохо приложились». Но надежда не оправдалась. Повернувшись на бок, атаман обнял меня и привычно уткнулся носом. Вот и пришло время узнать, что же такое "отари".

Как только он меня не называл меня этой ночью: и красавица моя, и любимая, и девочка моя золотая. Он шептал, что мой запах сводит его с ума, что ни одна женщина в его жизни не доставляла ему столько наслаждения, что я, как глина в его руках, из которой он лепит свою мечту. Прямо-таки Омар Хайям! И без конца, хриплым шёпотом, отари... отари... отари.... Так как это слово я чётко знала, то уловить смысл не составило труда. "Отари" - это звёздочка. Так вот от кого пошло моё прозвище! Подслушивают, значит! Вот банда извращенцев! Так же я поняла, почему ранее, когда "звёздочкой" меня назвал Мелкий, я не догадалась, что значит "отари". Мелкий произнёс другое слово, но с этим же значением, может синоним, а может из другого языка.

Карелл был нежен как никогда, соскучился наверно. От его ласковых слов, которые я уже прекрасно понимала, поглаживаний, сильных рук и жарких объятий, накатила такая волна возбуждения, что когда он, как обычно, всё закончил, я чуть не взвыла. Первый раз за мою сознательную сексуальную жизнь, меня так обломал мужик. Никого и никогда до этого, я так не хотела как его в тот момент. Головой я понимала, что всё хорошо, я веду себя правильно и, возможно, именно пассивность, молчание и страх, с моей стороны, так привлекают атамана. Но как же хотелось в ту минуту, что бы он сделал всё по-нормальному! Я бы не возражала, а потом будь, что будет.

Через пять минут он уже спал, вжавшись носом в мою макушку. Я была в шоке от своих эмоций и медленно приходила в себя. Карелл обнимал меня со спины, а я, слушая его ровное дыхание, вспоминала слова Дайка о том, чтобы не смела даже думать, будто бы могу что-то значить для "атамана". Не хотелось в это верить. Совсем не хотелось... после всего.

Прикрыв глаза, я позвала "мозгового". Ответа не было. Позвала снова и услышала раздражённое: " Я уже сплю, и ты спи, потом поговорим". И раскатистый храп. Вот гад! Он в моей голове ещё и храпит! Хорошо, что этого никто не слышит кроме меня. Вот было бы весело - испускающая звонкие рулады, "звёздочка"! На этом я и заснула.

Первой проснулась почему-то я, обычно было наоборот. Карелл лежал на спине, повернув голову в мою сторону. Первый раз я видела его так близко при нормальном освещении. Занавеска была задёрнута, и что происходило в хижине, я не видела. Привстав на локте, я всмотрелась в его лицо. Обращенная ко мне, целая половина, была расслаблена, длинные волосы, без единого седого волоска, разметались по плечам. Сейчас ему можно было дать лет тридцать пять не больше. Несколько небольших морщинок в уголке глаза, высокий лоб, нос с небольшой горбинкой и немного хищные ноздри. Когда не было видно уродливого шрама, выглядел бандитский начальник гораздо моложе: тёмная щетина, красивое мускулистое тело, сильные руки с рельефной мускулатурой, лежащие под головой. А мужик-то brutальный и даже красивый, на мой взгляд.

"Ну-ка, ну-ка, а это что такое?"- Я присмотрелась. На правом плече виднелся какой-то рисунок, опоясывающий по окружности бицепс. И это была не татуировка. Рисунок выглядел как впечатанный в кожу, след от широкого браслета, похожий на наложенные одна на одну чешуйки. Я подвинулась поближе. Точно, отпечаток. Как будто был одет браслет, потом его сняли, а вдавившийся контур только-только начинает исчезать. Но никаких браслетов я на

Карелле ни разу не видела. Хотя кто его знает, может он носил, но под рубашкой было не заметно.

И тут он открыл глаза. Я дернулась от неожиданности. Полежав несколько секунд, мужчина приподнялся, как-то очень недобро зыркнул на меня и, схватив рубаху, которая валялась в ногах, пулей вылетел из хижины

- Ну что? - раздался голос из головы.- Убедилась, что Дайк прав?

- Убедилась. Надо драпать отсюда как можно скорее, иначе рискую получить "стокгольмский синдром", когда жертва влюбляется в своего палача.

- Убежим, нужно только время, чтобы подготовиться.

Почти весь день я провела на любимой полянке. Очень хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать вообще ничего и таким образом ничем себя не выдать. Всё-таки утром я сильно испугалась, что чем-то не угодила Кареллу. Его злобный взгляд, из-под широких бровей, нет-нет, да и всплывал в памяти. Чтобы отвлечь от тревожных мыслей Мозговой травил похабные анекдоты, а я и не знала, сколько всякой пошлятины хранила, оказывается, моя память.

Банда готовилась к новому походу. Дайк носился по хозяйству, остальные сходили на охоту и принесли штук десять небольших птиц, похожих на куропадок. Атаман же, почти до ужина, провалялся на тюфяке, а когда разделали и запекли несколько тушек, взял половину одной, завернул в чистую тряпку и ушёл в лес. И куда он, интересно, на ночь глядя?

Проснулась я от того, что мне зажали рот. Открыв глаза, я разглядела Дайка, который прижимал палец к губам, показывая молчать. Я кивнула. Он убрал руку и поманил за собой, я быстро натянула свои угги. Возле двери лежала пара чем-то набитых мешков, один из которых мой Нянь всучил мне, а другой положил на моё место и прикрыл одеялком. В хижине раздавался дружный храп, но пересчитав лежащие тела, я поняла, что Карелла нет - его тюфяк был пуст.

Ночь была глухая, до рассвета ещё далеко. Развязав мою привязь, Дайк закинул мешок за плечи и повёл меня за собой. Было холодно, но от быстрой ходьбы я быстро согрелась. Сначала мы шли, а точнее почти бежали, к водопаду, но, не доходя до него, свернули, обходя скалы по дуге. Лес не спал: доносились какие-то шорохи, потрескивания и постукивания, звуки похожие на чавканье, а в густых кронах шумел ветер.

Через несколько минут мы пришли. Только куда? Опустившись на колени, Дайк пошарил руками по земле и резко дёрнув, приоткрыл, замаскированную мхом и опавшими ветками, крышку то ли лаза, то ли люка. Парень оглянулся и в темноте его глаза хищно сверкнули. Меня аж передёрнуло! Поманив за собой, он начал спускаться вниз.

"Туда?! Вниз?! В кромешную темноту?! Да ни за что! Слишком хорошо ещё помнилась чернота и пустота, в которую я падала почти три месяца назад, поэтому и стояла истуканом. Снизу послышался шепот:

- Не бойся, лезь сюда.

Присев на корточки и, нагнувшись, я нащупала лестницу. Эх, знала бы, что ждёт впереди, то точно бы не полезла! "Ну, с богом!" - сказала сама себе и начала спускаться. Внизу зажётся тусклый огонёк. Дайк ждал, держа в руке маленький факел. Спустившись, я осмотрелась. Мы стояли в небольшой пещерке, а впереди, чёрной дырой, зиял узкий проход. Передав мне факел, Дайк быстренько вскарабкался наверх и задвинул крышку. Пришло ощущение, что мы в могиле.

Освещая путь тусклым светом и, согнувшись в три погибели, мы прошли по туннелю, наверно, метров двадцать, сложно сказать точно. Проход был узким, но ровным и спускался вниз под небольшим углом. Мне показалось, что рыли его не вручную, а с использованием каких-то механизмов, уж слишком он был правильным, почти гладким. Дайк остановился, и я уткнулась ему в спину. Мы оказались в маленькой пещере, такой же правильной формы.

- А теперь смотри, слушай и запоминай, - проговорил Нянь, обернувшись. - У нас очень мало времени.

Всунув, еле горящий факел, в щель между камнями и пройдя чуть вперёд, к провалу в стене, он поднял что-то с земли. Это был не очень толстый канат, с навязанными через небольшие промежутки узлами. Дайк потянул за него, и из дыры показалась странная тележка или вагонетка на колёсиках. Подойдя ближе, я заметила рельсы, на которых и стояло это транспортное средство. Сердце ёкнуло и заколотилось. Стало понятно, что будет дальше. Глядя на эту тележку, я никак не могла унять панику и ужас: по форме и размерам вагонетка очень напоминала гроб, только без крышки.

- Это спуск вниз. Я нашёл его в прошлом году, когда искал тайник Карелла. О нём никто не знает. Спустившись, ты окажешься у самого леса под обрывом. Пойдёшь строго на юг. Всё необходимое в мешке, - и он бросил его на дно тележки. - Еда, вода на первое время, в лесу много родников, закончится, найдёшь. Там же твоя одежда, в которой мы тебя вытащили из ямы, только от неё мало что осталось. Ещё я положил моток обычной верёвки, моток каморты, на всякий случай, и к ней фляжку с расслабляющим отваром, пользоваться ты умеешь... - парень грустно усмехнулся. - Только смотри, отвар береги, если потеряешь или разольёшь, то сама понимаешь, "слепую смерть" без него не снять. Ночуй, по возможности, на деревьях, ищи крупные плоские ветви, внизу ночью может быть опасно, а ты, я так понял, ничего здесь не знаешь.

Дайк говорил быстро, иногда сбиваясь на скороговорку, но я всё понимала, а так же понимала, что сейчас придётся спускаться в этом гробу туда, вниз, в черноту и пустоту одной и идти, неизвестно куда, через огромный лес тоже одной. От страха ноги подкосились, а едва зажившая нога, дала знать о себе тупой тянущей болью под коленкой. Я прислонилась к холодному камню. Дайк подошёл близко-близко и, положив руки мне на плечи, судорожно прошептал:

- Я знаю, что тебе страшно... Мне тоже очень страшно... До следующей ночи я могу не дожить, и помочь тебе будет некому. - Он перевёл дыхание. - Но за тебя я боюсь больше чем за себя, ты остаёшься совсем одна. Я не могу пойти с тобой. Солдаты террхана скоро будут здесь. Я не знаю, что случилось, как они нас нашли... Летун, с предупреждением от моего деда, прилетел вовремя. Тебе нельзя здесь оставаться, будет большая драка... Поэтому ты пойдёшь одна, а я должен остаться до конца. Может Карелл сам убьёт меня, а не он, так солдаты...

Я всхлипнула. В горле надулся жёсткий ком, и градом хлынули слёзы.

- Не плачь... Не плачь, пожалуйста, а то я тоже сейчас заплачу.

Он вытер влагу с моих щёк:

- Главное ничего не бойся. В туннеле нет ничего страшного, кроме темноты, пару раз ты попадёшь под поток воды и всё. В тележке есть выемка, вот она, смотри... - он взял факел и осветил вагонетку. - Когда устанешь стравливать верёвку, всунь в неё узел и отдохни. Уклон не большой, но туннель идёт по спирали, поэтому не упусти канат, иначе к концу скорость будет большая, лучше лишний раз остановись. Часа за два ты справишься, ты сильная... ты сможешь...

Тут уже я не выдержала. Бросившись парню на шею, я вцепилась в него, повторяя:

- Дайк, нет!.. Нет!.. Я боюсь! Дайк! Я не хочу туда, мне страшно! Я умру в этой темноте! В этом гробу! Дайк, миленький! Не оставляй меня, пожалуйста, не оставляй...

- Тихо... тихо, моя хорошая... - он гладил меня по спине, крепко прижимая и шепча в ухо. - Кроме своего имени, я не понял ни слова, из того, что ты сказала, но я всё чувствую. Всё будет хорошо, запомни. Всё будет хорошо! Мы ещё встретимся, обязательно! Такую девушку нельзя забыть. Если я буду жив, то обойду все земли, но найду тебя, хотя бы только для того, чтобы убедиться, что с тобой всё в порядке! Слышишь? Всё будет хорошо...

Он, не переставая гладил меня, а я не могла от него оторваться.

- Всё, всё.... Успокойся... - Нянь взял меня за плечи и хитро улыбнулся,- кстати, я правильно понял тогда, тебя зовут Карина?

Я смогла лишь кивнуть, слёзы душили.

- Ну, вот и познакомились! А теперь всё, залазь в эту штуку и так уже много времени потеряли.

Только мысль о том, что избавившись от моего присутствия, Дайк сможет выжить, заставила улечься в это длинный узкий ящик.

- Эта тачка привезёт тебя в большую пещеру, выход ты увидишь, и сразу же беги в лес, чем дальше будешь, тем лучше. У Карелла очень тонкое обоняние, если он выживет и решит искать тебя, то рано или поздно найдёт, твой запах нельзя забыть или перепутать. Вот поэтому, ищи в лесу голубенькие мелкие цветочки, помнишь, я положил тебе букетик?

Я кивнула. Этот букетик я ещё отпихнула, от обиды на своего "няня".

- Срывай соцветия и растирай их на себе, особенно натирай руки, ноги и обувь. Это собьёт со следа даже горного волка, только сильно три. Если будешь правильно выдерживать направление, то дней через пять - шесть выйдешь к реке. Плавать умеешь?

Я закивала и показала кулак с поднятым вверх большим пальцем. Дайк заулыбался:

- Это значит, хорошо умеешь?

Уже на его языке я выдавила:

- Да.

- Отлично! Переберёшься на другой берег и двинешься дальше, вниз по течению. День - два и начнутся обжитые земли. В карман твоих странных штанов я положил немного денег, в ближайшей деревне купишь лошадь и спросишь дорогу на Латрас. Попробуй пристать к обозу или каравану, если встретишь, так безопаснее. Когда доберёшься до Латраса, то найди кузнеца Малахана и скажи ему, ну как сможешь, что тебя прислал Дайкаран эн Тайар. Если мой дед в городе, он скажет, где его искать, а если нет... - парень замялся, - тогда не знаю, что делать... Постарайся задержаться там, придумай что-нибудь, если выкручусь, то я сразу же приду к Малахану. Ну, а если надумаешь податься куда-то, предупреди кузнеца, куда направишься, чтобы я смог быстрее найти тебя... Кари. Можно я буду так тебя называть?

Я сжала его руку.

- Держи верёвку, мне пора.

Дайк взгляделся на прощание в моё лицо, улыбнулся кривой улыбкой, ямочка на щеке появилась и быстро пропала, и... толкнул тележку.

Деревянный гробик покатился в темноту. Вдогонку я услышала:

- Не поднимай голову, пока рукой не проверишь высоту потолка, есть очень низкие места. И ничего не бойся!

Ужас кромешно-тёмного, узкого и душного пространства не передать никакими словами. Я никогда не страдала клаустрофобией, но теперь нам довелось познакомиться: «Карина - это клаустрофобия, клаустрофобия - это Карина». Я ощущала себя лежащей в гробу в глубокой могиле. А ведь, в действительности, так оно и было. Стало понятно, каково бывает шахтёрам, заваленным в шахте, ещё живым подводникам на затонувшей подлодке и тем несчастным, кто проснулся от летаргического сна в собственном гробу.

В какой-то прострации я перебирала узлы на канате, тележка катилась, но стоило замешкаться, как сразу чувствовался уклон и то, как сила тяжести тянет мой ящик на колёсиках вниз. А вокруг полный мрак... и только звуки дыхания и шорохи движений.

Мысли носились по замкнутому кругу: Дайк... Карелл... солдаты... Будет большая драка и возможно они погибнут, и опять... Дайк, Карелл, солдаты... Дайк, Карелл, солдаты... Вот вам и

Дайк, вот вам и добрый милый мальчик! Вычислил меня почти сразу, как только я начала притворяться, что не понимаю разговоры! Вот это парень! Вот это умница! Я же совсем ничего не знаю ни о Дайке, ни о Карелле и остальных, ни о жизни в этом мире - ничего! Просидела в лесу на привязи, не видя ничего, кроме скал и деревьев: сначала раны заживали, потом привыкала к этой лесной жизни, но... А может и хорошо, что так сложилось: было, время понять и принять, то, что случилось, собраться с силами и окрепнуть, а вот теперь выходить, в моём случае выезжать, в колёсном гробике в другую жизнь... Как они там?! Только бы всё с ними было хорошо! И плевать, что бандиты! Пусть бы отбились или удрали, да что угодно! Не хочу, чтобы кто-нибудь погиб, даже ненавистный Плешивый. Я ведь уже всех знала по именам: "гоблина" звали Грас, "мелкого" - Олли, а "плешивого"- Лакран, но чаще Лакр. Это люди, с которыми я прожила почти три месяца, если мои подсчёты верны, и ни кому из них не желала смерти, я к ним привыкла, а к двоим особенно.

Сложно было понять, сколько времени я еду, вернее качусь. Руки уже болели и ощутимо. Я решила остановиться ненадолго и передохнуть. Зажав одной рукой узловатый канат, медленно подняла другую: пальцы упёрлись в камень почти сразу, сесть не получится. Нащупав выемку в бортике за головой и закрепив узел, я остановилась:

«Спокойно, Кари, спокойно... Дайк сказал, что часа два, и я выберусь отсюда. Главное без паники, настоящие приключения только начинаются и нужно быть готовой, хотя бы морально... "Кари" - странно, уже сама себя так называю». В прошлой жизни, на Земле, никто и никогда так не сокращал моё имя. Обращались ко мне, обычно, по полному имени, даже родители и сестра. А тут сначала Мозговой укоротил, потом Дайк, а теперь и сама. Не привычно, но здорово! И почему раньше никто не додумался?

- Потому, что раньше у тебя не было меня, - голос внутри был тихим и ласковым. - Вернее был, но ты меня не могла слышать.

- Ну, здравствуйте! Объявился наконец-то! А то мне показалось, что я совсем одна осталась.

- Я не могу тебя оставить, ведь я - это ты, а ты - это я. Просто нормально мы можем общаться только тогда, когда ты расслаблена и более-менее спокойна. А в другое время, когда внутри тебя бушуют эмоции или ты чем-то занята и сосредоточена или с кем-то разговариваешь, я не всегда могу достучаться. Вот так как-то.

- Я очень рада, что ты со мной Мозг, правда, очень-очень...

- Я тоже... - он ненадолго замолчал. - Помнишь аквапарк и горки?

Вопрос был неожиданным.

- Ну, помню, а что?

- Представь, что ты в аквапарке и движешься по пластиковой трубе, только медленно и в темноте.

- Не смейся "мозговой"! Какая же это труба? Это туннель в преисподнюю! - я заулыбалась.

- Ну вот, ты уже смеёшься, это хорошо.

- Смеюсь, ага, а что ещё остаётся?

- Значит, поехали дальше, хватит отлёживаться. Чем быстрее отсюда выскочим, тем лучше.

- Поехали!.. Слышишь Мозг? Да я просто как Гагарин, - я опять засмеялась, - только он вверх, а я вниз.

Вот так, перебирая руками, я потихоньку спускалась.

- Эй, там, на шхуне, сколько мы уже едем? Как думаешь?

- Минут сорок-пятьдесят, не меньше.

- Почти полпути позади, уже легче.

Вскоре послышался шум воды. Сначала звук доносился сверху, потом сбоку. А когда меня

окатил холодный поток, то от шока я чуть не выпустила верёвку. Из-за заминки тележка моментально наполнилась водой. Отплёвываясь, я завопила:

- Подлодка тонет, но не сдаётся!

Быстро стравив несколько метров, я остановилась. Подземный водопад остался позади. Проверив высоту потолка, я села, упёршись головой в камень. Возмущение идиотизмом ситуации, било через край:

- Мало того, что в темноте, в гробу, под землёй, так ещё и в ледяной воде! Если я здесь утону, то этот гробик окажется очень кстати! Впереди должна быть ещё одна такая же река Аида, и въеду я в неё на своих колёсах!

- Воду вычерпывай, - отозвался мой внутренний капитан.

С сопением, кряхтением и при помощи могучего, русского и нецензурного, я кое-как перевернулась и, встав на колени, принялась за спасение утопающих. Махая руками, я без конца билась головой о потолок, ругаясь при этом как сапожник. Вычерпывать воду только руками и так сложно, а в полной темноте и наощупь, что-то совсем запредельное. Помогали бортики моего колёсного судна. По ним я проверяла высоту воды внутри этого "корыта". Но, по правде говоря, вагонетка была сделана на совесть, никаких щелей или дыр в ней не было. Когда вода осталась только на дне, я уже была на пределе.

- Всё, хватит, больше не могу. Мокро, но не смертельно, можно двигать дальше. Мешок промок, конечно... - я ощупала тяжёлый куль, который валялся в ногах, - ладно, выберемся, высушу как-нибудь. Хорошо хоть не смыло таким потоком.

Приняв исходное положение, я нащупала свой страховочный канат и покатила дальше. Так страшно уже не было. То ли ледяной душ помог, то ли бурная деятельность, от которой ныло, прежде порванное плечо и зудели ободранные о канат ладони, то ли голос "мозгового", который дал почувствовать, что я не одна в этом мраке - не знаю. Но я спокойно и методично перебирала узлы на верёвке, тележка катилась, я спускалась. «Скоро опять должен быть водопад, - думала я. - Важно не разжать руки».

Но, несмотря на то, что один раз подземную реку я уже преодолела, вода всё-таки обманула. Заранее не было слышно никаких шумов - я просто врезалась в водную стену. Мощная струя ударила прямо по рукам и... канат я выпустила. А дальнейшее напомнило аттракцион "американские горки". Тележка набирала скорость, несмотря на то, что была наполнена водой почти доверху. Хорошо, что вокруг было темно, я ничего не видела, а только ощущала, что несусь с бешеной скоростью. Наверно, именно вода в этом гробике меня и спасла. Я почувствовала резкий поворот, колёса противно закрипели, потом движение немного замедлилось и, резко ударившись в какое-то препятствие, вагонетка стала дыбом, а я, как пробка, полетела вперёд.

Однако падение оказалось удачным. Я лежала на своём мешке, который сыграл роль амортизатора. Ощупав окружающее пространство, стало ясно, что в точку назначения этот загадочный лифт, меня все-таки доставил. Сначала ничего не было видно, но через несколько минут, зрение адаптировалось, и меня окружала уже не полная тьма, а полумрак. Это хорошо, глазам легче привыкнуть. Перевернувшись на бок, я прислушалась к ощущениям тела: ничего сильно не болит, руки-ноги работают, голова вертится. Всё в порядке.

Я находилась в пещере, как Дайк мне и говорил. Буквально на высоте нескольких метров, виднелось небольшое отверстие, из которого лился тусклый свет. Для того чтобы до него добраться больших усилий не требовалось. Как по заказу, прямо к дыре вела большая куча валунов разных размеров. «Так, выход есть!» - обрадовалась я. Отжав мешок с припасами от воды, уж как получилось, я вернулась к вагонетке. Она лежала на боку, но вроде была целёхонька. «А гробик-то был для меня длинноват, - удивилась я. - Полтора моих роста, не

меньше и выемки для веревки с двух сторон».

- Так! Стоп! - вслух скомандовала я себе. Вспомнилось, как Дайк провожал меня в эту чёрную шахту: он подтянул тележку, которая была скрыта в глубине каменного коридора. Значит, если я поставлю её на рельсы и зафиксирую канат, то он вполне сможет подтянуть её наверх, пусть это и займёт какое-то время. Кто знает, что и как случится, а вдруг это хоть как-то поможет моему "няню".

Приняв решение, я выгребла оставшуюся в тележке воду и попробовала вернуть её на место. Работа заняла несколько минут. Вагонетка оказалась не слишком тяжёлой, несмотря на массивный вид. В три приёма я поставила её на рельсы и вложила канат в выемки бортиков, стали они чётко. "Продумано, однако, - почесала я нос, - если вдруг из одного паза узел выскочит, остаётся второй.

Проверив ещё раз, как всё закреплено, я немного успокоилась:

- Я сделала всё, что смогла, Дайкаран эн Тайар. Надеюсь, это поможет тебе в трудную минуту. Ты только выживи, пожалуйста... Только выживи...

Закинув за плечи мокрый и тяжёлый мешок, я начала карабкаться к выходу.

ЧАСТЬ 2. ДОРОГА

Светало... Прохлада раннего утра приятно бодрила, когда я опрометью мчалась под защиту деревьев. Добежав до кромки леса, я обернулась и, запрокинув голову, глянула наверх. Гигантская стена из камня поднималась ввысь, внешне напоминая американские каньоны или норвежские фьорды. Кинув прощальный взгляд на линию обрыва и, размазывая слёзы, я скрылась в тени деревьев.

Бежать было тяжело. Мешок добавлял нагрузки и, вскоре я поняла, что всё, больше не могу. Перейдя на шаг, удалось немного выровнять дыхание. Лес был не густой, почти без подлеска. Изредка попадались заросли кустов, которые приходилось обходить, но идти было не сложно. Поглядывая на небо, я сверялась с направлением и шла почти точно на юг. «Но это сейчас солнце, вернее солнца, сияют в почти безоблачном небе, - размышляла я про себя, - а что я буду делать, если станет пасмурно, как тогда ориентироваться?»

- Что-нибудь придумаем, - отозвался Мозговой.

- Ты у нас умный, тебе виднее...

К тому моменту, когда оба светила были уже в зените, я еле переставляла ноги: ныло плечо от тяжести мешка, дрожали руки, а спина готова была сломаться.

- Надо сделать привал, слышишь Мозг? Ещё проверить мешок и, пока жарко и ветрено, попробовать просушить.

- Давай, только ненадолго. Нужно уйти как можно дальше.

По ходу движения, я увидела небольшую полянку и похромала к ней. Усевшись под толстым раскидистым деревом, я принялась за инвентаризацию, да и поесть не мешало. Одежда полностью промокла. Как смогла я его выкрутила и развесила на самом солнцепёке. Моя одежда, та самая, в которой в день аварии я вышла из дома, пришла в полную негодность: джинсы разорваны почти полностью, особенно левая штанина, молния вырвана и болтается на нескольких нитках, байка с ветровкой в таком же виде, а нижнее бельё похоже на маленькие рваные тряпочки. В общем, только выбросить.

Я погладила свои джинсы. Как их любила... Год назад удачно попала на распродажу и купила сразу, как только примерила: «А теперь, что делать? Оставить здесь, чтобы не тащить лишний груз? Жалко! Это всё, что осталось от прошлой жизни, но и надеть уже не наденешь». Я продолжала перебирать вещи: «Стоп, там же деньги! Дайк говорил». Монеты оказались в

маленьком мешочке в заднем кармане джинсов: шесть штук крупных, возможно золотых, с изображением то ли ящерицы, то ли крокодила с длинным хвостом с одной стороны и какого-то значка, может буквы, может цифры с другой. Остальные пятнадцать, похоже, были мелочью: небольшие кругляшки тёмно-рыжего цвета с дырочкой в центре и расходящимися от неё лучиками, количество которых на некоторых монетах было разным. "Интересно, сколько это? - подумалось мне. - Пока в местной финансовой системе я не разбираюсь".

Распотрошив мешок, я окинула взглядом своё богатство: одеяло, рваная одежда, ремень с овальной пряжкой, запасные рубашка и штаны, большая фляга с водой и маленькая с отваром для каморты. Много вяленого мяса, которое не промокло, так как было упаковано в отдельный большой мешок, как бы прорезиненный изнутри и влага внутрь не проникла. Там же камень для разжигания костра, я видела, как Дайк им пользовался и мои тампоны из водорослей; два мотка верёвки, кинжал с кожаной рукоятью в ножнах из кожи какой-то рептилии и ещё небольшой свёрток, перевязанный бечёвкой.

Когда я его развернула, то от потока слёз несколько минут почти ничего не видела. Это была раковина! Та самая радужная раковина, из-за которой я разбила лоб и узнала тайну моего друга! Зажав рот и нос руками, я изо всех сил старалась не впасть в истерику: "Дайк!.. Миленький!.. Как ты там?! Живой ли?! - я сидела, размазывая слёзы. - Живой... Ты должен быть живой! Ты выберешься и с тобой ничего не случится! Мы обязательно встретимся, обязательно!" Я бережно завернула ракушку. Отдохнуть и есть расхотелось. Надо идти дальше и дойти до Латраса, как-бы трудно не было, а дальше... уже по ситуации. Я сложила свои пожитки, выпила воды и, зажав в кулаке кусок мяса, пошла дальше.

Топала я до самого заката и только когда начало смеркаться, решила устроиться на ночлег. Думала разжечь костёр, но побоялась, что ушла недостаточно далеко и лучше не рисковать. Какие деревья годятся для ночлега, я уже знала. Среди разнообразной древесной растительности попадались весьма интересные экземпляры: не слишком высокие, но толстые и раскидистые деревья с широкими и плоскими у основания ветками. Это плоское и слегка вогнутое основание делилось на две-три, а иногда и четыре ветви. Выбрав подходящее дерево, я перекинула через самую низкую двойную ветвь верёвку, закинула наверх мешок и попробовала забраться. Ничего не получилось. Конечно, в детстве, я лазила по деревьям, то за соседскими яблоками на даче, то в лесу за орехами, но не более. Поэтому я обвязала верёвку вокруг себя и повторила попытку.

С пытением, сопением, ругательствами и проклятиями в адрес содранных ладоней и дерева, чтоб его короеды съели, а также чертей, демонов и всякой другой нечисти, которая занесла меня на эту планету, я всё-таки залезла. Когда отдышалась, то уже без помощи страховки, поднялась на другую ветку повыше и решила обосноваться на ночь здесь. «Надеюсь, дождя не будет, - пробурчала я про себя, раскладывая на соседних ветках своё сырое добро. - Как-то же надо всё это высушить». Закончив, я поняла, что спать придется, так как есть: ни укрыться, ни постелить было нечего, всё ещё мокрое. Ладно, как-нибудь обойдёмся, только бы ночь была не холодной.

Ложе оказалось вполне комфортным, твёрдым, конечно, но безопасным. Я не боялась, что заснув, свалюсь вниз. С одной стороны массивный ствол, а с другой - широкое углубление, в том месте, где ветка выходила из ствола. Я лежала как в люльке, только ноги немного свешивались. Пока я крутилась, пытаюсь найти удобную позу, совсем стемнело, и только закрыла глаза с мыслью, что сейчас позову "мозгового", как открыла их уже на рассвете. Занималась заря, двух солнышек за листвой было не видно, вокруг стелился лёгкий туман и где-то в кронах тренькали лесные пташки. Стуча зубами от утренней прохлады, я полезла проверять свои пожитки. Сырые, конечно же, но уже лучше. Медленно и осторожно я спустилась вниз.

- Доброе утро, - послышался голос внутри. - Ты хорошо спала и хорошо отдохнула.

- Доброе... - буркнула я в ответ, - только очень холодное.

- Ничего, ты уже закалённая, не замёрзнешь, - захихикало в голове.

- Хорошо тебе говорить. Ты сидишь у меня внутри, в своей библиотеке, в тепле и с удобствами; я тебя согреваю, даю свою энергию и вообще... это я тут зубами стучу.

Повисла какая-то напряжённая пауза. На секунду показалось, что Мозговой то ли смутился, то ли обиделся, то ли я его в чём-то подловила. Я ощущала его стыд и какое-то сожаление по поводу чего-то, но непонятно чего.

- Эй, Мозг? Ты, что обиделся, что ли? Ну, прости, я не хотела. Просто ещё толком не проснулась... Эй, только не дуйся... ну пожалуйста...

- Это ты меня прости, - тихий, вкрадчивый голос в ответ. - Я, наверно, бываю слишком резок с тобой, - он как будто вздохнул, - но это потому, что я люблю тебя, ведь ты - это я, а я - это ты.

- Я тоже тебя люблю, мой хороший. Без тебя я бы совсем пропала. Всё верно, я - это ты...

Он продолжил:

- А ты - это я.

Шла я целый день, практически не останавливаясь: изредка прихлёбывая воду из фляги и жуя на ходу. Ремень я втянула в другие штаны и одела их полусырые на себя, как и другую рубаху, так всё быстрее просохнет. Кинжал пристегнула к поясу, за маленькое колечко на ремне, а флягу перекинула через плечо, благо она была с длинным ремешком. Проверив направление, я бодро топала, перелезая через поваленные стволы и обходя овраги.

На одной из полянок обнаружили те самые цветочки, отбивающие запах, про которые говорил Дайк. Надёргав изрядную жменю голубеньких головок, я растёрла их в ладонях и намазала белёсым соком всё, что можно: руки, ноги, одежду, обувь, то есть "угги", мешок и даже волосы. Запах был очень странный, но не могу сказать, что неприятный, просто слишком резкий. Насобирав ещё цветочков, про запас, я двинулась дальше.

У этих цветиков, оказалось ещё одно полезное и замечательное свойство - запах отгонял насекомых. За предыдущий вечер, меня изрядно кусали местные кровопийцы. Они не звенели как комары, а делали своё дело молча и быстро. После того как я вымазалась соком, то и укусы перестали зудеть и вроде больше никто меня не кусал. В таком долгом переходе прошёл ещё один день. На следующей ночёвке, я уже постелила в углубление между стволом и веткой просохшую одежду и закуталась в одеяло, а под голову положила мешок. Совсем другое дело! Никогда бы не подумала, что придётся спать на деревьях.

- Поболтаем? - раздался бодренький голосок.

- С удовольствием! А о чём?

- Да о чём угодно! Хочешь, расскажу про Окатан, ну про то, что удалось узнать, понять и сопоставить.

- Ещё спрашиваешь!

- Ну, слушай, - прикрыв глаза, я увидела как мой профессор, сидя за столом в библиотеке, радостно потёр руки. - Окатан вращается вокруг двойной звезды: жёлтой, класса G, как и Солнце и белого карлика. Расстояние до своих светил у этой планеты немного больше чем у Земли, поэтому год здесь длится дольше. Пока не могу сказать точно, но где-то месяцев пятнадцать-шестнадцать. Сутки - двадцать четыре часа, как на Земле.

- Но мне казалось, что день длится дольше.

- Нет. Световой день не длится дольше. Просто благодаря двойному светилу рассветы и закаты как бы растягиваются: пока первое солнышко выйдет из-за горизонта, пока - другое и наоборот. Вот и создаётся такое впечатление. По поводу спутников, типа Луны, пока неизвестно, но скорее всего их нет. Окатан очень похож на Землю, а в чём-то почти идентичен.

Я сам не понимаю, как могут быть такие совпадения, но они есть. А именно: кислородный состав атмосферы, сила тяжести, мягкий ровный климат без резких перепадов температур, по крайней мере, в этих широтах, растительность, животный мир и наконец, люди, - Мозговой выдержал долгую паузу... - Почти такие же, как и ты.

- Почти? Но я не заметила никаких отличий. Женщин я, конечно, ещё не видела, но мужчины, один в один, земляне.

- Не совсем.

Я удивлённо приподняла брови:

- Это как так?

- На самом деле ты всё заметила, всё увидела и услышала всё, что только было можно. Девочка моя, ты постоянно забываешь, что я - это ты и то, что я говорю тебе сейчас - это твои выводы и твои заключения. Просто в такой форме тебе легче воспринимать окружающую действительность и не сойти с ума.

- Хорошо, хорошо... - я отмахнулась. - Что же такое я заметила? В чём разница?

- А вот в чём и это только начало: Дайк видит в темноте, как кошка; Карелл может идти по следу не хуже ищейки, а у Граса - этого здорового "гоблина", очень тонкий слух. Именно он услышал стон из ямы, когда ты там истекала кровью.

Я вытаращила глаза.

- И кстати, - мой собеседник ехидно оскалился, - это же Грас подслушивал, что тебе шептал по ночам Карелл и докладывал остальным.

- Ах вот оно что! Вот тебе и молчун! А я-то думала он меня, вообще, в упор не видит! - Я расхохоталась. - Кто бы мог подумать! Ещё и сплетник!

Немного поостыв, я спросила:

- Значит он тоже меня спас, да?

- Да.

- Ну и ему спасибо! - Я вздохнула.- Теперь добрым словом буду не только Дайка вспоминать. Но поехали дальше, чем ещё я отличаюсь от жителей Окатана.

- Зубами, - последовал ответ.

- А поконкретнее?

- Ты обратила внимание, какие у них у всех красивые, ровные, белые зубы?

- Верно, красивые...

Тут я надолго задумалась. На зубы я действительно обращала внимание. И казалось очень странным, что при таком количестве шрамов и увечий на телах лесных разбойников и их роде занятий, зубов должно быть меньше и выглядеть они должны не так "по-голливудски".

- Согласна с тобой...- протянула я, - что ещё?

- Ещё "родовая метка".

- А это, что такое?

- Помнишь, у Карелла на плече как-бы след от браслета?

- Так это не отпечаток?

- Нет.

Тут я совсем затормозила:

- Так что же это?!

- Это и есть "родовая метка". У атамана на плече, у Дайка чуть выше левого локтя, а у Граса вокруг шеи, у самого основания. У мелкого Олли вокруг правого голеностопа, а у лысого Лакрана, тоже где-то на ноге, потому что ни на руках, ни на шее не было.

- А может у "плешивого" тоже не было? Ты же, вернее я, то есть мы - так будет правильной сказать - толком не видели?

- Хочешь знать, почему я пришёл к такому выводу?

- Хочу!

- Лакр как-то говорил атаману, когда ты сидела у камней и рисовала, почти не слушая их, что ты навлечёшь на них беду, что ты шпионка ангалинов и искусно притворяешься, что бы узнать, где золото. Когда Карелл спросил, почему он так решил, Плешивый ответил, что раз у тебя нет родовой метки, значит ты "превращённая", а не обычная женщина. И на самом деле ты - ящерица, а не человек, так как не бывает, что бы на человеке не было метки. А древние легенды говорят, что только ангалины знают тайну превращения. Так же твой странный запах, который так понравился атаману, очень подозрителен. Карелл сначала рассмеялся и сказал, что это всё сказки и полный бред, а также что "превращения" чушь, в которую могут верить только идиоты, но потом он задумался. Этих доводов достаточно?

Я молчала.

- Из этого понятно, что и у Лакрана есть "родовая метка"?

- Понятно... Спасибо, что рассказал... Я почему-то совсем этот разговор упустила, хотя и слышала. - Разговаривать дальше уже не хотелось. - Давай закончим на сегодня, хорошо? Что-то я устала... Много новой и странной информации.

- Конечно, дорогая, отдыхай, - и щелчком пальцев выключил в библиотеке свет.

Открыла глаза я уже глубокой ночью. Сквозь листву поблёскивало сверкающее ночное небо. Я приподнялась, достала флягу и сделала несколько глотков: воды оставалось совсем мало. «Надо будет родник поискать, Дайк говорил их тут много». - Я заткнула пробку и легла. Мысли вернулись к рассказу "мозгового".

"Вот же Лакр гад, а? Правильно я его "плешивым" окрестила, сразу мне не понравился: жуткий скользкий тип. Если бы не Дайк с атаманом, то он бы меня покалеченную сначала изнасиловал, а потом прирезал без всяких сожалений. Вот почему мой Нянь так беспокоился и вот почему в то утро, когда я проснулась первой, Карелл, заметив, что я рассматриваю его "метку" так злобно глянул, что я до вечера не могла успокоиться и не могла понять, чем могла его разозлить. А причина-то вот в чём: этот лысый насочинял про меня каких-то баек и ввёл главарию в уши. Скотина! Сволочь! Какие ангалины?! Какие превращения?! Я и про золото только перед побегом узнала. Хотя про ангалинов Дайк упоминал, интересно, кто они такие? Я - ящерица! Полный бред! Да... вовремя, вовремя я смылась... Стало смешно. Действительно смылась! Я вспомнила спуск как по трубе и потоки воды. Точно, смыло как в канализацию! Я захихикала.

- А кто-то отдыхать собирался? - сказал укоризненный голос.

- Всё, всё, всё. Уже сплю.

Весь следующий день прошёл в длительном переходе. С самого утра я нашла ягоды, которые часто собирал Дайк. Вот радости было! Я объела почти весь куст и взяла немного с собой, завернув в большие листья. Вяленое мясо, конечно, хорошо, но запас не бесконечен и мешок уже стал значительно легче, хоть я и старалась экономить.

Вода нашлась к полудню, для этого даже не пришлось ничего специально делать. Просто обходя большие заросли, я спустилась в овражек и чуть не наступила в маленький ручеёк. Наполнив флягу и натерев всё, что можно соком голубеньких цветочков, которых в овраге было очень много, я продолжила путь на юг. А ещё через сутки, вышла к реке.

С моей стороны берега были довольно обрывистые, а вот с противоположной более пологие, но поросшие густой и высокой растительностью. «Ладно, пойду вниз по течению, поищу где-бы удобнее переплыть, может, найдётся место поуже», - решила я. Но, не пройдя и нескольких шагов, послышался шорох, потом какие-то звуки, как всхлипывания, а потом... Детский голос сказал:

- Та-ма!

Я резко обернулась. Среди высокой травы стоял ребёнок, годика два, не больше. Пухлые ручки и ножки, чумазое личико с грязными разводами, тёмные, почти чёрные волосики, торчащие в разные стороны с висящими травинками и другим мусором и огромные пуговицы влажных карих глазюк.

- Та-ма! - малыш повторил и протянул ко мне ручонки.

Упав на колени, я схватила ребёнка в охапку:

- Маленький... Как же ты тут оказался?! Где твои родители? - приговаривала я, прижимая его к себе и поглаживая по спинке. - Ах, ты ж мой хороший! - я, не переставая тискала его, а малыш, вцепившись мне в волосы малюсенькими пальчиками, захлюпал носом и заревел.

- Тихо, тихо, маленький, тихо... успокойся, не плачь. Я с тобой, ты не один, я рядом, ничего плохого не случится... - пыталась я его успокоить, да и себя тоже. Не переставая гладить, я встала и начала оглядываться, держа ребёнка на руках: "Что же делать? Где, кого искать? Не может быть, что бы ребёнок был здесь один!"

- Эй, э-э-эй, люди! - завопила я. - Кто-нибудь?! Э-э-эй! Кто дитё потерял?! Кто-нибудь! - я кричала, пока не охрипла. Но ответа не получила. Река тихонько текла, ветер шелестел листвой - вокруг слышались только обычные звуки леса. Пока я кричала, малышок затих, но держался за меня ещё крепче.

- Что же мне с тобой делать? - Я присела на траву, держать ребёнка было тяжеловато. Малыш был красивый, хоть и грязный, только не понятно мальчик или девочка. Приподняв его замурзанное личико, я улыбнулась и спросила:

- Ты кто? И как тебя зовут? - естественно, что на ответ я не рассчитывала. Просто продолжала разговаривать и улыбаться. - Вот меня, - я ткнула пальцем в себя, - зовут Карина. А как тебя зовут, маленький?

Ребёнок рассматривал меня, не разжимая рученок и через несколько секунд выдал:

- Та-ма! - и при этом так солнечно улыбнулся, показав маленькие зубки, что от умиления навернулись слёзы.

- Ну, та-ма, так та-ма! - опять притянув его к себе, я соображала, как поступить.

«Такой маленький ребёнок не мог уйти далеко, значит, где-то рядом есть селение, хотя Дайк говорил, что хорошо обжитые земли начнутся ещё через пару дней пути от реки и по другую сторону. Но кто знает, - я почесала нос, - как я шла и правильно ли держала направление. Может я сократила путь или отклонилась в сторону, но в любом случае факт остаётся фактом: на руках ребёнок и нужно искать людей или вместе с ним идти дальше».

Пока я так размышляла, малыш пригрелся и заснул, но пальчики продолжали крепко держаться за мою рубашку. Я вгляделась внимательней и слегка ощупала ребёнка: он не был тощим, но и пухленьким его никак нельзя было назвать, если и потерялся, то не очень давно. Рубашечка из плотной, но мягкой ткани грязно-серого цвета с длинными рукавами и тёмно-коричневые штанишки, порванные в нескольких местах, сквозь дыры в которых просвечивала нежная смугловатая кожа. На одной ножке был обут коротенький сапожок или ботиночек с завязками, а другая босая. Не считая нескольких царапин и укусов насекомых, других видимых повреждений не было. В темных всклокоченных волосах, от которых пахло тиной, застряло несколько слизких водорослей. «Ребёнок был в воде! - уверилась я. - И как только не утонул! В рубашке родился, наверно».

Теперь стало понятно, что делать дальше: нужно переправляться на другой берег - малыш оттуда. Тихонько сопя, найдёныш, спал на моих руках и, глядя на такое милое личико, совсем не хотелось его будить. Громко причмокнув, малыш засунул пальчик в рот. "Голодный совсем, - посетовала я на свою глупость. - Разговоры разговаривала, а покормить не догадалась, вот

тупица. Хотя чем? Вяленным мясом?"

Хотя чему удивляться-то, своих детей у меня не было, да и не будет уже. И благодарить за это надо свою "неземную любовь", дурость, наивность и бывшего мужа. Который категорически не хотел детей, "пока не встанем на ноги", как любил он повторять. Но как оказалось, мой супруг, только мне так говорил. А я, дурочка влюблённая, повелась на уговоры, верила всему, заглядывала в рот, ловя каждое слово и получила...

Тяжелейшее осложнение, после прерывания беременности и приговор врачей. Оставалось только кусать локти и выть по ночам, глядя на своих племянников, таких классных мальчишек моей сестры. Всё! Не хочу об этом вспоминать! Сама во всём виновата, и ничего уже не попишешь. Я вытерла рукавом слёзы.

Мальш зашевелился. Распахнув глазки с длинными пушистыми ресницами, он опять улыбнулся и произнёс своё любимое, как я уже поняла, слово:

- Та-ма!

Я засмеялась:

- Ох, та-ма, ты моя чумазая! - И завалившись на спину, опять начала его тискать.

Кормёжка, на удивление, никаких проблем не доставила. Когда я распотрошила свои запасы и предложила найдёнышу кусок вяленого мяса, то и опомниться не успела, как он сточил его за несколько минут.

- Ну, ты, грызун! - восхитилась я и предложила второй. И этот кусок постигла та же участь. - Всё, хватит пока, - покачала я головой, когда это чудо из семейства грызунов, протянуло ручку за следующим. - После голодовки сразу много есть нельзя. Могу на десерт предложить тебе вот это. - И протянула жменю, собранных утром ягод. Десерт был проглочен ещё быстрее. Напоив ребёнка водой, я запаковала мешок, попутно дожёвывая свою долю.

Мальшок сначала сидел и наблюдал за мной, а потом, махнув ладошкой на ближайшие кусты, опять сказал:

- Та-ма!

- Что, тама?

- Та-ма.

Похоже, он понял, что я его совсем не понимаю и поэтому совсем не по-детски вздохнул, поднялся и потопал, раскачиваясь в кусты. Ничего не оставалось, как последовать за ним. Это чумазное чудо сидело в кустах на корточках, спустив штанишки, и делало свои дела, ну понятно какие. Мне было прекрасно видно, что это мальчик. Закончив, он поднялся и, пытаясь держать падающие штанишки, поковылял ко мне. Понятно в чём была проблема - в завязках. Узел "бантиком" исправил положение. Я погладила его по голове:

- Ты не просто ребёнок, мальш, ты - вундеркинд! - Хотя может все дети здесь такие, самостоятельные. Поживем, увидим...

Место для переправы на другой берег нашлось быстро. Я не прошла и часа с мальчонкой на руках, как увидела относительно пологий спуск к воде, а на противоположном берегу песчаный пляжик, чуть ниже по течению. Отлично! Если немного и снесёт течением, то, как раз прямо туда, а там лесок с любимыми деревьями для ночёвки, можно будет костёр разжечь, обсушиться и заночевать. Осталось только сообразить, как организовать заплыв. Если бы я была одна, то ни минуты бы не тормозила, потому что плавала как рыба. Но теперь, есть «прицеп», за который я отвечаю.

Когда я начала спускаться, мальш отцепился и на четвереньках начал задом сползать вниз.

- А молодец, мышонок! Мышонок! - Я захохотала. - Слышишь, маленький? Вот и прозвище, подходящее для тебя придумалось.

Последовав его примеру, я развернулась ногами вперёд и медленно съехала за ним вниз по

песчаному склону. После некоторых размышлений, я пришла к выводу, что привязывать ребёнка к себе опасно, мало ли что: плыть метров сорок, не меньше и какая живность тут водится неизвестно, развязать мокрую веревку, когда буду плыть, не получится, а если не привязать... как ребёнок удержится? Вот задача-то... Дело близится к вечеру, нужно ещё и ночёвку подготовить - медлить нельзя.

Я сняла свои "утги", уже настолько потрёпанные, что понять на каком "честном слове" они держаться было невозможно; отстегнула ремень с кинжалом и переупаковала вещмешок, укоротила заплечные лямки и навесила поклажу на малыша. Он еле мог стоять на коротеньких ножках и напоминал почему-то огромного хомяка с мешком наворованных припасов. Пробыло на смех. "Тут заплыв Чапаева намечается, а ей смешно, вот характер дурацкий!" - проговорил мой внутренний голос.

- А ты, вообще, пока помалкивай! Не до тебя сейчас. И слушай... А где тебя носило? Что-то долго ты моим воспитанием и просвещением не занимался?

- Я был занят.

- Интересно чем?

- Копался в твоей памяти... - тут Мозговой как-бы поперхнулся. - Вернее, в нашей. Восстанавливал кое-какую информацию, систематизировал полученные данные, ну ещё много чего...

- Конечно, ты был занят... А я вот ребёночком обзавелась, пока ты там систематизировал...

- Вижу... Быстро, однако, управилась, - и он ехидно захихикал, - на минуту нельзя оставить без присмотра, ещё бы чуть-чуть задержался и готова мать - героиня.

Я расхохоталась. "Мышонок" испуганно смотрел, не понимая причин такого внезапного веселья.

- А теперь серьёзно, - Мозговой словно напрягся. - Достань запасные штаны и одень на ребёнка, завязки и штанины завяжи вокруг себя, но не слишком туго, будет хоть какая-то страховка, что он не свалится, а в случае чего, можно будет быстро развязать. Сверху мешок, и можно плыть.

Выдавать распоряжения легче, чем исполнять. Для того чтобы устроить мальчика за спиной, потребовалось немало усилий. Вместе с мешком, вес оказался приличным, и я уже с опаской глядела на другой берег. Доплыву ли?

- Хватит стоять и бояться, вперёд! - поступила команда.

Придерживая поклажу, я ступила в воду. Дно было пологим, и когда уровень воды достиг груди, я сделала глубокий вдох и поплыла.

Повышенный вес ощущался, но делая сильные гребки, я продвигалась вполне уверенно. "Мышонок" хорошо держался и даже не шевелился, только иногда я чувствовала, как он тыкается носом мне в затылок и пофыркивает, отплёвывая воду. Не отрывая взгляда от противоположного берега, я не думала ни о чём кроме заплыва. Раз, вдох, толчок ногами.... Два, выдох, гребок руками.... Три, вдох, снова толчок.... Четыре, выдох...

Уже на середине ощутилась усталость. "Всё в порядке, всё хорошо... - сказала я себе, - не сбавлять, но и не увеличивать темп. Плыть спокойно и размеренно, половина пути позади, песчаный пляжик уже близко. Через несколько метров, почудилось, что внизу кто-то проплыл, а потом ещё раз, но уже обратно. Сердце застучало как бешеное... А быстрее нельзя, собьётся дыхание, я в ответе за две жизни.

- За три... - донеслось из головы.

- Почему за три? Ведь ты - это я, значит за две.

- Гадкая ты всё-таки, - проворчал "мозговой" после небольшой паузы. - Так хочется иногда ощущать себя отдельной личностью.

- Да ладно тебе... личность. За три так за три. Вот сожрёт нас троих тот, кто внизу плавает и будет уже без разницы.

Я продолжала плыть, стараясь не удариться в панику. Раз, вдох, толчок... Два, выдох, гребок... Три, вдох, толчок... Всё же "басс" самый лучший стиль плавания в моём понимании, пусть и не такой быстрый, как, к примеру "кроль", зато позволяет проплывать большие расстояния и как оказалось ещё и с грузом. Когда до берега оставалось всего несколько метров, я почувствовала движение сзади и под собой.

Мальш за спиной неожиданно пискнул. Я рванула вперёд из последних сил. Чьи-то зубы вцепились в ногу. Резко развернувшись и поймав ногой дно, воды, оказалось, по пояс, я дёрнула за обвязанные вокруг пояса штаны и одним маховым движением отшвырнула ребёнка на берег. Мешок всё-таки сполз, и когда я схватила мальчика для броска, свалился в воду. Рефлексы продолжали свою работу: таким же движением я выдернула намокший куль и метнула следом.

Каково же было моё изумление, когда вместе с ним в воздух взлетела большая длинная рыба, вцепившаяся в наши пожитки зубами. Глянув на ребёнка, с ним всё было в порядке, я в бешеном азарте подскочила к мешку, быстро развязала тесёмки и, выхватив кинжал, вонзила его рыбе прямо под жабры. А потом ещё пару раз для верности. Хищница ещё какое-то время била хвостом, но после того как ей окончательно отсекли голову затихла.

- А-а-а! Ура! Ура! - Я скакала по пляжу с окровавленным кинжалом словно "вождь краснокожих". - "Мышонок", ура! Какой у нас сегодня будет ужин, а утром завтрак! Вот это да! Вот это заплыв! Вот это я понимаю! И реку переплыли и рыбу поймали! Как говорить "Одним выстрелом двух зайцев"! Голос в голове произнёс:

- Но и страху натерпелись тоже.

- Мозг ты - зануда!

Отбросив нож и подхватив мальчика на руки, я закружилась с ним вокруг нежданной добычи. Я знала, что рыба съедобная, мало того, она потрясающе вкусная. Таковую я уже пробовала в лесной избушке. Мальчишка сидел у меня на руках, обнимая за шею, и тараторил круглыми тёмными глазами то на рыбу, то на меня. Он явно пытался что-то сказать, но не своё любимое "тама", а что-то другое.

Я погрозила рукой нашей добыче:

- Плохая, рыба, плохая! Хотела укусить моего мышонка, напугала моего мальш...- и опять погрозила пальцем в сторону рыбьего трупца. - Но не тут то было! Правда?! Мы теперь её съедим, и будет нам вкусно- вкусно! Да?!

Мальчик выкрутился из рук и, подбежав к рыбе, пнул её ножкой, обутой в сапожок:

- Зяя иба! - проговорил он с чувством, показывая пальчиком.

- Болтун, ты мой дорогой! - сграбастав его в обнимку, я расцеловала пухлые щёчки.

Учитывая, что костёр я разжигала последний раз в школьном походе, то с этим делом удалось справиться быстро, благо камень для розжига не намок. Это был пирит, обычный сульфид железа, небольшой такой, желтоватый, с красивыми кубическими гранями. Несведущие люди часто путают пириты с золотом, из-за внешней схожести. Я много раз видела, как Дайк им пользовался и поэтому, когда после удара о кинжал полетел сноп искр на подготовленную растопку и занялся огонь, я осталась довольна.

Так как было вполне тепло, я посадила ребёнка неподалёку от костра и передела в свою сменную рубаху, которая не намочила, так как ещё до заплыва, предусмотрительно запихала смену одежду в непромокаемый мешок с остатками еды. Всучив мальчику кусок вяленого мяса, я занялась рыбой.

Разжигание костра, просушка вещей, разделка и приготовление рыбы, подготовка к ночёвке - это всё забрало последние силы и всё время до глубокого вечера. Однако ужин был

великолепен! Он заставил забыть обо всём! Первая горячая еда за столько дней пути и теплое ласковое пламя. Малыш лопал за обе щёки. Как в такого кроху могло столько влезть, осталось загадкой. Я скормила Мышонку здоровенный кусок и ещё половину такого же. Он с таким аппетитом уплетал "зюю ибу", что сложно было его остановить. Вскоре малыш потопал в ближайшие кусты, а так как уже смеркалось, то я пошла за ним. Сделав свои дела, ребёнок упал мне на руки в полусонном состоянии.

Ночевать возле костра я не рискнула и поэтому, соорудив лежанку на ближайшем дереве с широкими углубленными ветвями, уложила мальчонку как в колыбельку.

- Может, поболтаем немного или ты совсем устала? - спросил ласковый голос изнутри.

- Конечно... Много было сегодня впечатлений, верно?

- Да уж... Одна речная хищница чего стоит!

Я заулыбалась:

- Замечательный мальчишка, правда?

- Правда... – Мозговой странно замолк.

- Ты чего притих? Выкладывай...

- Я хотел сказать, что... чтобы ты...

- Не тяни.

- Не привязывайся к нему, я уверен, что его семья скоро найдётся, - тихо ответил он.

- Почему ты так думаешь?

- Ты сама прекрасно знаешь.

- Знаю... - я вздохнула, - такого ребёнка не могут не искать.

- Естественно.

- А вдруг его родня погибла? Нельзя, конечно, так говорить и такого я для мальчика не хочу, но мало ли что могло случиться?

- Нет никаких признаков подобного... Девочка моя... ну ты же понимаешь, - протянул фразу "мозговой", - что я тебе объясняю...

- Да, да, да... Всё! Конечно, надо постараться вернуть его домой, и я сделаю для этого всё что могу.

- Вот и умница! И не расстраивайся, так будет лучше для всех.

Я залезла на ветку и, обняв спящего Мышонка, почти сразу заснула, но спала плохо: несколько раз просыпалась от подозрительных звуков. Слышались шорохи, шуршание и мерещилось какое-то движение вдоль берега, несколько раз сверкали в темноте глаза ночных животных. Я проверяла спящего ребёнка, не замёрз ли, но он тихонько сопел и был теплым, ещё с вечера я укутала его, чем только смогла.

Первый раз за время после побега, я спала так плохо. "Наверно, боюсь за малыша, чувствую ответственность за него" - думала я. Пока я была одна, то даже не задумывалась особо о себе. Да, я делала всё, как наказал Дайк, но, по сути, вела себя довольно безопасно. Бодренько топала по лесам, просто сверяясь с направлением. Может мне всего-навсего везло: я не встречала почти никаких животных, кроме птиц и зверюшек, похожих на грызунов. Более крупное зверье совсем не встречалось на пути, я не заблудилась и вышла к реке в указанные Дайком сроки. А переправа на другой берег, да ещё и с найдёнышем, вообще оказалась удачной. Я даже ночевать в лесу не очень боялась, почему-то. Я, молодец! Конечно, еда подходила к концу, а чувство голода почти никогда не покидало. Пойманная рыба очень выручила, но теперь в первую очередь нужно думать о ребёнке, чем кормить, а главное - как эту кормёжку раздобыть, с одним кинжалом-то. Охотник и рыбак из меня никакой.

Проснулась я от холода. Было сыро, и вокруг клубился туман. Костёр потух, и еле-еле удалось найти сухую траву для растопки. Я запекла на углях остатки добычи, оказалось, что

вчера мы и половины не съели. К тому моменту, когда проснулся мой маленький голодный грызун, завтрак был почти готов. Мы опять с удовольствием поели, несколько кусков я завернула в листья и засунула в мешок. Затушив костёр, мы отправились в путь.

Из запасных штанов, я соорудила, что-то вроде детского "кенгуру", так нести мальчика было гораздо легче. Так, в походе и прошёл весь день. Двигалась я уже не так быстро, пару раз делала остановки, что бы передохнуть и набрать воды. Ребёнок сидел в своём подобии сумки, одной ручкой держась за меня, а в другой, зажав кусок мяса, которое с причмокиванием сосал.

Нам пришлось отклониться от намеченного маршрута, так как вдоль берега тянулись очень густые заросли и продираться сквозь них совсем не хотелось. Как уже опытный ходок, я забрала в сторону, левее непроходимой части и шла, поглядывая на небо. Погода портилась. Если ещё с утра было прохладно, но солнечно, то ближе к полудню, небо заволокли серые тучи, и это начинало беспокоить. Тёплой одежды нет, еда на исходе, на руках постоянно голодный и также легко одетый маленький ребёнок.

Может, надо было идти в другую сторону не вниз, а вверх по течению? Мальчика, скорее всего, принесла река и, возможно, его дом где-то у истоков, а я, дура, тащу его всё дальше и дальше от родного дома. Хотя в округе не было и намёка на близкое жильё, ребёнок не мог материализоваться из воздуха, и где-то должен быть его дом. Почему он остался один, неизвестно.

- Ты всё делаешь правильно, не паникуй раньше времени, - встрял в мои мысли "мозговой".
- Иди вперёд и не о чём таком не думай. Ты прошла уже очень большое расстояние.

- Очень хотелось бы иметь в распоряжении вертолёт или хотя бы трактор.

- Ну, ты загнула! А где их взять?

- Слушай, может здесь на Окатане, есть хоть какие-то механизмы, облегчающие передвижение и вообще, жизнь людей. Тот путь, что я прошла за столько дней, на каком-нибудь вездеходе можно было бы преодолеть гораздо быстрее.

- Нету тут ничего! - раздражённо ответил "мозговой". - Отсталая планетка.

Я удивилась:

- Не узнаю тебя. То ты увлечённо рассказываешь про то, что увидел, узнал и понял, про карту, которую составляешь, а теперь отсталая планетка, да?

- Но это действительно так. И, вообще, я выражаю твоё мнение, которое сидит глубоко внутри.

- Моё мнение?! - я начала злиться. - То ты претендуешь на право отдельной личности, а теперь просто выражаешь моё мнение? Я вот, совсем иногда не понимаю, где у меня и какое мнение, и каким оно, в принципе, должно быть на весь этот бред, который со мной случился! - Тут меня совсем понесло. - Потому что сомневаюсь, что до сих пор в здравом уме и рассудке, ведь в моей голове поселился кто-то слишком умный! И я не верю, что ты - это я! Ты - не я! Это шизофрения! Убирайся вон!

Последнюю фразу я выкрикнула вслух. Малыш вздрогнул и заплакал. Быстро скинув мешок и поставив мальчика на ноги, я принялась его успокаивать:

- Прости, маленький, прости, я тебя напугала. Не надо плакать, не надо - и вытерла влажные глазки. - Я не буду больше, честно. Я не хотела пугать тебя, Мышонок, только не плачь и не бойся ничего. Я тебя не обижу, слышишь?

Порывисто обняв, я гладила мальчика по лохматой головёнке, продолжая тихо и ласково разговаривать. Через несколько минут он притих и только слегка хлюпал носом.

- Всё, всё... тихо. Обещаю, такого не повторится. Просто я очень боюсь за тебя, да и за себя тоже... - прошептала я в маленькое ушко.

Мальчик поднял на меня круглые глазёнки и обнял за шею. А вскоре заморосил дождь, не

сильный, но очень холодный.

Я несла мальчика, крепко прижимая к себе, одеялко решила пока не доставать, иначе ничего сухого у нас совсем не останется. Укрыться и пересидеть дождь, было негде. Лес - редкий, деревья - не спасение и никаких естественных укрытий, типа больших поваленных стволов, оврагов и чего-либо подобного. Останавливаться тоже бессмысленно: костёр не разведёшь, не согреешься - всё мокрое. Так я топала, коченея от холода.

Вскоре показался берег реки: «Ага, - обрадовалась я, - верное направления не потеряно, а по солнышкам уже не сориентируешься, небо полностью затянуто. Значит надо держать берег в поле видимости». Лесок совсем поредел, и я вышла на широкий луг. Высокая сине-зелёная трава перекачивалась волнами на ветру, как лесное озеро. Я осмотрелась. Справа виднелся берег, а лес, из которого мы вышли, тянулся в другую сторону. Впереди, только это кольшущееся поле, а вот за ним, вдали, опять простирался лес. На краю этого дальнего леса стояло дерево. Огромное! Даже с этого расстояния, в сравнении с окружающими стволами, оно выглядело гигантским.

- Ну, Мышонок, нам туда! - попыталась я сказать как можно бодрее, но, по-моему, не получилось.

Пойти напрямик, через это море высокой травы я не решилась. А вдруг там змеи? Или ямы? Или ещё что-нибудь страшное? С ребёнком на руках, только травм и переломов не хватало! Трава была очень густой и почему-то вызывала подозрения, не знаю почему. Поэтому, свернув ближе к берегу, я пошла вдоль него. Приходилось спускаться и подниматься по небольшим склонам, но это было даже хорошо: я согрелась, а малыш, привязанный спереди, не сползал, был теплым и даже дремал. Почему луг показался опасным, я не понимала, ведь пройти через него напрямик было гораздо короче. Но я упорно продолжала идти в обход, перелезая через поваленные стволы и карабкаясь по песчаным склонам.

Дерево, которое было целью, оправдало все ожидания и даже превзошло. Какой-то местный "баобаб". Настоящих баобабов я никогда не видела, но решила, что гигант окатанской флоры больше любого из них в несколько раз. Но и это не главное. Ствол делился на две широкие части и сквозь них виднелся проход.

- Вот это подарок судьбы! Там, внутри, должно быть сухо, можно будет развести огонь и заночевать прямо внутри. - Я гладила малыша по спинке. - Скоро согреемся и поедим, потерпи дорогой, потерпи!

В ответ я услышала знакомое:

- Та-ма!

- Вот и хорошо!

Но по пути к заветному месту тепла и ночлега возникло препятствие - та же странная сине-зелёная трава. Что бы дойти до укрытия, нужно было пройти метров двадцать-тридцать через этот "лужок", иначе никак. Захотелось перекреститься. И как оказалось не зря! Слав глубокий вдох и притиснув живую ношу, я осторожно сделала первый шаг, потом другой и медленно пошла вперёд. «Почему же так страшно? - Задавалась я вопросом. - Когда переплывала реку, тоже страшно было, но как-то не так». Вскоре, немного осмелев, я пошла быстрее. Почва под ногами была мягкой, как будто я шла по вспаханному полю.

И вдруг нога провалилась по щиколотку. И так мокрые "утги" начали наполняться водой, почему-то тёплой. "Болото!!! - от ужаса я застыла как каменная. - И сама сгину и ребёнка погублю!" Сознание, ледяной лавиной, накрыла паника. "Не двигаться и не шевелиться! Не двигаться, не шевелиться!" - повторяла я себе. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох, вы-ы-дох. Подышав так несколько минут, я немного пришла в себя. Мышонок прилип ко мне так, как будто был намазан суперклеем, почувствовал... "Спокойно... спокойно... Думай, что делать..."

Думай, что делать..."

Идея подоспела быстро: или моя память сработала, или Мозговой подсуетился, но план действий был разработан за доли секунды. Когда я оценила расстояние, то стало понятно, что лучше вперед, чем назад. Если же попробовать вернуться и получится выбраться, ну вдруг, то ночевать придётся без огня и под дождём. Вперёд!

Я медленно опустилась на колени, перевернула мальчика за спину и легла плашмя на землю, раскинув руки. Сине-зелёная трава сработала как крепкая подстилка и вода из-под земли перестала проступать. Наш общий вес равномерно распределился по поверхности. Хватаясь за растущую впереди растительность и отталкиваясь ногами, я ползла к нашему спасению. Ощущение было такое, будто я лежу на матрасе, наполненном водой, в котором жидкость перекачивается от малейшего движения, а жёсткая трава, выполняющая роль оболочки, вот-вот лопнет.

Через пару метров тёплая почва ощутимо задрожала. Я замерла, распластавшись как морская звезда. Когда вибрации затихли, плавными движениями я опять потянулась вперёд, но просочилась бурая жидкость. Я еле успела убрать голову, чтобы не нахлебаться болотной жижи. Мышонок лежал на моей спине плашмя вместе с вещмешком и не шевелился. Я ползла.

«А ведь мне действительно везёт, - думала я, двигаясь настолько спокойно и размеренно, насколько могла. - Такой прекрасный ребёнок, достался: не ноет, не капризничает, прекрасно ест, даже слишком, в туалет сам ходит и самое главное - всё понимает, ну кроме, моей речи. Радует, что я его тоже понимаю, кроме "тама", которое у него заменяет все остальные слова. Когда же малыш ругал рыбу, я его прекрасно поняла, хоть он и плохо выговаривал слова. Значит, работают настроечки в голове, работают родимые. А язык я выучу, никуда не денусь».

Такие позитивные мысли очень отвлекли, и я не заметила, как доползла почти до самого конца опасного участка. Тёмной жижи подо мной не было, вокруг просто мокрая от дождя трава. Я упёрлась руками в землю и, почувствовав мягкую, но не проваливающуюся поверхность, встала на ноги. Сделала шаг, потом другой и пулей рванула к дереву. Болото кончилось, я выскочила на твёрдый участок и припустила ещё быстрее, придерживая ребёнка за спиной.

Когда взобралась на небольшую возвышенность, на которой и росло спасительное укрытие, и прошла внутрь, то сил уже не было, я дышала как астматик и от бега, и от ощущения, что всё - выбрались! Живыми! Я глянула на дрожащие мелкой дрожью руки: ладони полностью были в крови и в тонких длинных порезах, как от лезвия бритвы. «Острая травка», - подумала я и упала на сухую, усыпанную опавшими листьями землю. Мышонок быстро слез с меня, бухнулся рядом и начал гладить меня по голове, приговаривая и коверкая слова:

- И-ина... И-и-на... а-ло-ся, а-ло-ся...

Я же глядя на него, заливалась слезами:

- Сейчас, мой хороший, сейчас... Чуть-чуть полежу, отдохну... минут пять... - я перевела дыхание, - и будем костёр разводить.

Мой найдёныш улыбнулся так солнечно, что защемило сердце. Укрытие оказалось просто волшебным. Внутри двойного ствола было сухо, и даже тепло. Это был как - будто лесной домик с вогнутыми стенами и двумя высокими, но не широкими проходами. Ветер почти не задувал, ковёр из сухой листвы устилал всё пространство под деревом-гигантом и под ногами валялись то ли семена, то ли плоды величиной с крупный каштан, только почти чёрного цвета и с маленьким хвостиком.

Я сгребла листья в несколько куч, насобирала хвороста, который был поблизости в избытке под огромной густой кроной этого "великана" и не промок. Потом занялась костром. Огонь занялся с первой попытки. Уже начало смеркаться, и дождь почти прекратился. Мы поужинали

оставшейся рыбой, которая оказалась ещё вполне пригодной, конечно, большая часть досталась Мышонку. Даже удалось неплохо просушить мокрую насквозь одежду и обувь. Как же пригодилось сухое одеяло, предварительно упакованное в непромокаемый мешок и сухая рубаха!

Вскоре мальчик заснул прямо у меня на руках. Я уложила его, закутанного в одеяло, на мягкую подстилку из листьев и пошла за хворостом, пока совсем не стемнело. Колени подгибались, руки подрагивали и все мышцы, особенно не так давно зажившие, вопили от усталости. Такого напряжения, нервного и физического, как на этом болоте, я не испытывала никогда!

Обходя наше пристанище по окружности в поисках сухих веток, я заметила нору. Дыра, уходящая под дерево, была не маленькая. "Та-а-к! Нам только соседей и ночных визитёров не хватало, - раздражённо подумала я. - А может она пустая и здесь никто не живёт?" В этот лаз я, конечно, не полезла и даже не стала в него заглядывать, просто обошла, но беспокойство осталось. "Крупный зверь там вряд ли может жить, а вот кто-то типа барсука или енота вполне, - прикидывала я размеры. - Будем надеяться, что огонь отпугнёт незваных гостей, а вот хвороста придётся набрать побольше».

Угомонилась я только тогда, когда совсем стемнело. Малыш сладко спал в куче листьев, причмокивая во сне. Топлива для костра я собрала много: должно было хватить до утра, а вот спать нельзя, за костром нужно следить, чтобы не погас. Положив рядом кинжал, я натянула вторую рубаху и штаны, благо всё уже почти высохло, и уселась у самого огня. Вот, наконец, можно и расслабиться. Внутри громадного ствола было тихо, тепло и очень уютно.

Внутри черепа раздался осторожный стук:

- Кто там? - зная ответ, спросила я.

Молчание... А потом, тихо шепчущее:

- Прости...

- Ну, заходи уж... А вот раньше ты никогда не стучался! - Почти физически я ощутила, как открылась какая-то дверь внутри меня и мягкие осторожные шаги в области затылка. Если честно, то стало жутковато! Меня передёрнуло.

- Я сейчас же исчезну, если тебе страшно или неприятно, - мой внутренний голос был мягок и нежен до крайности.

- Нет, не надо. Оставайся... - я замаялась. - И ты прости, я накричала на тебя. Не обижайся, хорошо? Я не хотела... Сорвалась просто...

- Может, в библиотеке пообщаемся? - спросил он.

- А как же костёр? Я не могу совсем отключиться, и Мышонок спит, давай так, а?

- Как скажешь.

Повисла долгая пауза. Я заговорила первой:

- Нам нужно выяснить один вопрос, не возражаешь?

- Нет, но мне кажется не один и даже не два.

Я набрала больше воздуха и выдохнула то, что так сильно меня беспокоило:

- Я сумасшедшая? Только честно.

- Нет, конечно, - последовал чёткий ответ.

- Тогда как понимать, что я уже столько времени общаюсь сама с собой? Во мне как-бы два человека и я никак не могу привыкнуть и принять то, что ты - это я, а я - это ты. Что со мной происходит?

- Успокойся... - его голос превратился во вкрадчивый и нежный шёпот, - с тобой всё в порядке, можешь мне верить, я всё вижу изнутри.

- Ты уверен?

- Абсолютно.

Тёплая волна спокойствия, нежности и ласки родилась где-то у макушки и прокатилась по всему телу, до самых пяток. Как - будто лёгкий ветерок долетел с жарких солнечных берегов, оттуда, где радостно и спокойно, где носятся над волнами чайки и ходят под сверкающими парусами белоснежные яхты.

- Ладно, раз так, то давай договоримся: ты не будешь без конца твердить, что ты - это я, а я - это ты. Мне легче и проще воспринимать тебя, как что-то отделённое от меня, пусть и живущее внутри. Ты ведь хотел быть отдельной личностью?

- Хотел... - сказал Мозговой тихо-тихо.

- Значит будь! Живи у меня там внутри, ну где ты там живёшь, пользуйся, чем хочешь, если тебе что-то надо, но будь сам по себе. Так не будет ехать крыша от того, что постоянно, кажется, будто страдаю раздвоением личности и не понимаю, это твои мысли или всё-таки мои, твоё решение или моё. Будет легче, проще и главное - понятнее для меня. Ты согласен?

- Ты действительно этого хочешь? - Вопрос был задан таким тоном и таким голосом, что на несколько секунд показалось, будто я лежу в постели с абсолютно незнакомым мужчиной, который перед интимной близостью наклоняется надо мной и шепчет на ухо: "Ты действительно этого хочешь?" Следом мелькает другая картинка: я добровольно протягиваю руку вампиру, что бы он утолил свою жажду крови. А тот, глядя зловещими красными глазами, спрашивает: "Ты действительно этого хочешь?"

Я тряхнула головой: « Что за бред? Ведь Мозговой - это я. И я договариваюсь сама с собой, причём тут незнакомцы и вампиры? Это от переутомления, наверно, ерунда всякая мерещится». И, отбросив эти мысли, я уверенно ответила:

- Да хочу.

- И разрешаешь использовать то, что мне может быть нужно?

- Разрешаю, - и почему-то добавила, - если мне плохо от этого не будет.

- Не будет, я обещаю... - Мозговой сделал многозначительную паузу и продолжил, - от этого будет лучше и притом нам обоим.

И почему мне показалось, что его голос дрожит, то ли от возбуждения, то ли от радости?

- Ну, вот и договорились! - я облегчённо вздохнула.

- Кари, ты простила меня?

- Да я уже всё забыла, - и, махнув рукой, улыбнулась, - и ты забудь.

- Хорошо забуду, но про сине-зелёное болото не забуду никогда!

- Я тоже.

- Я очень испугался за тебя, Кари... Я ничем не мог помочь... Просто чувствовал твой ужас, твой страх, особенно, за этого малыша. Я боялся потерять тебя, а мы ещё и поссорились, ты меня прогнала... Для меня это был кошмар, такого я никогда не чувствовал.

- Всё хорошо, мы выбрались, нашли хорошее место для ночёвки, согрелись, поели. Успокойся, всё в порядке. Стоп, я не поняла, это же ты должен меня успокаивать, а не я тебя?! В чём дело "мозговой"?

В голове раздался смех:

- Э-нет! Я теперь сам по себе, ты сама по себе. Так, что теперь будем слёзки вытирать и плакаться друг другу в жилетку по очереди. - И он расхохотался ещё громче.

- Ну, ты... не знаю, как тебя назвать! - И засмеялась следом.

А утро принесло новые сюрпризы и совсем неприятные. Я всё-таки заснула у самого костра и подпалила волосы. Как я так умудрилась отключиться, рухнув головой почти прямо в угли, не знаю. Помню только, что сидела у огня и держала изрезанными ладонями голову, которая постоянно свешивалась вниз. А потом всё - провал.

Когда открыла глаза, солнышки были высоко и слились в один сияющий круг, а малышка в куче листьев не было. Я быстро вскочила, но в тот момент, когда схватилась за ствол древесного гиганта, по рукам полоснула резкая боль. Глянув на ладони, я вздрогнула. Они сильно опухли, порезы налились сине-багровым цветом и уродливо раскрылись так, что стало видно мясо. Началось воспаление. «Вот и приехали! Только заражения крови сейчас и не хватает. Это поганое болото я буду долго помнить, если выживу, конечно».

Стиснув зубы от сильной пульсирующей боли, я кинулась на поиски ребёнка. Не успела обежать дерево и до половины, как зашелестели заросли и навстречу бросился Мышонок, придерживая штанишки. Я кинулась к нему.

- Ах ты, негодник, маленький! Почему не разбудил? Почему один ушёл, а? Я так испугалась!

Тиская и целуя его в грязные пухлые щёчки, я утирала слёзы внешней стороной ладони. Пальцы почти не сгибались, и малейшее движение стреляло острой болью.

- Не делай так больше, хорошо? Не убегай один, ты меня понимаешь, малыш?

Мальчонка же, только таращил глазёнки и улыбался.

Собрались мы быстро. Я закидала костёр землёй, чтобы не тратить последнюю воду. Ещё тлеющие угли, выкинула на влажную от утренней росы траву: не хотелось, чтобы дерево, приютившее нас, сгорело. Всучила ребёнку последний кусок мяса и, разорвав запасную рубашку, перевязала руки. Было видно, что дело плохо: требовалась полная обработка и курс антибиотиков. А где их взять? Как же сейчас не хватало Дайка с его травками! Я же ничего не знаю о местной флоре, какие растения и как можно использовать. «Дайк, милый, заботливый Дайк, где ты сейчас, живой ли? Как ты нужен мне сейчас! - Я всхлипнула. - Не плакать! Только бы он был жив! Ну а я?.. А что я?.. Тут уж как судьба распорядится. Выживу, значит, выживу, а если нет... то и пусть... Дома меня всё равно уже давно похоронили... Нужно идти, идти до тех пор, пока смогу, до первого жилья, чтобы Мышонок не остался один, а дальше... уже как получится».

Сглатывая слёзы, я собрала наши пожитки и взгромоздила мальчишку на плечи. Нести на руках я бы его не смогла, а так, он устроился на шее, вцепившись ручонками в мои волосы, и вполне удобно сидел. Так мы и покинули "баобаба". Я шла без привалов очень долго, только один раз остановилась, чтобы умыться и набрать воды из ручья. Мышонок был голоден, а я тем более, но еды больше не было.

Местность, по которой мы продвигались, была пересечённая: то редкий лес, то небольшие овраги, то высокие холмы, поросшие кустарником. Реку я держала в поле зрения и думала о том, как поймать рыбу без наживки, удочки и сети, притом руками, которыми от вспухших ран, ничего нельзя взять. И уже начала разрабатывать план очередного заплыва, когда заметила следы. На сочной траве чётко обозначились продольные полосы, перекрывающие одна другую, а между ними местами земля была взрыта.

Я остановилась, не веря собственным глазам. Здесь проехали телеги или повозки, а земля взрыта от копыт! Волна облегчения прокатилась с головы до ног. Люди! Следы были свежие, а трава ещё сильно примята. Я, конечно, не следопыт, но проехали они здесь недавно. Только бы догнать! Я погладила мальчика за свисающую ножку:

- Видишь, Мышонок, здесь были люди. Потерпи, мы их догоним, обязательно. Вряд ли они будут двигаться ночью, должны сделать привал. Сверху донеслось уже и моё любимое:

- Та-ма!

- Да, дорогой, они "тама", идём.

В погоне за уходящей надеждой, я несколько раз срывалась на бег, но тормозила: во-первых ребёнок на плечах, я боялась, что свалится, а во-вторых становилось плохо, начинался жар и

подкашивались ноги. Поэтому я останавливалась, тяжело дыша, стояла несколько минут и двигалась дальше. Колею было хорошо видно, и я насчитала повозок пять или шесть, судя по следам, хотя возможно, их было гораздо больше.

Вечер был в самом разгаре, когда мы догнали караван. На краю перелеска я остановилась, прислонилась к дереву из последних сил и решила немного понаблюдать, а заодно перевести дыхание. Мне было уже совсем плохо. Очень хотелось пойти прямо к ним, но как говорится "бережёного бог бережёт".

Телег было десять, точнее это были не телеги, а высокие крытые кибитки. Лошадей уже распрягли, и они паслись неподалёку живописным табуном. Горели костры, сновали люди и главное... женщины. Их я отличила по длинным юбкам и более ярким одеждам. Женщин было три или четыре, остальные мужчины. В общей сложности человек десять-двенадцать, плюс пара ребятишек, носилась вокруг костра. «Цыганский табор какой-то», - пришла мысль.

Стоять уже было невозможно, от лихорадки колени подгибались, хотелось упасть и больше никогда не подниматься. Но тут Мышонок больно дёрнул меня за волосы и завопил:

- Та-ма, И-ина! Та-ма, Ина!

Он махал ручонками и готов был слететь вниз. Я только и смогла выдавить:

- Узнал, значит... Это, твой? Я так понимаю?

Ребёнок порывался слезть, но я придержала его, уже совсем не гнущимися пальцами:

- Сиди, мы идём.

И пошла.

А дальше всё было как в тумане. Я брела, спотыкаясь, и думая о том, чтобы не рухнуть до тех пор, пока нас не заметят. Первыми засекли нас собаки. Здоровенные псы неслись с громким лаем, только мне даже страшно не было. Я упала на колени и пульсирующими от боли руками сняла мальчика. Хотела спрятать его за спину, но он вырвался и побежал прямо на собак. Зверюги остановились, взрыв лапами траву, а потом заскулили и замахали хвостами.

"Донесла!.. Я его донесла! Донесла... - только эта мысль и осталась в голове. Внутри всё пылало жаром, огнём и болью. Как сквозь мутное стекло я видела бегущих людей. Какая-то женщина, с очень красивым лицом, схватила малыша и, заливаясь слезами, качала его на руках, что-то крича и приговаривая. Меня кто-то трогал, тормозил, о чём-то спрашивал, но сил говорить и даже думать не осталось. Я обводила мутнеющим взглядом суету вокруг, а потом стало темно и тихо.

- Ну, здравствуй, милая, - сказал знакомый голос, - давно не виделись.

Я открыла глаза в знакомой библиотеке, лёжа на широкой мягкой кушетке:

- Привет, Мозг... рада тебя видеть. Я умерла или ещё в процессе?

- Тьфу, на тебя, глупая! Умерла... Да только попробуй! Не смей даже думать об этом, а то я тебе... - и погрозил пальцем.

- И что ты мне сделаешь? - я улыбалась во весь рот. - Ты же живёшь в моей голове, и я сама сейчас нахожусь в своей голове, хотя до сих пор не понимаю, как это возможно.

- Придумаю что-нибудь, не сомневайся.

- Ты придумаешь! Ты - мозг, ты умный!

Мозговой сидел рядом в привычном образе пожилого профессора, в любимом бархатном халате и с непонятно зачем ему нужным, дурацким моноклем в глазу. Он держал меня за руку и ласково поглаживал:

- Как ты себя чувствуешь? - спросил он.

- Вроде хорошо, - я поднесла ладони к глазам.

Воспаления не было, остались только закрывшиеся ранки, чистые и сухие. Сжав несколько раз кулаки, я убедилась, что всё в порядке. Боли не было и через несколько дней останутся

только шрамы.

- Да... - Я невесело усмехнулась. - Если и дальше так пойдёт, то скоро на мне живого места не останется, одни рубцы... Превращусь в какого-то монстра.

Профессор засмеялся:

- Не превратишься. Да и всё это такие мелочи!

- Ага, мелочи! А замуж как выходить? Кто ж меня такую страхолюдину возьмёт?!

У профессора выпал монокль:

- Замуж?!

- А вдруг?! - Я округлила глаза и приподнялась на локтях, - если дома, на Земле, у меня был плачевный опыт, то кто знает, может здесь что-то получится?!

Ответом стал гомерический хохот. "Мозговой", качаясь в стороны, смеялся, роняя слёзы.

- И что такого смешного я сказала? - и дёрнула его за рукав. - Хватит ржать уже, в моей голове всё-таки сидишь.

- Но в моей би... би... библиотеке, - он продолжал хохотать. - Ох, Кари, девочка моя, с тобой не соскучишься, - и он интеллигентно промокнул глаза белоснежным платком, который вынул из кармана.

- Только-только в себя пришла, чуть богу душу не отдала, а уже замуж... Потрясающе! - он ещё никак не мог успокоиться.

- Да ладно! - я отмахнулась. - Да пошутила я! Какая из меня жена... Я здесь никто и звать меня никак, без роду, без племени, нищенка-бродяжка... И детей иметь не могу, кому я нужна... Просто ты сидел с таким торжественно-похоронным видом, что захотелось тебя рассмешить... А если серьёзно... - Голос охрип, - То если и выходить замуж, то дома или не выходить, но тоже дома. Я хочу домой, понимаешь? Я чужая здесь, тут всё дико и непонятно для меня, другой мир, совсем другой...

Профессор вздохнул и, притянув к себе обнял. Я уткнулась в мягкий халат и заплакала. Он глади меня по голове, как я недавно Мышонка и тихо шептал:

- Я всё понимаю, всё. Гораздо больше, чем ты можешь представить. Но пока ничем не могу помочь. Нет никакой информации о том, как выбраться отсюда. Однако она где-то есть, должна быть, я уверен. Быть не может, чтобы не нашлось решение рано или поздно. И мы его найдём, обязательно! Будем искать и думать! Думать и искать!

- Ты же будешь помогать, правда? - я ещё хлюпала носом.

- Конечно, дорогая... Конечно, буду... Я с тобой, всегда с тобой, успокойся.

От "мозгового" исходил какой-то очень странный, едва уловимый запах. Что-то знакомое было в этом аромате, но в тоже время я не могла подобрать никаких ассоциаций, кроме того, что он мне очень нравился. Было в нём что-то волнующее, притягательное и какое-то... родное, что ли. Я сделала глубокий вдох, а потом спохватилась: "Прямо как Карелл, заразилась его нюхачеством." И отодвинулась от профессора. Он прищурился и спросил:

- Ну, что? Всё в порядке?

- Да, в порядке, спасибо.

- Не за что. А теперь тебе пора!

- Куда пора?

- Как куда?! Жить! - И щёлкнул меня по носу. От неожиданности я вздрогнула... и проснулась.

Я ехала. Вернее не я, а повозка или кибитка, в которой я лежала. Вокруг светло, на ветру слегка хлопает толстая светлая ткань, покрывающая деревянный каркас. На натянутых шпагатах висит одежда и какие-то тряпки, приятно пахнет сушёными травами и топлёным молоком. Я привстала и огляделась. Моё ложе представляло собой самую настоящую раскладушку на

одного человека. Спальная часть состояла из густой сетки и деревянного основания, а не из более привычного для меня, алюминиевого. Толстый матрас, застеленный чистой простыней, на котором я и почивала, подушка, и лоскутное одеяло также имелись. Приподняв его, я убедилась, что лежу, слава богу, не голая, а в той же самой одежде.

Я бухнулась обратно. Как же хорошо! Постель! Мерное покачивание этого домика на колёсах успокоило окончательно. Я продолжила осмотр. Вдоль дощатых стенок стояло несколько сундуков, под самой крышей висели венички сушёных трав, а с двух сторон виднелись как-бы окошки, закрытые той же тканью, внизу только завязки болтались.

Я повернула голову назад, вернее вперёд, по ходу движения, лежала-то я головой к передней части, которую тянули лошади. "Дать знать, что уже проснулась или поваляться ещё? - прикидывала я. - Нет, поваляюсь. Так хорошо и комфортно мне давно не было, а то всё ветки, лесная подстилка, земля или тюфяки с соломой. А тут прямо королевское ложе! Нет, не буду вставать!"

Рассмотрев ещё раз свои порезы, я убедилась, что всё, как и было в библиотеке у "мозгового": длинные тонкие ранки, уже почти зажившие и закрытые корочкой, и никакой боли. «Очень странно! Зажило как на собаке. Сколько же я была в отключке? Значит, опять повезло, меня не бросили, возможно, подлечили и взяли с собой. Складывается впечатление, что бережёт меня Окатан, помогает... Бред, конечно, но... Пусть и дальше бережёт, хочется в это верить».

Ещё какое-то время я спокойно лежала и наслаждалась запахами, дневным светом, тихим свистом возницы, скрипом колёс. Но вскоре откинулся угол полотна, и внутрь заглянуло лицо. Это была девочка-подросток, лет двенадцати-тринадцати, с чёрной толстой косой, перекинутой через плечо. Персиковая кожа, раскосые миндалевидные глаза, брови в разлёт. "Боже, какая прелесть! - успела я подумать. - И она ещё подросток!"

Девочка глянула на меня и, заметив, что я тоже смотрю на неё, сверкнула белоснежной улыбкой и завопила куда-то в сторону:

- Мама! Мама! Она очнулась! Мама! Сюда!

Послышались голоса, окрики, топот ног и кибитка остановилась. В неё запрыгнула та самая женщина, которую я запомнила. На руках она держала чистого, умытого и переодетого Мышонка. Мальчик, завидев меня, заулыбался и протянул ко мне ручонки. Быстро передав его девочке, женщина упала на колени возле раскладушки и, схватив меня в охапку, принялась обнимать и целовать, повторяя слова и заливая меня слезами:

- Спасибо! Спасибо, тебе! Спасибо! Ты спасла его! Ты вернула мне моего мальчика! Спасибо, тебе! Спасибо!.. Мой, Натри, вернулся! Хранитель и боги вернули его! Я молилась! Я просила! Спасибо!

Она начала рыдать, а я совсем обалдела от таких эмоций и просто радовалась, что всё хорошо, что всё получилось, малыш дома в безопасности и его семья нашлась таким чудесным образом. Да и со мной тоже всё в порядке: ну, прибавилось несколько новых шрамов, не беда, мне ж не замуж выходить, уже начинаю привыкать.

Рядом раздался конский топот, потом тяжёлые шаги и к нам вошёл, пригнувшись, высокий коренастый мужчина, весьма приятной наружности. На нём была тёмная рубашка с широкими рукавами, чёрные штаны, заправленные в высокие сапоги и жилет с серебристой вышивкой. Мужчина присел рядом и улыбнулся, глядя на меня. Сразу же стало понятно, что это отец Мышонка, у мальчика его улыбка, точь в точь. Он просто сидел и смотрел. И я смотрела. Так мы и рассматривали друг друга: он меня, а я - его.

Через пару минут он повернулся в пол-оборота к утирающей слёзы женщине, удивительной красоты, и произнёс таким приятным бархатно-вибрирующим баритоном, что у меня по всему телу мурашки побежали:

- Ну, хватит, Хейя, хватит рыдать! Радоваться надо! Счастье в семью вернулось, а ты слёзы льёшь. И так уже все глаза выплакала. - Он ласково обнял её и погладил по спине.

- Я всё... не буду... больше... не буду - женщина ещё всхлипывала. - Это я от радости.

Она промокнула лицо платком и в четыре глаза они уставились на меня.

- Ну, что... - хлопнув ладонями по коленям, произнёс отец Мышонка. - Будем знакомиться со спасительницей нашего неугомонного ребёнка.

Я кивнула.

- Меня зовут Гайлан Одэр Давен эн Видар, - назвав имя, он поклонился. - Но можно просто Гай.

Я ответила неловким судорожным кивком, не привыкла как-то кланяться ещё. Он продолжил:

- Как вы уже, наверно, догадались это моя жена, Хейя, а это - и махнул в сторону, где на сундуке тихонько сидела девочка с мальчиком на руках, - наши младшие дети, Айра и Натри. Старший наш сын пока уехал вперёд смотреть место для стоянки, он скоро вернётся. А кто вы, уважаемая эрдана?

Я только хлопала глазами по старой привычке и соображала: «А что говорить-то? И как?! Я же говорить толком ещё не умею! И что значит "эрдана" - титул, национальность, обращение или название кого-то? Значение не понятно и это слово, до этого момента, я никогда не слышала». В голове шпаргалкой послышался шёпот: «"Эрдана" - это уважительное обращение к женщине, как в твоём мире "мадам", "сударыня" и так далее». «Спасибо, выручил», - мысленно отозвалась я.

Склонив голову в лёгком поклоне и приложив ладонь к груди, я произнесла:

- Карина.

- Это ваше имя?

- Да.

- А дальше? Имя родителей и рода можно узнать? Если это, конечно не тайна?

Я опустила глаза, будто в смущении, а на самом деле лихорадочно думала: "Мне, что им фамилию и отчество сказать?! Или как? Как здесь принято называться? Мозговой помощи! Я не знаю, что делать!" Поступил ответ: «Сиди и молчи! Можешь ещё уголок одеяла в руках потеревить. Пусть увидят, что ты не хочешь полностью себя называть, а дальше посмотрим». Так я и сделала. Гай ещё подождал немного и переспросил:

- Та-а-ак... Говорить своё имя полностью не хотите?

Я опять кивнула. Тогда мужчина слегка нахмурился и, наклонившись поближе, тихо произнёс:

- Ваши родные умерли или погибли раньше срока, и вы не хотите сами попасть к Хранителю вслед за ними? - Он пристально смотрел на меня, - поэтому не называетесь полным именем?

В голове раздалось: "Говори, да!"

Я ответила:

- Да... - И заметила, как они с женой расслабились, но последовали другие вопросы:

- Значит вы с севера, эрдана Карина? И волосы у вас обрезаны в знак траура?

Тут я уже сама догадалась:

- Да...

- Я всё понимаю и очень сочувствую вашему горю, эрдана, - он вздохнул и опять поклонился. - Вы спасли и вернули нашего сына, которого мы отчаялись найти и посчитали погибшим. Поэтому хочу предложить вам наше гостеприимство, одежду, еду и всё другое, что будет в наших силах и возможностях.

Гай улыбнулся своей солнечной улыбкой и протянул мне руку. Облегчённо выдохнув, я её пожала.

- А куда вы направлялись, эрдана Карина, можно узнать? - спросила Хейа.

- Латрас, - ответила я.

- К кому-то из родственников или друзей, кто мог бы вас приютить, раз вы остались одна?

- Да.

Гай и Хейа переглянулись. Я видела, что они немного смущены и думают как, что-то мне сказать:

- Дело в том, что... - Гай замялся, - мы движемся сейчас в другую сторону и в Латрасе будем нескоро. Но если вы спешите, то мы дадим вам одну из наших лошадей, припасы на дорогу, одежду и всё, что ни попросите. И вы сможете продолжить путь.

Я продолжала вопросительно смотреть и усиленно искала слова, что бы спросить: когда это нескоро? Но видно Хейа догадалась о ходе моих мыслей и объяснила вместо мужа:

- Сейчас мы движемся на запад к Маргосу на большую ярмарку, потом поедem в Банкор на праздник урожая, а оттуда, вдоль побережья, двинемся к Латрасу, что бы переждать там зиму. Если вы останетесь с нами, то прибудете в Латрас в начале зимы, примерно через четыре месяца.

Эта удивительно красивая женщина, на которую были так похожи её дети, взяла мои руки и, поглаживая, попросила:

- Оставайтесь с нами на это время, эрдана Карина. Вы так слабы, худы и измучены, вы пять дней были без сознания. Мы боялись, что вы уже не очнётесь и ничем не могли помочь, просто ждали. Я никуда вас не пущу. А с нашим караваном вы попадете в Латрас, только попозже. Оставайтесь! Я вас прошу!

Глаза её опять стали влажными. Ну как я могла отказаться! Тем более, когда всё так удачно сложилось. Я сжала её руки и радостно закивала.

"Легенда", которую так непринуждённо придумал Гай, задавая вопросы, оказалась на удивление удачной. Она объясняла почти все мои странности в глазах местного населения: и то, что у меня короткие волосы, и то, что почти не говорю, но всё понимаю и оборванный, измождённый внешний вид и так далее.

"Значит, если будут спрашивать, то я с севера, родных нет, иду искать приюта у дальней родни в Латрасе. Отлично! Даже самой не пришлось напрягаться, а то я бы наворотила..." - Я была довольна. Интересно то, что в этой новой биографии практически не было лжи, а так, просто недомолвки.

Мои родители действительно умерли: мама, когда мне было шестнадцать, а через три года ушёл и отец. Других близких родственников, кроме старшей сестры и её семьи у меня не было. А для них я умерла. Дальняя родня по маминой линии жила где-то в Америке и мы не общались. А то, что я якобы с севера, так с таким же успехом можно думать, что я с юга, востока или запада. В космосе ведь нет понятия сторон света, и в каком направлении искать в ночном небе место, где может находиться Солнечная система и Земля, неизвестно. С севера, значит с севера! Вполне подходит для меня, и многое объясняет для других.

Этим же днём, ближе к вечеру, караван остановился на стоянку. Когда я выползла на свежий воздух, то оказалось, что двигались мы по хорошо наезженной дороге. Вокруг привычное редколесье с небольшими полянками, а невдалеке, среди деревьев мелькнуло голубое озеро. Вот возле этого озера караванчики и расположились на ночёвку.

Мужчины освободили лошадей от упряжи, соорудили несколько кострищ, вынесли раскладные стульчики, кухонную утварь. Женская часть принялась за приготовление ужина, несколько молодых мужчин повели купать коней, другие же, прихватив снасти, пошли на

рыбалку. Двое парней остались, наверно, в качестве охраны. Они были вооружены небольшими мечами, и одеты в какие-то странные, то ли жилеты, то ли кольчуги из тёмно-серой чешуйчатой кожи.

Отойдя от стоянки, я залезла в кусты, уже давненько терпела. И только вылезла обратно, как передо мной нарисовалась Айра:

- Эрдана Карина, где вы пропали? Пойдёмте, мама вас ищет, - и потащила к кибиткам.

Внутри повозки, раскрыв сундуки, сидела Хейа и перебирала содержимое. Когда мы заглянули, она улыбнулась и, взмахнув цветастой тряпкой, поманила меня к себе:

- Эрдана, нужно подобрать вам одежду, а потом пойдём купаться.

Подобрать облачение оказалось проблематично. Всё было или большое, или совсем короткое. Юбки и рубашки Хейи были мне велики и коротковаты, да и висели как на колу, а одежда Айры - ну совсем короткая. Пока мы копались в ворохе тряпок и занимались примеркой, девочка достала откуда-то небольшой овальный предмет в ажурной рамочке.

У меня дыхание спёрло: "Зеркало!" С тех пор как я попала на Окатан, своё отражение я не видела, разве только на водопаде, в зыбкой воде. Но что там можно было рассмотреть... Повернувшись к девочке, я протянула руку к вожделенному зеркалу с вопросом в глазах. Айра поняла, чего я хочу, и протянула зеркало.

Медленно-медленно я заглянула в отражение и... не узнала. Да-а-а... Хороши дела... Это я всё-таки или нет? После усиленного рассматривания, я всё же убедилась, что это я, но... изменившаяся, практически до неузнаваемости. Если бы сейчас меня увидели мои родные или знакомые, то вряд ли бы узнали. Я и сама себя узнавала с трудом. Мои русые волосы, похоже, выгорели, до платинового оттенка. Когда же я развернула грязные от болотной жижи пряди, то оказалось, что они полностью такие светлые, от самых корней. Было, похоже, что я вся поседела.... Хотя нет - этот цвет не седой, просто очень светлый. Кожа загорела до оттенка мокрого песка, как и все открытые участки тела. Брови, которые я всегда выщипывала, считая их слишком широкими, вернулись к своему изначальному виду и графитовыми дугами подчёркивали глаза. На загорелом лице, раньше голубые, а теперь ярко-синие очи смотрелись просто отпадно. Глаза хоть и запали, но почему-то стали казаться гораздо больше, наверно потому, что щёки ввалились, нос с подбородком стали острее, а скулы, наоборот, чётко выделились на лице.

Рассматривала я себя долго. Никак не верилось, что это почти незнакомое и такое красивое, какой-то строгой, завораживающей красотой лицо - моё. Теперь вполне понятно, почему меня приняли за северянку. Я не очень походила на местных, я была, как бы это сказать, другой расы, что ли и отличалась так, как у нас отличаются арабы от шведов.

В принципе, такие перемены были вполне объяснимы: большой потерей веса, голодовкой, физическим и моральным истощением, а так же всем этим кошмаром, который со мной случился. Но почему так изменился цвет волос и глаз? В чём тут дело? Непонятно! «Может Мозговой сможет пролить свет на эту загадку? Надо будет пообщаться с ним, по возможности», - подумала я.

Оторвав от мыслей, Хейа тронула за плечо:

- Вы очень красивая, эрдана.

Айра воскликнула, улыбаясь:

- Как богиня! Только худая очень.

Мы дружно рассмеялись.

- Ну, это дело поправимое, - добавила мама девочки. - Давайте всё-таки подберём что-нибудь для вас, а в Маргосе уже купим или пошьём. Я знаю там неплохую портниху.

На том и порешили.

Когда мы купались и переодевались, Хейя обратила внимание на мои шрамы, но ничего не сказала, только сочувственно покачала головой. А вот заметила ли она, что у меня нет родовой метки, не знаю. Похоже, что нет. После купания в озере с душистым, пахнущим травами мылом, облачения в чистую, хоть и не вполне подходящую по размерам, одежду, я почувствовала себя заново родившейся на свет.

За ужином на меня все заинтересованно поглядывали, а мужчины особенно. Нет-нет, искоса кто-нибудь да посмотрит. Было очень неловко. Проглотив кашу с сочным куском рыбы, я поблагодарила Хейю и ушла в кибитку. Уже стемнело. Я улеглась на раскладушку и закрыла глаза, а открыла уже в библиотеке у "мозгового".

Он лежал на кушетке и читал книгу, а на столе стоял поднос с дымящимся кофейником и две чашки. Мой жилец поднял глаза и улыбнулся:

- Я ждал тебя.
- Вижу, - и махнула на пару чашек.
- Кофе хочешь?
- Спрашиваешь... Конечно, хочу.
- Наливай.

Пока я разливала ароматный напиток, то успела подумать, что как всегда ничего не понимаю: я сейчас буду сидеть в своей же голове с частью себя, и с ней же, на пару, пить кофе. Бред, глюки и полная галиматья! Никак не могу привыкнуть, хотя пора бы уже не задумываться об этом, всё равно не пойму. Усевшись на кушетку, я протянула одну чашку "мозговому" и сама сделала глоток. О, блаженство! Хоть виртуально попробовать! Есть ли в реальности на Окатане кофе, я пока не знала, но думаю, что попутешествовав с караваном, узнаю наверняка, и не только про кофе.

Пока я наслаждалась восхитительным вкусом, Мозговой меня разглядывал. Я не выдержала:

- Что, нравлюсь?
- Очень!

Я расхохоталась и чуть не расплескала ещё горячую жидкость:

- Давай, хотя бы ты не будешь на меня пялиться, а то недавно тут некоторые очень упорно меня рассматривали.

- Но ведь есть на что посмотреть.
- Не знаю, не знаю, по-моему, кожа да кости и живого места нет.

Теперь он расхохотался.

- Что читаешь?

- Так, нашёл тут у тебя справочник по языкам программирования, вот и разбираюсь на досуге, правда не совсем полный, многих страниц не хватает.

- По языкам программирования? У меня в голове?

- Ну да. А, что тебя удивляет?

- Как что? Я к программированию никогда не имела никакого отношения.

- Ну, не знаю, не знаю, - он скопировал мои же интонации, - я же нашёл. Значит, когда-то имела, просто не помнишь.

Я пожалала плечами. Может и правда не помню...

- Кстати, а из чего ты такую вкуснятину сварил?

- Из тебя, конечно.

- Как из меня? - пахнуло "Молчанием ягнят".

- Ну, ты же сама мне разрешила брать, что хочу, пользоваться, чем надо. Вот и сварил.

Я непонимающе уставилась на него:

- Ты... что... с ума совсем спрыгнул?! Ты чем меня поишь?!

Профессор вскочил и забежал по библиотеке:

- Да, успокойся, ничего такого... Что ты придумала? Это же всё не реально! Я просто взял твои воспоминания и ощущения от вкуса, запаха, зрительные образы и собрал воедино. И всё! И больше ничего! Ты сама с ума спрыгнула, что такое подумала!

Я выдохнула:

- Прости... я - дура, не обижайся...

Он вздохнул, сел рядом и забрал у меня чашку:

- Проехали... Я сам виноват, ляпнул неудачно.

Я обняла его, прижалась и прошептала:

- Меня сегодня так рассматривали, что стало страшно. Как я здесь продержусь? Может всё-таки попросить у Гая лошадь и податься в Латрас или, вообще, залечь где-нибудь в лесу и не высовываться никуда, что бы никто меня не видел?

- А как ты тогда найдёшь проход обратно на Землю, если будешь сидеть в лесу? Что будешь есть, как будешь зимовать, ты подумала?

- Да... я знаю, что сказала глупость. Чтобы выбраться отсюда, нужно быть среди людей, учить язык, приспособливаться, собирать информацию... Я знаю... только...

- Тебе страшно...

- Да, очень. Иногда так, что кажется... Лучше бы я умерла...

- Не говори так больше, слышишь? - Мозговой взял моё лицо в тёплые ладони и прижался к моему лбу.- Ты думала о том, что если умрёшь ты, умру и я?

Об этом я действительно не думала, вот тупица! Он продолжал смотреть мне в глаза:

- Всё хорошо... Всё хорошо, Кари... Ты среди людей, скоро освоишься и привыкнешь. Конечно, тебе страшно, моя дорогая, но ты сильная и смелая, умеешь брать себя в руки и принимать решения. Ты всё преодолеешь и всё сможешь. Мы сможем.

Я обняла его ещё крепче:

- Мне так не хватает Дайка, скучаю по нему. Как думаешь, он выбрался, он жив?

- Я уверен, что он жив. Не могу объяснить почему, просто уверен, - и погладил меня по спине. - Точно, кожа да кости.

- Я же говорила.

- Тебе нужно восстановить силы и набрать хоть пару килограммов, а то Дайк при встрече не узнает.

И мы захихикали.

- Ну, всё, закрой глаза... Нужно спать.... Спать...

Его голос стал тихим, нежным и таким успокаивающим... «Вот, балда, про перемену цвета глаз и волос забыла спросить, - подумала я, засыпая, - ну да ладно, потом». И заснула.

В течение нескольких следующих дней, я познакомилась со всеми членами этого кочующего семейства. Можно сказать, что это действительно в каком-то смысле семья, хотя настоящими родственниками они не были. Только у Гая было дальнейшее кровное родство с семьёй Олмана, самой многочисленной в караване.

Олману, если можно так выразиться, "старосте", я не понравилась. Он подозрительно смотрел из-под густых бровей, и я видела - он не верит, не верит тому, что ему говорили Гай и Хейя обо мне. Но после объяснений, этот седой худощавый мужчина, коротко кивнул и сказал, что я смогу остаться при караване до прибытия в Латрас, если Гай, временно, принимает меня в свою семью. А также довольно жёстко предупредил Хейю и Айру, чтобы впредь они лучше смотрели за Натри. Потому как искать его и терять столько времени никто не будет, если он опять пропадёт.

Так я и выяснила, почему ребёнок оказался в лесу один. Его никто не терял. Натри удрал сам. Вот вам и Мышонок! На одной из долгих стоянок, в верховьях уже знакомой мне реки, которая носила странное название Улитка, у одной из кобыл начались роды с сильным кровотечением и женщины были заняты. Почти все мужчины ушли на большую охоту, а остальные охраняли караван. Натри был на попечении сестры и, несмотря на то, что Айра привязала его, всё-таки удрал. И как выяснилось не первый раз.

Внешне Натри выглядел таким прекрасным ангелочком, с потрясающей улыбкой, но на самом деле никогда нельзя было предсказать, когда и куда он уползёт или убежит. Проблемы у родителей с ним начались, как только он научился ползать. Стоило взрослым отвлечься как, малыш уползал так быстро и незаметно, что никто не мог понять, как у него это получается. А когда он начал ходить... Но самое интересное, что и привязь не могла его удержать. Как такие малюсенькие пальчики распутывали крепкие отцовские узлы, не понимал никто. Не ребёнок, а уникам!

Постоянные поиски ребёнка отнимали много времени и задерживали всех, вот почему Олман так резко выражал своё недовольство. Когда после долгих поисков, на берегу нашли маленький ботиночек, то сделали вывод, что мальчик утонул. А ведь он и правда, угодил в реку, а течение там было очень сильным и Натри унесло далеко вниз. Каким-то чудом он выплыл и выбрался на берег, где я на него и наткнулась. Вот такая история!

И всё же, несмотря на подозрительность руководителя каравана, я успокоилась. Я уже была не одна, меня окружали вполне нормальные люди, доброжелательно настроенные и готовые помочь в меру своих сил и возможностей. За пару дней я вполне оправилась, отъелась, и меня уже не водило в стороны от слабости. На очередной вечерней стоянке Хейа варила ужин, а я сидела рядом с малышом на руках. Все семьи занимались своими делами, после долгого дня пути, Айра с Гаем ушли в лес за дровами, а Скай - старший сын в этом семействе, с другими мужчинами ушёл на рыбалку, в лесу было небольшое озеро.

Закрыв крышкой котёл с ароматной кашей, Хейа присела рядом и взяла у меня мальчика. Мне кажется, она до сих пор не верила, что малыш жив, здоров и рядом. Женщина почти не спускала его с рук, постоянно тискала и чмокала в щёчки. Заживающие ладони нестерпимо чесались и я без конца их обо что-нибудь тёрла. Взяв мою руку, она посмотрела на розовые шрамы, ещё местами покрытые корочкой, и тихо спросила:

- Вы ведь прошли через "райское поле"?

Я непонимающе взглянула на неё, какое "райское поле"? Она продолжала:

- Как у тебя это получилось? Одной, с маленьким ребёнком на руках?.. Это же невозможно...

Тут до меня дошло! Это страшное болото, с высокой травой, действительно выглядело как поле. Вспоминая уже знакомые слова, я спросила:

- Почему "райское"?

- А ты не знаешь?

- Нет.

- Потому что все, кто пытается его пересечь, не доходят до другого края. Они попадают в рай, - и добавила после паузы, - они умирают. Или поле быстро засасывает свою добычу или, в редких случаях, те, кто сумел выползти, умирают от ядовитой травы, от которой нет никакого спасения. Ты же о траву изрезала руки?

Я кивнула.

- Но ты не умерла... Мы ждали, что ты скоро умрёшь... Все умирают...

Я опять уставилась на свои ладони. Все умирают... А я не умерла, хотя Мозговой сказал, что была на грани. Значит, мне опять повезло. Возможно, дело в том, что я не местная. А

предчувствие не обмануло, когда я не пошла напрямую через это "райское поле", хотя очень хотелось попасть под спасительное дерево. Вот почему страх пробирал до самых печёнок, перед тем как был сделан первый шаг. Да... тут есть над чем поразмыслить, как-то странно всё. Из задумчивости вывел следующий вопрос Хейи:

- Откуда вы, эрдана? Нельзя не знать про "райские поля", наши дети впитывают страх перед ними с материнским молоком. И хотя на севере их нет, про эти страшные ловушки там знают.

Что я могла ей сказать?

Поэтому просто сидела и молчала, почёсывая руки о штаны. Поняв, что ответа она не дожждётся, женщина обняла меня и поцеловала в щёку:

- Я не буду больше спрашивать, прости... Ты вернула мне моего мальчика, а всё остальное неважно, верно?

- Да, Хейа, верно.

Вскоре каша была готова, и когда собралось всё семейство, мы сели ужинать. Держа миску с дымящейся кашей, Гай обратился ко мне:

- Эрдана Карина, как вы себя чувствуете?

- Хорошо, спасибо, - эти слова я уже выучила.

- Вы хотите быстрее освоить язык?

Он упорно обращался ко мне на вы, а также они все постоянно добавляли это обращение "эрдана", что меня сильно напрягало. А сказать моим спутникам, чтобы они не обращались ко мне так официально, пока не получалось, словарного запаса не хватало. Мне очень хотелось освоить разговорную речь, чтобы не так выделяться, да и вообще, не выглядеть полной дурой. Поэтому на заданный вопрос я бодро кивнула.

- Тогда... я сейчас, - он поднялся и пошёл к повозкам.

Я уже была готова к тому, что меня начнут чем-нибудь поить или кормить для лучшего запоминания и произношения, но ошиблась.

Гай принёс гитару. Самую настоящую. Присев рядом на раскладной стульчик, он положил инструмент на бедро и лёгким движением тронул струны.

- Будем петь.

Я икнула. Только этого не хватало! Отсутствием слуха я не страдала, но голоса точно не было. Я вжала голову в плечи. Нет, только не петь! Гай понял, что я не горю желанием, но не смутился:

- Не бойтесь, эрдана, никто смеяться не будет, - и ласково улыбнулся. - Есть такие песенки, детские, какие-то я сам придумал, другие же известны с давних времён, которые очень хорошо помогают запоминать слова и правильно их произносить. Поверьте, я знаю, что говорю! Я буду петь, а вы повторяйте...

Что оставалось делать, сама же согласилась. Оказалось, что это были не совсем песенки, а такие скороговорки и трудноговорки, положенные на музыку. Скороговорки состояли из похожих по звукосочетанию слов, типа "шла Саша по шоссе...", а трудноговорки включали в себя сложнопроизносимые слова и речевые обороты, подобно нашим "корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали..."

Голос у Гая, как я и предполагала, был великолепен, и это он только скороговорки со мной пропевал. А как же он поёт в полную силу? Вот бы послушать! Мучили меня пением, наверно, часа два. Все уже и поели, и посуду убрали, и Натри спать уложили. Хейа не выдержала:

- Хватит, милый! Оставь девочку в покое, она уже хрипит. Тебя, если не остановить, ты не успокоишься. Посмотри, ты замучил её совсем. - И забрала гитару.

Гай очнулся, как от гипноза:

- Ой, да... простите меня, эрдана, увлёкся... Вы очень устали. - Но тут же хитро подмигнул.

- А для первого раза у вас прекрасно получается, я не ожидал... И голосок у вас приятный. Слабенький, конечно, но если заниматься толк будет.

Я поперхнулась. Вот чего в жизни никогда не хотела, так это петь!

А песенки помогали, да ещё как! Днём, пока мы ехали, я вместе с Айрой повторяла слова. Девочка правила телегой, а я, сидя рядом, пропевала по памяти всё, что запомнила с предыдущего вечера. Если допускала ошибку, она меня исправляла и пропевала со мной.

Айра была истинной дочерью своих родителей, взяла и красоту матери, и голос отца. Сочетание просто сногшибательное. С такими данными, на Земле, она могла бы стать "звездой" мировой величины. Я наблюдала, как эта девчушка в поношенном платье с короткими рукавами, во всём помогала родителям, была послушной, скромной в общем, образцовой дочерью. Иногда я брала Натри, и мы втроём горланили эти весёлые песенки всю дорогу. Было весело! Мышонок тоже быстро учился и говорил уже не только своё любимое "та-ма". Хоть многие звуки малышу пока не удавались, но он старался. Меня он называл Ина, а вскоре и Айра, когда родители не слышали, так как ехали впереди, начала говорить Карина, а иногда и просто Кари, что только радовало.

Другие члены каравана, относились ко мне спокойно и ровно; никто не пытался заговаривать, да и я ни к кому не лезла, удовлетворившись компанией Гая и его семьи. А вот Скай, старший ребёнок в этом семействе, держался от меня подальше. И так, будто меня вообще не было. Он обычно правил последней, третьей повозкой, принадлежавшей их семье, и там же ночевал. Мы же с Айрой спали вдвоём в той, в которой я очнулась в первый раз. Чем было продиктовано такое поведение старшенького, я не понимала, и жалела о том, что нехотя послужила каким-то камнем преткновения.

Дней через десять мой словарный запас вырос настолько, что вполне можно было кратко объяснить чего хочу или ответить на вопросы. Память впитывала новые слова, их значение и произношение, как губка воду. И чем больше я запоминала, тем быстрее и лучше могла говорить. Вот вам и песенки-потешки!

Караван следовал своим путём, через холмы, поля, лесистые участки, хутора и маленькие посёлки. Мы проследовали через очередную деревню, которая, к слову сказать, не произвела на меня никакого впечатления. Обычные деревянные дома, одни побольше, другие поменьше, с покатыми, крытыми дранкой или соломой, крышами; сараи, огороды, засеянные поля, домашняя скотина на выпасе - всё почти так же, как и на Земле в сельской глубинке. Надолго в таких деревеньках караван не останавливался: происходил обмен почтой и посылками, если они были, закупались припасы по необходимости, и мы двигались дальше. Караванчики не только торговали, но и выполняли работу почтовой службы, не бесплатно, конечно. Как я узнала позднее, богатые люди могли себе позволить отправить гонца со срочным посланием или выпустить "летуна" с короткой запиской, если содержали этих редких и крайне дорогих зверюшек. Всё остальное население пользовалось услугами караванов - медленно, но вполне надёжно.

К этому времени я уже вполне привыкла к походному укладу и постоянному движению и пришла к выводу, что хочу того или нет, но нужно учиться ездить верхом и хоть немного овладеть каким-либо видом оружия, так как рассчитывать в первую очередь мне нужно только на себя. Поэтому на вечерней стоянке я спросила у Айры, не могла бы она дать мне несколько уроков верховой езды или стрельбы из лука. Девочка была удивлена:

- А вы, что не умеете?

- Нет, Айра, не умею - я потупилась, - там, где я жила в этом не было нужды.

- У вас, что не было лошадей?

- Нет, не было.

- Нужно у папы спросить...- девочка теребила свою роскошную косу, - а вот стрелять из лука... я совсем не знаю.

Она растерянно смотрела на меня, явно не зная, что сказать. "Так... что тут не понятно. Похоже, я ставлю её в неловкое положение..." Я отвела девочку подальше, и мы присели на поваленное дерево:

- Айра, ты только скажи, что тебя смутило. Я просто очень многого не знаю и не понимаю, так как жила очень далеко отсюда и совсем не так как вы. Здесь всё для меня в новинку, но я не хочу никаких неприятностей ни для тебя, ни для твоей семьи. Просто объясни и я не буду настаивать...

Она придвинулась поближе и тихо сказала:

- Женщин не учат пользоваться никаким оружием, ну кроме обычных ножей, это не нужно, нас мужчины защищают. Я хотела научиться стрелять из лука, что бы с папой или Скаем на охоту ходить, но мама мне так по рукам надавала... хорошо, что папе не сказала.

Я задумалась. Во время моего путешествия с этими людьми, я не заметила никакой дискриминации по отношению к женской части каравана, наоборот, было видно, что женщин уважают, даже почитают. Всю тяжёлую работу выполняли мужчины, а так же помогали и в приготовлении еды, и за детьми смотрели по возможности. Совсем не было заметно, что женщины как-то не равны в правах с мужьями и сыновьями, но как выяснилось, есть какие-то "табу", которые нарушать нельзя, а я, дурёха, чуть Айру не подставила. Ладно, посмотрим, что мне сам Гай скажет.

- Айра, я сама спрошу у Гая про уроки верховой езды, а вот про оружие спрашивать не буду, хорошо?

Девочка улыбнулась и кивнула.

Гай также был удивлён моей просьбе, но постарался этого не показать. Однако он задумался, я заметила, но всё же разрешил Айре меня поучить. Сказал, что лучше взять для первых уроков Лучика, он был самый послушный и спокойный. Вот так мне и открылась ещё одна особенность этого мира.

На следующей стоянке, возле живописного изгиба реки, эта была всё та же Улитка, уже широкая и полноводная, я начала пробовать. Айра подвела ко мне осёдланного Лучика. Коняшка был невысокий, упитанный и очень гривастый. К слову, у всех лошадей в караване были роскошные гривы и хвосты, которые им заплетали в красивые косы. До этого, близко к коням я не подходила, страшновато как-то было. Но тут сама напросилась, отступить было поздно.

Погладив Лучика по шее и потрепав за холку, я подошла к самой морде, ну чтобы как-то с ним познакомиться. Я гладила его большую голову и лохматую чёлку, как вдруг рука наткнулась на что-то твёрдое. Я вздрогнула. Под чёлкой что-то было... Приподняв тяжёлые длинные волосы, я увидела рог. Небольшой такой, аккуратненький, конусовидной формы.

- Эрдана? - вопрос Айры вывел из прострации.

- Что?! - я резко повернулась.

- Ну, так повод берите.

- А...ну да, немного страшновато, - я постаралась скрыть замешательство.

- Не бойтесь... Лучик смирный.

Поставив ногу в стремя и ухватившись за гриву, я взгромоздилась в седло. Айра объяснила, как нужно сидеть и держать поводья, в общем, ничего сложного. Я старалась не выдать волнения, не столько от того, что первый раз в жизни села на лошадь, сколько от того, что это не лошадь - это единорог! "Вот дела! Единороги реально существуют! Пусть не на Земле, а на Окатане, но ведь и на Земле о них знают, хоть на моей родине это мифические существа,

живущие только в сказках. Я сижу на одном из них и он... меня слушается! Обалдеть! Мир чудес!

Айра водила Лучика под уздцы, а я пыталась удержать равновесие. Мы немного покружили по поляне, народ готовился к ужину и весело на меня поглядывал. Один из парней, младший сын Олмана, улыбаясь во весь рот и видя мою застывшую от напряжения позу, крикнул:

- Эрдана, расслабьтесь, а то не сможете слезть, и нам придётся вас разгибать!

Все засмеялись, ну и я за компанию. Вскоре учили меня уже почти все по очереди, естественно, мужчины и Айра от преподавания была освобождена.

Дней через восемь, это как раз окатанская неделя, мы заехали в большой посёлок. Я целый день тряслась верхом, так как уж очень понравилась мне это дело, сама не ожидала, да и практика требовалась. Было смутное предчувствие, что тренировки эти очень пригодятся. Скай для этих целей даже дал своего гнедого Свиста.

Отношения со старшим сыном Гая и Хейи наладились как-то сами собой. Просто однажды он подошёл ко мне сам и спросил, хочу ли я просто держаться в седле или всё же имею желание овладеть искусством верховой езды серьёзно. Я была только «за». И парень пересадил меня на Свиста. Конечно, это был не меланхоличный Лучик. Конь, а точнее единорог, был норовистым, резвым и потрясающе красивым. Настоящая верховая лошадь, а тяговая коняга. Я узнала, что это Гай подарил его сыну в прошлом году, когда Скай вернулся из столицы, он там учился несколько лет.

И вот, после утомительного дня, когда я думала только о том, чтобы спешиться и размять затёкшее от напряжения тело, караван расположился на отдых. Всем своим табором мы заехали на большой двор у двухэтажного каменного дома. Навстречу высыпали обитатели во главе с хозяином:

- Олман! Гай! Хитан! Рад приветствовать вас, мои дорогие! Наконец-то, дождались! – и, раскинув руки, кинулся обнимать всех по очереди.

- Здравствуй, Кадар! Здравствуй! – Олман, тепло улыбаясь, хлопал хозяина по плечам. - Вот мы добрались до вас.

- Да добрались, я очень рад видеть всех! А некоторых, особенно...

Кадар обнял Хитана, самого старшего члена нашего каравана и по совместительству, отца Олмана, а также Гая. Закончив приветствия, он пригласил всех располагаться и воспользоваться его гостеприимством.

Я же еле-еле сползла со спины Свиста. Скай принял у меня поводья:

- Ну как самочувствие? - ехидненько так спросил.

Я отмахнулась:

- Пожалел бы несчастную девушку...

- А я и пожалею, - парень придвинулся поближе и тихо проговорил, - я очень хорошо умею жалеть, особенно, таких красавиц как ты, - и приобнял меня за талию.

Вот те раз! И этот туда же! Мальчишка совсем, а уже "жалеть" меня собрался. Ну, теперь всё с тобой ясно, а я-то голову ломала, с чего такие перемены, что даже любимца своего дал покататься и учить взялся. Ах, развратник, малолетний! Немного отстранившись, не хватало еще, что бы он меня унюхал, а то мало ли, какие могут быть последствия, я бросила лукавый взгляд и тон в тон ответила:

- Уверен, что у тебя хорошо получится? - и, переведя взгляд ниже его пояса, усмехнулась, - там... уже всё подходящих размеров? Выросло, как положено?

Как же он вспыхнул! Будто я его кипятком окатила! Дёрнув коня за поводья, он резко повернулся и повёл того на конюшню. «Да... не видать мне больше Свиста! Ну да ладно, пусть лучше так. Обидела, конечно, парня, но только шлейфа из кавалеров, таскающегося за мной по

Окатану, мне как раз и не хватает. Достаточно с меня Дайка с Кареллом. Почему-то я была уверена, что если они живы, то будут меня разыскивать».

Я залезла в телегу и уселась на раскладушку. Хотелось спрятаться, расслабиться, наконец-то, поговорить с "мозговым", а то в последнее время вокруг постоянно были люди, движение, поток впечатлений и мыслей и разговора не получалось. Мой внутренний жилец несколько раз звал меня, но сосредоточиться и ответить я не могла, всегда что-то отвлекало.

Я прилегла и вытянула ноги. Мысли вернулись к Скаю. Не стоило так резко... Прямо-таки стеганула по мужскому самолюбию, а ведь он совсем ещё мальчик, восемнадцать лет только. Обиделся, наверно, сильно... Надо было как-то помягче дать ему понять, что не настроена я на амурные дела, тем паче, с членом приютившей меня семьи. Я уже знала, что совершеннолетие у юношей наступает в двадцать лет. Это возраст, когда можно оторваться от семьи, уехать, жениться, сменить ремесло, если не было желания жить так, как твои родители. В общем, полная свобода. И каждый совершеннолетний юноша мог распоряжаться ею так, как хотел, но... Не у всех была такая возможность. Как и на Земле, пробиться из низов, даже к элементарному благополучию, было так же сложно, а для многих просто не реально.

У девушек совершеннолетие наступало раньше - в восемнадцать лет, а выйти замуж можно было уже и в шестнадцать. Но девушки не торопились... они выбирали. В этом тоже была одна интересная особенность Окатана. Девочек рождалось значительно меньше чем мальчиков. В принципе, и на Земле так же: мальчиков рождается обычно больше, но со временем, из-за того, что мальчиков и мужчин погибает больше по различным причинам, соотношение мужчин и женщин выравнивается и даже меняется в сторону преобладания женской части. Но здесь, ситуация была не совсем такая. Женщин было меньше и притом значительно. А на севере, моей так сказать придуманной родине, с этим делом совсем была беда. То есть, если включить логику, получалась очень нехорошая картина. Население медленно вымирает, а с чем связана такая демографическая проблема - загадка.

Из бесед у вечернего костра, обрывков разговоров, повседневных перебрасываний фразами я уже многое знала об Окатане, о том, как тут живётся и чем дышится. Я наблюдала, слушала, делала выводы и строила предположения. Учитывая, сколько времени я этим уже занималась, то получалось очень даже неплохо. Меня очень заинтересовали древние легенды о Хранителе душ и проклятии восьми богов, их как-то после ужина сидя у костра рассказывал детворе старый Хитан. Я тоже слушала, развесив уши и открыв рот. Но как поняла позже, к этим рассказам серьёзно никто не относился, это были просто сказки: древние, интересные, но сказки. Мне же так не показалось. Что-то было в этих почти забытых историях, какое-то "зерно истины" проглядывало, только уловить его не удавалось. Всё было на каком-то интуитивном уровне. Что-то чувствую, ощущаю... Но что?

Ввиду всего этого, ситуация со Скаем не выглядела ни для кого кроме меня, необычно. И дело было даже не в моей примечательной, для жителей Восточных земель, внешности, а в том, что женщин на всех просто-напросто не хватало. На любую, даже в возрасте и, мягко говоря, не красивую, всегда находились претенденты, а про молодых и симпатичных девушек так и говорить нечего.

Тканевый полог кибитки откинулся, и моё уединение было нарушено. Хейа, держа Натри, залезла внутрь и присела рядом.

- Эрдана, вы, что тут спите уже что ли? - она улыбалась белоснежной улыбкой.
- Нет, не сплю, так прилегла просто, ноги гудят, и спину жутко ломит.
- Ну, это ничего, - она махнула рукой, - это с непривычки... пройдёт. Все уже расположились в доме, комнаты позанимали, а вы тут валяетесь!
- Я и тут могу ночевать, эта раскладушка лучше всякой кровати.

- Э-э нет, так не пойдёт... - и схватила меня за руку. - Нужно помыться с дороги, потом ужин, а потом... - она сделала большие глаза.

- Что потом?

- Гай сегодня петь будет! А вы ещё не слышали его голос, поэтому вставайте и будем приводить себя в порядок.

- Ну, будем, так будем. Только Хейа... У меня просьба к тебе есть...

- Какая?

Я постаралась сделать очень просительные глаза:

- Не называйте меня, пожалуйста, на "вы" и "эрдана" не надо повторять. Я тебя очень прошу... И Гаю скажи, пожалуйста. Я Карина или Кари, называйте, как хотите, только не надо таких церемоний, мне очень неловко от этого. Вы столько делаете для меня... Очень прошу... - даже чуть не заплакала.

Хейа очень пристально посмотрела, потом порывисто обняла и прижала к себе, Натри между нами, протестующе, запищал.

- Конечно, милая, конечно... как скажешь.

- И Айре, и Скаю передай, хорошо? Хотя Скай... - и тут я поняла, что проболталась.

- Что, Скай?! - она резко отстранилась и схватила меня за руки. - Он, что обидел тебя?! Говори, не скрывай... Если он что-то тебе сделал, то я ему устрою!

- Нет, нет, не он... Тут другое... - я собралась с духом, - это я его обидела,... наверно, - и опустила глаза.

- Ты?! Но как?

Вот язык-помело, молчала бы тихонько в тряпочку, и сейчас не пришлось бы ничего объяснять:

- Ну... - я подбирала слова, - он тут предложил мне, как это помягче сказать, утешить в общем, пожалеть - и выразительно хмыкнула.

- А ты? - Хейа почему-то странно улыбнулась.

- Ну, я его вроде как оскорбила, сказала, что нужно сначала проверить какого размера его "утешитель", подойдёт ли, вот...

Как она смеялась... Минут десять точно!

- Ой, Кари, ой... - опять хохот, - ну ты... - продолжение хохота, - это надо же, нашего любвеобильного мальчика так обломать. Ну, молодец! Умница! Надо Гаю рассказать, обязательно, пусть порадуетя!

Я облегчённо выдохнула: "Фу-у-у! Вот и прекрасно, что рассказала, а то бы мучилась потом, дура, переживала... Пронесло!" Немного успокоившись и утерев слёзы, Хейа передала мне Натри и выглянула наружу. Покрутила головой туда-сюда, как-бы проверяя, нет ли кого рядом, вернулась и присела, прижимаясь к моему плечу.

- Сейчас я тебе тоже кое-что расскажу, - она хитро улыбнулась, - Чтобы ты не вздумала даже минуты переживать из-за этого. Знаешь, почему мы так рано забрали Скаю из столицы?

- Почему? - прошептала я.

- Он же там из чужих постелей не вылезал! Ладно бы всё оставалось в тайне, так нет! Про него такая слава пошла среди местных дам, что он там не столько учился, чему положено в его возрасте, сколько развлекал замужних красоток, которым своих мужей было мало. Муж за порог, по делам куда, а наш любовничек малолетний, тут как тут. В общем, дело далеко зашло. Ская начали разыскивать. Если бы мы вовремя его не забрали, то убили бы его там. Муж-то, что жене своей делает? Пожурит, да и только. А дурака нашего, если бы поймали, придушили бы на месте!

Она погладила меня по руке:

- Так, что не расстраивайся, ты всё правильно сделала, проучила как надо, а то возомнил себя... ну сама понимаешь кем.

Я рассмеялась. Всё понятно. Хотя парень очень красивый, в маму пошёл. Но, на мой взгляд, уж слишком смазливый. Если его переодеть в платье, да косу заплести, то от девушки будет не отличить.

Первый раз за последние пять месяцев своей жизни, я увидела настоящую кровать, нормальную, хоть и маленькую комнату, и самое главное - большое зеркало, в половину моего роста.

Я была в шоке! Узнать в этой высокой худой девушке, в длинной юбке до пят, мешковатой рубашке, стянутой узким ремешком, с загорелой и местами облезлой кожей, а также светлыми, почти белыми волосами до плеч и пронзительно-синими глазами, бывшую меня, было почти невозможно. Сдёрнув рубашку с плеча, я прощупала шрам на ключице. Он был бугристый, твёрдый, противного розового цвета по всей длине. Я сняла штаны, которые носила под юбкой вместо белья и для уроков верховой езды, поставила изувеченную ногу на массивный табурет и рассмотрела. В общем... если не принимать во внимание эстетическую сторону, всё было хорошо. Но шрамы! Они были ужасны! Бледная кожа с ярко-розовыми растяжками и бугры... одни бугры, крупных коллоидных рубцов. Я одёрнула подол и отвернулась. Почти не болит, не тянет, что ещё надо... Но слёзы навернулись.

В дверь постучали:

- Войдите... - я быстро промокнула влажные глаза.

Вошла женщина:

- Вам сейчас горячую воду принесут, эрдана.

- Спасибо.

А минут через десять я забыла обо всём. "Как же хорошо! Господи, как же хорошо! Это счастье..." Я лежала в воде, от которой поднимался пар. Тело настолько расслабилось, что не хотелось ничего: ни ужина, ни концерта Гая, хотя надо было, конечно, послушать, ни ехать опять куда-то, ничего... Только лежать вот так в этой большой лохани и не думать ни о чём.

- Эй, э-э-эй, не засни тут... - голос "мозгового" вернул с небес на землю, к реальности. Хотя какая с этим воображаемым другом могла быть реальность? Если только воображаемая?

- Ты что-то хотел?

- Давно хотел, но ты как мобильник, периодически недоступна.

- Да... я такая... - даже язык не ворочался от удовольствия.

- Вылезай из ванны, а то так и заснёшь. А сегодня ещё будет много важного и интересного, так что будь любезна, а? - послышались укоризненные нотки и голос был какой-то хрипловатый.

- Да, мой дорогой, конечно... Я сейчас... - Глаза слипались, а голову тянуло вниз.

- Кари, не спи! - Внутренний вопль заставил вздрогнуть. - Вставай немедленно! Поднимайся, а то захлебнёшься!

- Не кричи так... вылезая

Не успела я толком обтереться, как в дверь опять постучали и голос Айры произнёс:

- Карина, ужин стынет.

- Да иду я, иду...

Пока я одевалась и пыталась хоть как-то привести волосы в порядок, Мозговой читал мне лекцию, о том, что я его совсем забросила, что нам нужно чаще общаться, что он скучал, в конце концов.

- А как же твоя карта и другие дела? И ты сам иногда прерываешь наши разговоры буквально на полуслове... Это как понимать?

Он помолчал немного, я ощущала, как он думает, что сказать, а потом как-то растерянно произнёс:

- Я не хочу навязываться...

- Но, по-моему, ты уже давно навязался или нет?

- Ну... вроде как да.

- Так почему ты мне мозги выносишь? Помог бы лучше с языком, слова вовремя подсказывал, а то я ещё забываю иногда.

- Прости... не всегда получается вклиниться.

- Но почему?

- Это не так просто, как ты думаешь.

- Ладно, пошли, а то ничего не достанется, без нас всё съедят.

Махнув рукой на лохматую белобрысую шевелюру, я спустилась вниз.

Дом был чем-то вроде постоянного двора или гостиницы. В этом месте пересекалось несколько караванных путей и постояльцев иногда бывало много, но сейчас остановился на постой только наш караван. На первом этаже находилась кухня и большая светлая столовая с большими деревянными столами и лавками. Уже почти стемнело, но яркие светильники по периметру, давали много света.

Вечерняя трапеза была в самом разгаре: народ уплетал горячую еду, несколько подростков бегали с мисками и кружками, как официанты в ресторане. Вокруг чисто, аккуратно и очень вкусно пахнет.

Подскочившая Айра, потащила меня к общему столу. Я уселась и сразу же перед носом появилась большая тарелка с ароматным куском мяса и гарниром из тушёных овощей, а также глиняная кружка с местным слабоалкогольным напитком, похожим на пиво, его мне уже доводилось пробовать. В центре стола стояли миски со свежей зеленью, закусками и мягким теплым хлебом.

Хозяин этого застолья сидел невдалеке между Олманом и Гаем и оживлённо болтал. С аппетитом уплетая вкуснейший ужин, я как всегда наострила уши. Сначала разговор шёл про последний урожай этого года, что уродилось, что нет, потом перекинулся на предстоящую ярмарку в Маргосе, что брать, что не брать, по каким ценам, с кем возможен обмен и на что, в общем, вполне обычные разговоры торговых людей. Но, подсевшая к столу супруга хозяина, высокая дородная женщина в тёмно-красном платье, толкнув мужа в бок, развернула разговор в другую сторону:

- Ты лучше гостям про охоту на крокодилов расскажи.

- Точно! Я и забыл совсем на радостях.

За столом загалдели. Всем было интересно, ну а мне, тем более. "Крокодилы! Ничего себе! Здесь есть крокодилы, Мозг слышишь?"

"Слышу я, всё слышу», - донёсся шёпот.

Оказывается, южнее, в поймах рек, впадающих в море, водилось много крокодилов. В особенно жаркие и влажные годы они плодились в огромных количествах. А так как такой прорве пищи уже не хватало, то подросший молодняк, да и более взрослые особи, доставляли местным жителям большие беды: нападали на людей, топили лодки рыбаков, заползали в поля и огороды. Вот тогда и начиналась большая охота!

Бросался клич по всем окрестностям, и собирались охотники и просто желающие пощекотать себе нервы. Но это не самое главное, для меня интересно было то, что на эту грандиозную бойню нанимали ангалинов. Про них я слышала уже не один раз, но видеть, ещё не доводилось. Да где я могла их увидеть? Ангалины жили в море, вернее не в самой воде, а на островах, которых, оказывается, было великое множество.

Что представляли собой эти существа, предположить пока было сложно. Я поняла только, что это рептилоиды или разумные ящеры. Они понимали человеческую речь, но сами с людьми никогда не разговаривали, хотя Дайк упоминал как-то, что у них есть свой язык, на котором они общаются между собой.

Поэтому, когда зашла речь об этих загадочных существах, я старалась ловить каждое слово. Охота была знатная, как сказал Кадар. «Кроков» убили, только в окрестностях Банкора, не меньше "окмиля". Сколько составляет этот "окмиль", я толком не поняла, так как с местной исчислительной системой ещё не разобралась, а спрашивать не рисковала. Я и так выглядела подозрительно для местных, и афишировать полное незнание элементарных вещей не хотелось. Понятно было, что "окмиль" - это много.

- А ангалинов, сколько было? - спросил кто-то.

- Я не считал, но рядом с нашей группой из пяти человек, всегда был один или два, а групп было около двадцати, вот и считай. Наместник в этот раз не поскупился, отвалил ящерам, столько золота, что они его на плоту поволокли.

- А с чего это? - поинтересовался сын Олмана.

- Говорят, что младшенького сынка наместника крокодилы сожрали, а дочка его, на её глазах это случилось, так испугалась, что до сих пор лекари её в себя приводят. Помутнение - и он постучал пальцем по лбу - случилось от ужаса. То ли лодка перевернулась, то ли он сам в воду свалился, я не знаю. Но эти морские чудовища хорошо заработали. Правда, без них, сами понимаете, было бы совсем туго. Ангалины справляются с кроками на раз, один десять охотников заменяет. Теперь в Банкоре года три-четыре точно спокойно будет, пока опять наплодятся.

Далее бесперебойно посыпались вопросы о том, как проходила охота, и как выглядит оружие ангалинов, и как делили и почему, потом продавали крокодильи шкуры, и что говорят в Банкоре о стычках на пограничных островах, и будут ли опять пропускать ящеров в храмы и много-много о чём другом.

У меня голова пошла кругом и от шума и от алкогольного напитка, а выпила я кружки три, не меньше, пока доедала ужин и слушала хозяина. За это время помещение заполнилось людьми до отказа, похоже, собрался весь посёлок. Столы раздвинули, на лавки присело несколько мужчин с музыкальными инструментами, а также Скай с гитарой. По краям импровизированной сцены рассадили совсем престарелых жителей, некоторые были настолько немощны, что полулежали в широких креслах, а рядом пристроились, возможно, дети или внуки.

Этих глубоких старичков, было четверо: одна бабулька, в ярком платочке и три дедушки, один из которых, как мне показалось, был совсем плох. Гай встал из-за стола и вышел в центр. Смотрелся он великолепно. В белой рубашке с широким отложным воротником и чёрном жилете, он выглядел как настоящий оперный певец во фраке. Все притихли.

- Я очень рад, - произнёс он своим бархатным голосом и, обводя взглядом присутствующих, - что наш путь в этом году привел сюда, к вам, нашим дорогим друзьям. И сегодня я вижу всех во здравии и радости.

Он по очереди подошёл к престарелым жителям, каждого обнял и лично поприветствовал. Самый древний старичок, бледный и сухонький, прослезился и скрипучим голосом сказал:

- Я счастлив Гай, Голос Окатана, что уйду в хранилище душ под звуки твоего голоса, я дождался тебя.

Гай ещё раз обнял его и махнул музыкантам.

Оказалось, что на тех уроках языка, когда он пропевал со мной детские скороговорки, он не пел, а разговаривал и притом шёпотом. Пел он сейчас! И хотя он был один, казалось, что звучит

хор, настолько слаженный и стройный, звонкий и чистый, что я поначалу несколько раз оглядела слушателей, в поисках тех, кто попевает. Но певец был в одиночестве.

Народ даже не шевелился. Все застыли как каменные изваяния. Я тоже закрыла глаза, как и многие. Звуки волшебного голоса проникали глубоко внутрь. Каждая клетка, каждый нерв, вторили лёгкой вибрацией, приводя тело в странное воздушное расслабление. Диапазон у Гая, наверно, был безграничным. Я не очень хорошо разбираюсь в вокальных способностях, но он мог петь басом и сопрано, глубоким контральто и звонким тенором и, как я поняла, всеми другими возможными голосами. Но дело даже не в этом, а в том, какое воздействие он оказывал на слушателей.

Сквозь полуприкрытые веки, я видела, все в таком же состоянии, как и я. У некоторых женщин по щекам текли слёзы, дети сидели как мыши, даже самые маленькие, старики с блаженными улыбками лежали в своих креслах. Когда эта длинная красивая баллада о звезде жизни Раматэе и её непокорной дочери Эале закончилась и стихли последние аккорды, несколько минут стояла гробовая тишина. Но Гай хлопнул в ладоши и люди, вздрогнув, начали приходить в себя, как после сеанса гипноза. Может это и не был гипноз в буквальном смысле, но какое-то трансовое состояние так уж точно.

Я тоже дёрнулась от звучного хлопка и повернулась к сидящей рядом Хейе:

- Хейя, что это было? Это же восхитительно! Я даже вообразить не могла, что так бывает... Разве у человека может быть такое голос?! Он же... он же... - слова никак не подбирались.

Женщина вздохнула и глянула на мужа таким жарким и восхищённым взглядом, что у меня мурашки побежали.

- Это... это Голос Окатана, все его так называют... Мы уже столько лет вместе, а я до сих пор благодарю богов, небеса и звёзды, за то, что он выбрал меня. Неужели ты ничего не слыхала о нём? Голос Гая обладает целительной силой: некоторые больные выздоравливают, не все, конечно, но никто не знает на кого и как подействует его песня, а некоторые женщины, - и она совсем склонилась к моему уху - даже... беременеют, - и захихикала. Не буквально от него, конечно, но мне таких охотниц долго отваживать пришлось в своё время.

- Я жила в такой глуши, Хейя, настолько далеко от Восточных земель, что даже Голос Окатана не мог донестись так далеко.

- А где, далеко?

- Ох, не спрашивай, очень больно вспоминать.

«Но зато теперь я знаю, как звучит самый прекрасный голос во Вселенной», - подумала я уже по себя.

А праздник меж тем продолжался. Гай заливался соловьём, потом к нему присоединилась Айра и вместе, отец и дочь, выдавали такие трели, что захватывало дух. Местные были в восторге, музыканты старались во всю, а вскоре и танцы начались. А это уже никуда не годилось. Меня начали приглашать и очень настойчиво, отказы не принимались. Говорить "нет, я не танцую" было неудобно, но и соглашаться тоже. Я боялась, что не дай бог, кто-нибудь из мужчин унюхает мой странный запах, и тогда отвязаться будет сложно. Голубеньких цветочков, которые маскируют запах, у меня давно уже не было. Поначалу, я забывала их собирать, а потом в пути они больше не встречались, и я просто держалась от мужчин подальше. Но свою не совсем обычную внешность, было не скрыть, если платиновые волосы можно спрятать под платок, то ярко-синие глаза с длинными пушистыми ресницами, деть было некуда.

Поэтому, попрыгав несколько танцев и поведив хоровод, я попыталась незаметно смыться. Но не тут-то было. Несколько парней вцепились мёртвой хваткой:

- Что такая красивая эрдана делает среди караванщиков? Куда держит путь? Неужели в столицу? Ко двору террхана? Ваше место именно там.

- Если ищете богатого мужа, то конечно. А если любовь, - меня почти вжали в стену, - тогда и у нас можно присмотреть. Не пожалеее!

Я оторопела. Такого натиска, притом прилюдно, я не ожидала. И что отвечать было не понятно.

- Мы вас никуда не отпустим, пока веселье не закончится, а если хотите уйти... - один из парней меня к стене и прошептал, - то я составлю компанию, никогда не забудешь...

Я совсем растерялась. Как отвязаться от них? Закричать? Или отвесить оплеуху? Но... в гостях... в чужом доме, а это, вроде как, сын хозяина... Что делать? Как себя вести? Положение спас, как ни странно Скай. Активно растолкав моих ухажёров, он схватил меня за руку и оторвал от стены:

- Эрдана путешествует с нами и находится под покровительством нашей семьи на всё время своего пути, так что... - он обвёл всех строгим взглядом и положил ладонь на рукоять короткого меча. - Если не хотите ссориться, не следует настаивать... И кстати, - он хитро улыбнулся, - эрдана обещала мне несколько танцев.

Я радостно кивнула, и Скай уволок меня в круг танцующих. Через несколько часов, когда веселье закончилось, и народ уже почти разошёлся, парень решил проводить меня до комнаты. На пороге я обернулась:

- Скай, прости меня...

- За что? - и прислонился плечом к косяку.

- Я обидела тебя, извини...

Он тряхнул головой:

- Я сам виноват, забудь... - помолчал немного, а потом добавил, - меня заносит иногда. Отец говорит, что после совершеннолетия это пройдёт. И он в моём возрасте тоже был таким... ну сама понимаешь... Вот... Так, что это ты прости меня... Простишь?

- Конечно, уже простила. Ты очень выручил меня сегодня, я не знала, как поступить. Ещё плохо знаю ваши обычаи и такое внимание со стороны мужчин, немного пугает. Спасибо.

- Да ладно, - парень улыбнулся, - я же вижу, ты никого не хочешь, даже меня.

Я засмеялась:

- Скай, ты неисправим, тоже мне герой-любовник.

- У тебя, что кто-то есть уже на примете? - он понизил голос до шёпота.

Я не знала, что ответить.

- Значит есть?

Скай выжидающе смотрел, слегка касаясь моих пальцев.

- Скай... я не хочу никого обманывать, но и сказать пока ничего не могу. Не спрашивай меня... Я не хочу, ни с кем заводить никаких отношений, так как не знаю, что ждёт меня впереди и куда приведёт мой поиск, поэтому... Давай не будем говорить об этом, пожалуйста.

Юноша вздохнул и улыбнулся:

- Не буду настаивать, уговорила. Правда не совсем понятно, что или кого ты ищешь, может я смог бы помочь?

Я молчала.

- Отдыхай. Завтра переезд тяжёлый, - и развернулся, что бы уйти.

- Скай?

- Ну?

- А Свиста дашь?

Он хмыкнул:

- Посмотрим на ваше поведение, эрдана.

Вот же вредина!

Заснула я, как только голова коснулась подушки. А утром пропал Натри. Разбудили меня громкие голоса, топот ног и суматоха во дворе. Я быстро оделась и спустилась во двор. Возле наших телег сидела Хейа и плакала, Гай, Олман, Айра, да и все остальные носились в поисках. Я присела рядом.

- Кари, я больше не могу, - она вытирала слёзы, - этот ребёнок отравит всех нас к Хранителю раньше срока. Как он умудряется так пропадать?! Вот только я его покормила, усадила, отвернулась ну... на мгновение и всё... нет его. Он будто растворяется! Кари, я не знаю, что делать, как справиться...

- Хейа, он где-то здесь, он не мог никуда далеко уйти. Мы найдём Натри, вот увидишь.

И мы его нашли. Но только через два часа, на чердаке, возле сундука со старым барахлом.

"Странно, очень странно, - думала я, глядя как родители пытаются вразумить своё исчезающее дитя. - Как он мог незаметно туда забраться? Кругом люди, лестницы высокие, а на чердак, вообще, вёл люк с тяжёлой крышкой. Как такой маленький ребёнок мог там оказаться и притом быстро и незаметно? Что-то тут не то..."

Из-за этой задержки выехали мы гораздо позже. Олман был очень злой, но в этот раз ничего никому не высказывал, просто стегал лошадей и задал всем кибиткам большую скорость. Я ехала верхом на Свисте. Скай поломался немного для вида, но потом разрешил, если запрягу сама. Что быстренько я и сделала.

Вот никогда бы не подумала, что мне придётся скакать верхом и запрягать лошадей, пусть и рогатых. Свист меня уже слушался и вполне не плохо. Подход к этому резвому жеребчику я нашла быстро, когда выяснилось, что он падок на сладости. Поэтому, без сладких фруктов, я к нему не совалась. А сочные, почти приторные, красные и жёлтые фрукты, похожие на маленькие яблочки, в телеге с провиантом были всегда.

Я поочередно двигалась, то рядом с телегой, которой правил Скай, то с той в которой сидела Айра, а иногда и с кибиткой Гая и Хейи. И вот какой разговор я услышала, когда опять приблизилась к ним.

Хейа всё не могла успокоиться из-за пропажи своего младшего сына, всё вычитывала Мышонку, что так делать нельзя, что нужно слушаться и никуда нельзя убежать и прятаться, что мама и папа очень любят его и переживают, как-бы что-нибудь с ним не случилось и всё в таком духе... Малыш сидел, насупившись, и теребил в ручонках какой-то шнурок. Глазки его были влажными, но он не плакал, просто сопел.

- Гай, милый, что же нам с ним делать, а дальше-то, что будет?

- Не знаю я, не знаю... - ответил он и стегнул Лучика.

- Это добром не кончится, я чувствую... - женщина промокнула глаза. - Раз повезло, два, но с ним же может случиться всё, что угодно. - И она прижала к себе мальчика. - Может, если бы получилось каморту достать, он бы не смог удирать?

- Достать... ага... Где? Они же все наперечёт и стоят... сама знаешь, целое состояние. Но тут даже не в деньгах дело, - он вздохнул, - никто не продаст такую редкость.

А эта самая редкость лежала сейчас в моём мешке в телеге под раскладушкой. Я про неё совсем забыла! Первым порывом было достать эту чудо-верёвку и отдать Хейе, но потом я задумалась: «"Слепую смерть" мне отдал Дайк. Кому она принадлежала, ему или Кареллу, а может кому-то из членов лесной банды, неизвестно. Если не Дайку, то получается, что он её украл, а раз это такая большая ценность... Но, с другой стороны, Дайк не был уверен, что он останется в живых или, что мы снова встретимся; вернуть её он меня не просил, а просто положил в мешок. О редкости и дороговизне этой штуки тоже не предупредил, хотя... разве было у него на это время? Не возникнут ли вопросы, откуда я её взяла? А они возникнут. Вот и сделай доброе дело, последствия могут быть непредсказуемы. Ладно, не буду пока принимать

скоропалительных решений: каморта в мешке и никуда не денется, Натри под пристальным надзором и надеюсь, никуда пока не удерёт. А дальше видно будет, каким образом сделать Гаю и Хейе такой шикарный подарок».

До Маргоса оставалось ещё больше недели пути, как поведала мне Айра. Окружающий пейзаж кардинально изменился. Относительно ровная местность с перелесками и широкими лугами сменилась высокими лесистыми холмами и скалистыми кряжами. Несколько раз встречались высоченные деревья - гиганты, одно из которых, не так давно послужило нам с Мышонком приютом. И каждый раз неподалёку от этого великана мелькало сине-зелёное "райское поле". Видя это соседство, я непроизвольно вздрагивала:

"Неспроста эти деревья растут рядом с "райскими топями". У такого огромного дерева должна быть не менее громадная корневая система. Но как такая масса может соседствовать с зыбкой, мягкой и насыщенной влагой почвой болот? Непонятно... Если только корни дерева уходят настолько глубоко, что никакое болото им нипочём. Эй, Мозг, как думаешь? Ау!"

- Вполне возможно, но думаю, что между этими ядовитыми болотами и древесными гигантами есть какая-то связь, вероятно на уровне симбиоза.

- Интересно, а в чём тогда это может проявляться?

- Сложно сказать... Может, болото питает дерево, даёт ему такие вещества, которых в обычной почве недостаточно или совсем нет, а дерево своим огромным силуэтом притеняет болото от избытка света и благодаря этому оно не пересыхает. Может причины в сильнейшем яде, который обладает такими уникальными свойствами. Тут тебе лучше знать.

- Почему мне лучше знать? - я совсем не поняла, к чему Мозговой это сказал.

- Ну как почему?! Ты же испытала действие яда на себе, пропустила, так сказать через свой организм, прочувствовала последствия...

- Какие последствия?

Повисла долгая пауза.

- Ты что, ничего не поняла, что ли?

- А что я должна была понять?

- Ну, Кари! Ты просто иногда меня поражаешь! Такая невнимательность! Ты, что так до сих пор не связала изрезанные ядовитой травой ладони и новый цвет твоих глаз и волос?!

Я осадил Свиста и отстала от каравана, так как мысленно разговаривать уже не могла:

- Не вопи так, пожалуйста. Я хотела поговорить с тобой об этом, но забыла. И так я только и делаю, что слушаю, запоминаю, сопоставляю, анализирую и при этом боюсь лишнее слово сказать или спросить что-нибудь не то. И если я что-то упустила, то это не повод...

Он перебил меня:

- Прости, я не хотел тебя обидеть. Только не обижайся, я тысячу раз не прав.

- Да не обижаюсь, ладно, - я махнула рукой. - Проехали... Значит, мои синие глаза и совсем светлые волосы это последствия отравления?

- Верно, но это не всё.

- Та-ак... Какие ещё могут быть сюрпризы?

- Я не до конца уверен, но похоже, что яд вступил во взаимодействие с твоим организмом настолько глубоко, что внёс изменения даже не на клеточном, а на молекулярном уровне и процесс ещё идёт.

Внутри похолодело.

- Какие изменения?

- Не знаю. Но ты не думай ничего плохого, надеюсь, ничего страшного не случится.

- Спасибо, успокоил... Я, что в чудовище превращусь? О, нет! Только не это, не хочу!

Свист подомной как-то вдруг заволновался и рванул в галоп. Я дёрнула поводья и сильнее

прижала ноги к бокам:

- Стой Свист, стой... Спокойно... Куда ты рванул так... Вот чувствительный какой, рогатик... Тпру!

Через несколько минут удалось его успокоить и перейти на лёгкую рысь. Фу! Чуть из седла не вылетела. Эта борьба с норовистым жеребцом отвлекла и немного успокоила. Я заметила как Скай, правящий последней телегой, несколько раз оглядывался и махал рукой, мол, не отставай. Я махнула в ответ.

- Ладно, не буду панику раньше времени поднимать. Время покажет. Только Мозг, слышишь? Предупреди, если заметишь, ну там, изменения какие-нибудь во мне...
- Успокойся, дорогая, всё будет в порядке. Ведь ты чувствуешь себя хорошо?
- Вполне, даже очень хорошо.
- И прекрасно. Кстати говоря, ты здесь уже столько времени, а ни разу ничем не заболела.
- Поплюй! Болеть только не хватало.
- Но это же, правда.
- Правда,... даже насморка не было.
- Ну вот...
- Что вот?
- Подходит тебе здешний климат, вода, еда... всё.
- Просто я закалилась: купания в ледяной воде, жизнь под открытым небом, свежий воздух и чистая вода, еда простая и здоровая, без всякой химии, вот и результат.
- Это само собой, всё правильно. Но болото тебя не убило, ты выжила, хоть и немного изменилась внешне.

- А скажи, - я хитро улыбнулась, - какой я тебе больше нравилась, как раньше в лесу или как сейчас, синеглазой блондинкой? - и тряхнула белокурой шевелюрой.

Внутренний хохот был жутко заразителен.

- Кари, я тебя обожаю! Ты мне нравишься любой, и как раньше и как сейчас. И даже если превратишься в пучеглазого, многоногого монстра с хвостом и клыками, я всё равно буду тебя любить! - он продолжал залиvisto хохотать.

- Вот только про монстров не надо вспоминать.

- Не буду!

Через несколько часов, когда день уже близился к вечеру, набежали тучи и задул сильный холодный ветер. Олман продолжал гнать караван вперёд, невзирая на непогоду. Люди и лошади уже изрядно устали, дорога вела почти весь день в гору. Холмы превратились в сопки и вдалеке маячили горные вершины. Я пересела в телегу к Скаю, а Свиста привязала на длинный повод, бежать рядом.

- Что, устала? - парень передал мне вожжи. - Подержи, я флягу возьму.

Пошуршав в кибитке, он присел рядом и накинул мне на плечи тёплую, подбитую мехом куртку, а сам натянул вязаный свитер, откупорил круглую флягу и протянул мне. В нос ударил знакомый алкогольный запах. Это была кшаса, местная водка.

- Пей, скоро дождь пойдёт, а до стоянки ещё долго.

- А где ночевать-то будем?

- Не доезжая Чёрного ущелья, есть постоянный двор, там и заночуем. Хозяин дерёт в три дорога, но в этих местах опасно, горные волки могут всех лошадей вырезать, а там каменные стены. Вот Олман и гонит, что бы успеть до заката, но не успеем.

Я сделала несколько глотков. Острая жидкость обожгла горло. Скай взял флягу и тоже приложился.

- Сможешь править? Надо факелы подготовить.

- Смогу.

Темнота застала нас в пути. Мелкий морозящий дождь и пронизывающий ветер, вынудили всех утеплиться и накинуть плащи с капюшонами. Если бы не факелы, которые почему-то не тухли от дождя и ветра, то передних кибиток было бы совсем не видно. Гай с сыном и другими мужчинами скакали верхом, объезжая телеги. Было холодно, темно и немного жутковато. Лошади уже еле тянули, когда впереди, как маяк, мелькнул свет.

Вскоре, мы вместе с Айрой лежали на соломенном матрасе под тёплым одеялом недалеко от большого камина. В этом месте ночевал ещё один караван, даже больший чем наш и свободных мест не было. Поэтому хозяин разместил нас в большой нижней комнате на полу. Пока мужчины определяли лошадей на ночь, Хейя с Раймой, женой Олмана, и их невесткой, быстро сообразили небольшой ужин из наших запасов, и через час почти все уже спали.

Айра свернулась калачиком и, прижимаясь к моему боку, тихонько сопела. С другой стороны, почти рядом, устроились Хейя и Гай с Натри посередине. Сон не шёл. Ни усталость, ни несколько глотков крепкой кшасы, как снотворное пока не сработали. Я лежала и смотрела на трепыхающиеся языки пламени в камине. Поленья потрескивали и иногда выбрасывали яркие фонтанчики искр.

С другой стороны комнаты, где разместились в основном мужчины, доносился дружный храп. Я улыбнулась про себя. Вспомнилась моя лесная банда и хижина, с каменным очагом. И то, как я, лёжа в углу, на таком же соломенном матрасе, глядела по вечерам на пламя и слушала такой же мужской храп. Как давно это было! Но это только кажется, что давно. На самом деле ещё и двух месяцев не прошло, как я сбежала и путешествую с караваном. Просто за это время я столько увидела и узнала, многому научилась, что создалось впечатление, будто жизнь в лесу, Дайк, Карелл, вечерние купания, обрыв... - всё это было так давно. А та, другая жизнь, с работой, Катькой и племянниками, друзьями, телевизором, интернетом, супермаркетами и большим шумным городом... всё это... не реально. Это сон, просто сон. Что-то настолько далёкое и неправдоподобное, что даже страшно. Неужели человек так быстро ко всему привыкает, никогда бы не подумала, что это возможно. Вот так раз... и всё. Была одна жизнь, а теперь совсем другая. Где-то... во Вселенной.

Прошлое отступило... Ушло так далеко, наверно, за сотни, тысячи, а может и миллионы световых лет. Где я? Как далеко? А может мой мир совсем рядом? Где-то за невидимой стеной параллельной реальности? Стоит протянуть руку и вот он... Родная Земля, дом, семья, привычная жизнь, чудеса техники, дороги, автомобили, огромные города, самолёты, железные дороги, сотовая связь, спутниковые системы и всё-все чем живёт и дышит родной мир. Может, не нужно было убегать из леса? А остаться, для того чтобы узнать точно, где меня нашли? Может, проход в мой мир ещё открыт, и я смогла бы вернуться тем же способом, каким и попала сюда? Но что теперь сожалеть? Я сбежала... и утратила связь с возможной точкой возврата. А вдруг существуют и другие пути? Но сейчас нет никакого представления о том, что делать и как вернуться.

В дальнем углу послышалось ворчание, какие-то ругательства и сонный, замученный Скай выбрался из лежащих на полу тел. Он присел возле камина и подбросил несколько поленьев, что-то бурча под нос. Сидел, правда, не долго. Накинув на плечи одеяло, парень потопал к нам, переступая босыми ногами через спящих.

- Мама, я к вам, там спать невозможно, - и втиснулся между мной и Хейей, - такой храп, что мои чувствительные уши не выдерживают.

- Ты будешь вести себя прилично? Рядом эрдана... - шипение Хейи меня рассмешило.

- Мать, как не стыдно? Мне нужно просто выспаться...

- Хейя, пусть ложиться, там действительно слишком шумно.

- Ну вот, Кари разрешает. Давайте спать... - он придвинулся поближе и набросил на меня половину своего одеяла.

Переход через Чёрное ущелье и перевал выдался очень тяжёлым. И погода этому весьма поспособствовала. Дождь то переставал, то начинался заново. Дорога местами размокла, и кибитки часто приходилось вытаскивать из небольших скользких ям. Два каравана медленно ползли гуськом по узкой дороге. Пару раз слетали колёса и ломались оглобли.

Я правила последней кибиткой в нашем таборе, той в которой обычно ночевал Скай, и помогала с перераспределением грузов из одной телеги в другую, когда возникала такая необходимость. В общем, работала наравне со всеми. Чёрное ущелье было чёрным в прямом смысле. То ли это была такая горная порода, возможно чёрный базальт или вулканический обсидиан, может что-то другое, но нависающие с двух сторон огромные каменные стены были чернее самой чёрной ночи. Очень гнетущее впечатление!

Когда ущелье осталось позади, я обрадовалась. Сквозь дыры в серых тучах сверкнули светила. Различить двойственность солнца среди дня не представлялось возможным. Я подставила лицо тёплому свету и скинула капюшон.

- Ну, вот вроде и дождь закончился, - Скай, улыбаясь, спрыгнул со спины Свиста и устроился рядом, приняв вожжи.

- Устал?

- То ли ещё будет...

- В каком смысле?

- Спать ночью мало придётся: будем дежурить, охранять караван...

- Что волки? Но нас же много...

- Не только... - парень напрягся.

- Ну, говори, чего жмёшься? - я толкнула его в бок.

- Нас-то вроде и много, но лучше бы с этими - и он кивнул головой назад, показывая на следующие за нами пятнадцать больших тяжёлых повозок, - мы не встречались.

- Почему? Там же одни мужчины и все вооружённые. С такой компанией никакие волки не страшны.

Скай набрал в грудь побольше воздуха и пристально глядя произнёс:

- Эрдана Карина, с какой звезды вы свалились?

Я чуть не ляпнула, что не со звезды, а с планеты, но вовремя прикусила язык.

- Это же караван из Альдаска, набитый золотом. Ты что, северян своих не признала?

Сердце екнуло, и мысли запрыгали испуганными блошками: "Вот те раз! Золото?! Моих северян?! Да я даже не имею представления о том, как они должны выглядеть! "Мозговой", что говорить не знаю?! Спасе-а-ай!"

"Насупься и молчи в тряпочку!" - донёсся голос.

Я отвернулась и накинула капюшон.

- Кари, ты чего? - Скай придвинулся поближе и зашептал на ухо. - Ты скрываешься, да? Ты сбежала от кого-то?

Я продолжала играть в молчанку.

- Не бойся, я никому ничего не скажу. Ты можешь мне верить Кари, правда... Они ведь про тебя уже спрашивали...

- Спрашивали про меня?! - я резко повернулась и схватила парня за руку. - Но что?!

- А-а, хитренькая! Расскажешь от кого бегаешь, тогда и я кое-что тебе расскажу.

- Ну не будь таким вредным! Расскажи, а? Мне очень надо знать, пожалуйста!

- Ну не знаю, не знаю... Можно ли с такой "звездой" вести серьёзные разговоры...

- "Звездой", значит? - внутри всё сжалось в нехорошем предчувствии. С некоторых пор

"звёзды" и "звёздочки" вызывали не очень приятные ассоциации.

Голос Гая прекратил наш разговор:

- О чём секретничаете?

- Отец... мы тут...

Гай, верхом на вороном жеребце со спиленным рогом, которого купили ещё утром у хозяина дома за ущельем, вооружённый мечом, с кинжалом за поясом, в тёмно-зелёном колете из крокодильей кожи, смотрелся великолепно.

- Кари, можно тебя попросить?

- Конечно, всё, что угодно.

- Там, - он махнул в сторону передних кибиток, - Хейе помощь нужна. А ты, - и очень строго взглянул на сына. - Когда Кари вернётся, с Гаром вперёд поскачешь, нужно выбрать место для ночёвки.

Он тронул поводья и тихо проговорил, но я расслышала: " Почему мы не разминулись?" Пришпорил коня и поскакал к моим мнимым землякам.

Я спрыгнула на землю и побежала вперёд догонять первые повозки.

Хейа всучила мне Мышонка и вожжи.

- Мне нужно кое-что сделать, а на тебе Натри и повозка.

- Хейа, а почему Гай сказал, что лучше бы мы не встречались? Ну, с этим караваном...

Женщина присела рядом:

- Они для нас не лучшие попутчики.

- Почему?

- Из-за того, что везут.

- А откуда вы можете знать, что там в телегах? Всё же наглухо закрыто.

- Ох, Кари, - она улыбнулась и похлопала меня по плечу, - посчиталась бы ты с наше, то сразу бы догадалась. Нас не проведёшь...

- Они золото везут, да? Мне Скай сказал...

- Да. А "золотую банду" так и не поймали.

- Что?! "Золотую банду"?!

- А ты разве не слыхала?

- Ну... так... кое-что, - сердце заколотилось, как бешеное.

«Их не поймали, не поймали... слава богу! Странно, нужно испугаться, что атаман и остальные на свободе, а я радуюсь, как дурочка. Точно ненормальная! "Крыша" всё же, наверно, немного съехала».

- Когда мы ночевали у Кадара в "Большом перекрёстке", помнишь?

Я кивнула.

- Так за ужином рассказывали, что пару месяцев назад сыскари террхана хотели накрыть их прямо в логове, где-то на Кифовом носу. Но что-то не заладилось и взяли только одного, самого здорового и то потому, что он оказался сильно ранен, а остальные сбежали по какому-то тайному проходу в горе. "Гоблина..." - мелькнула мысль.

- Так вот. Думали, что он главарь. Сначала ждали, умрёт он или выживет. Потом когда тот немного очухался, начали выяснять, кто он и что знает. Террхану-то золото нужно, как воздух. А за три года его столько украли, о-го-го! Но ничего не узнали, тот бандит молчит как рыба, и что ни делали, молчит и всё. И когда уже решили казнить, то вроде как кто-то из окружения террхана, узнал его. И говорят, что этот здоровяк, сын родного брата северного правителя. И казнь отложили. Вот и держат его в тюрьме, может в столице, может ещё где. А недавно, говорят, банда опять объявилась. На купцов каких-то напали, которые вниз по реке в Банкор сплавлялись. Вот такие дела! Так что от караванов с золотом лучше держаться подальше. Только

пока нам деться некуда, дорога-то одна. И до Маргоса нам от них не оторваться. Вот наши мужчины и волнуются. Бандиты разбираться не будут, где, чьи повозки.

Хейа ушла в кибитку. А я правила лошадьми с Натри на руках. Мальчик крутил головой по сторонам, подавая мне какие-то команды. Он явно лучше знал, как управляться с повозкой. Я же переваривала полученную информацию и мало обращала на него внимание. Сколько же интересного я пропустила, пока отлёживалась в ванне и крутилась перед зеркалом в этой гостинице. Там же за ужином обсуждались последние слухи и сплетни. Недаром Мозговой меня выгонял, а я балда всё тянула, не хотела никому на глаза показываться. Ну, хорошо, что сейчас узнала хоть что-то. Значит, они живы: Грас в тюрьме, а остальные где-то бегают. Только бы с Дайком ничего не случилось. Он же навёл сыскарей на хижину на Кифовом носу. Только бы Карелл его не убил... А правильное название, я тоже сравнила этот странный обрыв с носом. Кифов нос... Интересно, кто был этот Киф? Надо будет разузнать.

На закате мы расположились на стоянку среди двух лесистых холмов. Погода улучшилась: ветер, разогнав тучи, успокоился, солнышки плавно катились одно за другим к красному с жёлто-оранжевыми полосами горизонту. По приметам я уже знала, что завтра будет хорошая погода. Караваны расположились на некотором расстоянии друг от друга. Разожгли большие костры и выпустили собак. Олман распределил дежурства и очерёдность сна. Ужин прошёл почти в полном молчании. Несколько раз подходили северяне и что-то обсуждали с Олманом и Гаем. Я же пряталась в кибитке. Не давали покоя мысли о том, что этим "викингам" от меня могло быть нужно. А некоторые, из сопровождающих «ценный груз» мужчин, действительно, чем-то были похожи на викингов: высокие, широкоплечие, светловолосые, у каждого топор за широким поясом, меч за спиной и по два длинных кинжала.

Когда совсем стемнело, я зажгла большой масляный фонарь и достала из-под раскладушки мешок со своим "добром". Развернула и погладила радужную раковину: "Дура я, наверно, совсем дура. Надо было напрямик в Латрас двигать, на встречу с Дайком. Со своим "нянем" я бы чувствовала себя гораздо увереннее и спокойнее. Нет, дёрнули же черти, остаться с караванчиками и ехать сейчас совсем в другую сторону. Когда же я в Латрас попаду, хорошо, если к зиме, а если нет? И северяне эти нарисовались... А если начнут расспрашивать, кто я и как сюда попала? Как выкручиваться? Начну врать, так меня быстро раскусят... Мозг, а Мозг, что же делать?"

Спокойный голос отозвался:

- Мне эта ситуация тоже не нравится. Похоже, что один из них, как ты их назвала?

- Викинги...

- Ага, один из этих "викингов" - вербовщик.

- В каком смысле вербовщик?

- В прямом. Высматривает подходящих людей, а особенно женщин и уговаривает разными способами податься на север.

- Как он может уговорить, если я, допустим, не хочу?

- Это его работа, найти способ. Но я так понял, что первых попавшихся они не выбирают. Своего сброда у них и так хватает.

- То есть, ты хочешь сказать, что на меня положили глаз.

- Думаю да.

Я дёрнулась от хлопка по плечу. Рядом стояла Айра.

- Кари, что с тобой? - миндалевидные глаза смотрели с испугом. - Что случилось?

- А.., не волнуйся, всё в порядке, задумалась просто.

Девочка глядела с недоверием.

- Эрдана, у вас было такое лицо... странное...

- Какое?

- Ну... как будто, - она несколько раз оглянулась по сторонам, - будто здесь кто-то был и вы разговаривали, только беззвучно, одними губами...

- Прости, что напугала. Со мной такое иногда бывает, забудь...

- Вы точно хорошо себя чувствуете?

- Точно-точно, хорошо.

- Ой, что это? Какая красивая! Можно?

Я протянула девочке раковину.

- Красота... И так переливается! Я таких ракушек никогда не видела.

- Я тоже.

- А откуда она?

- Подарок.

- А от кого?

- Да так, от друга...

Она прищурилась и присела рядышком на раскладушку:

- Он, наверно, влюблён?

- Кто?

- Ну... ваш друг?

- В кого?

Айра сначала глянула удивлённо, а потом засмеялась:

- В вас, конечно!

- Айра! Я тебя просила, говори мне ты.

- Ну, в тебя.

- А с чего ты взяла?

- Не зна-а-аю... Просто такая необыкновенная и такая красивая ракушка... Если он подарил... Только любимым женщинам дарят или очень красивые или очень дорогие подарки.

- Ну, значит, влюблён... - я вспомнила про каморту в мешке. Страшно дорогая редкость!

- А вы? То есть ты?

- Что я?

- Тоже его любите?

Я растерялась. Что сказать?

- Айра, я не знаю... Любовь - это такая сложная штука...

- Почему сложная? Ведь всё просто: или любишь или нет, хочешь быть вместе или не хочешь...

- Да, но... - я совсем зашла в тупик.

Полог открылся и к нам залез Скай:

- О чём сплетничают девчонки? Я услышал слово любовь. Кто кого любит? Неужели про меня?

- Ещё чего! - отозвалась Айра, прикрывая ракушку ладонями. - Больно надо о тебе разговаривать!

- А что? Почему бы и нет? Чем я хуже других? А что это у тебя? - И парень отнял руки сестры от колен. - Ух, ты! Где взяла? Откуда?

Он схватил мою драгоценность и начал рассматривать в свете фонаря:

- Какая красивая! Я такие в столице видел, из этих раковин делают очень дорогие чаши. Украшают драгоценными камнями и крепят на ножку из серебра или золота. Откуда, спрашиваю?

- Скай, это моя ракушка, - я протянула руку и выдернула её у парня.

- Твоя?! Интересно, откуда? - Скай помрачнел.

- Не твоё дело... - быстро завернула и засунула обратно в мешок.

Айра сидела, теребя одеяло, явно расстроенная таким оборотом:

- Я к маме... - и выскочила из кибитки.

Скай, нахмурившись, постукивал пальцами по рукоятке меча:

- Что?! Этим уже продалась?!

- Не понимаю, о чём ты?

- Ну-ну, быстро же тебя обработали, не ожидал... - он резко развернулся и последовал за сестрой.

- Скай! Скай! Подожди! Ты не так понял!

"Ну, что ты будешь делать! Сейчас напридумывает невесть что, а мне доказывай, что не верблюд! - и рванула следом. Но парня я не догнала. Кликнув сторожевых псов Скай, держа факел, вскочил на Свиста и унёсся объезжать стоянку.

Я присела у костра: "Вот дурак, малолетний! Обиделся! Ну, пусть подуется, мальчик обидчивый, но быстро остывает..."

- Кари? Что случилось? Почему не спишь? - Гай плюхнулся на раскладной стульчик.

- Да вот... Опять я, Ская ненароком обидела...

- Что, снова приставал? - и он улыбнулся своей обворожительно-потрясающей улыбкой.

- Не совсем... У меня в мешке, там под раскладушкой - и махнула в сторону кибиток, - раковина есть, очень красивая. Она давно у меня. Мы с Айрой рассматривали. Скай увидел, ну и решил, наверно, что я у наших попугачиков взяла, у северян, и вот... Сказал, что я продалась, а объяснить я ничего не успела.

- Понятно... - Гай задумчиво потёр нос. - Не обижайся на него, такой возраст, когда сначала делают, а потом думают. Ты ему нравишься, вот и психует.

- Гай, да я и не думала обижаться, просто тревожно как-то.

Мы немного помолчали.

- Я давно хотел спросить...

- Спрашивай...

- Сколько тебе лет?

Я задумалась. Как ответить? По земному исчислению мне двадцать семь, хотя нет, уже двадцать восемь. Мой день рождения пришёлся как раз на те дни, когда я нашла Натри, а вот по окатанскому, учитывая, что год здесь длится шестнадцать месяцев по тридцать два дня, сутки составляют двадцать четыре часа, как и на Земле, а в часе шестьдесят минут, то получается... мой возраст около двадцати с половиной.

Глядя на огонь, на пылающие жаром поленья, я понимала, что нести какую-нибудь чушь не смогу, язык не повернётся, да и не придумывалось ничего путного.

- Гай... Я не знаю точно, как объяснить... У меня вроде как два возраста, хоть он и один. Но я не старушка, это уверенно могу сказать! - и попыталась улыбнуться.

- Ха! Не старушка! Кари, я не к тому спрашиваю. Ты меня не совсем правильно поняла. Задам вопрос по-другому. Ты совершеннолетняя? Только скажи правду, пожалуйста...

"Ага, так вот о чём он беспокоиться! Ну, я точно тупица! Мозг всё-таки бывает прав!"

- Я совершеннолетняя, Гай, однозначно. Это правда!

- Вот это-то и плохо...

- Но, почему?!

- Потому, как я, взрослый женатый мужчина, с согласия своей жены, мог бы взять тебя под официальную опеку, до твоего совершеннолетия. И спокойно доставить в Латрас к родственникам. А так, то, что ты просто путешествуешь с нами и якобы под нашей защитой,

твоих земляков не остановит. Они могут забрать тебя силой, если не побоятся со мной связываться, хотя прекрасно знают, кто я такой. Но пока, похоже, только присматриваются.

"Вот, чёрт! Только этого не хватало! Забрать силой!"

- Гай, я не северянка. И эти парни никакие мне не земляки.

- Даже так?!

- Прости, я не хотела никого обманывать. Но вы все сами почему-то так решили. А я не стала никого разубеждать, учитывая, что и объяснить ничего толком не могла, из-за незнания языка. Поэтому говорю теперь, коли зашёл такой разговор.

Гай задумался:

- В таком случае, я вообще ничего не понимаю...

- В том-то и дело, что и я тоже...

Мы надолго замолчали. Ночная прохлада дала о себе знать. Если спереди было тепло от жара костра, то по спине забегали мурашки с холодными лапками. Я поёжилась и подняла глаза к сияющему небу. Октаэн - эта величественная и прекрасная туманность, её ещё называли "Дом восьми Богов", приближался к своему зениту. Небо сверкало миллионами бриллиантов... Красота невообразимая!

Где же мой дом?! Как найти его в этой бесконечной сияющей красоте?! В какую сторону смотреть?! Возможно, было бы не так горько и тоскливо, если бы я знала, в каком из множества созвездий может быть Солнце и Земля. Неужели я останусь здесь навсегда?! Слёзы хлынули в три ручья. Я закрыла лицо руками и отвернулась. Только не плакать! Не реветь! Этим горю не поможешь... Но успокоиться не получалось. Я чувствовала, что рыдания сейчас вырвутся на свободу противными воплями и сжалась в комок.

На плечи легла тёплая куртка и Гай, крепко обняв, прижал меня к себе. Плотина, которая сдерживала море слёз, рухнула! Уткнувшись в широкую грудь, я заревела. Гай только гладил меня по спине и тихо приговаривал:

- Всё хорошо Кари, всё хорошо... Всё будет хорошо, поверь. Беды проходят рано или поздно, а рассвет всегда наступает... Всё будет хорошо... Я знаю...

Когда удалось взять себя в руки и прекратить рыдания, я решила кое-что рассказать Гаю, предупредить его, иначе не могла:

- Гай, послушай, - я вытерла слёзы и посмотрела ему в глаза. - Дело в том, что я... представляю для вас всех опасность, и мне придётся покинуть караван... Потому что если что-нибудь случится с Хейей, с тобой или вашими детьми, я себе этого никогда не прощу. Когда я согласилась остаться с вами, то совсем не думала о будущем. Мне нужна была помощь и поддержка, какой-то временный приют и я согласилась на ваше великодушное предложение. Но теперь всё изменилось: "золотая банда" на свободе, я это только сегодня узнала, а именно от них я и бегу. Есть вероятность, что они меня ищут, ведь я знаю каждого в лицо, и если найдут... то я не знаю, что может произойти.

Гай выслушал это признание, продолжая крепко сжимать мои плечи. Он молчал, только челюсти сжались и губы превратились в тонкую линию. Я продолжила:

- Если бы я узнала раньше, что тогда, на Кифовом носу, они сбежали, то ушла бы незамедлительно. Не хочу, что бы из-за меня что-нибудь случилось... Вы так добры ко мне, а я... так всех подставила. Прости, Гай, я не хотела... - сказала я уже совсем тихо.

- Значит так! - мужчина поднял моё лицо за подбородок. - Оставаться с нами или нет, решать только тебе - это, во-первых. Во-вторых: бежать куда-то сейчас бессмысленно. С северянами мы всё равно будем двигаться вместе до Маргоса, а это ещё дней пять-шесть пути. Получается, что уже неважно из-за чего или кого на нас могут напасть: из-за груза золота или из-за тебя. Будем надеяться, что всё обойдётся. Маргос - город большой, тем более, начинается

ярмарка и придёт очень много народу. Северяне же поедут дальше, в столицу. Так, что успокойся, всё будет в порядке. Если же надумаешь всё же нас покинуть, чего мне бы совсем не хотелось, то лучше это сделать в Банкоре. Там большой порт и можно отплыть куда угодно, плату с пассажиров многие берут не большую... так тебе будет легче затеряться...

В порыве благодарности, я обняла его и уткнулась лицом в кожаный жилет.

- Мне очень жаль, Кари, очень жаль, что ты попала в такую ситуацию. Обещаю, что не буду больше ни о чём тебя спрашивать. Мы поможем всем, чем только сможем, ты нам уже как родная, как своя... Ты вернула нашего ребёнка, а за такое... - Гай покачал головой и ласково улыбнулся, - никак нельзя отблагодарить. Но больше никому ни слова о том, что сказала мне: ни Скаю, ни тем более Хейе, никому и нигде, поняла?

- Да, поняла.

- В противном случае, искать тебя будет не только "золотая банда". И спасибо...

- За что?

- За откровенность... - и он нежно поцеловал меня в висок. - Пора Ская сменить, я пойду. А ты иди, отдыхай.

- Сейчас пойду...

Я осталась у костра. Подкинула ещё сучьев, веток и пару поленьев в догорающее пламя. Съев добычу, огонь разгорелся с новой силой. Рядом кто-то присел. Я повернулась:

- Скай?!

Но это был не он... это был "викинг".

- Эрдана... Разрешите составить компанию?

- Не разрешаю!

- Почему? Вы постоянно нас избегаете... - он смотрел в упор из-под широких светлых бровей, лёгкая улыбка то исчезала, то появлялась вновь. - Неужели вы боитесь? Разве мы такие страшные?

- Да, боюсь! Очень... - я попробовала включить "дурочку". - Простите, фээдр. Я устала и пойду спать.

Когда же встала, что бы уйти, он схватил меня за руку:

- Давайте поговорим, не спешите...

Я дёрнулась.

- Что здесь происходит?! - Скай стоял в нескольких шагах.

"Викинг" разжал пальцы и я, долго не думая, рванула к кибиткам.

Заснула я, наверно, только под утро. Мозговой пытался меня успокоить, но все его комплименты, добрые и ласковые слова, как-то не помогали. Было страшно, что из-за меня могут пострадать невинные люди, тем более такие близкие.

Решение было принято. Нужно уходить. Добраться до Маргоса с караваном, в этом Гай прав, а дальше затеряться в городе и двигаться дальше уже в одиночестве. Ещё необходимо как-то замаскироваться: слишком светлые волосы привлекают ненужное внимание, а вот ярко-синие глаза не спрячешь, цветных контактных линз тут не делают. На голову платок можно повязывать, благо длинная коса ещё не отросла. Так, что ещё? Купить лошадь, одежду, припасы на дорогу и до зимы добраться до Латраса, а дальше видно будет.

- Милая моя, давай спать, - Мозг опять встрял в мысли.

- Хочешь, спи, я тебе не мешаю.

- Мешаешь и ещё как! У тебя в голове паника, как можно заснуть в такой обстановке!

- А ты закройся в библиотеке и моя паника к тебе не пролезет.

- Вот за что я тебя люблю, девочка моя, так это за чувство юмора и оптимизм!

- И я тебя за это люблю, мой дорогой!

- Эх, приятно! Почаще бы ты мне в любви признавалась!

- Ха, почаще! Жирно не будет?!

- Нет! Всегда будет мало!

- Ты согласен с моим планом?

- Согласен... Только расставаться с караваном совсем не хочется.

- Да, не хочется. Совсем...

Путь до Маргоса прошёл благополучно. Погода стояла тёплая, даже жаркая. Как я поняла, мы были уже гораздо южнее, чем моя отправная точка. Караван двигался на юго-запад, почти вслед за заходящими солнышками. По пути встречалось много деревень и небольших посёлков, но надолго мы нигде не задерживались. От северян наш табор немного оторвался, однако, пара их разведчиков постоянно маячила за нашей последней телегой.

Скай со мной не разговаривал, даже не смотрел в мою сторону. Я не ожидала, что он так надолго разобидится и чувствовала себя не в своей тарелке, но потом успокоилась, решив, что должно быть так оно и лучше, ведь в Маргосе я собиралась покинуть своих дорогих и уже любимых попутчиков.

Несколько дней в голове постоянно крутилась скороговорка из тех, что пропевал со мной Гай на уроках языка. Мелодия была очень простая, но въедливая, нет-нет, да и всплывала. Но дело не в этом. По своей структуре и произношению она очень напоминала другую скороговорку, из моей той, земной жизни: «Четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка, чертили чёрными чернилами чертёж». В результате, я начала пробовать перевести на окатанский, которым уже вполне хорошо владела, родную детскую считалочку.

Загвоздка была в том, что понятия "чёрт" в окатанском фольклоре не было. Не было никакого загробного мира или подземного царства-государства, не было понятия об "аде", хотя "рай" как таковой, в местном эпосе присутствовал в виде беззаботной, счастливой жизни среди богов в небесных звёздных садах. В итоге, удалось перевести всё, кроме "чертей" и даже подобрать слова на одну букву. Чертенята же вогнали в полный ступор. А ведь такая трудноговорка могла бы получиться, если бы не эта "чертова четвёрка"!

В конце концов, я не выдержала и на вечерней стоянке обратилась к Айре с вопросом:

- Айра, а писать или рисовать есть на чём?

Девочка уставилась на меня как на идиотку:

- Бумага, что ли?

- Ну да.

- Есть. Только у папы надо спросить.

Я пошла к Гаю.

- Гай, Хейа, можно? - и стукнула в деревянный бортик.

- Запрыгивай. - Хейа переодевала Натри, а Гай копался в одном из сундуков.

- Гай... Айра сказала, что бумага есть. Мне тут надо...

- А зачем? Хотя, что я спрашиваю, сейчас достану.

Он выдал мне небольшой плотный лист серого цвета, больше напоминающий картон, чем бумагу. Я повертела его в руках: ну точно картон! Но вполне сгодиться.

- А какого-нибудь, ну это... - не подбиралось нужное слово.

- И стилос имеется... - и протянул небольшую палочку.

Меня как громом поразило! "Стилос" - это же древнегреческое слово! Так называлась палочка для письма по восковым дощечкам, да и сейчас это слово на Земле иногда используется... Мысли закрутились бешеным ураганом...

- Кари? Что с тобой? - голос Хейи вывел из прострации.

- А... всё в порядке, я просто... хотела Гаю одну скороговорку предложить.

- Да-а-а?! Очень интересно! - и Гай задорно улыбнулся.

- Не переводится одно слово, и я хотела нарисовать, чтобы показать, что это такое, вернее кто.

- А ты умеешь рисовать?

- Немного... Я пойду, спасибо, - и опрометью выскочила из кибитки.

Прибежав к себе, я зажгла фонарь и сидя на сундуке, начала рассматривать это подобие карандаша. И это, действительно, был карандаш, только вместо деревянной оболочки, толстый заточенный грифель был плотно обмотан тонкой кожей, вероятно, чтобы не пачкать руки. Стилос! Стилос! Вот это открытие! Недаром часто казалось, что многие слова какие-то странные... Некоторые части слов местного языка очень напоминали мои родные, знакомые с детства. Но я постоянно отбрасывала эти мысли, так как не могла принять, что здесь, в этом мире, язык хоть чем-то может напоминать языки Земли.

"Значит, "стилос"... - я продолжала вертеть палочку. - Мозг, "мозговой", ты слышишь? Возможность вернуться есть, должна быть! Окатан и Земля каким-то образом связаны и я уверена, что не первая гостя с Земли, до меня были и другие... Ты слышишь?! Э-э-эй?!

- Да слышу я, слышу. Что так кричишь?

- Слова языков! Они похожи! А стилос, вообще, чисто земное понятие!

- Почему ты думаешь, что земное? Может окатанское?

- Да?.. А, собственно, какая разница? Может быть можно ходить туда-сюда, ты представляешь?! Только бы узнать как!

- Ну, пока это не известно. А то, что проход существует, мы и так знали.

- Как я раньше не уловила такие совпадения! Это же потрясающе! А ты куда смотрел?

Почему не подсказал?

- А что бы это дало?

- Как что?!

Дёрнулось полотнище и Гай, склонив голову, зашёл в кибитку:

- Кари? Прости, мне не терпится услышать скороговорку и увидеть твой рисунок.

- Да... пять минут... я сейчас.

И быстренько нарисовала пузатенького чертёнка с рожками и длинным хвостом. А "пятак", вместо носа, вообще, получился очень милым. Показав рисунок, я продекламировала перевод считалки в вольном стиле. Гай был в восторге, особенно от рисунка. Я долго объясняла, что это за зверь такой, что он не настоящий, а герой сказок, который живёт под землёй и жарит плохих людей на костре. Но в целом, существо не такое уж и кровожадное, просто хитрое и вредное. Под портретом подземного жителя, Гай записал мою скороговорку. Так как читать и писать на местном языке я почти не умела, то внимательно наблюдала, как он выводил палочки, петельки и кружочки, параллельно спрашивая названия и значение этих знаков. Внешне, письменность походила на какую-то арабскую вязь.

- Я ещё простенькую мелодию придумаю, и будет прекрасно!

- И музыку тоже запишешь? - спросила я.

Мужчина удивлённо уставился:

- Как музыку можно записать? Это же не слова...

- Очень просто...- такого я не ожидала. - Ты же текст только что записал и музыку можно...

Несколько минут мы молча таращились друг на друга.

- Не понимаю, как можно это сделать... - прервал он, наконец, паузу.

- Для этого и существуют ноты.

- Ноты?!

- Сейчас покажу.

Хоть сама я от музыки была далека, но моя старшая сестра Катька, окончила музыкальную школу и очень долго мучила соседей воплями аккордеона. Так что, что такое "сольфеджио" и тому подобное, я прекрасно знала. Всё моё детство моя сестра играла со мной в музыкальную школу, где я, естественно, была ученицей, а она учителем. Вот уж не думала, что наши детские музыкальные игры могут когда-нибудь пригодиться.

Сколько мы сидели над нотной азбукой, не знаю. Пару часов, точно. И Хейа и Айра несколько раз приходили проверить, что мы тут делаем. Сначала Гай никак не мог понять ни что такое нотный стан, ни четвертные или восьмые, ни зачем нужен скрипичный или басовый ключ. Но когда Айра принесла гитару, дело сдвинулось с мёртвой точки. Однако нам пришлось прерваться, нужно было Ская сменить, который и так уже дежурил несколько лишних часов.

Гай был в шоке. Когда он уходил, то глаза его лихорадочно блестели, а руки слегка подрагивали:

- Кари! Ты не представляешь, что сделала для меня!

- Мы, вообще-то, только начали... - я улыбалась.

- Это... это... Я не знаю, как сказать... Я столько думал, столько бился, чтобы придумать, как можно записывать музыку, но толку было мало... А здесь... всё так просто и так красиво, что... У меня нет слов... Какой из богов это придумал?! Кого благодарить за такое чудо?!

- Такую систему записи придумали люди очень давно и боги тут не причём. На моей родине это нормально. Нотной грамоте учат всех, кто хочет играть на музыкальных инструментах или петь, в специальных школах.

- В школах?!

Наверно, я сболтнула лишнее, так как, похоже, Гай впал в состояние близкое к обмороку. И как караван-то будет охранять в таком состоянии? Хейа всунулась в окошко:

- Гай, сколько же можно? Твой сын уже спит верхом, а ты никак его не сменишь, пожалей ребёнка!

- Всё, иду... Завтра продолжим?! - его глаза светились детским восторгом.

- Конечно!

Уже глубокой ночью, когда я наконец-то улеглась, посетила прекрасная идея:

- "Мозговой", тук-тук... Слышишь меня?

Сонный голос отозвался откуда-то из области шеи:

- Просьба к тебе есть.

- Ну что ещё? - Неужели он действительно спал, а я его разбудила?

- Надо, чтобы к утру ты нашёл в моей памяти всё по теории музыки, сделаешь?

- Может ещё и симфонию для скрипки с оркестром в четырёх частях написать?

- Ну, это уже лишнее, не стоит так напрягаться.

- Сделаю.

- Спасибо... И спокойной ночи...

- Ещё издевается... - донеслось совсем тихо.

Следующие несколько дней я ехала в кибитке с Гаем и правила лошадьми, а Хейа с Натри перебрались в мою. Мозг постарался на славу! Я выдавала информацию как скоростной принтер. Гай еле успевал записывать. Все эти гаммы, тональности, октавы, интервалы приводили моего ученика в состояние благоговейного трепета.

Как только до него дошла основная суть, дело пошло быстро. Мелодия к "четырёх чертенятам" была придумана и записана уже в конце второго дня наших занятий. За спиной я периодически слышала перешёптывания и смешки членов каравана, но вполне дружелюбные, так что остаток пути до Маргоса прошёл более чем плодотворно и как-то не заметно.

Город мне понравился. А особенно, широкий каменный мост, пересекающий реку. Людей

было очень много. Телеги, кибитки, здоровенные тачки, всадники - все двигались к городским воротам, по разделённому на две продольные части, высокому мосту. Пейзаж вокруг очень напоминал средиземноморье, Грецию или Италию, будто фото с рекламных проспектов.

Маргос раскинулся среди высоких холмов на берегу голубой реки. Мы въехали в город через арочные ворота с двумя круглыми башнями по бокам. Такие города я видела в исторических фильмах и сказках, но больше он всё же походил на сказочный, чем на средневековый. Может из-за солнц, свет которых ложился на розово-красные крыши и бело-жёлтые стены крепости. А может из-за аккуратных улиц с небольшими домиками на склонах зелёных холмов. Красота!

Я крутила головой во все стороны. Это же первый большой город, в который я попала на Окатане! Остановились мы на большом постоялом дворе, недалеко от центральной площади. Олмана и Гая там знали и ждали, так как специально держали свободные комнаты именно для нашего каравана. Разместились мы быстро. Нам с Айрой досталась маленькая уютная комнатка с мягкой кроватью и окном на улицу. Мне не терпелось рвануть в город, побродить, поглазеть по сторонам. А особенно хотелось сходить на большой рынок, мимо которого мы проезжали.

Слух о том, что прибыл Гай Голос, так его здесь называли, разнёсся моментально. Когда мы с Айрой сбежали вниз, в зал большой таверны, то там уже стояли люди, которые выпрашивали у хозяйки, когда прибыл Гай и будет ли он петь и где, на площади или в шатре на рынке. Хозяйка, стройная высокая женщина в красивом, пышном платье, отвечала с такой важностью, ни дать ни взять, личный импресарио. Она объясняла, что Гай приехал, но пока ничего не известно, объявление о месте и времени концерта будет вывешено на воротах завтра утром.

Ярмарка длилась неделю, то есть восемь дней. Мы опоздали к началу на два дня. Но Айра сказала, что это не страшно, самые выгодные сделки заключаются в самом конце. До вечера было далеко, и сидеть в комнате до ужина не было никакого желания. Поэтому я вернулась наверх, достала мешочек с деньгами, взяла пару золотых и мелочь, а остальное засунула обратно в карман рваных джинсов. Мало ли, вдруг что-нибудь куплю. Как я уже знала, сумма у меня была не маленькая. Спасибо Дайку! Ведь это его какие-то сбережения, наверно, а он мне отдал. Надеюсь, себе что-то оставил. На эти деньги, что были у меня, можно было купить двух лошадей и на каждую сбрую, одежду на зиму и ещё на еду много осталось. На то, что бы добраться до Латраса вполне хватало.

Отпустить меня одну Гай с Хейей категорически отказались. Гай после наших занятий нотной грамотой готов был пылинки с меня сдувать и беречь как зеницу ока. Ещё как-то по пути он обронил, вскользь, что очень хотел бы, чтобы я осталась с ними до самого Латраса. Северяне со своим золотом из Маргоса в столицу поедут, а это совсем в другую сторону и вряд ли нам будет угрожать серьёзная опасность от "золотой" банды, они же всё-таки в бегах. А дорога до Банкора оживлённая, а оттуда можно будет отплыть на корабле. И лучше они со Скаем помучаются от качки, но доставят меня в Латрас к родственникам.

С одной стороны было приятно услышать такое, но с другой - как я могла сказать, что никаких родственников у меня нет. И в Латрасе мне нужно встретиться с одним из членов "золотой" банды и если я его там не найду, то деваться в городе мне будет некуда, кроме как идти к кузнецу, которого я даже не знаю. Я уклончиво ответила, что подумаю. И теперь, когда Гай и Хейя повели себя как строгие родители, то это зацепило. Я не решилась с ними спорить и вернулась в комнату. Айра разбирала вещи.

- Айра, а мы на рынок пойдём?

- Мама сказала, что всё завтра. Сегодня нужно отдохнуть, помыться с дороги и хорошо выспаться, а вот с утра и к портнихе пойдём и на рынок. Отец будет занят, у них с Олманом

много дел, так что с нами Скай будет ходить.

"Та-ак! Айра мне не помощник. Но не сидеть же здесь до самого вечера!" - погулять по городу очень хотелось. Я достала ремень с кинжалом и застегнула его на поясе, клинок хорошо спрятался в складках, перевязала платок, так чтобы светлые пряди не выбивались, накинула короткую жилетку с карманами и потопала к выходу.

- Кари, ты куда?

- Ты меня не видела, к ужину вернусь.

- Но, мама...

Я спустилась вниз, прошла через широкий мощёный двор и вышла за ворота. Но далеко уйти не успела, даже десятка домов не прошла, как меня нагнал Скай. Он часто дышал и одет был кое-как:

- Ты куда собралась?

- У тебя не спросила...

- Кари, давай вернёмся... Завтра пойдём, куда захочешь, - и схватил за руку.

- Тебя Гай послал, да?

- Айра сказала, что ты ушла... вот я и...

- А почему сегодня нельзя?

Парень опустил глаза:

- Перед самой ярмаркой обычно бывают казни... и тела ещё висят... так, что не надо на это смотреть.

- Что?! Казни?! - мне поплохело. Впечатление сказочного города быстро развеялось. - И долго они... - я сглотнула, - висеть будут?

- К утру снимут... Поэтому родители нас в такие дни не отпускают, хотя я пока в столице жил, посмотрелся... Пойдём, а?

- Ладно, уговорил. Пошли обратно.

Мы вернулись в гостиницу. На первом этаже, в таверне, я присела на скамейку возле столика в углу. Скай принёс две большие кружки пива и тарелку жареного хлеба.

- Перекусим пока, до ужина...

Пока я хрустела сухариками и пила пиво, парень сидел напротив и просто смотрел, потом спросил:

- Ты обижаешься на меня?

- Нет... А за что на тебя обижаться?

- Ты знаешь за что...

- Главное, что ты уже успокоился. Я хотела объяснить, что никому не продавалась, но ты слишком быстро удрал, да и потом не разговаривал...

- Извини... я дурак...

- Знаю...

Мы рассмеялись.

- Скай, а за что могут казнить?

- За преступление против террхана.

- Что это значит?

- Да что угодно... Если решат, что то, что человек сделал преступление против террхана.

- А женщину могут казнить?

Юноша посмотрел на меня как на ненормальную:

- Конечно же, нет! Что ты такое говоришь?

- А почему?

- Как почему?! - парень был совсем сбит с толку. - Женщин не казнят.

- А наказать могут?

- За что?

- Ну, за воровство, например, или за убийство?

Скай несколько минут соображал, а потом шёпотом спросил:

- Кари, к чему такие вопросы?

- Ну, всё-таки... Просто интересно...

- Странный интерес...

- Не хочешь, не рассказывай...

- Нет, что ты... почему не хочу, просто не понимаю.

- Тогда расскажи...

- Могут наказать, конечно, но это может сделать только муж. Если мужа нет, тогда отец или мать и даже старший брат.

- А если никого нет?

- Так не бывает...

- Предположим, что бывает...

- Тогда я не знаю... - Скай задумался на несколько секунд. - Вспомнил! - наклонился поближе и тихо проговорил, - могут продать...

- Кому?

- Вербовщикам... А те переправят на север. Но такое бывает очень редко. Я только один такой случай знаю и то не уверен, что это правда.

- А как родственники могут наказать?

- Не выпускать из дому.

- И что?

- И всё. Ну, поругаться могут, нагрузить какой-нибудь работой... Но я не уверен... В каждой семье свои порядки.

- А кто решает, преступление против террхана или нет?

- Сам террхан или наместник и его совет.

На этом месте нас прервали. Рядом со столиком стоял "викинг". Тот самый, который подкатывал ко мне на одной из стоянок:

- Эрдана... Можно вас на пару слов?

Вместо меня ответил Скай:

- Нет, нельзя! - и вскочил с места.

- Это не вам решать, юноша. Насколько я знаю, эрдана Карина вполне самостоятельная девушка и может принимать решения без чьей-либо помощи.

«Вот, проныра, уже и имя знает и то, что я одна путешествую... Кто-то из каравана проболтался... Надо всё же узнать, что он хочет».

- Хорошо, фаэдр, давайте поговорим, не знаю пока вашего имени...

Северянин сверкнул белоснежной улыбкой и, отвесив поклон, представился:

- Арвид Ливен Хакан эн Фрейр, старший гимастриан первого пархонта Великого Террхана Северных земель.

Стоящий рядом, в напряжённой позе Скай, присвистнул. Глядя прямо в серые глаза вербовщика я выдала заготовку, которую именно на такой случай, когда нужно будет официально представиться, придумал для меня "мозговой":

- Карина Мрэя Алесана эн Матвэй, - с ударением на первый слог в имени рода.

"Викинг" приподнял бровь:

- Дом Матвэй?

- Вас что-то не устраивает, фаэдр Арвид? - я скопировала его удивление.

Он хмыкнул и повернулся к Скаю:

- Я могу поговорить с эрданой наедине?

- Скай, иди, со мной ничего не случится, когда столь знатный фаэдр рядом, - и подмигнула.

- Я буду неподалёку, - буркнул парень и, прихватив свою кружку с пивом, пересел в противоположный угол зала.

Северянин присел на его место:

- Я рад, что вы согласились поговорить, эрдана Карина.

Я кивнула.

- Ваше имя... я немного удивлён, такое древнее...

Я продолжала помалкивать. Не дождавшись реакции, он продолжил:

- Дом Матвэй был очень знаменит в своё время и влиятелен, не только здесь, на Востоке, но и на Западе и даже у нас, на Севере...

Я молчала как партизан: "Ну, "мозговой", ну профессор, увижу - убью! Это ж надо подставу такую сотворить! Какой древний род?! Чем знаменит и влиятелен?! Сказал, что только адаптировал моё настоящее имя и фамилию, вставил имена родителей и подправил на местный манер! Это ж надо так попасть, а?! Ну, я тебе устрою, умник! Как же теперь выкручиваться?!"

- Эрдана, о чём вы так усиленно думаете?

- О том, как нелегко быть единственной представительницей столь древнего дома.

- Да... - "викинг" вздохнул, - уже больше века о доме Матвэй ничего не известно. У вас есть какие-либо реликвии, принадлежащие вашему роду?

- К сожалению, нет фаэдр, - я на ходу придумывала новую легенду. - Только недавно я узнала, что имею такие древние корни. Меня не посвящали в историю нашей семьи по неизвестным причинам. А после гибели моих родных я осталась совсем одна... Вот и путешествую пока с Гаем и его семьёй, они приняли меня как родную.

- А где же вы жили ранее?

- Фаэдр Арвид, вы хотели со мной о чём-то поговорить, а вместо этого пытаетесь устроить допрос... - я говорила спокойным ровным тоном.

- О, эрдана, простите моё любопытство, оно обусловлено моей должностью. Я никоим образом не хочу чем-то задеть или обидеть вас, простите...

- Так что же вам от меня нужно?

Мой собеседник рассматривал меня, ничуть не смущаясь, под моим, таким же, пристальным взглядом. "Викинг" был красив, такой зрелой, мужской красотой: высок, строен, на вид возраста Гая, может и меньше. Под чёрной рубашкой и плотным колетом угадывалась мощная мускулатура, одежда была добротной и очень хорошо сидела на его фигуре. Светлорусые волосы заплетены в косу, чисто выбритое лицо с чёткими, резковатыми чертами, слегка рыжеватые широкие брови, высокий лоб... В общем, красавец!

- Я вам нравлюсь, эрдана?

Вопрос был настолько неожиданным, что я не задумываясь, тут же ляпнула:

- Да. Уже примеряю свадебное платье...

Он так громко расхохотался, что немногочисленные присутствующие, дружно уставились в нашу сторону.

- Пива принесите... - ещё хохоча, он кинул монету вытирающему соседний стол парню.

Когда большая глиняная кружка появилась на столе и раскаты хохота прекратились, я спросила:

- Ну что, продолжим беседу?

- С удовольствием...

- Без удовольствия тоже можно...

Следующий приступ смеха у северянина длился не меньше. Когда же он, наконец, успокоился, то некоторое время молча пил пиво, а потом сказал:

- Я искренне рад знакомству с вами, эрдана. Давно я так не смеялся...

- Фаэдр Арвид...

- Просто Арвид...

- Ну, тогда можно просто Карина...

Он кивнул, улыбаясь.

В этот момент, наверно, боги Окатана смилостивились надо мной, так как по ступенькам лестницы, ведущей на второй этаж, вприпрыжку сбежала Айра, а затем показалось и остальное семейство. Девочка присела рядом:

- Кари, там горячую воду принесли... - и дёрнула меня за рукав. Но заметив, в чьей компании я сижу, напряглась. - Ой... простите, я помешала.

- Кари?! - Арвид посмотрел на девочку, потом на меня, - красиво и очень подходит вам.

Подошли Гай с Хейей. Гай держал на руках чистого и причёсанного Натри, а Хейя в красивом зелёном платье, напоминала лесную фею.

- Арвид... приветствую - Гай слегка поклонился.

Северянин встал и отвесил учтивый поклон. Я заметила его недовольство неожиданной компанией, но вида он не подал:

- Мы очень мило беседовали с эрданой...

- Так мило, что ваш хохот был слышен на втором этаже?! - Гай улыбнулся и подмигнул мне. - Вот мы и решили присоединиться к столь милой беседе.

И всё семейство уселось за стол. Скай перелез через скамейку и пристроился с другой стороны. "Викинг" всё понял.

- Присоединяйтесь, Арвид, скоро ужин. - Гай передал Натри жене и сделал приглашающий жест.

- Спасибо, но мне пора, очень много дел... он глянул на меня стальными глазами. - Очень рад знакомству, Карина. Я задержусь в городе на несколько дней, так что ещё увидимся.

Я кивнула.

- Приятного вечера... Гай, эрдана Хейя... - Он опять поклонился и быстрым шагом направился к выходу.

У меня вырвался вздох облегчения.

- Ну что? - Гай положил руки на стол с самым серьёзным видом. - Теперь ты понимаешь, что должна остаться с нами?

Я сидела, уставившись в тарелку с сухариками.

- О чём ты говоришь? - Скай посмотрел сначала на отца, потом на меня. - Кари, ты уходишь?! - он был удивлён и весьма неприятно.

- Понимаешь, сын... Наша Кари решила, что уже слишком долго пользуется нашим гостеприимством и хочет покинуть караван, что бы добираться до Латраса одной.

- Кари, нет! - Скай и Айра вцепились в меня с двух сторон, а Хейя прижала к себе Мышонка и качала головой, не отрывая от меня влажных глаз.

- Вот я и пытаюсь уговорить... Кари, пойми, Арвид от тебя уже не отстанет. Что ты ему наговорила? Ты понимаешь кто он? И ты ему окончательно понравилась. Если останешься одна, то помочь и защитить будет некому. - Гай глядел в упор, сжимая пальцы.

Надеюсь, он не скажет ничего лишнего. Я понимала Гая, он хочет как лучше. Тем более, если бы я осталась, то мы ещё очень многому смогли бы друг друга научить. Я ведь читать и писать до сих пор почти не умею, только правильно говорить, так что учиться есть чему, да и

вообще... У меня вроде как появилась семья, и дело уже не просто в благодарности за возвращение Натри. Они привыкли ко мне, а я к ним. Мы прижились вместе, я всему училась, помогала, чем могла, чтобы не зря ужинать каждый вечер. Мне было хорошо и спокойно с семьёй Гая, и эта необычная кочевая жизнь уже даже нравилась.

Но я хочу вернуться домой... А чтобы это сделать, нужно найти место, где был проход, недалеко от ямы, из которой меня достали разбойники. Где та яма, знает Дайк, как и остальная банда, и нам нужно обязательно встретиться, что бы он проводил меня туда. И если переход до сих пор работает, уйти... Уйти домой... Чем дольше я остаюсь в караване, тем тяжелее будет это сделать, а опасность от того, что Карелл может найти меня, никуда не исчезнет.

Я встала, обведя взглядом своих друзей и тихо сказала:

- Я вас всех очень люблю, но я совершеннолетняя, поэтому что делать и как жить буду решать сама. Не обижайтесь... - вылезла из-за стола и пошла наверх.

В комнатке стояла большая лохань, вода почти остыла. Закрыв дверь на засов, я разделась и погрузилась в едва тёплую воду. Устраивать "мозговому" разбор полётов желание пропало. Но он сам объявился:

- Кари... я...

- Что ты?

- Не думал, что так получится с именем. Сам в шоке... Извини...

- Проехали... - я отмахнулась. - Кто ж знал, что Матвэй древний и известный род, который реально существовал. Ничего не поделаешь, буду придерживаться этой легенды.

- Да, это правильно.

- Завтра пойдём на рынок и надо собираться в дорогу. Прикипела я к каравану, нужно уходить, а то вскоре точно уговорят и застряну я в этом средневековье до конца дней своих. Не хочу! Ещё Арвид этот привязался, что б его... Только на север угодить не хватало. Придётся смываться по-тихому.

- Согласен... - мой жилец вздохнул, - только...

- Что только?

- При караване спокойнее...

- Зато каравану будет спокойнее без меня... Как говорить, нам не привыкать... Выжила до этого, выживу и дальше.

- Люблю твой оптимизм...

- Ещё бы.

В дверь осторожно постучали.

- Кари, ужин подают... - это был Гай, а потом после паузы, - К тебе можно?

Так как омовения я уже закончила, то быстро оделась и открыла, вытирая мокрые волосы. Из-за угла высунулась физиономия Ская, отец на него цыкнул и парень исчез. Гай вошёл и плотно закрыл за собой дверь.

- Эрдана Кари, я переступил черту, простите... - его волшебный, обволакивающий голос звучал очень виновато. - Не хочу тебя отпускать... и Хейа, и Скай, и Айра... Натри так тебя любит... Мы просим остаться с нами.

- Гай, нет... Я надеялась, что мои планы останутся между нами. Но теперь, когда ты посвятил в них свою семью, уйти мне будет гораздо тяжелее. Ведь вы для меня уже... как родные...

Мужчина присел на массивную табуретку возле двери и развёл руками:

- Я виноват, обещал молчать, а сам же и проболтался.

- Ну, скажем, ничего такого ты не рассказал, - я примирительно улыбнулась и положила руку ему на плечо. - Прошу только не удерживать меня и сделать так, чтобы до Арвида не дошёл

слух о том, что я собираюсь исчезнуть. До Банкора я с вами не поеду...

- Хорошо, как скажешь...

Следующие пару дней были наполнены делами и впечатлениями до отказа. Город был не такой большой, как показалось сначала. Обойти его можно было за полдня, хотя далеко мы не ходили. Чем дальше от центральной площади, тем грязнее становились улицы и беднее дома. Зажиточные горожане жили в центре и вдоль нескольких улиц. Дом, точнее почти дворец, наместника террхана находился на живописном холме высоко над городом, и к нему вела отдельная улица, по обе стороны которой располагались усадьбы советников и высших служащих. Улица эта охранялась, и просто так пройти по ней было нельзя. Башенки и крыши дома главы города сверкали под яркими лучами и на фоне безоблачного синего неба выглядели дворцом из сказки. А вот внизу кипела жизнь.

Торговля на ярмарке начиналась с рассветом, а заканчивалась поздно вечером. Купить можно было всё, от самой мелкой рыбёшки до гранитных стройматериалов. Мне жутко понравилось бродить по этой шумной толчее и торговаться из-за каждой мелочи. К портнихе меня Хейа так и не затащила. Шить одежду я не хотела, это заняло бы время. Хотелось просто купить самое необходимое, разведать обстановку и определиться как лучше добраться до Банкора: верхом или сплавиться вниз по течению. Что сказал Гай своим домочадцам и о чём они договорились, я не спрашивала, но о моём дальнейшем одиноком путешествии не было никаких разговоров.

Я купила двое штанов: одни потоньше, другие полностью кожаные, удобные для верховой езды, тёплый вязаный свитер, непромокаемый плащ, утеплённый мехом кожаный жилет и две красивые туники. Одна синяя с золотистой вышивкой, а другая серая с отливом с серебристым узором вдоль рукавов. Две туники мне было не нужно, но я не удержалась, никак не могла выбрать из двух. Однако с помощью Ская удалось хорошо сбить на них цену, чему я была очень рада.

А вот за бельём идти всё-таки пришлось к портнихе, такими дамскими штучками на рынке не торговали. Как Хейа не уговаривала принять в подарок платье, я категорически отказалась. Во-первых: куда в нём ходить, когда я постоянно в дороге, а во-вторых - лишний груз. Единственное на что я согласилась, так это на широкую юбку с запахом, подходящую к обеим туникам. Под ней прекрасно можно было носить штаны, не привлекая внимания. Всё-таки женщины мужскую одежду не носили, что мне, конечно же, не нравилось, но ничего не поделаешь.

Вместо привычного для меня белья, местные женщины носили тонкие панталоны с рюшами и кружевами, но как я не старалась, не смогла себя на такое уговорить. Поэтому, заплатив за двое таких уродцев, пусть и с кружевами, я, на глазах у изумлённой портнихи, взяла ножницы и превратила их короткие трусы-шортики. Маленькая чернявая женщина чуть не упала в обморок, а Хейа закрыла лицо руками. Добавив ещё такую же сумму, я попросила подрубить обрезанные края, а также заузить свежкупленные штаны.

- Понимаете... на моей далёкой родине, такое... - и ткнула в бельевое творчество, - уже давно не носят, это не модно.

Женщины переглянулись.

- Когда будет готово?

- Завтра утром, - женщина немного пришла в себя.

- Большое спасибо! - и я потащила Хейю к выходу.

Сначала она удивлённо тараторила, а потом махнула рукой:

- Если тебе так нравится...

Я засмеялась и, подхватив Натри, побежала вниз по улице.

Во время походов по рынку и по городу, я то и дело натыкалась на Арвида. Этот хитрый "викинг" делал вид, что наши встречи абсолютно случайны. Но я всегда была в компании Ская или Хейи, поэтому он только приветливо здоровался, спрашивал какую-нибудь ерунду, типа: "Прекрасная сегодня погода, не правда ли?" И исчезал в толпе. Определённо следил, а это очень плохо... Как бы он не нарушил мои планы. Надо что-то делать, но что?

Может всё-таки остаться до Банкора с караваном? А дальше видно будет... И когда я уже начала склоняться к мысли, что лучше, наверно, никуда одной не ехать, случились события, которые заставили принимать быстрые решения.

Утром мы втроем, Скай, Айра и я, пошли к портнихе забирать мои покупки после переделки. Всё было сделано идеально и ещё раз, поблагодарив мастерицу, мы решили опять заглянуть на ярмарку. Вечером Гай и Айра должны были петь на центральной площади, а Скай с другими музыкантами аккомпанировать. В честь такого события уже сооружали сцену, ставили скамейки и вообще, очень интенсивно готовились.

Гай решил дать только один концерт, поэтому на площади соберётся весь город и окрестности. Двигаясь по торговым рядам, я глазела по сторонам, Скай нёс покупки, а Айра то и дело застревала у лотков с украшениями. Мимо пронеслась ватага мальчишек с воплями:

- Ангалина поймали! Ангалина поймали!

Я резко затормозила: "Ангалина?! Вот это да!"

- Скай, ты слышал?! - я просительно глядела на парня большими глазами.

- Пошли, посмотрим, - схватив Айру за руку, он побежал за мальчишками, а я следом.

На берегу реки, как раз в конце рыбных рядов, был большой причал. Лодки рыбаков, приличных размеров купеческие шхуны и кораблики мелких торговцев теснились у каменных и деревянных пирсов. Шум и гам стоял невообразимый: кто разгружался, кто загружался, катились бочки, на больших тачках перевозили мешки и другую поклажу, крики и вопли "Поберегись!.. Посторонись!.. Дорогу!" вперемежку с ругательствами, доносились отовсюду.

Наша тройка, со Скаем в авангарде, усиленно проталкивалась сквозь толпу. Я привычно старалась слышать как можно больше. Пока мы шли к мосту, я узнала, что ангалина поймали ещё на рассвете. Охрана начала поднимать подводную решётку, оказывается, под мостом по всей длине, от одной каменной сваи до другой и так далее, были установлены подъёмные решётки, зачем не понятно, что бы проверить и смазать подъёмный механизм. Как же они удивились, когда увидели, застрявшего в ней и запутанного в рыбацкие сети, ангалина. Сначала решили, что он мёртвый, ангалины не могут дышать под водой, они не рыбы, а вот дыхание надолго задерживать, способны, но когда начали вытаскивать, он очнулся и стал вырываться. Тогда его ещё больше запутали в сети и каким-то образом выволокли на берег. Послали к заместнику, но тот сказал, что пока ничего решать не будет, так как сегодня поёт Гай, Голос Окатана, и передал каморту, чтобы ящера привязали и выставили на всеобщее обозрение до следующего утра.

Вооружённая такой информацией, я прямо-таки жаждала поскорее увидеть это чудо. Когда же мы, наконец-то, пролезли в первые ряды, то я не увидела ничего, кроме большого, тёмно-серого, чешуйчатого шара. Вокруг улюлюкала толпа и те самые мальчишки, которые и привели нас сюда, вопили больше всех.

Ангалин не реагировал. Было только заметно, как шар чуть-чуть приподнимался - он дышал. Людям хотелось зрелища, а представления всё не было. Ангалин стойко держал оборону. Через несколько минут в сторону шарообразного существа полетели гнилые овощи и фрукты, небольшие камни и палки. Но нечего не происходило. Шар не двигался. Айра начала нас дёргать:

- Пойдёмте отсюда. Тут столько народу и воняет тухлой рыбой, - девочка скорчила

капризную гримаску.

- Не канючь... Вдруг он развернётся! Я так близко их никогда не видел... – Скай с таким же интересом, как и я, вытягивал шею.

Хотя смотреть пока было особо не на что. Шар в чешуе и всё.

- А где ты их видел? - спросила я.

- Несколько раз в море, давно правда, Айра ещё совсем маленькая была. Они сопровождали корабль, на котором мы плыли, точно не помню куда. Они в темноте светятся...

- Как светятся?!

- Очень красиво... Я ж говорю, вблизи я не видел, они держались подальше от корабля. Но когда темнеет, из-под каждой чешуйки пробивается свет и их становится хорошо видно, даже в полной темноте. Судно следует за ангалинами и обходит рифы, мели, острова в темноте. Тому капитану как-то удалось с ними договориться, за золото, скорее всего, чтобы они вели корабль ночью, капитан куда-то сильно опаздывал. Отец валялся в каюте, ему в море всегда очень плохо, мама с маленькой Айрой с ним сидела, а я на палубу удрал, меня тоже мутило, вот и увидел. Днём потом тоже видел, но совсем далеко.

Я опять уставилась на чешуйчатый шар. Он не двигался. Тут кто-то из толпы запустил в ангалина пару тухлых яиц с криком:

- Скоро сдохнешь, тварь, наместник из тебя новые доспехи сделает!

То ли ангалин услышал, то ли тухлые яйца повлияли, но шар мгновенно развернулся и над рекой раздался громкий рёв. Толпа, от неожиданности, с громким вздохом отшатнулась, а я открыла рот, да так и застыла...

Наверно, после Окатанского ночного неба, это было такое же, по силе воздействия на меня, зрелище. Ангалин был великолепен! Нет! Он был прекрасен! Ни пучки мусора с остатками фруктов, прилипшие к чешуе, ни стекающие яйца, не помешали восхититься этим представителем второй разумной расы Окатана. Эта была какая-то странная смесь гигантской ящерицы, крокодила и, возможно, динозавра или сказочного дракона, только без крыльев. То, что это рептилия, не вызвало никаких сомнений. Он был крупный, от морды до начала хвоста около двух метров, сильные лапы (или ноги?) с когтями и перепонками, красивая аккуратная голова на гибкой, но не слишком длинной шее и хвост, длинный предлинный...

Ангалин заревел ещё раз, направив свой рык на толпу. Я не могла от него оторваться. Зелёные глаза, как большие яркие изумруды, с красными прожилками и чёрными вертикальными зрачками, вогнали в состояние полного ступора. Какой же он красивый! Сила, грация, гибкость, идеальные пропорции... Зрелище просто загнипотизировало.

- Скай, Скай... - я дёрнула парня за рукав, - он же... он же... - никак не могла подобрать слова, - Просто красавец!

- Эта ящерица тебе так понравилась?

- Это чудо! Его ведь отпустят, да?

- Отпустят?! - парень рассмеялся. - Ты же слышала, что кричали в толпе. Он пойдёт на новые доспехи. Самые прочные и лёгкие доспехи получают из шкуры ангалинов.

- Как?! Его убьют?!

- Его казнят! Он нарушил запрет и попался, а за такое - смерть.

- Какой запрет?

- Им нельзя сюда заплывать, только по разрешению наместника или самого террхана, для этого решётки и стоят. Там дальше, вверх по течению, есть Храм, вот они туда и пытаются попасть. А этот, видишь, хитрый какой! Через Банкор как-то проплыл, а попался здесь.

- Но как же? Зачем его убивать?!

В разговор встряла Айра:

- Они же корабли топят и не пропускают, если платить нечем. Они злые и жадные! Им только золото надо!

У меня не было оснований не верить тому, что рассказали друзья. Но я смотрела на ангалина, и сердце сжималось от жалости: "Бедный! Как страшно и тяжело ему сейчас... Как больно... от ожидания ужасной участи. Его все ненавидят и желают смерти, даже дети!"

Возможности освободиться у ангалина не было. Что такое каморта я прекрасно знала. Её ничем не взять, сама на такой сидела. Ящер был привязан за хвост, на конце которого виднелся какой-то набалдашник, и за заднюю лапу, а верёвка несколько раз обмотана вокруг каменной опоры. В голове, быстрым метеорчиком, проскочила идея.

- Даже не думай об этом! - от шипения "мозгового" я вздрогнула. - Эта затея может плохо закончиться.

- Я должна попробовать, кроме меня ему никто не поможет, - так же тихо прошипела я в ответ.

- Кари, ты что-то сказала? - Скай обернулся.

- Пойдёмте отсюда... Очень жаль его...

- Нашла, кого жалеть.

Вскоре мы уже поднимались вверх по улице к гостинице. А ещё через пару часов, я сидела в комнате и перебирала покупки. От мысли освободить ангалина я не отказалась, как Мозговой не отговаривал. Первый раз за время нашего общения он был настроен так категорично. Аргументировал тем, что очень переживает за меня, да и за себя, что нас могут поймать, что Арвид шпионит и так далее и тому подобное. Но я ничего не хотела слушать. В мешке уже столько времени валялась фляга с расслабляющей жидкостью, как и сама каморта. В этом городе я была единственной, кто мог реально помочь этому страдальцу, ящер он, не ящер, не важно. Он сидел на привязи, в ожидании смерти, а у меня было средство спасения. Мозг попробовал ещё раз повлиять на моё решение.

- Я всё обдумала, должно получиться. Сегодня самое время... Неужели ты не согласен, что план удачный?

- План хороший, не спорю... Но ты же сама понимаешь, что предугадать и предвидеть всё нельзя, а если что-то пойдёт не так?

- Значит, имея возможность помочь, я должна позволить, чтобы из ангалина сделали доспехи?! Так?!

- А какое тебе дело до него? Кто он тебе?

- Ну, отлично! Получается, по твоей логике, я и Натри должна была в лесу бросить, он же мне никто!

- Но Натри ребёнок...

- А ангалин, что не живой?! Ты видел его морду или лицо, не знаю, как правильно сказать... На нём же видны были все его эмоции! Он разумное существо, а его собираются казнить, только за то, что пытался к какому-то Храму проплыть и только?! Он же никого не убил и ничего плохого не сделал!

- Просто ты сама сидела на такой привязи, вот и жалеешь его.

- Да! И это то же... И к тому же мне ничего не сделают, если поймают, женщин не наказывают. Я ничем не рискую...

- Риск есть всегда...

- Так ты на моей стороне или нет?

- На твоей, куда ж я денусь. Будем надеяться, что всё получится.

- Должно получиться!

В моём плане спасения было одно слабое место - Арвид эн Фрейр. В том, что он будет

крутиться где-то рядом, я не сомневалась. Мы ведь с ним так толком и не поговорили. А может...

До начала концерта время ещё есть. Все заняты своими делами: детей Гай забрал репетировать, Хейа с женой Олмана куда-то ушли, так что я была предоставлена сама себе, что очень кстати. Я быстро собралась и спустилась в таверну. Фляжку с отваром и смену одежды сложила в небольшую сумку, которую так же прикупила на ярмарке. У хозяйки, эрданы Ольгеты, я узнала, где остановился Арвид.

Идти было недалеко. На площади находилось несколько самых дорогих гостиниц, для очень обеспеченных приезжих. В первой же мне сказали, что фаэдр Арвид здесь и пока не выходил. Я попросила передать, что пришла эрдана Карина и желает побеседовать. Парень, с которым я разговаривала, хмыкнул, смерив меня оценивающим взглядом, но мило улыбаясь, ответил:

- Подождите здесь, я схожу наверх.

Я присела на небольшой диванчик у окна. Гостиница была очень приличная: красивая добротная обстановка, обитые светлой тканью стены, удобная мебель в тон обоям, несколько гобеленов в тяжёлых рамах, букеты цветов. Чувствовался вкус...

Арвид не спустился с лестницы, а слетел. Было видно, что он очень удивлён.

- Кари... Очень рад, не ожидал... - северянин присел рядом, - Что сама придёшь...

- Я пришла продолжить ту нашу прерванную беседу... Дело в том, что меня очень раздражает твоя слезка, и я хотела бы это прекратить, поэтому и пришла.

- А ты прямолинейна.

- Уж, какая есть.

"Викинг" сначала меня пристально рассматривал, а потом придвинулся поближе.

- Эрдана Карина, я приглашаю вас на ужин.

- Плавно перетекающий в завтрак?

Несколько секунд он сидел в напряжённой позе, а потом заливисто расхохотался.

- А если и так? Мы взрослые люди...

- А если серьёзно?

- Тогда я тоже скажу как есть. Несколько пархонтов нашего терра нуждаются в жёнах. И не в деревенских простушках, а в женщинах с головой на плечах и желательно приятной внешности. В одну из моих многочисленных обязанностей входит найти таких и уговорить поехать. У нас найти жену гораздо сложнее, чем здесь на востоке. Террхан уже подумывает о том, чтобы разрешить множественные браки.

- Это как?

- Это когда женщина может иметь несколько официальных мужей, при условии, что все согласны, конечно. Уже давно об этом думают. Помогло бы разрядить обстановку. Так вот вы, эрдана Карина, прекрасно подходите на роль супруги пархонта, хотя я уверен, что статус терраны вас украсил бы ещё больше. Но террхан женат, хвала богам, и на вас претендовать не сможет, если только в качестве тайного любовника.

Теперь пришла моя очередь смеяться:

- Заманчивая перспектива...

- Но ты не хочешь...

- Нет, не хочу.

Он взял меня за руку и приобнял за плечи:

- Ты очень красивая... необычной, какой-то сияющей красотой. А глаза, цвета неба над горами Акрим... в эту синеву хочется улететь. Ты, наверно, дочь звезды? - спросил он улыбаясь.

- Мы все дети звёзд, только многие об этом не знают или не помнят...

- Умом боги тебя не обделили, теперь я это точно знаю. Такая женщина на вес золота. А золота у нас много...

- Арвид, я не настолько ценна, как ты думаешь. Открою личную тайну: проблема в том, что я не могу иметь детей, так что я не гожусь ни в чьи супруги, ни пархонта, ни террхана, ни простого рыбака... Я должна быть одна.

"Викинг" удивлённо смотрел, и было понятно, что он не верит.

- Это правда, Арвид.

- Но ты так молода. Откуда ты можешь знать?

- Не так молода, как может показаться. Я даже замужем была, но ребёнка потеряла и при этом чуть не умерла... Врачи сказали, что детей больше не будет.

Северянин задумчиво поглаживал мою руку:

- Почему ты это рассказала и главное... мне? Я ведь с Севера... И вербовщик, к тому же...

- Мне показалось, что человеку, который может так искренне смеяться, можно доверять, что бы про него не говорили.

Сидя в уютном углу, мы молча рассматривали друг друга. Тихо-тихо, где-то в затылке, Мозговой прошептал: «Умница... Ты его обезвредила... Теперь он за тебя любому глотку перегрызёт. Я по его лицу вижу... Арвид больше не опасен».

Кто-то из работников начал ходить по залу и зажигать массивные светильники, хотя едва начало смеркаться. На площади уже вовсю играла музыка, доносился гомон множества голосов, стук колёс и детские крики. Время выступления приближалось...

Арвид прервал паузу:

- На рассвете я уезжаю... Остаться до конца ярмарки не получится... До столицы путь не близкий. Повезло, что Гая услышу, я давно хотел...

- Ты не будешь меня преследовать? - Я уставилась в красивые серые глаза.

- Нет, не буду... Обещаю... Даже могу обещать, что имя эрданы Карины Мрэй Алексаны эн Матвэй, не попадёт в список ни одного из вербовщиков. Моя должность позволит это проконтролировать, но при одном условии... - он хитро улыбнулся. - Ты будешь должна мне ужин, а вот с завтраком или без, как захочешь...

- Спасибо, Арвид, - я сжала его пальцы, - спасибо. Ужин за мной, при следующей нашей встрече, обещаю...

Мы немного помолчали.

- Где будешь слушать?

- У меня очень хорошее место, балкончик в моей комнате, даже выходить никуда не нужно. Правда, хозяин упрямый, впустил ещё человек десять. Я сегодня почему-то добрый...

Я встала, "викинг" следом. Он не хотел меня отпускать, это было у него на лбу написано. Держа мои руки в своих, он всё смотрел, смотрел...

- Мне пора... И береги себя...

Я высвободилась и, не оглядываясь, быстро пошла к выходу.

Площадь была забита до отказа: люди стояли, сидели, свисали с балконов и заборов. Все окна по периметру были распахнуты, и из них выглядывало множество лиц. Полный аншлаг! Чего мне и было надо. На большом балконе городской ратуши восседал наместник с семейством и приближённые высокие чины. Не поднимая глаз, я протолкалась сквозь толпу. И только ступила на улицу, ведущую к мосту, как меня схватили за руку - это был Скай:

- Кари, мы тебя обыскались. Где ты ходишь?

- Гуляла...

- Мы начинаем сейчас...

- Я буду здесь, не волнуйся.

Нужно дождаться первой песни, момента, когда чарующий голос Гая захватит всех слушателей полностью. Тогда на меня внимания точно никто не обратит и можно будет спокойно уйти. Чтобы не попасть под общий гипноз, я заткнула уши заранее приготовленными кусочками кожи. Сумерки медленно накрывали город, но на площади было светло. Множество факелов освещали пространство яркими сполохами.

Гай запел... Несмотря на затычки, песня действовала. Уходить совсем не хотелось. Мурашки начинали бегать по телу, когда на очередном куплете певец растягивал звуки так, что начинала кружиться голова. Народ был в экстазе. Я напредила себе, что если сейчас не уйду, то ангалин на рассвете умрёт. Потихоньку я отошла достаточно далеко, а потом побежала. В маленькой подворотне переделалась, на всякий случай, чтобы не мелькать и там и здесь в одной и той же одежде и помчалась дальше. Кругом ни души, улицы пусты, люди на площади наслаждаются самым уникальным голосом на Восточных землях.

Когда я прибежала к мосту уже почти стемнело. Высоко в сторожевых башнях горел свет, но охраны видно не было. Я спустилась вниз по каменным ступеням и приблизилась к месту, где на привязи держали ангалина. Он лежал, вытянувшись во всю длину. Камушек под ногой звонко хрустнул, и ящер резко вскинул голову. Два зелёных глаза уставились не мигая. Было совсем не страшно, наоборот, я чувствовала странное возбуждение или волнение, как перед экзаменом. Сделав несколько шагов, я опустилась на колени. Чешуйчатая морда оказалась всего в нескольких сантиметрах от моего лица. Ангалин замер без малейшего признака движения.

- Не бойся, я помогу тебе, - и прошептала прямо ему в нос. Ноздри ящера дёрнулись. - У меня есть кое-что для тебя.

Ангалин не двигался. Я залезла в сумку, достала фляжку с отваром и откупорила пробку:

- Знаешь, что это?

Изумрудные глаза моргнули, и подвижные ноздри втянули воздух. Я поднесла флягу ещё ближе. Когда ящер унюхал запах, узкие вертикальные зрачки расширились, а брови, вернее надбровные дуги, с торчащими, острыми на вид, чешуйками приподнялись в недоумении или крайнем удивлении. Мимика у ящера была почти человеческая!

- У меня мало времени, давай дело делать.

Ангалин быстро подвинулся так, чтобы я достала до узлов. Через несколько минут он был свободен. Я взяла промокшие концы каморты и начала тереть их о ближайшие камни, что бы создать впечатление того, будто ящер освободился сам. Вряд ли кто поверит, конечно, но вдруг... Ангалин не убежал. Сначала он наблюдал за моими действиями, а потом вдруг схватил за руку. И чем?! Хвостом! Тот набалдашник на конце хвоста, который я заметила ещё днём, был трёхпалым. Это была кисть, подобная человеческой. Только она состояла из трёх пальцев, в отличие от лап, на которых пальцев было пять.

- Ты чего? - тихо спросила я.

Ангалин покачал головой, слегка оттолкнул меня в сторону и сам начал грызть здоровенными зубами, вялые мокрые концы каморты. Он понял! Понял, чего я добиваюсь и решил помочь! Вот же умница какой! Совсем не ожидала такого понимания... Когда он закончил, два конца верёвки напоминали рваные ошметки. Отлично! Может и прокатит, но надо уходить.

До воды было метров десять, но ангалин не торопился. Я опять присела на корточки. Большая, вытянутая, чешуйчатая морда с трепещущими ноздрями, приблизилась близко-близко.

- Не попадайся больше... Меня может не оказаться рядом... Кто тогда такого красавца выручит? - Я, улыбаясь, смотрела фантастические зелёные глаза.

Ангалин разглядывал меня не с меньшим интересом, будто хотел запомнить. А потом... его пасть или рот, растянулся в потрясающей улыбке, показав ряд белоснежных зубов с четырьмя

изогнутыми клыками. Горячий влажный язык умыл мне пол-лица, и я даже не успела опомниться, как он развернулся и рванул к воде. Через секунду послышался тихий всплеск, и я осталась на берегу одна.

«Неужели получилось?! - ещё не верилось до конца в такое везение. - Получилось! Надо уходить, вернуться на площадь, смешаться с толпой и насладиться праздником. Веселье ещё, наверно, в самом разгаре».

На обратном пути я столкнулась с несколькими солдатами охраны, которые возвращались на свои посты. От встречи с ними спасла большая бочка, за которую я успела шмыгнуть. Охранники прошли мимо, а я убедилась, что вокруг никого и побежала на звуки музыки и шум голосов. По пути опять переделалась и через несколько минут уже скакала в хороводе у возвышения с музыкантами.

Айра, Гай и ещё несколько человек пели хором разудалую песню о добром муже и сварливой жене, как сзади со спины послышались какие-то знакомые интонации. Я вздрогнула. Потихоньку, бочком, бочком я отделилась от движущегося круга и начала исподтишка рассматривать окружающих. Пылающие факелы и костры отбрасывали пляшущие тени, разглядеть детали было не так-то просто. «Но голос! Я уверена, что не ошиблась. Это голос Лакрана, "плешивого"... А если он здесь, то где-то поблизости могут быть и Карелл с Олли, а может и Дайк с ними... Увидеть бы его... Дураку понятно, зачем они здесь, их интересует золото северян... Не думаю, что они целенаправленно искали меня, но кто знает... А тут и я, и золотой караван из Альдаска - богатая может быть добыча. Нужно предупредить Арвида и сматываться самой... И как можно быстрее».

Я продолжала оглядывать людей, имея надежду, что мне всё-таки показалось, но... В паре метров стояли двое мужчин в длинных плащах с кружками в руках и также как, и я рассматривали толпу. Обойдя их по дуге, я попробовала разглядеть лица. Оранжевый отблеск мелькнул на обожжённой лысине голове... "Это он! Точно! А вот второго - не знаю... Что же делать? Как дать знать "викингу" и не выдать себя?! Гай... Нужно сказать Гаю! А самой бежать, бежать прямо сейчас! Лошадь раздобыть сейчас не получится, а вот лодку вполне и к утру я буду уже далеко. Только как поймать Гая одного?"

Уже не раз я приходила к мысли, что здесь, на Окатане, какие-то местные божества как будто благоволят ко мне, выручают что ли... Дома, на Земле, я никогда особой везучести за собой не замечала, напротив, всегда казалось, что удача обходит меня стороной, в отличие от некоторых моих знакомых. Здесь же было иначе. Так получилось и в этот раз. Не успела я толком составить план действий, как Гай, закончив песню под оглушительные крики и бурные аплодисменты, спустился вниз, оставив Айру и Ская развлекать публику. Я побежала следом. Он долго проталкивался сквозь толпу, но, в конце концов, вырвался из рук поклонников и поклонниц и направился в сторону гостиницы. Догнала я его на половине дороги:

- Гай, Гай подожди...

- Кари?! Ты где была?! Я с обеда тебя не видел...

- Гай послушай, это очень важно...

- Что случилось?! Чем ты так взволнована?!

- Ты в гостиницу идёшь?

- Да. Хейа пошла укладывать Натри...

- Ты должен предупредить Арвида, правда, не знаю как... Придумай что-нибудь, только не говори ему, что ты от меня... Они на рассвете уезжают. Я только что видела на площади одного из "золотой" банды...

- Ты не ошиблась?!

- Нет. Остальные могут быть где-то рядом...

Гай схватил меня за руку и потащил в гостиницу, прямо в свою с женой комнату. Хейа ещё не спала, а сидя возле спящего сына, вязала что-то толстыми спицами.

- Сиди здесь и никуда не высывайся... - Гай погрозил мне пальцем, - я скоро вернусь.

И быстро ушёл. Но сидеть я не собиралась. Хейа попыталась выведать, что случилось, но я сказала, что Гай сам ей всё объяснит и побежала в свою комнату. Собралась я быстро, хотя теперь вместо одного мешка у меня было два. Запасов еды не было, я собиралась прикупить их непосредственно перед отъездом. Кто же знал, что так получится? Но ничего... Местность тут не дикая, в окрестных деревнях можно будет что-нибудь раздобыть. Денег пока хватало.

Я вернулась к обеспокоенной женщине:

- Хейа, прости, но я ухожу... Спасибо вам за всё, за всё! Я вас всех очень люблю, но остаться не могу. Передай Гаю и Скаю тоже скажи, чтобы не искали меня, я этого не хочу.

- Но, Кари... Нет... Не уходи... Как же так...

Я видела, что она сейчас заплачет, да и сама еле-еле сдерживалась, чтобы не разреветься.

- Хейа, не плачь... Всё будет хорошо... Если повезёт, зимой встретимся в Латрасе. И повторяю, не ищите меня... Это может быть опасно... Всё, мне пора...

Женщина бросилась ко мне:

- Нет, нет... Я тебя никуда не пущу!

Я обняла её крепче и расцеловала в уже мокрые щёки:

- Не плачь... Я давно уже большая девочка. Айре и Скаю скажи, что они для меня, навсегда, родные брат и сестра. Не плачь, Хейа... Так надо. И вот, чуть не забыла... Она мне не нужна, а тебе с Натри поможет.

И всучила ей каморту и фляжку с расслабляющей жидкостью. Её и без того большие глаза, стали как два блюдца.

- Ох... Откуда?! Это же...

- Я её не украла, не волнуйся... Так что пользуйся... Как отвар варить знаешь?

- Отец Олмана знает... - прошептала она дрожащим голосом.

- Вот и прекрасно...

Я подошла к спящему Натри:

- До свидания, Мышонок... Расти большой и не исчезай больше.

Проведя пальцем по тёплому лобику и лохматой головёнке, я всхлипнула, и едва сдерживая слезы, бросилась к дверям: "Только бы не столкнуться ни с кем по дороге!"

ЧАСТЬ 3. ГОРОД

Праздник подходил к концу, и народ потихоньку разбрехался по домам. На улицах было много пьяных, горланивших песни. Я свернула в проулок и побежала. Позади слышались громкие голоса и мелькали огни факелов. Нужно торопиться. Возможно, когда обнаружат пропажу ангалина, поднимется шум. Главное, пересечь мост, а на том берегу можно будет найти подходящую лодку. Рыбаки и мелкие торговцы оставляли свои транспортные средства с другой стороны каменного моста.

До выхода из города я добралась благополучно. Перейти мост тоже, оказалось, не проблема. Я пристроилась в хвост к семейству на большой телеге и спокойным шагом преодолела половину пути. Когда охрана скрылась далеко позади, то ускорила и вскоре была уже на противоположной стороне.

Вокруг раскинулся большой палаточный городок, из тех, кому не досталось места в черте города. Пройдя немного вниз по течению, я заметила длинный ряд узких, похожих на пироги, лодок. Ночь была ясная. Октаэн сверкал и переливался всеми своими цветами, а усыпанный

звёздами небосклон, причудливо отражался в спокойной воде. Несмотря на то, что я уже давно привыкла к этой нереальной красоте ночного Окатанского неба, всё же каждый раз, всматриваясь в сияющую космическую бездну, не верила глазам своим и приходила в состояние благоговейного трепета.

Проверив одну из маленьких пирог на наличие течи, я закинула в неё мешки и оттолкнулась от берега. Первый раз жизни я взяла в руки вёсла, но как ни странно, отплыла на середину достаточно быстро. Здесь течение было очень ощутимым. Река сама несла меня, я ей только немного помогала. Огоньки на берегу, а потом и те, которые виднелись из сторожевых башен, быстро исчезли. Очень скоро я оказалась одна, в маленькой лодочке, на самой середине широкого водного потока.

Звёзды были везде: сверху над головой и внизу, в отражении водной глади. Тишина стояла такая, что каждый всплеск весла, наверно, разносился далеко-далеко. Я как будто плыла в космическом пространстве в неизведанные глубины Вселенной. Дурацкие слёзы потекли сами собой: " Я в космосе... в бесконечности... и никогда не попаду домой. Ежик в тумане какой-то... Пусть река сама несёт меня... Как можно найти дорогу в океане, не зная ничего о навигации? Не имея почти никаких знаний о том, где ты? И как, вообще, эту дорогу искать, с чего начинать и что делать?.. А ведь у меня здесь уже есть знакомые и даже друзья, более того, Гая и Хейю, а также их детей, караванщиков, я уже считаю своей семьёй. Может я не правильно поступила, что убежала?.. Но ангалин?! Его было так жалко, что словами не передать... И Лакран?.. Возвращаться в банду совсем не хотелось... А если я и не нужна там уже никому?.. Как же хочется домой! А может мне и не домой хочется? А просто почувствовать себя в безопасности, в спокойной и привычной обстановке? Где всё знакомо с самого раннего детства, где окружают обыденные вещи, где всё понятно и логично, где можно нажать кнопку и поговорить с родным человеком, сесть в машину, поезд, самолёт и преодолеть за пару часов сотни километров, а не мерить землю своими ногами. Где море информации изливается потоком на всех и каждого... Мой дом... Где ты?.. Моя жизнь... Как давно это было... Полгода... По земному календарю... Интересно, как там Катя с Кириллом? Мальчишки? Мои сотрудницы на работе? Соседка наша, Дарья Петровна, со своими кошками? Да... Теперь я знаю, что в жизни всё что угодно может случиться... Бесконечность времени... Бесконечность Вселенной... Бесконечность жизни... Кто бы мог подумать! Один только Октаэн, висящий над головой, чего стоит! Знак бесконечности, каждую ночь дефилирующий по небосклону! Смотрю и не верю! Не верю!!! Но это, как ни странно, правда... Реальность, в которой мне придётся жить... И я живу... Пока живу..."

Я вытерла мокрые глаза: " А может на Земле, вообще, время остановилось? Вот бы вернуться в то же самое время... Хотя нет... В то самое не надо... Авария... Как запутано всё... Лучше не думать..."

- Кари... - донёлся голос. - Кари...

- Привет, Мозг, рада тебя слышать.

- Наконец-то достучался... Ты так, временами, закрываешься... Наглухо... Не дозваться.

- Прости, я не специально. Совсем не представляю механизм нашего с тобой общения... Как, сидя в моей голове, ты не можешь иногда меня позвать? Недоступно это... для моего понимания...

- Не переживай, главное, что периодически получается. Так даже к лучшему...

- Почему?

- Было бы тебе приятно, ежесекундно, ощущать моё присутствие, слушать мою болтовню, чувствовать, ощущать кожей, меня в себе?

- Не знаю... Но когда долго с тобой не общаюсь, не разговариваю, то мне совсем одиноко... С тобой, Мозговой гораздо легче и веселее... Поругаться и поспорить есть с кем...

Он засмеялся:

- Да... Пospорить и поругаться... Это мы можем... Красиво, правда?

Я обвела взглядом сверкающее небо:

- Не то слово! Мы будто на космическом корабле... бороздим просторы Вселенной...

Незабываемая картина...

Я опять налегла на вёсла, и лодочка устремилась в бескрайний космос.

-Мозг, как ты думаешь, где мой дом? Как далеко Окатан от Земли?

Ответом послужил только всплеск воды...

- Эй... Что молчишь?

Грустный вздох я ощутила где-то над правым ухом:

- Не знаю...

- Странно... У тебя всегда есть что ответить...

- Не на этот вопрос...

- Но почему?

- Кари, я, правда, не знаю. Земля, одновременно, может быть и очень близко и очень далеко, так, что вообразить невозможно.

- Ну, вот это мне как раз и понятно... Меня другое интересует... Я хоть в своей галактике или в другой?

Мозг хмыкнул:

- А какая разница?

- Знаю, что никакой. Но было бы хоть чуточку легче, если бы я знала, что галактика своя, родная... Старый, добрый Млечный путь...

- Не знаю, дорогая... Я не знаю...

- Ладно, проехали...

- Тут тоже можно жить...

- Можно... Столько времени уже здесь торчу...

- И как впечатления?

- Домой очень хочется...

- Я так тебя понимаю...

- Правда?

- Правда-правда...

- Хоть кто-то меня понимает...

- Смотри, светает...

- Уже?!

Я пригляделась, и точно. Небо на востоке посветлело, и контуры берегов стали более заметны. Ночь пролетела быстро: «Когда совсем рассветет, пристану к берегу и посплю, а уже потом буду думать, где раздобыть еду. Вдоль берегов должны быть деревни».

Когда утро вступило в свои права, я причалила. Вытащила своё судёнышко на песок и рассмотрела то, что валялось на дне лодки. Там была небольшая сеть, пара удочек с крупными крючками и какая-то конструкция, наподобие сетчатой ловушки. И всё. Лодка была тоже не в лучшем виде, но хотя бы не текла. Похоже, я ограбила какого-то бедняка: "Как же он без лодки? Как бы с голоду не умер..." Попросив мысленно прощения у этого человека, я понадеялась, что местные божества не оставят его в беде и окажут посильную помощь.

Я никогда не была суеверной или набожной, но последние события привели к чёткому осознанию, что случиться может всё, что угодно. А ощущение какого-то странного везения, здесь, на Окатане, не покидало. Местное население своим богам особо не поклонялось. Пока я не встречала каких-либо серьёзных религиозных культов, не видела церквей, храмов или иных

мест поклонения. Слышала только про Храмы ангалинов, в которые их почему-то уже давно не пропускают. Боги присутствовали только в благословениях, проклятьях, личных молитвах, просто как дань прошлому. Кто-то верил, кто-то нет, но божественных культов, как таковых не было, по крайней мере на Восточных территориях.

Возможно, это было связано с очень древней легендой о Проклятии Восьми богов. В ней говорилось, что когда люди не захотели жить по божественным законам, перестали слушаться и поклоняться, боги решили наказать людей и выпустили на Окатан страшных чудовищ. Эти монстры выходили из Храмов и разбредались по земле, уничтожая всё живое на своём пути. Они не знали жалости и сострадания, не имели никаких чувств, кроме жажды крови. Началась война... Часть людей встала на борьбу с ужасными монстрами, а часть, безропотно, вымаливала у богов прощение. Один из богов, Восьмой, внял молитвам и начал просить остальных братьев простить людей и уничтожить кровожадных тварей, но боги были непреклонны. Меж тем война продолжалась. Люди создали страшное оружие, которое жгло огнём чудовищ, но одновременно, выжигало и всё вокруг. На таких пожарищах земля становилась мёртвой и безжизненной. Злоба и ненависть, голод и смерть затопили мир. Большинство людей совсем возненавидели богов, а так же и Восьмого, который так и не сумел им помочь.

Видя, что люди непреклонны, не хотят покориться и признать их величие, боги решили уйти. Они долго плакали и горевали перед уходом, собирая свои слёзы в огромные бочки и жалея своих непокорных детей, но потом всё же уничтожили свой дом высоко в небесах и исчезли. Так в небе появился Октаэн, руины Дома Восьми богов... Своего собрата, Восьмого бога, они бросили на Окатане в наказание за сочувствие, а может он и сам захотел остаться, никто не знает... Перед уходом они сказали ему, что вернуться только тогда, когда он сам сможет вырваться к звёздам или пока кто-то не поможет ему это сделать. Тогда, по радужной дороге, они сойдут с небес, возродят к жизни весь мир и откроют людям путь в небеса. А до тех пор Окатан проклят и ни одна душа не сможет вырваться за его пределы. И пусть люди не надеются попасть в звёздные райские сады. Все души останутся здесь, в ожидании освобождения... Вот такая легенда.

Сколько тысячелетий она передаётся из поколения в поколение, неизвестно. Одно было понятно точно, боги до сих пор не почтили Окатан своим визитом. Есть ли в этой сказке хоть крупица истины или нет, тайна скрытая веками. Но я сделала вывод, что Хранитель, который забирает души после смерти и есть тот самый Восьмой бог, оставленный на Окатане.

Гневить местные божественные сущности мне совсем не хотелось, независимо от того, проклят Окатан или нет. Мне здесь везло... По-настоящему... И отрицать это фантастическое везение, не принимать его во внимание, глупо. Я ведь жива до сих пор, хотя уже несколько раз могла умереть. Спутнуть удачу, не в моих интересах. Поэтому я ещё раз посетовала на вынужденное воровство и, расстелив одеяло на дне лодки, решила немного поспать. И заснула сразу, как только закрыла глаза. А открыла, когда парное светило уже давно перевалило за полдень.

Вот это называется, немного вздремнула! Продрыхла почти целый день! Я протёрла глаза, напилась воды из фляги и, зайдя по колёно в воду, принялась умываться, чтобы прогнать остатки сонливости. В животе громко заурчало... Поесть было бы очень кстати. Последний раз мой желудок занимался своими прямыми обязанностями, больше суток назад и сейчас выражал бурное недовольство таким пренебрежением с моей стороны. Только вот есть то, нечего!

В лодке есть снасти... Может попробовать кого-нибудь поймать? Только как? Никакой наживки нет. Хотя я и профан в рыбной ловле, но прекрасно понимаю, что на голый крючок никто не клюнет. Я выбралась на берег. Место для отдыха было удачным. Со стороны суши меня окружали заросли высоких колючих кустов, за которыми виднелся лес, а со стороны воды

колыхался на ветру частокोल гибкого речного тростника. Если бы я утром не подплыла к нему достаточно близко, то и не заметила бы, что за ним скрывается небольшая полоска жёлтого песка, окружённая плотным кольцом зелени. Мою стоянку не было видно ни со стороны реки, ни со стороны леса.

Стоя на коленях, я вертела в руках странную ловушку, как вдруг, где-то сбоку, что-то громко плюхнуло. Аккуратненько, чтобы не вспугнуть возможную добычу, я достала из мешка кинжал и засунула его за пояс, взяла сеть и медленно, стараясь ступать как можно мягче, пошла в сторону, откуда послышался всплеск. Раскинув сеть, я опять зашла на мелководье и сквозь заросли тростника пошла вдоль берега. Впереди что-то зашуршало. Резким движением я раздвинула колючие ветки, расцарапав при этом руки, и уставилась прямо в немигающие изумрудные глаза. Опа! Ангалин! Желудок непроизвольно сжался и я икнула... Ангалин тоже... икнул. Я узнала его сразу. Это он! Тот самый, бедолага, которого я освободила в Маргосе. Он ещё так чувственно лизнул меня на прощанье. На одной из широких, почти чёрных, чешуек на его лбу была приметная серповидная царапина, я её хорошо запомнила.

- Это ты?! - выдала я на выдохе, скалясь во весь рот.

Ящер кивнул. Он меня тоже узнал.

- Вот так встреча! Ты тут то же спал, как и я?!

Он опять кивнул.

- Я так рада, что с тобой всё в порядке! Жаль, что ты не рыба, а то есть очень хочется! Но всё равно здорово, что мы встретились!

Я ещё немного постояла, болтая в воде сетью и не зная больше, что говорить. Ящер не отрывал от меня глаз.

- Ну, я это... пойду. Я тебе, наверно, помешала... У меня тут лодка... Вечером дальше поплыву... Мне в Банкор нужно...

Ангалин не двигался. Я развернулась и побрела обратно, переваривая в голове, столь неожиданную встречу. И только ступила на песок, как к ногам упала крупная рыба. Я обернулась. Из воды торчала голова ящера.

- Спасибо!!! Вот это подарок! - настроение подскочило ещё выше.- Ты очень меня выручил! С голоду теперь точно не умру.

Рядом шлёпнулась вторая, ещё большая. Я только развела руками... Ну, это вообще!

- Я столько не съем! Может, составишь компанию?!

Было видно, что ангалин думает. Ну и пусть думает... Не уплывает, и хорошо... Пока ящер сидел в тростнике, я разделала одну рыбу, потом другую, благо опыт уже имелся, да и голод подталкивал. Потом принялась за костёр, но как назло всё вокруг было сырое. Кое-как, я нарубила кинжалом колючих веток, сложила их шалашиком, но для растопки не нашла ничего подходящего: "Проблема! Не есть же сырую... Хотя, кажется, придётся... Не подготовилась, сама виновата... Надо было не только тряпки покупать, а готовиться к самостоятельному путешествию!"

Я продолжала высекать искры камнем для розжига, но огонь не занимался: "Ну, дура! Нет ума, считай, калека! Мозговой тоже, хорош... Напомнил бы, посоветовал... И что теперь делать?!" Позади, в зарослях, послышалось шуршание и треск. Я оторвалась от своего занятия: ангалина в тростнике уже не было. Через несколько минут он вылез из кустов, волоча рукастым хвостом здоровенную корягу. Несмотря на то, что это бревно снаружи было мокрое, внутри, сгнило почти до трухи, которая занялась с первой искры. Большая куча углей нагорела очень быстро и через час я уже уплетала запечённую ихтиофауну. Ангалин наблюдал за моими действиями, лёжа рядом с лодкой.

- Ты прямо, спаситель, мой! И едой обеспечил, и с костром помог! Спасибо! - я глотала

сочные, жирные куски. - Точно не хочешь? - и протянула ему половинку одной тушки.

Ангалин втягивал широкими ноздрями горячий пар и смешно морщил чешуйчатый нос.

- Зря отказываешься... Очень вкусно! Я понимаю, ты, наверно, любишь сырую... Но рыба, запечённая на углях... М-м-м... - И я покачала головой. - Это потрясающе! Попробуй, хотя бы...

Ящер подполз ближе и принялся усиленно нюхать. Я подула на горячий кусок:

- Вот съем всё сама и тебе не достанется...

Ещё раз, сильно втянув воздух, ангалин медленно взял, предложенную долю и проглотил.

- Ну, вот и молодец! А то неудобно как-то, есть в одиночестве... Ну как? Вкусно?

Он сначала смотрел на меня зелёными глазищами, потом облизнулся и зашипел...

- А-а-а... Ещё хочешь? Не распробовал?!

Он вздрогнул, сделал несколько шагов назад, не отрывая взгляда от моего лица и проговорил:

- Понимаеш-ш-шь?!

Теперь я вздрогнула. Я ведь поняла, что он сказал в первый раз, только не сообразила сразу, что уловила значение его шипения. Первый раз он сказал: "Непонятный вкус..."

Несколько минут мы пялились друг на друга, а потом я сообразила, что языковые настройки в моей голове никуда не исчезли. И на слух я понимаю даже речь ангалинов! Потрясающе! Спасибо, Дайк! Спасибо! Работает твоя травка, до сих пор работает!

- Да, вроде понимаю... Скажи ещё что-нибудь...

Ангалин беспокойно забегал, сверкая глазищами, а потом прошипел:

- Этого не мож-ж-жет быть!

Я улыбнулась:

- Поверь, может быть всё, что угодно! Уж я-то это, точно знаю!

- Но ка-а-а-к?!

- Меня просто одной травкой поили... Некоторое время назад... Теперь я любой язык понимаю... Главное, правильно сосредоточится...

- Ч-ч-что?!!! - Ангалин аж подпрыгнул, красиво выгнув гибкую спину. - Тр-равой раз-з-зума?!!!

- Точно! Она так называлась! Как ты догадался?!

- Это великая та-а-айна! Эта трава наш-ш-ша! Свящ-щ-щенная трава ангалинов! Где ты е-ё-ё вз-з-зяла?!!!

- Ну, во-первых, не надо так нервничать, а во-вторых... я её нигде не брала, меня поил отваром один человек. Кстати, та ещё гадость! А вот где он её взял, понятия не имею! Не было возможности выяснить, да мне это и не нужно было...

Ящер бегал по песку туда-сюда и его длинный хвост извивался как змея, а пальцы на конце сжимались и разжимались, как кулак у человека.

- Ага-а-а! - причина его беспокойства стала понятна. - Вы сами эту травку употребляете! Что бы людей понимать!!!

Он забегал ещё быстрее. Я угадала! Он остановился, и зелёные глаза начали покрываться сетью красных прожилок. Ящер молниеносно подскочил... Я даже не успела никак среагировать, как пальцы на хвосте сжали горло. Лёжа на песке, под тяжёлой нависшей тушей, я судорожно пыталась разжать железную хватку и хрипела... В глазах помутилось, но больно почему-то не было... Я чувствовала только, как холодный обруч сжимается всё сильнее...

- Ты знаеш-ш-шь наш-ш-у тайну... - Шипел ангалин прямо в лицо. - Я долж-ж-ен убить тебя-я-я...

- Сделай... м-м-милость... Эта планета мне... до чёртиков... надоела... - всё, что я смогла выдать.

Пальцы неожиданно разжались... Пока я кашляла и вдыхала спасительный кислород, ящер сидел рядом и сверлил меня красными глазами.

- Спасибо, что хоть накормил... перед тем как убивать... Змей... Горыныч... Что ж ты дело не закончил?.. - Кашель ещё душил, и я тёрла онемевшую шею.

- Из-з-здеваеш-ш-шься-я?

- Ну, что ты... и в мыслях не было...

Придя немного в себя, я поднялась, залила костёр водой и отбросила ногой остатки трапезы:

- "Приятно" было познакомиться... Раз ты, вроде как, передумал, то изволь откланяться. Мне дальше двигать надо... Видно правду про вас говорят... А я, дура такая, пожалела... Даже восхищалась... тому, какой ты красивый... - продолжала я хрипло приговаривать, стаскивая лодку в воду. - Точно, дура!

Ангалин изображал из себя каменную статую. Пройдя тростниковые заросли, я залезла в пирогу, пытаясь удержать равновесие, и взялась за вёсла:

- Ну, будь здоров... Не кашляй...

Ящер остался на песке, провожая меня взглядом. Его глаза уже были просто зелёные, без красного оттенка.

"Да... А как хорошо всё начиналось... Опасная зверюга... А умный какой... Если бы не внешний вид, то по разговору человек, один в один. Жаль, что не додушил... Избавил бы одним махом от всего..." - я ожесточённо гребла, как будто лодка и вёсла были в чём-то виноваты.

На реку опускались сумерки. Далеко впереди виднелось парусное судно и несколько лодок причаливали к дальнему берегу. «Наверно, там посёлок...» - подумала я. - Но туда не поплыву, лучше буду грести всю ночь. Чем быстрее окажусь в Банкоре, тем лучше». Где-то на середине я опять поймала поток мощного течения и, убрав вёсла, подвинулась на корму к небольшому рулю. Ладони были покрыты волдырями мозолей ещё с прошлой ночи, но было не больно, а просто неприятно: "Бедные мои ручки! Сколько вы уже перенесли: и шрамы, и мозоли... Эх... А когда-то без маникюра из дому не выходила... А теперь, всё равно... Мозг? Мозг, ты куда пропал, опять? Слышишь меня?" Но никто не отзывался на мысленный призыв: "Странно... Где его носит? Никак в дебрях моего разума шляется... А потом будет причитать, что я с ним мало общаюсь. "Мозговой", ты где?! Алё! Приём! - Он не отвечал. - Ну, вот так всегда! Как он нужен, так нет его... Ну и чёрт с тобой! Захочешь, сам объявишься», - и в сердцах стукнула кулаком по борту.

Повеяло холодным ветерком. Я зябко поёжилась и, отпустив руль, подтянула мешок с одеждой. От неловкого движения лодка сильно качнулась: "Только перевернуться не хватало! - Я замерла и вцепилась в борта, восстанавливая равновесие. В темноте берегов уже не было видно, но в небе, неоновыми лампочками, зажигались звёзды. «Ночь опять будет ясной, это хорошо... Только сегодня заметно холоднее...» - Подумала я, натягивая свитер и обувая новые "угги", которые купила на ярмарке. - Лучше всё-таки грести, а не рулить, так теплее будет».

Эта ночь была такой же сказочно-космической, как и предыдущая, если не считать того, что через несколько часов, я чуть не врезалась в остров. Поначалу я не поняла, что за темнота растёт впереди. Она была далеко, а потом всё ближе и ближе, больше и больше. И только услышав шум ветра в тростнике, я догадалась, что это. Остров... Просто остров, но было, конечно, жутковато. Я налегла на вёсла и обогнула островок, а дальше река опять понесла меня в мерцающую даль.

К рассвету я продрогла и жутко проголодалась. И несколько раз пожалела, что не взяла остальные куски рыбы с собой. И плевать, что этот гад чешуйчатый её поймал для меня и помог огонь развести. Нечего так едой разбрасываться, в моей-то ситуации. Как бы эта рыбка сейчас

пригодилась! От воспоминаний о горячей еде потекли слюны. То, что ящер чуть не задушил меня, почему-то особо не беспокоило. Я даже жалела немного, что он передумал. Возможно, это был бы лучший выход... Хотя, о чём я думаю... Жива и, слава богу... А ангалин, конечно, тварь неблагодарная, хоть и красивый, зараза...

Над рекой стелился утренний туман, и первые птицы звонко верещали в прибрежных зарослях. Рыба плескалась прямо возле лодки. Я опустила ловушку, так на всякий случай, и раскинула сеть, недалеко от очередного островка. А вдруг поймаю завтрак! Но рыба тоже не дура, ловиться не хотела. Я догребла до ближайшего острова, осмотрелась и на дневной привал решила остановиться здесь. Посёлков по берегам видно не было, как и лодок рыбаков. "Ладно, будь, что будет... Сутки без еды продержаться смогу, а потом придётся искать деревню..." - Меня лихорадило, то ли от холода, то ли от усталости. Не хотелось ничего, просто лечь и лежать, а ещё лучше проспаться до вечера. Когда спишь, голода не чувствуешь.

Протащив свой транспорт подальше в глубину островка, на небольшую полянку, я натянула на себя почти всю одежду, которая имела, завернувшись в одеяло и улеглась на дно. В голове шумели волны, и меня качало из стороны в сторону. Это, наверно, от долгого пребывания на воде, такая внутренняя качка. Я закрыла глаза. Шум прибоя в ушах усилился, но не раздражал, а, наоборот, успокаивал. Я представила, что я на берегу моря, иду по тёплому, почти горячему песку. Босые ноги слегка проваливаются и стопы чувствуют каждую песчинку. Кругом летают чайки, но почему-то не кричат, а шепчут: "Кари... Кари... Всё хорошо... Впереди вся жизнь... Нужно думать о будущем... Всё хорошо... Всё хорошо..." Я смотрю в небо на больших белых птиц, кружащих прямо над головой. Вдруг, одна из них вспыхивает ярким пламенем прямо на лету и камнем падает вниз. Я подбегаю и вижу: на песке лежит курица, курица-гриль, с золотистой корочкой и большими пучками зелени вокруг. От потрясающего аромата начинает кружиться голова, и я протягиваю руки к заветной мечте, но не тут-то было. Копчёная тушка вскакивает на костяные ножки и убегает прочь.

- Стой! Ты куда! Ты моя, курица! Ты жареная! Как смеешь убегать?! - И несусь следом за драпающим ужином. - Стоять, я сказала! Куры - гриль не могут бегать! - я орала, что есть мочи, только голоса своего почти не слышала. Из горла вырывалось только какое-то карканье. Жареная птичка резко сменила направление и запрыгала прямо к морю - я за ней. Расправив куцые крылышки, она подпрыгнула и бухнулась в воду. Холодные капли брызнули на лицо, и я открыла глаза.

На меня смотрела тёмно-серая зеленоглазая морда.

- И снова, здравствуйте! - мой голос, действительно, был хриплым, и слова застревали на полпути. - Что? Соскучился?

Я привстала. Пахло жареным мясом.

- Есть будеш-ш-шь? - прошипел ангалин.

Второй раз повторять ему не пришлось. Я, мешком, вывалилась из лодки и на четвереньках быстренько поползла к небольшому костерку. На угольях запекалась рыба, а рядом на больших листьях, дымился, нанизанный на палочки шашлык! И хотя глотать было трудно, горло было перетянута будто ремнями, с двумя порциями я разделалась за несколько минут. По вкусу это была какая-то птица, но точно не берусь утверждать. Горячее мясо! Вот, что главное! И вкусное-е-е...

Ангалин пристроился рядом и, держа в хвосторучке мой кинжал, выковыривал что-то из угольков. Я оглядела полянку. Мои мешки валялись на земле, полностью распотрошённые. "Вот, наглец! Даже в моих пожитках успел покопаться. Как бы золотишко не спёр..." Про падкость ангалинов до золота, я была уже наслышана. К ноге подкатилось несколько крупных обугленных шариков. Я оторвалась от трапезы. Это были местные корнеплоды, по вкусу очень

похожие на картошку, только цвет у них внутри был ярко-оранжевый, как у тыквы. Местные называли их "ваттах", что значило питательный корень. Но про себя я называла этот овощ тыквенной картошкой. Я глянула на ящера, он продолжал ковыряться в углях и на меня не смотрел.

Вскоре, сытым хомяком, я привалилась к ближайшему стволу. В желудке было тепло и уютно. Прикрыв глаза, я подставила лицо дневному свету. Я согрелась и блаженно расслабилась. Рядом послышался шорох. Я приоткрыла один глаз. Ангалин сидел рядом.

- Спасибо... Было очень вкусно... Не думала, что ангалины умеют разводить огонь и готовить человеческую еду.

Он наклонил голову так, как это иногда делают собаки, слушая хозяина и произнёс:

- Мы многое уме-е-ем... Только люди об этом не з-з-знают... Нам нуж-ж-жно поговорить... - мне показалось, что в его шипении промелькнули извиняющиеся нотки.

- Говори, я слушаю... - и судорожно сглотнула. В горле будто застряла куча камней... - А то мне пока трудно... -

Он глубоко вздохнул, светлая широкая грудь значительно расширилась, развернулся и пошёл к воде. Вскоре вернулся, держа в пасти яркие, красно-зелёные листья, которые принялся усиленно жевать. Потом он залез в один из моих мешков, достал старую потрёпанную рубашу, одну из тех, в которой я убегала из леса, и оторвал от неё длинный кусок. "Распоряжается, как будто это его... Хоть бы разрешения спросил, что ли?" Передними лапами и хвостом он расправил кусок ткани, выплюнул на неё пережёванную массу и сложил в две половинки, а потом протянул мне:

- Обмотай ш-ш-шею, это помож-ж-жет... С-с-синяки с-с-сойдут и говорить будет легч-ч-че...

Не говоря ни слова, я сделала так, как он сказал. Сначала было неприятно, когда пропитанная слизью тряпка коснулась кожи, но вскоре я почувствовала прохладу, как от мази с ментолом. И правда, полегчало... Ящер подобрался поближе и сказал:

- Я хотел с-с-сказать с-спасибо, за то, что ты с-с-сделала для меня... там, в Маргосе... Никто бы так не поступил... Тем более женщ-щ-щина... Ты из-з-збавила меня не просто от смерти, а от величайш-ш-шего поз-з-зора, от каз-з-зни... Для ангалина нет хуже учас-с-сти, чем умереть от руки палача... - и опустил голову в поклоне. Я ничего не успела сказать в ответ, как он продолжил:

- Когда ты с-с-сказала, что тебе надоела эта планета, то ч-ч-что имела ввиду?

Его крупная продолговатая голова находилась напротив моего лица, изумительные зелёные глаза смотрели с любопытством и, как мне показалось, вся его поза выражала сильную заинтересованность.

- А то и имела... Я на Окатане уже больше шести месяцев... Хожу, брожу туда-сюда... Очень хочу вернуться домой, но не знаю, как это сделать и возможно ли, вообще... - Какой смысл скрывать от ангалина правду? Он не человек и вряд ли кому-то из людей про меня расскажет. А поделиться с кем-то давно хотелось... Я всё надеялась, что расскажу всю правду о себе Дайку, но видно мы ещё не скоро свидимся, так почему бы не рассказать ангалину... Может, станет легче?

- А где твой дом? - последовал вопрос.

- Там где-то... - я показала пальцем в небо.

Ангалин задрал голову:

- Там небо...

- Ну да, небо... Только далеко-далеко, настолько, что и представить нельзя, есть звезда, которая называется Солнце и вокруг неё вращается планета, под названием Земля... Там и есть

мой дом...

Ящер посмотрел на меня, потом вверх, потом опять на меня:

- Значит ты с неба с-с-свалилас-с-сь?

- Ну... Можно, наверно, и так сказать.

Он хмыкнул, ну совсем как человек, и улыбнулся одной половиной клыкастой пасти:

- Вреш-ш-шь...

- Твоё дело, верить или нет... Но ты первый, кому я говорю чистую правду... Понимаю, что поверить очень сложно, почти невозможно, но это так...

- А разве мир может вращ-щ-щатся вокруг звезд-з-зды? Это звезд-з-зды бегают по небу...

Теперь пришла моя очередь хмыкать:

- У тебя древнее и ненаучное представление об окружающем мире. Планеты вращаются вокруг звёзд, а не наоборот.

Он задумался:

- Ты говориш-ш-шь почти как мой прадед.

- Вот как?!

- Когда я был совс-с-сем маленьким он много расс-с-сказывал мне про з-з-звёзды. Я мало что помню, но что-то похожее точно было.

- Ну вот... Я не вру.

- А как именно ты с-с-сюда попала?

- Вот это и есть главная загадка... Я и сама толком не понимаю...

И как могла я рассказала про аварию, яму и про жизнь в лесу. Показала свои шрамы, которые ящер очень внимательно рассмотрел, качая чешуйчатой головой. Рассказала, что у меня нет родовой метки, в отличие от местного населения и показала лохмотья своей земной одежды. Также поведала о Дайке и про "золотую" банду, оказалось, что ангалин тоже о них слышал. Когда хрипя от напряжения, дошла до побега по чёрному туннелю, ящер взвился в прыжке:

- Это же проходы наш-ш-ших предков, Великих ангов! Они строили Храмы и такие туннели!

- Ну, наверно... Тебе лучше знать... - говорить я уже не могла, только хрипеть, и закашлялась.

Ящер подобрался совсем близко. Длинными, гибкими хвостовыми пальцами он приподнял мой подбородок и заглянул в глаза:

- Прос-с-сти меня... за вчераш-ш-шнее... Я очень сожалею, что не сдержалс-с-ся.

Глянув, в изумрудную зелень его глаз, я прошептала:

- Будем считать, что этот шикарный обед или ужин искупил твою вину.

- Хорош-ш-шо... Будем с-с-считать... Больше не говори ничего, ещё будет время... Но... - и он хитро улыбнулся, показав клыки, - я хочу уз-з-знать твою ис-с-сторию до конца. Я ведь тоже плыву в Банкор и могу сос-с-с-ставить тебе компанию.

Я утвердительно кивнула. Мы ещё немного посидели у костра, а так как дело уже близилось к вечеру, то я начала собираться. Ангалин достал верёвку, которая валялась в мешке и начал что-то из неё плести. Когда он закончил, стало понятно, что он задумал. Ящер собрался быть моей водяной лошадкой... Что ж, прекрасно! Грести больше не придётся...

Я сложила свои пожитки и побросала в лодку. Оранжевый закат полыхал над рекой. Ночь обещала быть тёплой...

Следующие слова ангалина застали врасплох. Я вздрогнула.

- Я знаю, что у тебя ес-с-сть з-з-золото...

- Допустим... - я вперилась в него подозрительным взглядом. - Осталось несколько монет.

- Мне нужна одна... в долг.

- В долг?!

- Я верну...

- А зачем? Ты собрался что-то купить?

Он опустил голову и принялся ковырять когтем землю:

- Недалеко от Банкора у меня есть тайник. Там оруж-жие и з-золото. Когда мы доберёмс-ся туда, я тебе отдам.

- Точно отдашь? Обещаешь?

- Обещ-щ-аю...

- Ну, так и быть, я дам монету. Только прежде, чем одалживать кому-то деньги, хотелось бы узнать имя своего должника.

Ангалин широко заулыбался:

- Я знал, что ты спросиш-ш-шь...

- А почему сразу не сказал, как тебя зовут?

- Ты не спрашивала...

- Ну, теперь спрашиваю...

Ящер принял важную позу, вытянул хвост и опёрся на него. Изящно выгнул шею и произнёс:

- Максашарай эн Шэар, один из восемнадцати сыновей Великого Ангалина Рэкса.

- О, как! Приятно познакомиться...

- А как звать столь прекрасную эрдану?

Я обалдела: "Сначала придушил, а теперь прекрасная эрдана..."

- Меня зовут Карина, можно просто Кари. Тут все почему-то меня так называют.

Ящер кивнул:

- Кар-ри-и... Мне нравится...

- А можно, я твоё имя тоже как-то сокращу, а то Макс...са...ша...рай... язык сломаешь.

- Можно... А как?

- Макс... Прекрасно подходит.

Он несколько раз произнёс новое для себя слово, как-бы привыкая и смакуя его произношение, а потом сказал:

- Годитс-с-ся.

Вот таким образом и состоялось наше окончательное знакомство. Я достала монетку:

- Лови!

То, что он сделал дальше, объяснить и понять я не смогла. Вытянув шею и открыв клыкастую пасть, ящер поймал её и тут же проглотил.

- Зачем ты её съел?! Это же деньги, а не еда! - Возмущению не было предела, и я ошарашенно хлопала глазами.

- Придёт время, узнаеш-ш-шь... - и пошлёпал к воде.

«Будто таблетку пошёл запивать...» - пришла мысль.

И точно! Он напился воды и оглянулся:

- Ну, что? Будем отчаливать?

- Будем.

Я затушила костёр, сняла обувь, закатала штаны, и мы стащили лодку в воду.

Да... Ангалин, в виде транспортного средства, это что-то! Я мчалась по воде, словно на моторке, только ветер в ушах свистел. Вот это скорость! Такими темпами в Банкоре мы будем очень скоро. Макс, несколько раз за ночь, подплывал ко мне и спрашивал, как я себя чувствую. Самочувствие было прекрасным, только горло ещё немного саднило, но говорить было уже легче. В ответ, я интересовалась, не устал ли он, но Макс отвечал, что нет, течение очень

помогает и плыть легко.

Использовать разумное существо, как ездовую собаку, было не очень удобно, но... Я же его не просила, да мне и голову бы такое не пришло. Это была всецело его идея, но она мне очень понравилась. В общем, мы не плыли, мы мчались. Я лежала на дне и смотрела на несущееся небо. Как же красиво! Сегодня Октаэн, был настолько прекрасен, что глаз не оторвать. Красные, бордовые, синие, фиолетовые и сиреневые оттенки туманности создавали такую прекрасную картину, что хотелось плакать.

"Наверно, у меня появился новый друг... И хоть начало не очень задалось, - я поправила повязку на шее, - кажется, что я ему также интересна, как и он мне. Знали бы Скай с Айрой, кто помогает мне добраться до Банкора... Как бы, интересно, отреагировали?" Вспомнился Маргос и ярмарка, мои дорогие караванщики, голос Гая и солнечная улыбка Натри... "Как они там? Как восприняли моё бегство? Обиделись, наверно... Успел ли Гай предупредить Арвида, что за северянами возможна слезка? И что произошло, когда обнаружили пропажу ангалина? Ярмарка уже пару дней как закончилась, караван должен быть в пути. Я намного их опережаю... И куда всё-таки подевался "мозговой"?"

- Я здесь... - донёлся голос, как слабое эхо.

- Ну, наконец-то!

Я закрыла глаза и очутилась перед дверью в библиотеку. Сильно толкнув плечом, я влетела в комнату. Мой профессор лежал на кушетке в привычном образе, только без монокля.

- Мозг, что случилось?! - я схватила его за руки. - Что с тобой?!

Профессор был странно бледен, но глаза были ясные и весёлые.

- Я так рад тебя видеть!

- Да что тут происходит?! Почему ты не отвечал так долго?! Где ты был?! - я порывисто обняла его и прижалась к бархатному халату.

- Я немного приболел... И не дави так, задушишь...

- Приболел?! Ты?!

- А что? Я заболеть, что ли не могу?

- А ты можешь?!

- Как оказалось, могу. Вот и не отвечал, потому что не мог настроиться на тебя.

- И никак не мог дать знать, что тебе плохо?!

- Не мог...

- Я могу что-нибудь сделать для тебя?

- Ты уже сделала... - он тоже обнял меня и поцеловал в щёку.

- И что же я сделала?

- Ты опять выжила, хорошо поела, отдохнула и теперь двигаешься вперёд с очень приличной скоростью.

- Тебе бы всё шутки шутить... Объясни, толком, что с тобой случилось?

- Попробую...

Он привстал, и я подсунула под него подушку:

- Начну с главного... Когда ящер начал душить тебя, то твой мозг, настоящий, осязаемый, который находится вот здесь... - и он постучал пальцем мне по лбу, - лишился необходимой ему доли кислорода и начал умирать... На самом деле, ангалин задушил тебя...

- В каком смысле?

- В прямом.

Я непонимающе смотрела на своего профессора.

- Как задушил?! Он не закончил... Я даже не потеряла сознание...

- Теряла, просто не помнишь. Ты была мертва около двух минут...

- Этого не может быть... Но я всё прекрасно помню... Он разжал пальцы после того как я прохрипела, что мне надоела эта планета.

- Верно. Только между твоим последним хрипом и тем моментом, когда он опустил твоё горло, прошло две минуты. Две минуты смерти... Он опустил тебя не потому, что услышал эту фразу, а потому, что ты уже не дышала, пульс не бился и он это почувствовал. Но... - и Мозговой поднял палец. - Как только он убрал хвост, твоё сердце забилося, и ты включилась, ну как... - он пощелкивал пальцами, подбирая сравнение, - как любой электроприбор! Вот! Нажми кнопку - выключишь, нажмёшь ещё раз - заработает, вот как-то так...

- Ну... допустим... - я терла виски. - Как же тогда это отразилось на тебе?

- Та часть твоего мозга, в которой живу я, пострадала в последнюю очередь, поэтому я и жив, хотя пока ещё слаб. Если бы я поселился где-нибудь в другом месте, то просто сгорел бы в смертельной агонии твоего разума, растворился, в мощном выбросе твоей энергии и одной минуты было бы достаточно.

Я сидела на кушетке, переваривая всё услышанное и машинально глядя "мозгового" по плечу.

- Кари... Хватит тереть, дыру протрёшь в любимом халате.

- Значит... Макс убил меня...

- О-го-го! Уже Макс?! Ох, чувствую, что пропустил много интересного, пока валялся в отключке, а потом восстанавливал наши настройки!

- А я ему ещё и монету одолжила...

- Что?! Ангалину?! Золото?! - и профессор громко расхохотался.

- Но он пообещал, что вернёт...

- Будем надеяться... - он продолжал смеяться.

Через пару минут профессор немного успокоился и поднялся с кушетки.

- Девочка моя! Ты самое лучшее лекарство! Вот насмеялся от души и сразу легче стало!

- Всегда к вашим услугам, профессор!

Мозговой разразился новым приступом хохота. Утерев слёзы, он подошёл к резному шкафчику:

- У меня тут есть кое-что... Надо отметить наше воскрешение. - И достал бутылку шампанского и два бокала. Пробка выстрелила, и пузырящийся напиток заиграл в свете настольной лампы. Полегчало мне, только, после третьего бокала.

- В нашем с тобой состоянии, определённое количество некрепкого алкоголя только на пользу, - произнёс Мозговой, и мы чокнулись.

- А кстати... - я крутила в руке хрустальный бокальчик. - Почему я очнулась после двух минут смерти?

- Спросила, наконец-то...

- Так почему?

- Очень правильный вопрос... Но прежде чем ответить, я задам свой... За последнее время ты заметила что-нибудь необычное в себе?.. Такое, чего раньше не замечала?

- Ты о чём?

- Помнишь, мы с тобой беседовали про яд "райской" травы. Я сказал тогда, что действие его в твоём организме ещё продолжается...

- Помню...

- Ну, так что ты заметила?

- Я почти не чувствую боли, просто дискомфорт.

- В яблочко! В данный момент, и я с уверенностью могу это заявить, что... - и он поднял руку с бокалом, - наряду с изменением цвета волос и глаз, яд этой травки оказал на тебя ещё

одно действие. Ты не просто не чувствуешь сильную боль. Твой организм, весь в целом, не почувствовал смерть! Вот почему ты очнулась и включилась мгновенно, как лампочка!

- Как это?

- Очень просто. Твоё тело, в отличие от мозга, не поняло, вернее не почувствовало, что умерло. Мозг понял, что умирает и выключил сознание, а тело - нет...

- Разве так возможно? Ведь тело управляется мозгом, притом полностью...

- Я бы так не сказал... Когда-нибудь, я расскажу об этом явлении более подробно, а пока продолжу... Несмотря на то, что твоё сердце перестало биться, а кровь почти перестала бежать по сосудам, тело, на своём уровне, смерти не заметило, и восприняло остановку сердца не как смерть, а просто как сбой ритма и запустило его заново.

- Только не говори, что я теперь бессмертна...

- Нет, не скажу. Всё умирает: звёзды, галактики, даже Вселенная... когда-то умрёт, наверное. Просто ты стала намного живучей, вот и всё. Я думаю, что если бы твой ящер продержал тебя своей железной хваткой подольше, то мы бы сейчас здесь не сидели.

Я откинулась на подушку рядом с "мозговым":

- Это все новости на сегодня?

- Все! - он явно был собой доволен.

- И что мне теперь делать?

- В смысле?

- Как вести себя с этим убийцей?

- Не знаю... Но второй раз убивать тебя он не будет. Ты загадка для него... А ангалины очень любопытны по своей натуре. Вот поэтому он и нашёл тебя, и остался рядом, что бы узнать о тебе побольше. Я думаю, он не понимает, почему ты очнулась. Он же чувствовал, что ты уже не дышишь.... Будь умнее, он изучает тебя, а ты изучай его. Я бы пока ему не доверял, а дальше видно будет... Тем более, я вижу... Он тебе нравится... Даже больше скажу, по-моему... ты влюбилась...

- Я?! Влюбилась?! В кого?! В эту ящерицу?! В убийцу самой себя?!

- Похоже на то...

- Ты с ума сошёл!!!

- Ну, признайся, Кари... Ты как его увидела в Маргосе, так только потом о нём и думала. Ну чего жмёшься? Скажи, а? Влюбилась... В этом нет ничего плохого...

- Ты сам понимаешь, что говоришь?! Я - человек... женщина... Он - ящер, пусть и разумный. Какая любовь?!

- Самая обычная...

- Ну, ты точно умом тронулся, после моей смерти!

- Послушай меня, просто послушай и не спорь пока... - Он крепко обнял меня и прижал к себе.

Мы лежали на уютной кушетке. Я с наслаждением вдыхала такой странный и в то же время такой родной запах, исходящий от моего внутреннего друга. И наверно, уже давно не только друга. Я вспомнила своё детство, как точно так же лежала рядом с папой. Он читал мне сказки, а я не столько слушала, сколько радовалась тому, что папа дома. В детстве я его мало видела, он очень много ездил по работе.

Теперь, лёжа рядом с моим дорогим профессором, я ощущала почти то же самое. Просто радость от того, что он есть... Меж тем он всё говорил, говорил...

- ...Любить можно всё и всех. Вместе и каждого в отдельности. Можно любить осязаемые материальные вещи и живые существа, а можно любить то, что нельзя потрогать, увидеть или как-то иначе ощутить. Любовь - огромна, непостижима, загадочна и бесконечна, как

Вселенная... Любовь рождается и растёт, взрослеет и мудреет с годами, живёт и умирает.... Это не просто влечение на физическом уровне, хотя в отношении полов это немало важно. Сейчас я говорю о той любви, когда неважно, какого пола или возраста объект этого чувства. Родители любят своих детей, а дети родителей, супруги любят друг друга, а добрые друзья становятся иногда настолько близкими, что родственные чувства и рядом не стояли... Со временем любовь меняется и принимает иные формы, развивается, а иногда и угасает. Но никогда, никогда истинная, настоящая любовь не проходит бесследно! Она всегда оставляет неизгладимый отпечаток внутри, в сердце, в душе, в памяти...

Можно зайти на птичий рынок, случайно, или просто выйти на улицу и увидеть там бездомного котёнка или щенка и влюбиться в это пушистое маленькое чудо за доли секунды. И не понимать потом, как другие могли пройти мимо! Вот ты увидела этого ангалина, привязанного, как ты когда-то, униженного, ждущего смерти, но при этом такого прекрасного и ... Щёлк! Сработал механизм... Ты уже думала только о том, как его спасти... и как он прекрасен...

- Но Мозг.. Он не котёнок и не щенок... Он другой, совсем другой... Он другой расы... Он не человек, а рептилоид...

- Ну и что...

- Как что?! Мы абсолютно разные... Жители разных планет и разных цивилизаций...

- Но сейчас то вы живёте на одной планете... И прости меня за прямоту... Но сколько тебе придётся ещё жить здесь, Кари, никто не знает... А то, что он ящер, а ты девушка... Любовь и секс, разные вещи.

- Допустим, ты прав... - я в задумчивости тёрла виски, - но он же убил меня...

- Но ведь он это сделал не потому, что так жаждал твоей крови... Разве ты станешь осуждать тигра или льва, если он убьёт человека, который залезет к хищнику в клетку в зоопарке, что бы с ним сфотографироваться?

- В такой ситуации я на стороне хищника, а человек сам дурак... Думать надо...

- В-о-от... Ангалин не человек, хоть и разумен. Ты же так мало о них знаешь... Получается, что ты сама виновата... Надо было думать, что ты говоришь и кому ты говоришь... А ты, без всяких задних мыслей: "Вы сами эту травку употребляете!" Вот он и среагировал, это же их тайна, которую они скрывают от людей!

Я стыдливо запрятала лицо в складки халата:

- Я непроходимая тупица, да? Не просто дура, а дура в квадрате...

Мозговой засмеялся:

- Ну что ты... Не надо так уж преувеличивать...

- Мы оба могли погибнуть из-за моей глупости...

- Всё хорошо, дорогая, всё хорошо... Мы оба в порядке и нечего так сокрушаться.

- Мозг... А ты меня хоть немного любишь?.. Ну, так... Как рассказывал...

Он наклонился к самому моему уху и прошептал:

- Бесконечно...

Ледяной душ вернул с небес на землю. Первой мыслью было то, что лодка перевернулась, и я свалилась в реку, но... Фыркая, как тюлень и махая руками, я вскочила и поняла, что я не реке, а на берегу. Кругом белый день и зелёные глазищи таращатся рядом.

- Ты что?! Совсем обалдел?!

- С-с-с тобой что-то с-с-случилось... Я не знал как привес-с-сти тебя в ч-чувства...

Смахнув стекающие капли, я огляделась по сторонам. Моя пирога вытащена на берег, вокруг густой лес, пахнет прелыми листьями и почему-то грибами.

- И давно мы тут?.. Отдыхаем?..

- С рас-с-света... Я поначалу подумал, что ты с-с-спиш-шь и не стал будить... Оставил тебя в лодке, немного перекусил, потом ждал пока ты проснёш-ш-шься, потом рыбы наловил... Но ты не просыпалас-с-сь и лицо было такое с-с-странное... Я ис-с-спугался...

- Что ж ты раньше не пугался, когда душил меня?

Ангалин опустил голову:

- Я ж-ж-е из-з-звинился у-ж-же...

- А вот если бы я не очнулась, что тогда?

Ящер молчал, ковыряя когтем землю: "Ну, прямо нашкодивший ребёнок!"

- Я не хотел убивать... Ес-с-сли бы хотел, то просто сломал бы тебе ш-ш-ею... Не рас-с-считал, прости... Человеческих женщ-щ-щин мне убивать не приходилос-с-сь...

Мокрая до пояса, я стояла и смотрела на ангалина. Ни обвинять его, ни обижаться, ни устраивать какие-либо разборки не хотелось. Я жива, он раскаивается и только моё дело, какой в душе вынести приговор и как воспринять факт убийства, непреднамеренного, как и сказал Мозговой, а после подтвердил сам Макс.

Только мне решать, как к этому относиться. Если внять логике, разуму и обычному прагматизму, то сей факт нужно просто опустить, запрятать подальше и не возвращаться больше к этой теме. Макс мне нужен, во всяком случае, пока, да и будущем тоже может пригодиться. Столь близкое знакомство с сыном Ангалина Рэкса может оказаться очень полезным, неизвестно насколько я тут застряну, да и выберусь ли вообще...

А можно, конечно, поступить иначе: впасть в истерику, взывая к человеческой морали, взлелеять внутри себя обиду и ненависть к своему убийце, призвать на его чешуйчатую голову все возможные проклятья и разойтись в разные стороны, воспылав праведным гневом на всех ему подобных. Я выбираю первое!

- Мы есть сегодня будем?

Ящер поднял голову и чуточку улыбнулся:

- Рыба есть, осталос-с-сь только приготовить. Ты же с-с-сырую есть не будеш-ш-шь?

Когда толстенькие тушки уже запекались, я, в ожидании трапезы, наводила порядок в своих пожитках и сушила мокрую одежду. Ящер свернулся в шар и заснул, попросив разбудить на закате. После плотного обеда делать было нечего, а спать не хотелось. Так как мы сидели в лесу, чем-то напоминающем тропические джунгли и с берега реку было плохо видно, я решила поискать точку обзора повыше. Неподалёку росло высокое разлапистое дерево, обвитое лианоподобными растениями. На первый взгляд ветки были крепкими, даже те, что повыше, так что забраться на него не составило труда. По пути наверх я спугнула несколько хвостатых птиц и какого-то зверька с пушистой полосатой мордочкой.

Я уселась на ветку, свесив ноги. Видно было далеко. Несколько раз проплывали большие шхуны, я бы назвала их галерами, уж очень напоминали они внешним видом корабли древних греков. По палубе ходили люди, что-то делали... Несмотря на паруса, корабли шли на вёслах, ветер был слабенький. "В Банкор, наверно, путь держат..." - подумала я.

Вскоре на воде показались какие-то брёвна, медленно плывущие по течению: "Интересно, это лес что ли по реке сплавляют?" Но вдруг несколько "брёвен" открыли огромные зубастые пасти и накинулись друг на друга. "Крокодилы! А огромные какие!" - И я с удвоенным интересом продолжила наблюдение. Две рептилии с громкими всплесками что-то делили в толще воды, что именно не понятно. Остальные никак не прореагировали и уплыли далеко вперёд. Потасовка закончилась так же быстро, как и началась. Два страшилища вынырнули, один поплыл за остальными, а другой подался к противоположному берегу. Из того, что удалось разглядеть, я сделала вывод, что местные крокодилы очень похожи на земных. Может когда-нибудь получится рассмотреть их поближе.

Макс проснулся сам. Я только-только собралась начать спуск, но остановилась: "Что же он будет делать, когда не обнаружит меня поблизости?" Ангалин вычислил местонахождение пропажи очень быстро. Сначала он покрутился возле лодки, втягивая подвижными ноздрями воздух, а потом уверенно направился к дереву: «Та-а-ак... Обоняние у него отличное, может брать след, как собака». Ящер опёрся передними лапами о ствол, потом резко оттолкнулся и за пару секунд вскарабкался на несколько метров.

Я обалдела: "Он ещё и по деревьям прекрасно лазает!" Через несколько секунд, ехидно ухмыляющаяся морда, выглянула из-за листвы прямо перед моим носом:

- С-с-спрятаться реш-ш-шила?

- Я не пряталась, просто от нечего делать за рекой наблюдала.

Его рот растянулся ещё шире, выставляя напоказ белоснежные зубы с слегка загнутыми клыками:

- Теперь тебе от меня с-с-спрятаться будет с-слож-жно... Я с-слиш-шком хорошо тебя запомнил, особенно этот запах.

"И этот туда же... Нечто подобное я уже слышала... Опять этот запах..." - Я решила включить "дурочку":

- Какой запах?

- Твой...

- Сильно противный?

- Почему противный? Наоборот... Оч-ч-чень приятный, хоть и странный.

- Чем странный?

Ящер пожал плечами, ну совсем как человек:

- Не з-знаю...

- А ты в воде тоже запахи чувствуешь?

- Ещё как... Мож-жет продолжим бес-с-седу внизу?

Спустился он так же быстро, как и залез. Мне же это сделать, оказалось, сложнее. Кончилось тем, что с нижней ветки Максусу пришлось меня снимать. Эта ситуация очень его позабавила, а я первый раз дотронулась до него. На ощупь ангалин оказался вовсе не таким, как мне представлялось. Во-первых, он был очень тёплым, во-вторых - чешуя его была не такой гладкой, как у змей или ящериц, мне доводилось трогать и тех и других. Она была как бы бархатной, напоминая силиконовый материал, и очень-очень приятной. На вид гладкая, твёрдая и блестящая, а под пальцами ощущение нежной кожи. Удивительно! А брюхо, так вообще, покрыто очень плотной коротенькой шерстью с чешуйчатым рисунком и зрительно, не отличить, где кончается чешуя и начинается шерсть. Потрясающая зверюга! Хотя зверюга ли? Разве можно разумное существо, пусть и выглядящее как животное, называть зверем? Сомневаюсь...

Я на несколько секунд зависла на ангалине, обнимая его за гибкую шею и погрузившись в тактильные ощущения и впечатления.

- Может, наконец, отпустиш-ш-шь? - сказал он тихо.

- Прости... Ты просто... Такой приятный, я не ожидала...

- Да?! Неуж-ж-жели?!

- Очень... - я улыбалась во весь рот, глядя в изумрудные глаза.

- Вот никогда бы не подумал, что такие слова мне с-с-скажет женщ-щ-щина.

- Почему?

- Как почему? Людям мы противны, особенно, женщинам.

- Вот дурёхи! Они вас просто никогда не щупали, если бы хоть раз попробовали то, загладили бы до дыр в чешуе!

Макс захохотал. А смех у него был, ну просто, потрясающий: квакающий, прикашливающий, с писклявыми и скрипучими нотками, при мелком подёргивании всех конечностей. Я не выдержала такой уморительной картины и тоже засмеялась. Было очень смешно! Когда мы отхохотались, Макс решил подкрепиться перед ночным заплывом и направился к воде.

- Я крокодилов видела...

Он оглянулся на такое предупреждение, снисходительно хмыкнул и змеёй скользнул в воду. Я тоже решила перекусить, как раз оставалась одна запечённая рыбка. Вскоре он вернулся и пристроился рядом.

- Когда будем в Банкоре?

- С-с-скоро... Две-три ночи пути... Я хотел бы ус-с-слышать продолж-жение твоего рассказа.

- Э-э-э, нет! Я и так уже много про себя наболтала. Теперь твоя очередь, что-нибудь рассказать про себя.

Он склонил голову набок и улыбнулся:

- Я так и знал, ч-ч-что так будет. Ты хитрая...

- А то...

- И что ты хочеш-ш-шь з-з-знать?

- Ну, никаких священных ангалинских тайн выдавать не надо, - я потёрла горло, - а то мало ли что...

Ящер нахмурился:

- Мы это уж-ж-е обсудили...

- Мне интересно, а что ты делал в Маргосе? Как и почему попался?

Смешно переминаясь с лапы на лапу Макс начал свой рассказ:

- За Маргос-ссом, выше по течению, рядом с одним из притоков, есть Храм ангов, наш-ш-ших далёких предков. Вот туда я и пыталс-ся доплыть. Дело в том, что дальш-ш-ше Банкора, уже лет тридцать как, нас не пускают, это запрещено, ес-с-сли поймают - казнят.

- А почему?

- Предыдущий Великий Террхан Восточных земель, отец нынеш-ш-шнего, нас сильно ненавидел и пос-с-стоянно ис-с-скал способы ограничить нас. Это вс-с-сё тянется много веков, то разреш-ш-шают, то запрещ-щ-щают... Как с-с-случается какая-нибудь с-стычка в море или тонут корабли с важными грузами, так с-с-сразу ангалины виноваты и реш-ш-шётки под всеми мостами опус-с-скаются. Но мы тоже так пос-с-ступаем. Выс-с-ставляем кордоны между ос-с-стровами, там, где проходят торговые пути и не пропускаем, только за з-золото. Ес-с-ли люди не хотят платить или пытаются прорваться, то корабль топим. Правда, людей не убиваем... Ес-с-сли кто-то тонет, то это уже не наша вина.

- А зачем вам нужно в Храмы?

- Как зачем?! Это же с-с-святыня! Каждый уважающ-щ-щий себя ангалин долж-жен хоть раз жизни появиться в Храме, что бы предки знали, что мы помним и чтим их.

- А вас то пускают, то нет. Так выходит?

- Так.

- А почему ваши Храмы, находятся в таких местах, куда вам так сложно попасть, на территориях людей?

- Никто не з-з-знает, почему так. Некоторые из нас задавалис-с-сь таким вопросом, но точного ответа нет. Многие уж-ж-же давно и не пытаются...

- А ты, получается, настолько уважаешь себя и традиции, что, несмотря на риск быть пойманным рвёшься исполнить долг поклонения?

- Ты забываешь-ш-шь, Кари... Я сын Ангалина Рэкса и, возмож-ж-жно, когда-нибудь займу место отца. Поэтому, я обязан чтить предков больш-ш-ше других.

- А-а... Ты у нас наследный принц?!

- Не с-с-совсем...

- Как так?

- Отец ещё не слиш-ш-шком стар, а нас уже восемнадцать и у него могут быть ещё дети. Кого он выберет, когда придёт его время, никто не знает. Любой из его с-с-сыновей может стать следующ-щ-щим Рэксом.

Я улыбнулась про себя: "Принцев, пусть и не совсем наследных, среди моих знакомых ни здесь, ни тем более на Земле, нет. Можно сказать, что мне опять повезло. Спасибо вам, Окатанские боги!"

- А как ты умудрился в решётке застрять?

- С-с-сам не знаю... Если бы я был с оруж-жием, то такого бы не с-случилос-сь. Но путь в Храм долж-жен быть чистым, то есть никакого оруж-жия с с-собой иметь нельзя, это неуваж-жение к Великим ангам. Под реш-ш-шёткой когда-то был прокопан лаз, но как я не ис-скал, не мог найти его. Может его обнаружили и зас-с-сыпали, а может занес-сло илом и песком, не знаю. Пока я ш-ш-шарил по дну, не заметил сеть, кто-то из рыбаков или потерял или течением с-с-снесло. Дно там илистое, пока я копался, то так всё взбаламутил, что вода с-совсем мутная с-с-стала, вот и запутался... Сеть крепкая оказалас-с-сь, зубами не взять...

- Понятно...

Ангалин в упор уставился на меня:

- Кари... Ес-с-сли бы не ты, то у наместника в Маргос-се уже были бы новые дос-спехи...

- Я рада, что оказалась в нужное время в нужном месте.

- Я тоже рад...

- И Дайку спасибо, что сунул мне каморту с отваром, иначе ничего бы не получилось.

- А кс-стати, где она?

- Кто?

- Каморта...

- Подарила...

- Подарила?!

- А что тут удивительного? Она же мне просто так досталась, хотя я не уверена, одобрил бы такой поступок Дайк. Если я когда-нибудь доберусь до Латраса и найду его там, то расскажу, всё как было, а он пусть решает ругаться или нет. Хотя, когда он мне её отдал, то ни о чём не предупредил: ни о редкости и ценности каморты, ни о том, чтобы я её ему вернула.

- А кому ты её подарила?

Я вздохнула:

- Тем людям, которые на время заменили мне семью, им каморта нужнее, чем мне.

- Рас-с-скажешь-ш-шь?

- Это будет продолжением моей истории... Не пора ли нам отправляться? Темнеет...

- Да, пора.

Ангалин полез в один из мешков, достал ремень и кинжал.

"Нет, ну вы посмотрите! Он уже все мои вещи считает своими!" - Но вслух я ничего не сказала. Почему-то было приятно, что он так распоряжается. Такое чувство, что мы знакомы давным-давно и это несмотря на то, какие мы разные, существа разных миров... Так легко, оказалось, найти общий язык, не считая известного инцидента. Я размотала свою шею, повязка жутко надоела. Макс глянул и отвёл глаза.

- Что, не помогло? Жаль, зеркала нет...

- И хорошо, что нет...

- Так плохо, да?

- Кари, прости меня... Я не хотел...

- Ладно... Говорю я нормально, а синяки сойдут, ко всяким увечьям я уже привыкла. Добраться бы Латраса, хотя бы с руками и ногами, а то заявлюсь калекой, будет стыдно Дайку на глаза показаться. Он лечил меня, выхаживал, а тут чучело такое является... - и скорчила гримасу.

Макс захохотал, ну и я следом.

Отплыли мы, когда совсем стемнело. Макс не просто так достал кинжал. Я помогла ему застегнуть ремень в самом низу живота, это было самое узкое место, не считая шеи. Но ящер сказал, что с шеи вынимать его будет неудобно. И хоть с крокодилами он и так может справиться, но только с оружием, даже с таким, ему будет спокойнее.

Ночь была очень тёмной, к вечеру нагнало много облаков и небо почти полностью скрылось. На реке было темно, хоть глаз выколи, лишь изредка проглядывали отдельные звезды, и поблёскивала вода. Однако мне посчастливилось наблюдать другую, не менее прекрасную картину, чем ночное небо Окатана. Я увидела... как светятся ангалины. Чтобы мне не было страшно и одиноко в темноте, Макс "включил" своё свечение.

Сначала, от такого зрелища, я потеряла дар речи. А потом, когда он подплыл ближе к лодке, от восторга и восхищения, даже думать не могла - только смотреть. Из-под каждой чешуйки пробивался мягкий жёлтый свет, а шерстяные грудь и живот, переливались маленькими искорками. Во мраке ночи это сияющее существо с яркими зелёными глазами, выглядело настолько фантастично, что поверить в то, что это наяву, а не во сне было невозможно. Когда же он начал поочерёдно включать и выключать разные части своего тела, то я просто выпала в осадок. Переливы света волнами бегали по его шкуре, как на новогодней гирлянде. Протянув руку, я дотронулась до мокрой головы, которая в темноте как-бы висела в воздухе, остальное всё было скрыто во мраке, и прошептала:

- Ма-а-акс! Ты прекрасен! Ты самый удивительный и самый красивый ангалин на свете! Это световое шоу... Оно великолепно! Такой красоты я и представить не могла...

Гордости его не было предела. Ящер надулся важностью и свет, исходящий от него, усилился.

- Хочеш-ш-шь сверкну? - проговорил он, загадочно улыбаясь.

- Хочу!

- Только отплыву подальш-ш-ше... - И мгновенно погаснув, исчез в темноте.

Я осталась в полном мраке. Вдруг, мощная и яркая вспышка осветила всю реку. На долю секунды я увидела зависшего в прыжке ангалина, берега и даже деревья! Всплеск - и опять полная темнота... "Обалдеть! Невероятно! Как молния сверкнула! Потрясающе!" Но тут лодка дернулась, и мы двинулись вперёд. Я видела только узкую световую полосу впереди. Это был мой ангалин... Мой удивительный друг...

Вот так всю ночь я и просидела, вперив взгляд в это стремительное, рассекающее воду чудо. Ещё одно чудо Окатана... И наверно, самое прекрасное! К утру, обсудив с "мозговым" в нескольких фразах увиденное, я уже поняла, зачем Макс проглотил золотую монету. И скорее всего, это ещё одна тайна ангалинов, которую теперь я знаю. Но лучше пока помалкивать... Готова спорить на что угодно, он сам расскажет, не выдержит. Уж очень ему понравилось моё неподдельное восхищение. И я не ошиблась.

Рано утром мы причалили к маленькому островку на самой середине реки. Никаких деревьев и даже кустов на нём не росло. Только высоченные густые растения, отдалённо похожие на камыши. Я скривилась. Просидеть целый день в этих зеленовато-бурых зарослях не

хотелось. Макс угадал мои мысли и подсластил пилюлю:

- Костёр разводить нельзя. Тут корабли и лодки будут снова туда-сюда, да и деревни с двух сторон и большая дорога по правому берегу. Нельзя, что бы нас заметили, особенно меня...

Я вздохнула:

- Как скажешь...

- Но поесть я раздобуду. Сиди здесь...

Не успела я и рта открыть, что бы остановить его, мол, я вполне могу и обойтись, не велика беда, как он уже исчез. "Заботится... Приятно... Вот что бы я без него делала? Везёт мне всё-таки, как ни крути... Правда, Мозг?"

- Ну... - голос доносился из области макушки. - В общем, да!

- А тебе не кажется это странным?

- Что именно?

- Моё систематическое везение.

- Нет. Не, кажется.

- А почему?

- Ты сейчас можешь начать очень сильно ругать меня, но я скажу...

- Говори, коли не боишься...

- Это твоя планета, твой мир...

- В каком смысле?

- В прямом. Она хочет тебя...

- Ничего не понимаю... Впрочем, как и всегда...

- А ты подумай...

- Уж не хочешь ли ты сказать, что сама планета, сам Окатан мне помогает.

- Ты сама сказала...

- Мозг, я привыкла доверять тебе, прислушиваться к твоему мнению и советам...

- Спасибо, приятно слышать.

- Но то, что ты сказал - это бред! Притом полный!

- Ты уверена?

- Конечно...

- Тогда попробуй не просто подумать, - и он понизил голос до проникновенного шёпота, - попробуй почувствовать...

На несколько секунд я закрыла глаза и увидела "мозгового", стоящего на лесенке возле стеллажа с книгами. Он выглядел вроде как обычно, в любимом, уже нами обоими, бордовом бархатном халате, чёрных брюках со стрелками, мягких домашних туфлях и с противным, до сих пор не знаю почему, моноклем в глазу. Но лицо его, как будто изменилось, помолодело что ли... Лохматая, всклокоченная шевелюра была уже не такой седой... Он точно помолодел... Лет на десять...

- Ты прекрасно выглядишь, гораздо лучше, чем раньше.

- Ты заметила...

- Как я могла не заметить?

- Да... Я тоже. После твоей смерти... прости, что напоминаю, я, будто заново родился.

- Ну, хоть какая-то польза...

- Не обижайся...

- Даже не думала.

- Скоро Макс твой вернётся.

- Откуда знаешь?

- Чувствую...

- Мозг, я ничего не понимаю... Как Окатан может меня хотеть?

- Не знаю, как объяснить...

- Ну, пожалуйста...

- Тебе везло с самого начала...

- Допустим...

- Прошло больше шести месяцев, а ты жива и здорова, и постоянно, заметь, лишь с небольшими промежутками, рядом есть кто-то, кто тебе помогает...

- Согласна...

- Ну вот...

- Что вот?

- Неужели не ясно?

- Нет... Причём тут планета?

Но продолжить разговор не получилось. Вернулся Макс.

Он уткнулся в меня мокрой мордой, и я вынырнула из подсознания.

- У тебя опять с-с-странное лицо... Ты с кем-то говорила?.. Я кое-что принёс-с... для тебя.

- Макс, зачем было рисковать, я бы обошлась и так...

Хвост-рука извернулся и рядом упал мешок... Не мой... Я дёрнула мокрые завязки. Там были фрукты: красно-оранжевые аттарии, зелёные лигги и наливные, полосатые вааксы. Объеденье!

- Ты обчистил сад? И даже мешок спёр?!

- Он валялс-с-ся на с-с-самом виду.

- Спасибо!

Абсолютно, без всяких задних мыслей, только из чувства благодарности, я схватила чешуйчатую морду и запечатлела сочный звучный поцелуй прямо в ложбинку между ноздрей. Если бы знала, чем это закончится, то хорошо бы подумала, прежде чем так делать! Ангалин дёрнулся, и по всему его телу пробежала сиреневая искра, ото лба до кончика хвоста. А потом... Его от меня будто отбросило, как током шибануло... и запахло озоном, как после грозы. Несколько секунд мы приходили в себя, таращась друг на друга. Ящер тряхнул головой и глянул так, что внутри всё похолодело, а после прошипел:

- С-с-сиди з-з-здес-с-сь до вечера и не выс-с-свывайс-с-ся... - и прыгнул в воду.

Полдня я мерила ногами камышовый остров. Мозг почему-то разговаривать не захотел, сослался на занятость, и добавил, что поговорит со мной тогда, когда я буду готова к разговору. Что за бред! А сейчас я, как ему, кажется, не совсем адекватна. Если кажется, креститься надо! Я страшно разозлилась: "Не адекватна, говоришь... Ну-ну... Посмотрим, что ты запоёшь, скажем, недельки через две. Умолять будешь... На коленях ползать, что бы я обратила на тебя внимание. Вот живёт же в голове такая зараза! Ничего-ничего, и на моей улице будет праздник!"

От злости я слопала большую часть фруктов, а потом завернулась в одеяло и легла спать. И, как ни странно, заснула очень быстро. А вот проснулась от тяжести... На мне что-то лежало, вернее, обвивало. Это был хвост! Хвост ангалина. Он лежал рядом, обмотав мои ноги, а голова торчала у меня подмышкой. "Та-а-ак... Очень интересно... - Я боялась пошевелиться, не хотелось, что бы он проснулся. - И как он так близко подобрался, что я ничего не почувствовала... Даже умудрился ноги хвостом обмотать... Он боялся, что убегу? Ох, не нравится мне это дело..." В голове пронеслось эхо:

- Любовь нечаянно нагрянет,

Когда её совсем не ждёшь...

- Мозг может, хватит уже...

- А я не про тебя, я про него...

- Что?!

Но в эту секунду Макс проснулся. Сначала я смотрела, в упор, в зелёные глаза, а потом спросила:

- Что это значит?

Он сразу же отпустил меня и отодвинулся:

- Ты подумал, что я могу сбежать?

- Нет... Я... Мне показалось-с-сь, что тебе холодно...

- А-а... Ну, если с такой точки зрения... Тогда ладно...

Я решила больше не развивать эту тему и не спрашивать, что это было за непонятное свечение после моего дурацкого поцелуя и где его целый день носило. Сделала вид, что всё нормально, но последняя фраза "мозгового" как-то насторожила.

Несколько часов до заката мы провели весьма продуктивно. Я перекусила фруктами и сладкими кореньями, которые Макс где-то откопал для меня, а потом мы разговаривали. Я дорассказала ангалину свою историю, в общих чертах, не вдаваясь излишне в детали. Когда же дошла до момента, как впервые услышала голос Гая, Макс презрительно сморщился:

- То ж-же мне, нашла, чем вос-схищ-щ-щаться...

- Но ты же не слышал... Почему так говоришь?

- Ангалины поют не хуже, а мож-жет и лучш-ш-ше.

- Поют?..

- А ты думала мы только плавать, да з-з-золото глотать с-спос-собны?

- Нет, конечно... Просто неожиданно как-то... Поющие ящеры... А послушать можно?

Он покачал головой:

- У меня с-спос-собности к пению не оч-чень... А вот нес-с-сколько моих братьев и сестёр... У них такие голоса... Рыбы дохнут!

Я захохотала:

- Ну, ты и сравнил! От настоящего пения никто дохнуть не должен!

Макс сжал челюсти и отвернулся.

- Обиделся, что ли? Прости, но ты очень смешно выразился. Не обижайся...

- Ну а дальш-ш-ше, что было? - процедил он сквозь зубы.

В том месте, где мой рассказ дошёл до встречи с северянами, его настроение ещё больше ухудшилось:

- Вот з-з-значит как... З-з-золота у них мало... Обманщ-щ-щики! Отец долж-ж-ен об этом уз-з-нать!

Я замолкла: "Ой-ёй-ёй... Опять лишнее сболтнула... Как бы из-за моего языка, без костей, какого межрасового конфликта не случилось... А Мозг меня предупреждал... Вот, трепло!"

- Ну давай дальш-ш-ше...

- Хватит на сегодня. Вижу, что мой рассказ может обернуться проблемами и для людей и для ангалинов. Больше ничего не скажу.

Ящер зашипел:

- Но ты обеща-щ-щала!

- Когда я обещала, то не подумала о последствиях для кого-то, кроме меня. А теперь понимаю, что они могут быть... Поэтому, все, что было дальше, могу свести к нескольким предложениям. Мы благополучно добрались до Маргоса, поселились в гостинице, ходили на ярмарку, я там немного прибахлилась, а потом увидела тебя. И решила помочь, как ты знаешь, для этого была возможность. А так как я и до этого собиралась покинуть караван, то решила не откладывать в долгий ящик, и после концерта собралась и ушла из города. На другом берегу украли эту лодку, а дальше ты знаешь. Вот и всё.

Я видела, что Макс разозлился, и, возможно, обиделся. Такие резкие перемены его настроения очень настораживали. Реакция на мои слова и действия у него была непредсказуемой: "Как же Мозговой прав! Я расслабилась от заботы и помощи, а ведь, действительно, о ангалинах почти ничего не знаю... И история многовековой вражды между двумя разумными расами на этой планете, тоже мне почти неизвестна. С одной стороны хорошо было, когда я понимала речь, но сама не могла говорить. Помалкивала себе тихонько в тряпочку да мотала на ус услышанную информацию. А теперь надо постоянно думать, что говорить и кому говорить, а то не ровен час, такого наболтаю кому ни попадя, что не дай бог... Впредь надо быть осторожнее со словами..."

Теперь настала очередь Макса измерять лапами камышовый остров. Из-за густоты растительности то, что происходило на реке, нам было не видно, но и нас нельзя было увидеть внутри этих буро-зелёных зарослей. Сначала он ходил туда-сюда, потом начал круги наворачивать, пару раз сворачивался в шар, бурча что-то себе под нос. Смысла было не разобрать, но я не сомневалась, что он ругается.

Потихоньку напоздали сумерки, несколько раз невдалеке слышались крики рыбаков, которые вроде как порвали сеть. Также, с завидной периодичностью, доносился плеск вёсел под ритмичные песни. Должно быть, мимо проплывали большие вёсельные шхуны. Банкор был близко.

Когда практически стемнело, и я уже подумывала о том, что если Макс не успокоится, то плюну на него и поплыву сама, он, не глядя в мою сторону, натянул на себя верёвочные поводья и начал стаскивать лодку в воду. Не говоря ни слова, я присоединилась к нему, и мы продолжили путь. "Ну, что ж... Бойкот, так бойкот! Посмотрим, кто первым заговорит..."

В эту ночь мы двигались, относительно, медленно. Макс не подсвечивался в темноте, возможно, из предосторожности, так как по берегам часто мелькали огни костров. Я держала вёсла наготове, так, что если бы нас заметили, было бы не видно, что лодку кто-то тянет. И вот так всю ночь...

К утру я поняла, что цель достигнута, мы - в пойме реки. Берега были настолько далеки друг от друга, что в лёгком утреннем тумане, казалось, что это не река, а море. Макс направился к высокому скалистому острову. Хорошо, что был полный штиль, иначе, сидеть в утлом судёнышке было бы страшновато. Почти у самого острова, Макс скинул упряжь и исчез под массивной скалой. "Наверно, тут тайник, про который он говорил..." - я взялась за вёсла, что бы размять затёкшее тело.

Макса не было довольно долго. Я представила, как там, в глубине пещеры он чахнет над своим золотом. Ангалин отдаст мне долг, и мы расстанемся. Жаль... Я очень привязалась к нему и, несмотря на импульсивный характер, он не переставал восхищать и удивлять меня, особенно, как представитель разумной цивилизации, отличной от человеческой. Эх, знали бы учёные на Земле, сколько необычного и загадочного я здесь повстречала. Вот, если бы удалось вернуться и рассказать обо всём! Хотя... Если бы так и случилось, то остаток жизни можно провести в сумасшедшем доме. Никто не поверит!

Макс вынырнул в нескольких метрах от лодки. Перемены я заметила сразу. Он был вооружён: вдоль спины лежали длинные, парные, кожаные ножны, а грудь и живот закрыты чем-то наподобие доспехов. На спине, ближе к хвосту, виднелась небольшая продолговатая сумка. Из воды показался хвост, с зажатым маленьким мешочком, который я поймала на лету. Он звякнул так, что стало ясно, там не одна монета... Я заговорила первой:

- Ты мне должен одну монету...

- Это благодарнос-с-сть, з-за с-спас-сение... - Голос был жёстким.

У меня внутри всё вскипело, но я постаралась говорить как можно спокойнее:

- Я помогла тебе не за деньги.

- Вс-с-сё требует оплаты... - его глаза не просто смотрели, они меня сверлили.

- А как же твоя помощь мне? То, что ты дотащил меня сюда, кормил... Как за это с тобой рассчитываться?

- Ты уже рас-с-считалась.

- И чем же?

- Тем, что рас-сказала кое-что интерес-с-сное...

- Понятно... - очень сильно захотелось съездить чем-нибудь тяжёлым по этой наглой ангалинской морде. - Ну, что ж... Коли так...

Я развязала мешочек и наощупь, не глядя, достала одну монету. Отложила её в сторону, а остальное... швырнула далеко в воду. В секунду глаза ящера превратились в две круглые тарелки, удар хвоста чуть не перевернул лодку, а утробный рык заставил вздрогнуть:

- Дур-р-ра-а!!! - он рявкнул так, что у меня сжалось всё, что могло это сделать.

- Сам дурак! - но его уже не было.

Переводя дыхание и вцепившись в борта, я удерживала равновесие. Пирогу болтало, но вскоре волнение успокоилось. Я схватила вёсла и налегла со всей силы. А берег был далеко... Очень далеко. Туман рассеялся, и берега виднелись узкими полосками, зато были острова. Я нацелилась на ближайший. От обиды и злости внутри всё бурлило и клокотало. Я ни о чём не могла думать, только о том, как эта чешуйчатая скотина меня обидела.

К тому моменту, когда я подгребла к острову, слёзы полностью застилали глаза. Лодочка уткнулась в прибрежные камни. Островок был маленький, с небольшими деревцами и высокой скалой в центре. Я присела на небольшой валун: руки трясутся, ноги промокли и слёзы в три ручья... Появилось желание влезть на эту скалу и сигануть вниз, что бы покончить со всем раз и навсегда... Я сползла к воде и став на колени, сунула голову в холодную воду. Когда, отфыркиваясь, вынырнула - рядом сидел Макс.

И тут меня понесло:

- Ты чего припёрся?! Что тебе надо от меня?! Проваливай!!! Чтоб глаза мои тебя больше не видели, гад чешуйчатый! Змей! Да пошёл ты! Злобная рептилия! Пльви, докладывай папочке! Доносчик! Подлый шпион!

Я увидела знакомый мешочек:

- А-а-а! Достал-таки денежки! Ну как же, такое добро чуть не утонуло! Подавись своим золотом! Чтоб оно тебе поперёк горла встало! У-у-у, Змей Горыныч!!! - и я погрозила ему кулаком. - Ненавижу тебя! Понял?! Убирайся!

Сложно было сказать, о чём думал Макс, во время моего приступа бешенства. Он полулежал на камнях, приподнявшись на передних лапах, не сводя с меня глаз, только пальцы на его хвосте сжимались и разжимались. Я зачерпнула воды и охладила лицо. Всё! Слова кончились, осталось только ощущение полного бессилия и пустоты. Закрыв лицо ладонями, я отвернулась. Через несколько минут длинный хвост обхватил меня поперёк и ангалин навис сверху, как удав над кроликом:

- Вс-сё с-с-сказала? - голос был спокоен.

Я молчала.

- С-слуш-шай сюда, девуш-ш-шка с планеты 3-земля. С-сейчас ты с-сядеш-шь в лодку и поплывёш-шь к правому берегу, пока ветер не поднялся. Вон за тем островом, - ящер махнул головой, и я глянула следом, - цвет воды изменится на мутно-зелёный. Ты пересечёш-шь этот поток и когда вода с-с-станет проз-зрачной, это будет з-значить, что ты попала в нуж-жное течение. Можно почти не грести, река сама понес-с-сёт тебя, просто с-с-считай острова. После седьмого бери вёс-сла и гребь к берегу. Ос-ставляй лодку где-нибудь в кустах и поднимайся в

гору. Когда поднимеш-ш-шься, то увидиш-шь куда идти, дорога там одна.

З-за пеш-ш-ший вход в город берут пять тетри. Пойдеш-ш-шь на дворцовую площ-щ-щадь, она находится на самом больш-ш-шом ос-строве, оттуда в западную часть города, туда ведёт всего два моста. С-спросиш-шь гостиницу "Тихий островок", хозяина зовут Крианн. С-скаж-жешь ему, что хочеш-шь комнату на первом этаже. Он предложит лучш-ш-шую, на втором или третьем, но ты ответиш-ш-шь, что на крутых лестницах от выс-соты у тебя круж-жится голова, он всё поймёт. Заплатиш-ш-шь два з-золотых ранда, это более чем достаточно за две недели с завтраком и уж-жином, ванной и чистой пос-с-стелью.

И он сунул мне в руки мокрый мешочек:

- Развяж-ж-жи...

Я дёрнула завязки и высыпала на ладонь восемь золотых монет и... плоское золотое кольцо с гравировкой изнутри. Я покрутила его в пальцах. На обручальное похоже... Подобные я видела на пальцах Гая и Хейи, Олмана и его жены. Точно обручальное! Я вопросительно глянула на Макса.

- Да, это обручальное кольцо. Надевай...

- Зачем?

- Что бы в городе к тебе не с-слиш-ш-шжом прис-ставали. Если будут с-спраш-шивать, говори, что встречаеш-ш-шь мужа из дальнего плавания.

Я одела кольцо на средний палец левой руки. Именно так носили обручальные кольца, те, кого я знала. Как ни странно, но оно подошло, было не большим и не маленьким. Как же он угадал с размерчиком? Неожиданно пробило на смех:

- Макс... Я что? Теперь твоя жена? Ты мне кольцо подарил... и я его приняла...

Ангалин заулыбался:

- Ну-у-у... Это по человечес-с-ским обычаям... У нас вс-сё не с-с-совсем так... Но если ты хочеш-ш-шь так думать, то я не возраж-жаю...

И мы дружно захохотали.

- Да-а-а... Вот как бывает... Нежданно-негаданно...

- Ты вс-с-сё запомнила?

- Запомнила.

- Точно?

- Не волнуйся, с памятью у меня всё в порядке.

Я забралась в лодку и взялась за вёсла. Макс вытянулся, уткнулся головой мне в шею, шумно и глубоко вздохнул, а горячий язык лизнул кожу. Зелёные глаза моргнули и в них вспыхнули золотые искорки:

- Встретимс-с-ся в гос-стинице, - прошептал он мне в ухо и оттолкнул лодку.

Всё время пока я гребла до нужного острова и потом, когда выгребала сквозь мутные, зеленоватые воды, я пребывала в шоковом состоянии: "Вот это поворот! Он что? Поцеловал меня на прощанье?! Только-только, и я, и он были готовы от злости порвать друг друга в клочки, а тут такая перемена! Я смотрю на кольцо, вспоминаю его глаза, и внутри всё дрожать начинает. Понятно, что кольцо для безопасности - это моя страховка. Но как он смотрел и как говорил! Что, вообще происходит?!"

- Поздравляю с законным браком! - Хохот в голове вогнал в краску.

- Что ты такое говоришь?! Какой брак?! Это извращение какое-то...

- Вот кто бы говорил! - Мозговой продолжал смеяться. - Да-а-а, Кари, умеешь ты удивлять! У меня слов нет! Мужиков кругом, пруд пруди! А она умудрилась ангалина охмурить! Это же надо, сына самого Рэкса захомутала! Ну, ты сильна, мать, сильна!

Он заливался так, что я опять начала злиться.

- Мозг, всё! Хватит! Перестань ржать надо мной!

- Ладно-ладно, не злись... - сказал он уже спокойно. Просто я очень рад за тебя...

- В каком смысле?

- Я рад, что тобой всё в порядке и рядом опять есть помощник, которому ты не безразлична.

- В этом ты прав, конечно. А ты как, Мозг? Как самочувствие?

- Прекрасно, дорогая! Я в порядке.

- Вот и хорошо.

За такой беседой я и не заметила, как мутная часть реки осталась позади и меня вновь понесли чистые прозрачные воды. А из-за сумбурных мыслей чуть не пропустила седьмой по счёту остров. Причалить к берегу удалось не сразу. От усталости руки почти не слушались, ладони стёрлись в кровь, хотя боли, как таковой, не ощущалось, было просто липко и неприятно.

Я долго возилась с лодкой, пока удалось справиться с прибрежными волнами и загнать её в небольшую бухту. Дальше стало легче. Я заволокла свой транспорт, к которому уже так привыкла, в кусты, перевернула днищем вверх, наломала веток и закидала поверху. Потом кое-как помылась и переоделась, всё-таки в город иду. Выглядеть оборванкой не хотелось.

Кожаные штаны и серая туника мне очень нравились. Жаль, что в Маргосе сапоги не купила из крокодильей кожи, денег пожалела. Было там несколько пар, которые и по размеру подошли и, вообще, мне очень понравились. Но сапожник, пожилой ехидный дядька, заломил такую цену, что Скай тогда присвистнул. И как мы его не уговаривали, сбавлять не хотел: мол, он шьёт для самого наместника и его семьи и негоже такую красоту задёшево продавать. Я немного расстроилась тогда, но потом просто купила новые "угги", да и всё. Но сапоги были обалденные! Теперь финансы позволяют, может, в Банкоре найду похожие. Повязав поверх штанов широкую юбку, а на голову и шею платок так, чтобы скрыть волосы и синяки, я застегнула ремень, спрятала кинжал в складки, накинула жилет и, закинув мешки за плечи, потопала вверх по каменистому склону.

Солнышки перевалили за полдень, когда я добралась до вершины. Панорама открылась восхитительная. Я присела на камень отдохнуть, а за одно и полюбоваться прекрасным видом. Посреди огромной голубой бухты раскинулся город... Часть его расположилась вдоль побережья, а часть и притом большая, на крупных и более мелких островах. Кругом синь воды и неба, высокие, узкие здания, множество кораблей и лодок и мосты, мосты, мосты... Большие и маленькие, высокие и низкие, лёгкие и массивные... Красота! Прямо Окатанская Венеция - город на воде. А внизу, у подножия горы пестрой лентой вилась дорога.

В город я попала ближе к закату. Очень хотелось есть, но ещё больше лечь и провалиться пару суток, отдохнуть от бесконечного движения. Ноги гудели так, что я их еле переставляла. А ещё надо гостиницу найти. У охранника возле ворот я спросила путь на дворцовую площадь. Он глянул исподлобья, принял плату за вход и махнул рукой:

- Прямо, никуда не сворачивая, через три моста, эрдана.

Я кивнула и поковыляла в указанном направлении.

Центральная площадь была большая, круглая и разделена на две части. Меньшая, примыкающая к дворцу наместника, огорожена высоким кованым забором, а другая - открыта для свободного передвижения. Да-а-а... это не Маргос! Банкор точно был раза в два, а может и в три больше. Тьма народа, снующего туда-сюда: вездесущие мальчишки, торговцы, лавочники, ремесленники в кожаных фартуках, рыбаки и богатые горожане. Шум, гам, грохот колёсных тачек, цокот копыт, крики зазывал, звуки музыки из таверн и... запахи.

Желудок напомнил о себе сильным спазмом. Я покрутилась по площади и зашла в большую таверну, на вывеске которой был нарисован окорок. Внутри было шумно и душно,

несмотря на открытые окна и двери. Рядом прошмыгнул мальчишка в светлом фартуке. Я схватила его за плечо:

- Послушай, парень... Есть минутка?

Смуглый мальчуган остановился и отвесил поклон:

- Что угодно, эрдана?

- Тут можно купить что-нибудь на вынос?

- Пироги есть, мясные лепёшки, сладкие пончики, хлопья белого ирса с мёдом, чёрного ирса с солью...

- Стоп, не тарахти так... А где взять?

- Присядьте вон там, - он показал на широкую скамейку. - Что вам принести?

- Пару мясных лепёшек и пару пончиков. - Мальчишка моментально удрал.

В ожидании заказа я вытянула ноги и принялась разглядывать присутствующих. Зал был большой, сплошь заставленный столами, из которых многие были заняты, в основном мужчинами, но были и женщины. В углу мелькнуло несколько очень светлых шевелюр, почти таких же, как и моя: "Северяне..." Люди вокруг ели, пили пиво, что-то обсуждали... Я закрыла глаза, но тут меня дёрнули за рукав:

- Десять тетри,- проговорил мальчик, протягивая тёплый свёрток.

- Спасибо, - я достала деньги и отсчитала нужную сумму, а также добавила ещё пару мелких монет. Мальчик просиял.

- У меня есть вопрос...

- Конечно.

- Знаешь гостиницу "Тихий островок"?

- Ну, знаю... Только это далеко, на западной окраине. Вам нужна комната, эрдана? Так у нас есть свободная, оставайтесь! У нас очень хорошая комната!

- Что ты так кричишь? Я бы с удовольствием осталась, но мне надо туда. Дорогу покажешь? Я заплачу...

- Не-е-е... Я не могу уйти...

Я звякнула монетами. Видно было, что этот тараторка не прочь заработать. Наконец, глаза его весело блеснули и он сказал:

- Выходите, поверните налево и ждите там, я сейчас...

Пока я ждала, две лепёшки и пончик отправились по назначению. Мальчик появился не один, за ним шёл невысокий сторбленный старик в очень поношенной одежде и таких же, выдавших виды, башмаках. Старик поклонился мне почти в пояс и прохрипел:

- Прекрасная эрдана, если не побрезгуете, я могу вас доставить куда нужно.

Ответить нет, язык не повернулся. Я слегка поклонилась так, как это делают местные женщины, улыбнулась и ответила:

- Прекрасно, фаэдр. - И сунув мальчику ещё пару монет, пошла за стариком.

По каменным ступеням мы спустились к воде, к длинному ряду узких лодок: "Так этот старик, гондольер! Ну, точно, Венеция!" На вид гондола выглядела почти также как и хозяин. У меня сердце сжалось: "Не быть мне богатой..." Я уже знала, сколько заплачу за доставку. Объяснив куда мне нужно, я уселась на скамеечку и мы отчалили.

В лучах заката город был великолепен. Я крутила головой по сторонам и засыпала старика вопросами. То ли у этого пожилого мужчины долго не было собеседников, то ли он был одинок, что весьма вероятно, но он отвечал мне с таким удовольствием и так тепло улыбался, будто родной дедушка. Когда начало смеркаться, он зажёл два фонаря на корме и носу и мы продолжили движение по узким и широким каналам.

Экскурсия оказалась очень познавательной. Я узнала, где находится рынок, квартал

портных и сапожников, увидела дома местных купцов и богатых горожан, разобралась, где швартуются шхуны с севера и востока, а где с запада. Выяснила, сколько приблизительно стоит добраться морем до Латраса и многое другое. Старик оказался просто кладезем полезной информации.

- Как вас зовут, фаэдр?

Он просиял и поклонился:

- Гунар, эрдана. Для вас просто, Гун.

- А я Карина.

Он опять поклонился.

- Гунар, а как вас найти? Я немного задержусь здесь и хотела бы попросить вас показать мне город. Я же здесь первый раз...

На секунду, показалось, что у старика от радости случится сердечный приступ.

- Ох, эрдана, конечно! Я в полном вашем распоряжении.

- Мы скоро доберёмся?

- Уже почти на месте, эрдана Карина. - И опять поклонился.

Причалили мы, когда уже совсем стемнело. На удивление на улицах, вернее на мостах, которые в Банкоре их заменяли, горели фонари. А все вывески и входы в узкие, высокие, каменные здания тоже освещались масляными лампами. Не неоновые вывески, конечно, но было видно, что Гунар привёз меня по назначению. Над входом висела кованая вывеска с фонариком внутри: полукруглый остров и торчащие из него три пальмы. Я уточнила, на всякий случай:

- Это точно "Тихий островок"?

- Да, эрдана. Тут хозяином Крианн...

- Он-то мне и нужен. Спасибо, Гунар, без тебя я бы точно заблудилась, - и вложила в тёплую сухую руку золотую монету. А пока старик не опомнился, громко постучала в массивную дверь, которая открылась незамедлительно, будто только меня и ждали.

На пороге стоял совсем не высокий, ниже меня почти на голову, но очень широкоплечий мужчина с красивой окладистой бородой.

- Доброго вечера. Фаэдр Крианн, если не ошибаюсь?

Он важно кивнул:

- Доброго вечера, эрдана. Да, я Крианн.

- Очень приятно. Мне бы комнату, на неделю или две.

- Проходите, - и он широко распахнул дверь.

Сзади меня дёрнул Гунар:

- Эрдана... Но это очень много... Вы ошиблись...

- Я не ошиблась, Гун. Это достойная плата за помощь.

Старик чуть не рухнул на колени.

- Буду ждать тебя завтра к полудню, хорошо?

Он радостно закивал, а я, махнув на прощанье, прошла вслед за хозяином.

Внутри было светло, тепло и довольно уютно. На первый взгляд, не плохо. Вдоль стены стойка со стеллажами, за которую и прошёл хозяин, вдоль другой - диванчик и проход в коридор, потом очень крутая лестница и снова арочный проход куда-то в другую часть дома.

- Есть свободные на втором этаже и на третьем. Полранда в неделю с завтраком и ужином.

Я скинула мешки на дощатый пол и подошла к стойке.

- А можно внизу, на первом?

Он цапнул меня взглядом, осмотрев с головы до ног:

- На первом этаже очень сыро, эрдана. Выше вам будет гораздо удобнее.

Я улыбнулась: «Ну, всё как Макс и говорил, слово в слово. Похоже на какой-то пароль».

- Понимаете, у меня на лестнице от высоты может закружиться голова, так что если можно... первый этаж, на две недели, - и положила на стойку два золотых ранда.

Пушистые брови хозяина поползли вверх, но он спохватился и опустил глаза:

- Ваше желание, эрдана. Как скажете... - И смахнув деньги, достал ключ. - Пойдёмте, я вас провожу.

Я наклонилась за мешками, но он остановил меня жестом:

- Вам всё принесут.

Мы прошли по длинному узкому коридору, освещённому парочкой светильников, до самого конца, потом повернули направо и оказались перед деревянной дверью. Крианн снял со стены подсвечник и открыл комнату. Пока он растапливал камин и зажигал светильники, я осматривалась.

Комната была большая, с широкой кроватью на высоких ножках, креслом, круглым столиком и резным комодом. В дальнем углу, за ширмой, располагался умывальник с медным тазом и большим кувшином, а также висело небольшое зеркало. Мрачновато, конечно, зато кровать шикарная. Я открыла узкую дверцу, неподалёку от кровати, подумала, что там шкаф или кладовка, но там оказались персональные удобства, отгороженные от небольшой ванны, перегородкой. Что ж... Это совсем меняет дело!

- Если хотите, можете поужинать. У нас осталась рыба, каша и суп из перепёлок. Могу принести сюда, а можете пройти в столовую, постель сейчас принесут.

Крианн очень внимательно меня рассматривал, пока занимался своими делами, я это спиной чувствовала.

- Пожалуй, лучше в столовую, - я глянула на него сверху и улыбнулась, как можно приветливей.

Дверь открылась, и вошёл такой же невысокий парень, неся стопку белья и мои вещи.

- Доброго вечера, эрдана, - и учтиво поклонился.

- Доброго... - я кивнула в ответ.

- Это мой сын, Гаррианн. Можете звать его Гарри.

- А меня зовут Карина.

- Очень приятно, - ответили мужчины в голос и поклонились.

- Пойдёмте в столовую, Гарри как раз наведёт порядок. Ванну не хотите принять, нагреем воды?

- Нет, спасибо. Я слишком устала с дороги, боюсь в ванне и засну.

- Как угодно... Вот ваш ключ, - и он протянул мне местное слесарное изделие. - Не теряйте. Если потеряете, то придётся оплатить и новый замок и установку, так как запасных ключей от комнат первого этажа нет.

При этом хозяин гостиницы так многозначительно посмотрел, что я невольно вздрогнула: "Что за таинственные комнаты на первом этаже, если даже у хозяина нет от них запасных ключей? Получается, что кроме меня войти никто не сможет... Так это же прекрасно!" Он угадал мои мысли и продолжил:

- Если вам потребуется ванна, уборка или ещё что-то, предупреждайте меня, Гарри или мою жену, Марэну, она завтра вернётся от родни и будет заниматься готовкой. Постояльцы-то прибывают...

Я утвердительно кивнула. В столовой Крианн провёл меня к небольшому столику, принёс тарелку с кашей, миску ещё тёплого супа, хлеба и, улыбаясь в бороду, торжественно произнёс:

- Приятного ужина, эрдана Карина и... Добро пожаловать в Банкор!

Когда я вернулась в комнату, камин уже хорошо разгорелся, и стало значительно теплее, но

комната, действительно, была очень сырая. На ширме висела пара полотенец, кувшин наполнен водой, постель застелена чистым бельём, а на кресле лежало ещё одно одеяло и мягкий вязаный плед.

Я закрыла дверь на засов и, сбросив "угги" бухнулась на кровать: "Наконец-то! Можно пожить в человеческих условиях, прийти немного в себя и отдохнуть от бесконечного движения. Ну а потом... Потом сесть на корабль и добраться всё-таки до Латраса. Может повезёт и Дайк ждёт меня там. А если нет? Что тогда делать? Ладно, там видно будет..." Глаза слипались. Я подумала, что надо всё же встать и раздеться, как послышался подозрительный звук: осторожное и ритмичное постукивание. Я вскочила. Стучали не в дверь. Стук доносился снизу. Открыв окошко, я выглянула наружу. Город уже спал, но кое-где ещё догорали фонари, а внизу, под окном поблёскивала вода. Моя комната выходила на один из каналов позади дома.

Я свесилась вниз. Под водой мелькнуло знакомое сияние: "Ангалин!" Голова рептилоида высунулась из воды и тихо прошипела:

- В полу ес-с-сть люк. Открой...

Закрыв окно, я начала шарить по комнате. Люк обнаружился под креслом. Теперь понятно, чем примечательны комнаты на первом этаже! В них есть выходы под дом, в каналы! Это здание, как и многие другие, стояло на каменных сваях. Я откинула тяжёлую крышку, вода плескалась внизу, где-то на расстоянии полутора метров от толстого пола. Один прыжок - и ящер уже был в комнате.

- Ма-а-аксик!

- Говори потиш-ш-ше. Хоть с-стены тут и толстые, но и у них могут быть уш-ш-ши... Ангалин отряхнулся и растянулся возле камина. На нём уже не было ни оружия, ни доспехов, ни сумки, только маленький кожаный мешочек болтался на шее. Он стянул его и бросил мне.

- Завтра отдаш-ш-шь его Крианну, но только так, чтобы никто не видел. И скажеш-шь, что условия преж-жние...

- А почему сам не хочешь?

- Так он будет точно з-знать, что ты с-связана со мной и будет относ-с-ситься соответственно...

- А что там?

- Пос-смотри...

Я присела поближе к огню на толстую циновку и развязала узелок. В ладонь высыпался... жемчуг. Потрясающе! Крупные, около двух сантиметров в диаметре, идеально правильной формы, разноцветные жемчужины играли переливами в отблесках камина. Я открыла рот, перебирая такую красоту.

- Что? Нравитс-с-ся?

- Очень... Жемчуг великолепен! Это, наверно, целое состояние... Правда, я не знаю, насколько он ценен здесь, но у меня дома, такой размер, форма, а про цвет, вообще, молчу, ну очень большая редкость. И стоит очень дорого...

Я улеглась на пол, рядом с Максом, и разложила на циновке восемь жемчужин: две белые, две розовые, две жёлтые, одна чёрная, вернее, тёмно-серая с выраженным металлическим блеском. Ну а последняя, просто отпад! Не думала, что такой жемчуг в природе бывает. Синяя-синяя... Такого глубокого перламутрового оттенка, что глаз не оторвать! Макс взял её хвостовыми пальцами и поднёс к моему лицу:

- Она как твои глаз-за... В такой с-с-синеве мож-жно утонуть...

Я съехидничала:

- Ты про жемчуг или про меня?

- Про ж-ж-жемчуг, конечно.

- Вот, вредина!

В ответ ящер оскалился:

- Ес-сли будеш-ш-шь хорошо себя вес-с-сти, я тебе такое ж-ж-же ожерелье подарю.

- Что значит хорошо?

- Ну... Злиться на меня не будеш-ш-шь...

- К сожалению, не могу этого обещать, рискую остаться без такого шикарного подарка. А у тебя что, с Крианном какие-то дела? - сменила я тему, складывая жемчуг обратно.

- Да так... Балуемс-с-ся иногда контрабандой.

Я чуть не захохотала, но успела зажать рот:

- Принц-контрабандист! Вот это да!

Макс зашипел:

- Опять начинаеш-ш-шь?

- Всё-всё-всё, молчу. А кстати, ты следил за мной? И почему от тебя так жутко воняет?

Ангалин сощурил изумрудные глаза:

- Ну вс-с-ё! Не видать тебе ожерелья!

- Ха! Больно надо... И куда мне в нём ходить? По лесам шляться?

- Ты невынос-с-сима...

- Это ты невыносим.

Я встала, скинула тунику, стянула штаны и забралась под одеяло:

- Ты шутики, вообще, понимаешь? Я тебя ждала, переживала, а ты опять недоволен, всё шипишь. Почему? Я совсем не хочу с тобой ссориться.

Тяжёлое тело бухнулось рядом: "Теперь эту вонь всю ночь придётся нюхать..."

- Прос-с-сти, у меня и правда, уж-жас-с-сний характер. А воняет от воды, в городе она, с-с-ама понимаеш-ш-шь не очень чистая. Простиш-ш-шь?

- Прощу, куда я денусь...

- Я з-злюсь не тебя, а на с-с-себя. Поверить просто пока не могу, что так... у нас с тобой... вс-с-сё получилос-сь... Это что-то невоз-з-мож-жное... необыкновенное... так не мож-жет быть... И этот твой з-запах...

- Что мой запах?

- Не з-знаю... Он мне в голову бьёт... Как вдохну его, так внутри вс-сё круж-житьс-ся начинает... Не понимаю, что проис-с-сходит...

«Хорошо хоть в голову бьёт, а не в другое место». - Я плотнее закуталась в одеяло и закрыла глаза.

- Кари?

- Что?

- Я постараюс-с-сь сдерж-живаться, не з-злиться-ся...

- Ладно...

- Кари?

- Ну что ещё?

- А кто такой З-змея Горыныч?

- Давай потом, а? Спать очень хочется...

- С-с-спи...

Когда я проснулась, Макса в комнате не было. Я подошла к окну. Ещё утро, но не ранее. Возле умывальника я уставилась в зеркало. Синяки на шее были ещё видны, но уже сходили. В целом, я уже привыкла к своему внешнему виду и он не вызывал такого замешательства, как раньше. Лицо, конечно, приметное, ничего не скажешь, особенно глаза, и впрямь, как та жемчужина. Но никакой особой красоты я не видела. Да лицо красивое, даже очень, но никак не

богиня, как любила повторять Айра. Я скорчила гримасу и показала зеркалу язык. Сзади хмыкнули. Вздогнув, я обернулась:

- Макс! Ты меня напугал! Как так тихо прокрался?

- Доброе утро... - он отряхивал с чешуи воду.

- Доброе... А где ты был?

- З-завтракать плавал, - и смешно обнюхал себя с разных сторон. - Фу-у-у! Попрос-с-си на вечер воды для ванны, не хочу и этой ночью рядом с тобой ис-с-сочать такие ароматы.

- То есть, ты намерен опять спать на кровати?

- Конечно, мне очень понравилос-сь ш-шептаться с тобой перед с-сном, - и подмигнул зелёным глазом.

- Вот хитрец!

- Ты меня ещ-щ-щё плохо з-знаеш-шь!

Пока я умывалась и одевалась, Макс валялся на циновке и, прикрыв глаза, наблюдал.

- А тебе не опасно находиться в городе? - Спросила я, расчёсывая волосы и пытаюсь заплести короткую косу.

- У меня ес-сть разреш-ш-шение террхана и намес-с-стника.

- Даже так?!

- Да, но только в городе и без-з оруж-жия. Вглубь по рекам подниматься з-запрещ-щ-щено, ты знаеш-ш-шь...

- А зачем ты здесь?

- Для с-связ-зи. Нес-с-смотря на общ-щ-щее, мягко говоря, не очень хорош-ш-шее отнош-ш-шение к нам людей, мы им иногда очень нуж-жны, а нам нужно з-золото.

- Я знаю... Корабли сопровождать или с крокодилами справляться.

- Верно. Вот кто-то из нас-с в прибреж-жных городах и находится. Только лучш-ше, конечно, людям на глаза не попадаться-с-ся. Ес-сли я нуж-жен, допус-стим, намес-стнику, то в ус-словленном мес-сте ос-с-ставляют з-знак и я приплываю куда нуж-жно. Я даж-же прямо во дворец могу попас-с-сть, только об этом никто не з-знает. Я вес-сь город з-знаю, вс-се ходы и выходы, и не только под водой.

- Значит, ты всё-таки шпионишь, а заодно и обтяпываешь свои делишки с Крианном.

- А то...

- Ну, в общем-то, это не моё дело. - Наконец удалось справиться с волосами. - Теперь я иду завтракать, может и тебе что-нибудь принести?

Ящер покачал головой:

- Я не голоден. Ключ только у тебя?

- Да. Никто не войдёт.

Обмотав шею платком и захватив жемчуг, я вышла из комнаты, заперев дверь. Удачные мне достались апартаменты: в конце коридора, за углом и других комнат рядом не было. В прихожей за стойкой сидел Крианн и что-то чёркал на листе плотной бумаги. Заслышав шаги, он поднял глаза и улыбнулся в бороду:

- Доброе утро, эрдана Карина. Как спалось?

- Отлично, фаэдр Крианн. Завтракать уже можно?

- Конечно, проходите в столовую.

Подойдя ближе, я поманила его к себе, загадочно улыбаясь. Мужчина удивлённо приподнял бровь, но отложил своё занятие и приблизился. Я тихонько прошептала:

- Для вас есть кое-что...

Приподнялась другая бровь. Он хмыкнул и махнул рукой, приглашая следовать за ним. За стойкой оказалась незаметная, с первого взгляда, перегородка, за которой мы и спрятались. Я

сунула ему мешочек, и он тут же спрятал его в карман.

- Условия прежние.

Крианн кивнул и заулыбался во весь рот:

- Очень рад такому знакомству... Не ожидал, если честно...

- Я тоже рада. Можно ещё вас попросить... Вечером я хотела бы принять ванну.

- Всё будет сделано.

В столовой очень вкусно пахло свежей выпечкой и топлёным молоком. Я присела за столик. Через секунду появился Гарри:

- Доброе утро, эрдана, - парень улыбался, вытирая руки о фартук. - Что хотите на завтрак?

- Доброе утро, Гарри. А что есть вкусного?

Он засмеялся:

- Всё вкусное! Есть сладкая каша с молоком, пирожки с лиггами, лепёшки с сыром...

- Тогда каши и парочку пирожков... И ещё тот вкусный чай, что я вчера пробовала.

- Понравился чай?

- Очень!

- Это мамин рецепт. Такой только у нас подают.

- Неси...

В ожидании, я рассматривала постояльцев. Их было не много: четверо мужчин, хорошо одетых и чисто выбритых, сидели за дальним столом и, уплетая завтрак, что-то живо обсуждали; молодая пара, черноволосый парень и симпатичная девушка, с пышной каштановой косой, за два столика от меня, держались за руки и пили чай с пончиками. Ещё когда я только вошла, то заметила, что на меня глянули все, но сейчас в мою сторону никто не смотрел. Гарри принёс завтрак на большом подносе.

- Если что-то ещё захотите, то я на кухне.

Он опять мне улыбнулся и скрылся за дверью: «Приятный парень, но на отца похож только ростом».

После завтрака я вернулась в комнату. Макс лежал на циновке и сопел. "Заснул, что ли?" Я достала небольшую тряпичную сумку на длинной лямке, положила в неё жилет, на всякий случай и половину своего золотого запаса. Скоро должен появиться Гун.

- Куда с-собираеш-ш-шься? - тихий шипящий голос, опять застал врасплох.

- Макс! Я с тобой инфаркт получу! Ты притворялся, что спишь?

- Не с-совс-сем. Так ты куда?

- А ты думал, я тут целый день сидеть буду? Хочу город посмотреть, на рынок сходить...

- Короче, деньги тратить...

- Ну не без этого, деньги на то и нужны. Я же не ангалин, мне золото глотать не нужно, чтобы сиять своей красотой. - И приняла грациозную позу.

Макс спрятал голову в лапах и сверху ещё накрылся хвостом. Я видела, как он трясётся от смеха: «Правильно, пусть лучше смеётся, чем злится».

- З-значит ты догадалас-с-сь? - произнёс он, когда немного успокоился.

- О чём?

- З-зачем я проглотил монету...

- Давно уже... Очень интересное и красивое свойство вашего организма. Расскажешь подробней, как это у вас всё работает? Если только это мне ничем не грозит, - и потёрла шею.

- Расскаж-жу...

В дверь постучали:

- Эрдана, к вам пришли, - это был Крианн.

- Да... Сейчас иду. Ну, я пошла, не скучай...

Макс ничего не ответил.

На диванчике возле входной двери сидел Гун. При виде меня он вскочил и бросился с приветствиями:

- Эрдана, доброго вам утра. Я не слишком рано?

- Здравствуй, Гун. Очень хорошо, что ты пораньше. Отвезёшь меня на рынок?

- Куда вам будет угодно.

Не думала, что выход в город затянется на целый день. Одно дело плыть на гондоле поздно вечером и совсем другое при свете дня. Пробки! Лучше бы пошли пешком... Несколько раз мы застревали под мостами, а потом стали свидетелями настоящей аварии. Одна гондола перевернулась, и пока вытаскивали людей и доставали длинную лодку, собралась огромная очередь.

Но, несмотря на это, мне всё нравилось. Банкор произвёл впечатление! Настоящий большой и шумный город, не то, что чопорный Маргос. Хотя и там, на ярмарке, тоже было интересно. Недалеко от рынка Гун припарковался и дальше мы пошли ногами. Старик не отставал, наоборот, забегал вперёд и довольно быстро. Рынок был огромным. Чего тут только не было! Торговцы наперебой расхваливали товар, толпы детворы носились между торговыми рядами, пахло морем, рыбой и прелой древесиной. Помимо основной цели, сапог из крокодила, мне было интересно узнать, почём торгуют жемчуг и я спросила у Гуна:

- Гунар, а тут жемчуг есть?

- Только в одной лавке и ещё несколько лавок есть в центре. Жемчуг очень редок и дорог, без специального разрешения торговать им запрещено. Когда ловцы возвращаются с уловом, то сначала обязаны всё, что нашли представить наместнику. Самые лучшие жемчужины он забирает себе, наш наместник очень падок до всяких редкостей и ценностей.

Старик наклонился к самому моему уху и прошептал:

- Если вам надо, эрдана Карина, я знаю, где достать. Стоить будет дорого, но жемчужины небесной красоты, в лавках таких не бывает...

Я тихонько хихикнула: "Я тоже знаю, где достать..."

- Спасибо, Гун. Я просто хотела узнать цены, так сказать, на будущее...

- Тогда пойдёмте.... Сходим, посмотрим...

Мы долго пробирались через лотки и небольшие палатки, пока не дошли до круглой площади с декоративным мостиком и маленькими, симпатичными магазинчиками по окружности. На пороге одного нас встретил юноша с очень надменным видом. Он был хорошо и добротно одет, высок, строен, но слишком уж важен. Рассмотрев меня очень внимательно и глянув мельком на кольцо, он вежливо поклонился:

- Что угодно прекрасной эрдане?

- Я бы хотела взглянуть на жемчуг, если он у вас есть...

- Есть немного, пройдёмте. Ваш слуга пусть снаружи подождёт.

Я хотела сказать, что Гун никакой мне не слуга, но старик опередил:

- Я подожду, эрдана. Идите...

Внутри магазинчика парень поставил на прилавок шкатулку с золотым узором, в которой лежало штук двадцать жемчужин. Красивых, правильной формы, но не таких крупных, как те, что я передала Крианну. Я взяла одну светло-розовую и покрутила в пальцах:

- Сколько?

- Ранд - штука.

- Ого! - У меня глаза на лоб полезли.

- У нас очень хороший жемчуг и дешевле чем у других... Не сомневайтесь. Вам на серёжки или кулон?

- А готовое ожерелье?

- Только одно. Показать?

- Если можно.

Он убрал жемчужины и принёс плоскую коробочку. Тонкая нитка мелкого круглого жемчуга затянула в пять рандов. Очень дорого! Да за такие деньги можно хорошую верховую лошадь купить со сбруей и ещё останется на козу! Я скорчила капризную гримаску:

- Я подумаю... Но всё же, мне хотелось что-нибудь ярче.

- Эрдана, я вас понимаю. К вашим прекрасным глазам очень подошёл бы чёрный или синий жемчуг, но это такая редкость, что не сыскать, и то, только в виде отдельных жемчужин. У самой супруги наместника есть только серьги из чёрного жемчуга. А собрать целое ожерелье из чёрного, а тем более из синего... - И парень развёл руками.

Голос в затылке тихо сказал: "А кто-то с длинным хвостом про ожерелье из синего жемчуга упоминал..." Я мысленно засмеялась: " Было такое... За хорошее поведение могу стать круче супруги самого наместника Банкора! Только вряд ли мне это грозит..."

- Понятно. Ну, всё равно спасибо!

Я тепло улыбнулась этому чопорному юноше, и его важность в секунду слетела. Он ответил мне такой же широкой улыбкой. Совсем мальчишка! Я распрощалась с ним, и мы с Гуном пошли дальше.

В результате я на рынке так ничего и не купила. Совсем! Кругом было столько всего, что глаза разбегались. Но, по сути, мне особо ничего и не было нужно. Припасы на дорогу пока рано закупать, а вот сапоги хотелось. Но похожих на те, что я видела в Маргосе, не было. Сапоги, в основном, были мужские. Женщины носили туфли или невысокие полусапожки, наподобие ботинок.

Вдоволь найдя, мы присели у таверны.

- Гун, может поедим чего-нибудь?

- О, эрдана, вы так добры ко мне, что это уже слишком. Того золотого мне надолго хватит.

- Пока ты со мной, ничего не трать. Я хоть и не богата, вернее совсем не богата, но пока деньги есть. Давай по пиву и ещё что-нибудь, на твой вкус.

- Вас, эрдана, мне послали боги.

Я захохотала:

- Кто знает, Гун... Кто знает...

Так мы и просидели почти до заката. Гун оказался очень интересным собеседником: много знал, много видел. Я расспрашивала его о жизни, семье, о том кто он и чем занимался. О чём-то он рассказывал с радостью, о чём-то с грустью, а иногда его глаза наполнялись слезами.

Гунар Алебаан Тинар эн Васаб не был гондольером. У него не было разрешения на такую работу. В молодости он ходил в море, сначала матросом, потом дорос до помощника капитана торгового судна, а позже долгое время служил в столице при дворе террхана. Там встретил девушку, которая ответила ему взаимностью и они собирались пожениться. Но в тот год случилась эпидемия чёрной лихорадки, и его невеста умерла у него на руках. Тогда он решил, что чем-то прогневил Хранителя, раз тот забрал его любимую и больше о женитьбе не думал.

Болезнь выкосила тогда очень много народу, особенно детей и молодёжь. Люди пожилого возраста почти не заболели, а остальные, как кому повезёт. Через пару лет, после того как чёрная лихорадка покинула Восточные земли, случился серьёзный конфликт на границе между Востоком и Западом, и вскоре перерос в войну. Гуна, вместе со многими, отправили туда. Война оказалась затяжная. Никто не хотел уступать большие плодородные земли.

Глотнув пива, Гун продолжил свой рассказ:

- Нашей армией командовал тогда один из племянников нашего террхана, Кареллан эн

Растан, но за глаза все его называли Ящер, за молниеносную технику боя, как у ангалинов, хитрость и ум. Он был молод, красив, силен и мы бы оставили за собой те земли, но что-то случилось тогда, очень странное. На нас напали неожиданно и гораздо большим числом, похоже, что нас предали. Ящер со своими близкими воинами положил тогда очень много солдат, но это не помогло. Террхану Запада удалось привлечь на свою сторону северян, и наша армия была разгромлена. Я попал в плен, а потом на галеры.

Старик горестно вздохнул:

- Вот там моя спина и согнулась...

Я сжала его морщинистую руку.

- Так, что я не так уж и стар, эрдана... Просто жизнь так сложилась...

- А дальше, что было?

- В плену я пробыл около пяти лет. Однажды ночью наша галера столкнулась с плавучим островом и часть народу потонула. Мне же, каким-то чудом, удалось выплыть. Держась за бочку, я добрался до другого острова, потом ещё до одного, а там меня подобрала рыбаки. Деться было некуда, и я решил вернуться в Банкор. Нашёл в городе своего племянника, он держит таверну "Сочный окорок". Его отец, мой старший брат давно умер, вот он меня и приютил в чулане. Я на кухне помогаю и по хозяйству, а недавно гондолу нашёл старую, починил и вот... - Старик уронил несколько слезинок, но глядя на меня, улыбаясь, добавил, - сиюю сейчас и пью пиво с самой красивой девушкой Восточных земель.

От избытка чувств я придвинулась и обняла его:

- Спасибо, Гунар... Спасибо, что поделился...

Он тоже крепко обнял меня:

- Я так рад... Давно я так ни с кем не разговаривал... - и тихо добавил, - На равных...

- Гун! А что случилось потом с Ящером, знаешь? - Имя Кареллан и упоминание о молниеносной скорости боя, почему-то засело в голове колючей занозой.

- А-а-а! С Кареллом?

Моё сердце ёкнуло: "Неужели это Карелл?! Тот, кого я знаю?!"

- Я знаю только, что террхан его в тюрьму бросил, по возвращении. Его то ли в предательстве обвинили, то ли ещё в чём, но я не верю. Кареллан был верен террхану и честно служил, что-то у них там между собой произошло, вероятно. Я ведь узнал об этом, только когда из плена вырвался. Позже дошли слухи, что Ящер сбежал, а больше я ничего о нём не знаю.

Я чуть не лягнула: "Зато я, кажется, знаю..." - Но вовремя сдержалась. - "Ох, язык мой, враг мой..."

Над городом сиял закат... Солнышки: Раматэа и Эала, мать и дочь, так их называли в легендах, медленно садились в море.

- Ну, что? На сегодня всё, поехали домой?

- Конечно, эрдана.

- Гун! Давай без церемоний. Для тебя я Карина или Кари, и не надо кланяться постоянно. Я не могу спокойно смотреть на эти твои поклоны. Выше голову!

Гун опять прослезился.

Когда мы отплыли в сторону гостиницы и Гун принялся опять рассказывать, где, чей дом и как называют этот мост и почему, меня посетила идея.

- Гун, послушай... А почему бы тебе не заняться платными экскурсиями?

- Чем-чем?

- Ты прекрасно знаешь город, его прошлое, знаешь разные истории и рассказчик из тебя прекрасный. Ты мог бы не просто доставлять приезжих до гостиниц или рынка, а как меня, возить по городу и рассказывать, рассказывать про всё. Разработать интересный маршрут,

часика на полтора-два. Ведь Банкор очень большой город и здесь есть на что посмотреть, особенно тем, кто приехал впервые. Соответственно и плату брать побольше. Тут кто-нибудь так делает?

Сначала он смотрел на меня так, будто я несу чушь несусветную, но потом задумался:

- Нет... Никто так не делает. У всех жителей свои лодки, без них никуда. Но просто катать и просто рассказывать... и за болтовню деньги брать... Не знаю...

- Это не болтовня, Гунар. Это очень интересная и даже ценная информация, я бы сказала. «Кто владеет информацией, тот владеет миром». На моей родине есть такая поговорка. Ты подумай, если никто так не делает, то ты можешь стать первым. Если мне понравилось тебя слушать, то почему другим не понравится?

- Эрдана, то есть, Карина... Кари... Ты так странно говоришь...

Да-а-а... Задала я Гунару задачу! Пусть подумает, а вдруг что-то путное получится?

Вернулась я, когда уже почти стемнело. Макса в комнате не было: "Похоже на охоту подался... Ой, чувствую, наслушаюсь про своё поведение..." Задвинув люк в полу креслом, я пошла узнать насчёт ванны.

Крианн сообщил, что горячая вода есть, и Гарри сейчас натаскает. Потом спросил, не хочу ли я познакомиться с его женой, она как раз вернулась от родственников. Я, с готовностью кивнула, и мы пошли на кухню. Запахи в столовой стояли такие, что слюни потекли... Сразу стало ясно, хозяйка на месте! Увидев жену Крианна, я убедилась в справедливости поговорки "муж и жена, одна сатана" и не важно, в каком конце Галактики или Вселенной находишься.

Маленькая, стройная, с толстой тёмно-каштановой косой, обмотанной вокруг головы, женщина вертелась на кухне, как юла. Крианн представил нас друг другу. Я слегка поклонилась:

- Приятно познакомиться, Марэна. Я в восторге от вашего чая!

Маленькая женщина заулыбалась белоснежной улыбкой:

- Спасибо! Пейте на здоровье! Что хотите на ужин?

Я нагрузила на поднос тарелки и небольшой чайник и понесла к себе в комнату: "Буду лежать в ванне, и пить чай, как королева". К моему возвращению ванна была уже заполнена, и от горячей воды поднимался пар. Я добавила немного холодной, заперла дверь и решила сначала немного перекусить. Под полом раздался стук.

Макс выпрыгнул из подполья, как чёртик из табакерки. Я вжала голову в плечи: "Что сейчас будет..." И точно! Ангалин был в бешенстве!

- Ты где была целый день?! Вес-с-сь рынок с-с-скупила?! Или другим немного ос-с-ставила?! Я тут один сидел!

Я спокойно подошла к сумке, достала все деньги, что у меня были там, потом развязала мешок и выложила остальное. Сгребла всё это в кучу и сунула Максу под нос:

- Считать умеешь? - положила звенящую кучку на кресло и принялась за еду. Мой ангалинчик быстро сдулся.

- Ты, ч-ч-что? С-с-совсем ничего не купила?

- Ничего, поели только с Гуном, да пива выпили.

- Прос-с-сти... - хвост обвился вокруг ноги, а гибкие пальцы сжали щиколотку. - Я скучал...

- Макс, я прекрасно понимаю твоё трепетное отношение к золоту, учитывая то, что я уже знаю...

- Не с-совсем понимаешь-ш-шь...

- Пусть не совсем... От тебя зависит, насколько я буду понимать, но это не даёт тебе права, вести себя так по отношению ко мне. И это кольцо, по сути, - и я помахала перед серой мордой - ничего не значит. Хотя, скажу правду, у меня к тебе какое-то очень странное отношение, с того

самого момента, как я увидела тебя первый раз. Сама еще не могу толком разобраться в этих чувствах... Ты - ящер, а у меня ощущение, будто ты... человек. И как в сказке, когда-нибудь, ты скинешь эту кожу и станешь прекрасным принцем... Никак не могу выбросить эту ассоциацию из головы... Бред, конечно, но...

Макс, ужом, обвился вокруг меня и уткнул морду в шрам на ключице. "Как у него так получается?" Потом глубоко вдохнул, и по шкуре пробежали золотые искры. Завораживающее зрелище...

- Целый день хотел это с-с-сделать... - и он нежно лизнул меня в шею. - У меня тож-ж-же очень с-с-странное отнош-ш-шение к тебе, Кари... И я тож-ж-е ничего не понимаю... Открою тебе с-с-секрет...

- Опять священная тайна ангалинов?

- Нет, никакая не с-с-вящ-щ-щенная тайна. Это мой с-с-секрет, личный...

- Тогда другое дело, очень интересно...

Он продолжал говорить мне почти в ухо, не глядя в глаза:

- Я с с-с-самого детс-с-ства хотел быть... человеком. Мои с-с-сверстники хотели быть героями, великими охотниками, защ-щ-щитниками рода или сос-с-стоять в с-с-совете Ангалина Рэкса. А братья, так вс-с-се, как один, мечтают, что когда-нибудь, отец выберет кого-то из них... Меня же, вс-сё это никогда, ос-с-собенно, не привлекало. Мне вс-с-егда интерес-с-совали люди... Отец давно з-заметил эту мою с-с-странность, и поэтому с ранней юнос-с-сти начал привлекать меня ко всем делам с-с-связанным с людьми, обучать, расс-сказывать... Так, что я, ес-сли мож-ж-жно так сказ-з-затъ, человечнее других ангалинов... Ты первая, кому я это рассказал... с-с-сам...

Его слова, оказались очень приятным откровением... Я поделилась своими тайнами, и Макс не оказался в долгу, тоже раскрыл свой секрет... Значит, доверяет... И я ему верю.

- Прос-с-сти... Я буду с-с-стараться не з-з-злиться так... Хорошо?

- Хорошо. Кто-то про ванну говорил или ты забыл?

Он ослабил хватку:

- Ты первая...

- Так вода будет не совсем чистой...

- Я хочу пахнуть тобой...

Осталось только развести руками.

Пока я плескалась, Макс разжёл камин и даже подсвечники на стене, а потом приполз ко мне, никакой задвижки в туалетной комнате не было.

- Ты не мог бы подождать в комнате, я сейчас вылезу.

- Почему? Стесняешься? - Зелёные глазищи были хитрые-прехитрые, и улыбка на клькастой пасти очень походила на похотливую.

- Да, стесняюсь. Ты всё-таки мальчик... Поддай лучше полотенце и отвернись хотя-бы...

Он протянул полотенце и, хмыкнув, закрыл глаза:

- Я не подглядываю, вылезай.

Я обернулась мягкой тканью и пошлѐпала в комнату допивать чай. Купался он долго. Хотелось набраться наглости и пойти посмотреть, чем он там занимается столько времени, но я решила не рисковать, мало ли что, после таких откровений...

Лѐжа на кровати, я закрыла глаза. Мозговой сидел за столом и что-то писал.

- Мемуары строчишь?

- Кари, девочка моя! Наконец-то ты ко мне заглянула, - профессор вскочил и кинулся обниматься. - Ну, хоть бы рубашку, какую одела, что ли...

- Ой, прости... я... вот балда... - Оказывается, я, как была в полотенце, так в библиотеку и

заявилась. – Может, я схожу, накину что-нибудь...

- Ну, уж нет! А то опять пропадёшь... Я, уж как-нибудь, твой полуголый вид переживу.

Мы дружно расхохотались. Он уселся на кушетку, а я забралась с ногами к нему под бок и уткнулась носом в бархатный халат:

- Я соскучилась...

- Я тоже...

- Макс достаёт своими психами... Мозг, что происходит?

- Ты о чём, дорогая?

- Ну, я же вижу... Между мной и Максом что-то происходит... Искры летят в буквальном смысле...

- А ты не поняла, до сих пор?

- Страшно подумать...

- Любовь...

- Даже язык не поворачивается повторить...

- Почему? - Он обнял меня и прижал к себе.

- Ну как почему, Мозг?! Он же ангалин! Ящер! Рептилия!

- И что?

- Как что?!

- Кари, успокойся, всё нормально. - Голос профессора был так спокоен и нежен, что возмущаться расхотелось.

- Вот, что тут нормального, объясни? Я ничего нормального не вижу...

- Вы разные только физически, а в остальном... просто мужчина и просто женщина, которых влечёт друг к другу. Только вы оба пока напуганы своими чувствами, не принимаете их... разумом, пытаетесь отрицать, хотя глубоко, внутри себя, уже все знаете...

- Так, что... Мне надо замуж за него выходить?

Профессор взорвался хохотом. "Нет... Ну, что такого я сказала?!"

- Кари! Я с тобой рискую получить диагноз смехоистерик первой степени! - Он смеялся, смахивая слёзы. – Ну, зачем сразу замуж! Хотя... - он всё никак не мог успокоиться, - это неплохая идея, принц как-никак...

Я насупилась, плотнее завернулась в полотенце и отвернулась. Вскоре профессор отсмеялся и полез в знакомый шкафчик.

- Сегодня у меня есть вино, красное. Так и быть, налью тебе бокальчик.

- Сам пей своё вино...

- Так... Не психуй. Ты ведёшь себя сейчас, совсем, как Макс, только ему простительно, а тебе - нет. Пей! Тебе нужно... - и протянул хрустальный бокал.

Я выпила залпом, почти не чувствуя вкуса. Мозг налил второй:

- Этот выпей медленно, - тон не терпел возражений.

Вскоре мне полегчало: внутреннее напряжение спало, и где-то в груди расслабилась, натянутая прежде, пружина. Я выдохнула.

- Ну как? Легче?

- Да, спасибо. Ты, как всегда, умеешь успокоить... И что теперь делать? Как себя вести с ним? А если Макс приставать начнёт, ну в физическом смысле?..

- Не начнёт. Он же не идиот и не извращенец... Он прекрасно знает, что физиологически вы не совместимы. А эти обнимашки, искры, поцелуйчики... - и профессор махнул рукой, лукаво улыбаясь, - да на здоровье... Надо же, хоть немного, давать выход чувствам и эмоциям. Я вот тоже, обнимаю тебя и целую, но это, почему-то никакого возмущения у тебя не вызывает...

- Ну, ты... Ты - это ты.

- А вот почему?

Я совсем не знала, что ответить. Не думала, как-то в таком ракурсе...

Мозг улыбнулся, глядя меня по руке:

- Вот и подумай, как-нибудь на досуге, почему...

Через секунду я открыла глаза. В комнате темно, только в камине, светятся красные уголья. Я так и лежала, завёрнутая в полотенце, только уже прикрыта одеялом. Рядом распахнулись два зелёных глаза.

- Как ты догадался, что я проснулась?

- Почувствовал... Ты вз-з-здрогнула... Что-то прис-с-снилось?

- Да. Я была в гостях у одного профессора... Мы пили красное вино и разговаривали.

- Кто такой профессор?

- О... Это такой очень умный и мудрый человек. Он учёный, занимается наукой, разными исследованиями...

Голова придвинулась ближе и ангалин прошептал:

- Ты кое-что обеща-щ-щала...

- Что?

- Расс-сказать, кто такой З-з-змея Горыныч...

И я начала рассказывать... Сначала Макс слушал как ребёнок, затаив дыхание, потом начал задавать вопросы, потом... комментировать. В результате, к рассвету, разговор превратился в дискуссию на тему: «Морфологические характеристики Змея Горыныча и других, мифических рептилоидных существ, в частности, драконов, великих полозов, царевен (принцев) - лягушек, огненных саламандр и так далее. Особенности их поведения и развития, а так же частота и подобие упоминаний о них в сказках и легендах разных народов Земли». Прямо-таки тема для диссертации, какая-то получилась!

Змей Горыныч Максу очень понравился! Он никак не мог поверить, что Змей летает, выдыхает огонь и, самое главное, что у него три головы, которые могут иметь разный характер.

- Макс! Ну это же сказка, фантазия! Придумать можно всё, что угодно. Хотя, конечно, какая-то доля истины всегда есть, вне всякого сомнения. Сказки и легенды не зарождаются на пустом месте. Если вдуматься, то выходит, что на Земле тоже когда-то, давным-давно, могли существовать, параллельно с людьми, разумные рептилоиды.

- З-значит, правильно ты меня З-з-змеем Горынычем наз-з-звала, у нас много общ-щ-щего.

- Например?

Начало светать. Длинное гибкое тело отчётливо виднелось на кровати. Изумрудные глаза смеялись, и весь вид ангалина был расслабленным и благодушным.

- Во-первых, раз-з-зум. Во-вторых, чеш-ш-шуя, клыки, когти, хвост, то есть, внеш-ш-шность. В-третьих - владение оруж-ж-жием, он же билс-с-ся на мечех с этим, как его...?

- Ильёй Муромцем...

- Точно. Плавать умеет, з-з-золото любит... И эта тяга к молоденьким девуш-ш-шкам-крас-с-савицам, которых он похищ-щ-щает... - Макс покачал головой, томно глядя мне в глаза.

- Но ты же меня не похищал. Я с тобой, вроде как, добровольно...

Мы захихикали.

- Вот и получаетс-с-ся, что я, почти З-з-змея Горыныч и ес-с-сть.

- Ох, Макс! Я думала, ты обидишься...

- Ещ-щ-щё чего... - Он замолчал, и тяжёлая голова легла на плечо. - Знаеш-ш-шь, Кари... Ес-с-сли бы какое-то время наз-з-зад, кто-нибудь с-сказ-з-зал, что я, Макас-с-сшаран эн Шэар, с-сын Великого Ангалина Рэкса, буду леж-ж-жать на кровати, рядом с человечес-с-ской женщ-щ-щиной, с-с-смотреть на неё, вдыхать её з-з-запах, раз-з-зговаривать о каких-то з-з-загадочных

сущ-щ-ществвах из другого мира, посвящ-щ-щать её в тайны с-с-своего народа...

- И что бы ты сделал?

Пристальный, пронизывающий взгляд действовал почти гипнотически. Я чувствовала, что погружаюсь и растворяюсь в нём...

- Я бы убил его...

Я закрыла глаза: "Затягивает, как в омут. И чем дольше смотрю, тем сложнее оторваться... Неужели всё настолько серьёзно и Мозговой прав? Сумасшествие какое-то..."

- Кари? Что-то не так?

- Можно тебя попросить... Не смотри так... Мне не по себе, когда ты так смотришь...

- Как так?!

- Ну вот как сейчас, только что...

Лучше бы я смолчала! В доли секунды он спрыгнул, звонко царапнув пол когтями:

- А ты не пахни! И тож-ж-же не с-с-смотри на меня! И не трогай! У меня, вообщ-щ-ще, от тебя голова круж-ж-жится, мыс-с-сли раз-з-збегают и я с-с-совсем ничего не соображ-ж-жаю, что говорю и что делаю!

Я ничего не успела сказать... Крышка люка хлопнула, донёсся всплеск, и его уже не было... "А так хорошо общались... И на тебе... Вот кто меня за язык тянул?! Никак не предугадать, как он может отреагировать... Вроде ничего такого я не сказала, просто попросила..."

- К вечеру остынет... - Голос "мозгового" был спокоен. - Ещё прощенья просить будет...

- Надеюсь...

Спать уже не хотелось. Пока я умывалась и приводила себя в порядок, совсем рассвело. Я выглянула в окно. Город проснулся: доносились голоса, плеск вёсел, звуки шагов по деревянным мосткам. Потянуло свежей выпечкой и ароматом травяного чая. Сигнал к завтраку. Я быстро собралась, обмотала шею платком, так как синяки были ещё видны, и вышла из комнаты: «Сегодня надо потратить немного денег... Назло этому чешуйчатому психу! Хочу сапоги из крокодила, а ещё надо купить небольшое зеркало, заколки для волос и хороший гребень». В столовой ко мне подбежал Гарри:

- Эрдана, там за вами пришли...

- Спасибо, а можно и Гуна покормить? Я заплачу...

- Думаю, можно.

- Может, лучше у отца спроси, на всякий случай...

Крианн сказал, что Гуна они могут каждый день кормить завтраком и ужином всё время пока я здесь, так как переплатила за своё проживание. Гунар сначала упирался, но я его быстро уломала. Мы с аппетитом умяли свои порции и отплыли довольно рано, столпотворения в каналах ещё не было. Я, по обыкновению, сидела на скамеечке, а Гун правил, отталкиваясь длинным шестом.

- Эрдана Кари, я тут думал...

- О чём?

- Ну, о том, что вы мне говорили вчера...

- А-а... ты об этом. И что?

- Можно попробовать. Мой племянник сказал, что поможет. Его хороший друг, ткач, обобьёт гондолу недорогими коврами и подешевле продаст несколько подушек, ну чтобы комфортно было...

Я засмеялась:

- Правильно мыслишь... Твоим пассажирам должно быть удобно и подумай над маршрутом или даже несколькими.

- Я уже думаю. Только, эрдана, я хотел спросить...

- Гун, в чём дело?

- Нужно заявку наместнику подать, налог заплатить...

- Тебе деньги нужны?

- Нет, эрдана, нет... Того, что у меня есть хватит. Просто лучше заявку сейчас подавать.

Скоро праздничная неделя и их долго принимать не будут... Вы можете меня отпустить ненадолго?

- Так вот ты о чём! А я понять не могу, никак, в чём проблема! Ну, так поехали вместе!

У большого каменного здания, с узкими высокими окнами, неподалёку от центральной площади, собралась небольшая толпа. Я так поняла, что это городское управление, в котором заседали чиновники. Сам наместник такими делами не занимался, он, как говорится, был руководитель верхнего уровня. На стене висела длинная доска. Гун объяснил, что это доска объявлений. На ней писали мелом различные объявления, сообщения, указы, распоряжения и так далее... С другой стороны от входа была ещё одна, такая же. На этой доске могли писать свои объявления жители города: купцы, лавочники, держатели таверн и гостиниц. Оказывается, подобные доски объявлений висели в разных частях Банкора.

Ждали мы долго. Когда же, наконец, открыли двери и народ хлынул внутрь, выяснилось, что чиновник, который сегодня отвечает за приём заявок на работу, будет только после полудня. Гунар расстроился, а я убедилась, что административно-чиновничья система одинакова, скорее всего, во всё мирах Вселенной: очереди, ожидание начальников, бумажная волокита и так далее и тому подобное.

- Не переживай, Гун. Пошли на рынок сходим, а потом вернёмся. Если ты решил, то нельзя отступать.

Так мы и сделали. На рынке я купила всё, что хотела, кроме сапог. За ними нужно было идти или сплавать на гондоле в другую сторону, на улицу портных и сапожников. Когда мы вернулись к городской управе, нужного нам чиновника ещё не было. В ожидании, я ходила вдоль досок с объявлениями. Читала я плохо. К сожалению, Гай так и не успел толком меня научить. Я знала не все буквы и их сочетания. Окатанская письменность, в каком-то смысле, походила на китайскую. Один значок, иногда, мог значить целое слово или часть его. Да и привыкнуть мне было сложно. Жаль, что языковые настройки в моей голове не распространялись на написанные знаки. Эти точки, палочки, крючочки и загогулины совсем не походили на знакомые буквы.

Гунар сначала не поверил, что такая "толковая", по его словам, эрдана практически не умеет читать. Было жутко стыдно. Моё высшее образование здесь имело мало смысла. Оттащив старика в сторону, я попросила его почитать мне объявления, попутно поясняя каждый знак. Мы разобрали уже треть из написанного на доске, когда Гуна позвали. Чиновник объявился.

За массивной конторкой сидел щуплый мужчина средних лет, в чёрном камзоле, с двумя рядами красивых пуговиц. Под камзолом чёрная рубашка с широким отложным воротником, лицо хмуро и очень серьёзно. «Мрачноватый тип... - подумала я. - Как бы не дал он Гуну от ворот поворот». Мы подошли. Он сначала, что-то долго чёркал стилосом и только потом поднял на нас глаза. Гун начал отбивать свои поклоны, я же нагло рассматривала строго дядьку.

- Слушаю... вас... - и он также пристально начал разглядывать меня.

- Разрешение... официальное... в гондольеры...

- Имя? - не глядя в сторону Гуна, спросил чиновник, он сверлил меня глазами.

Гун назвал своё полное имя и опять поклонился.

- Гондола имеется?

- Конечно, фаэдр.

- Давно живёшь в Банкоре?

- Почти десять лет...

- Хорошо... Где?

- У племянника моего, Дагана эн Эгилла, в таверне "Сочный окорок".

Чиновник кивнул:

- Знаю... - и неожиданно спросил, - это твоя дочь?

Гун вздрогнул, но я не растерялась:

- Нет, фаэдр. Я дочь старого друга Гунара, приехала встретить мужа из плавания, - и поправила платок на шее, так, чтобы было видно кольцо.

Чиновник его заметил и опустил глаза.

- Сколько лет, служил ли где? - продолжал он спрашивать.

Гун кратко поведал свою биографию.

- Ну что ж... - и строгий дядька постучал стилосом по конторке. - Возраст у тебя уже преклонный, да и немощен, я вижу.

Гун начал оправдываться, мол, что он не так уж и стар, чувствует себя хорошо и вполне может справляться с работой.

- А налог кто в конце года заплатит, если ты к Хранителю отправишься?

- Но я...

- Можно принять заявку, но надо, чтобы два человека поручились за тебя. Найдёшь, тогда приходи. По полтора эре с поручителя, один за заявку и один за разрешение... Итого, пять эре.

Я быстро прикинула: только за эту бюрократию, Гуну нужно отдать половину золотого ранда.

- А сколько налог в конце года? - Встряла я в разговор.

- Для гондольеров два ранда в год.

В общем, не много, учитывая, что официальное разрешение даёт само по себе неплохие привилегии, как объяснял Гун.

- Гун, а твой племянник может за тебя поручиться?

Старик пожал плечами.

- А я могу быть поручителем?

- Эрдана разве живёт в Банкоре? - Чиновник ехидно глянул исподлобья.

- Нет, не живу...

- Поручиться может только житель города.

Я решила не отступать:

- А если я заплачу больше?

"Чёрный камзол" откинулся на стуле и сцепил руки на животе:

- Насколько?

- В два раза...

- В четыре.

- В три.

- Годиться. - Он улыбнулся. - Но второй поручитель всё равно нужен и он, обязательно, должен быть жителем города.

Гунар дёргал меня за рукав:

- Эрдана Карина, не надо... Я как-нибудь...

- Спокойно, Гун. Мы с фаэдром уже договорились. А второго поручителя мы найдём, не переживай. Оформляйте...

Служащий достал плотные листы, записал всё, что нужно и спросил моё полное имя. Я ответила. Мужчина хмыкнул:

- Дом Матвэй... - и опять принялся меня разглядывать. - Неужели ещё кто-то остался?

Я молчала. Мы заплатили всё, что требовалось, договорились, что ждать второго поручителя будут до начала праздничной недели и вышли на свежий воздух. Гун был бледен, как полотно.

- Гун, что случилось? Тебе плохо?

- Карина... - он смотрел очумелыми глазами. - Вы... эн Матвэй?!

- А что?

- Моя прабабка по отцовской линии тоже была эн Матвэй!

Теперь настала моя очередь удивляться:

- Серьёзно?

- Я думал, что и нет уже никого... Вымерли все...

- Ну... - я не знала, что сказать ему. Вот же умудрился Мозговой имечко придумать.-

Выходит, мы с тобой родственники, в какой-то степени...

- Выходит... Я так счастлив...

В этот момент из здания управы вышел парень в таком же чёрном камзоле, как и тот чиновник, который принимал у нас заявку. Он вынес квадратную доску, инструменты и начал прибавать её рядом с доской объявлений.

- Что это? - очень хотелось перевести разговор в другое русло, подальше от скользкой темы родни, предков и истории дома, к которому я, якобы, принадлежала.

- Это указ или объявление от наместника.

- Пошли почитаем.

Это был не указ. Это было сообщение о казнях перед праздничной неделей. Казни должны были состояться за сутки до начала празднований, то есть через двенадцать дней. Казнены, через повешенье, будут пять человек, все за преступления против террхана, и далее перечислялись имена. Одному же, отрубят голову, так как шестой приговорённый, сын родного брата первого советника Великого Террхана Северных земель, полное имя которого, Грассаан Леан Хильгейв эн Геанар. Террхан Восточных территорий оказывает тому великую честь, заменяя повешенье отрубанием головы, как и подобает, быть казнённым столь знатному преступнику.

У меня подогнулись колени, а внутри всё похолодело: "Гоблин! Грас! Здесь! В Банкорской тюрьме! Его казнят! Не может быть... А вдруг, это не он?!"

Но шансов на то, что это не мой Гоблин из "золотой" банды, не было. Я ведь слышала от Хейи, что он в тюрьме, только неизвестно где, и что он, сын брата советника северного терра. А Грас вот, оказывается, где! В Банкоре!

- Кари, Кари... - Гун взял меня за руку. - Что с тобой?

- Пойдём отсюда...

Пройдя через площадь и пару мостов, мы спустились к гондоле.

- Отвези меня в "Тихий островок".

- А как же сапоги из крокодила?

Я отмахнулась и Гун отчалил. Присутствовать ни на каких казнях я не собиралась, но увидеть Граса было необходимо, да и очень хотелось, если честно. К членам банды я испытывала какие-то странные родственные чувства. Они первые! Первые, какими бы они ни были, приняли меня в чужом мире, позаботились, как могли, кормили, поили, выходили... В душе, я даже простила им попытку изнасилования, хотя Грас, на меня видов не имел. Да и потом, это же он услышал, как объяснил "мозговой", мои стоны из ямы...

Гун причалил возле маленького мостика, а я даже не заметила, как он присел рядом:

- Что случилось? На тебе лица нет...

Я глянула в такие добрые, окружённые сетью глубоких морщин, глаза:

- Гун... В тюрьму можно попасть?

- Так вот оно что! Ты знаешь кого-то из смертников?!

- Знаю...

- Кого?

- Того, кому отрубят голову...

- Та-а-ак... - Старик задумался. - Но откуда ты можешь знать его, он же из "золотой" банды, которая столько лет грабила караваны?!

- Это долгая история... Я не могу тебе рассказать... Прости... Может потом, как-нибудь...

- Нужны деньги... и не мало.

- Сколько?

- Пару рандов, точно.

- Ты сможешь узнать, как это сделать? Мне нужно увидеть его до казни, обязательно. Вот, только, узнает ли он меня... Это очень важно, Гун! Очень надо поговорить с ним!

- Я всё понял, Кари... Я попробую.

- Если ты не хочешь или есть какие-то причины...

- Что ты! Нет! Чем же ещё отплатить за твою доброту, Кари?!

Я вопросительно глянула.

- Можно я буду считать тебя своей дочерью, хотя по возрасту, правильнее будет внучкой?!

Хлюпнув носом, я бросилась старику на шею:

- Нужно, Гун... Нужно...

Мы немного поплакали, вытирая друг другу слёзы, а потом Гун довёз меня до гостиницы.

Крианн сам открыл дверь:

- Вы сегодня рано вернулись, эрдана Карина.

- Да, Крианн, так получилось... - Я тащила Гуна за собой, он упирался, не понимая, зачем. -

Крианн, можно спросить?

- Конечно, - и он прошёл за свою стойку.

- Мне нужна помощь, а в городе я почти никого не знаю... Дело в том, что сегодня мы подавали заявку на работу гондольером...

- И что? - Крианн почему-то улыбался.

- В управе потребовали двух поручителей, помимо обычной оплаты, из-за возраста Гуна. Я поручилась, но нужен ещё один человек и, обязательно, житель города. Вы можете помочь найти такого? Расходы мы оплатим...

- А зачем искать? - он продолжал улыбаться в бороду.

- В смысле?

- Могу я поручиться или Гарри, он уже совершеннолетний.

Я бухнулась на диванчик у стены и усадила рядом своего новоиспечённого дедушку.

- Крианн! А с вами приятно иметь дело, вы знаете об этом?!

Он расхохотался. Не думала, что вопрос с поручителем решиться так просто. Мы быстро всё обсудили, и Гун отчалил по своим, вернее по моим, делам. Я же, сославшись на усталость, заперлась в комнате. Макса не было... "И где он? До заката ещё далеко... Неужели я так сильно его обидела?"

В дверь постучали. Это был Крианн:

- Можно?

- Можно... - я задвинула люк креслом и открыла дверь. Войдя в комнату, хозяин "Тихого островка" оглядел комнату и уселся в кресло.

- Эрдана, я хотел поговорить с вами... Вы ведь связаны с ангалинами, не так ли?

Отрицать было бессмысленно. Я кивнула и добавила:

- С одним...

- Я его тоже знаю? У него приметная царапина на лбу и зелёные глаза?

- Знаете...

- Отлично! Вот его доля за жемчуг, - и достал из кармана толстый кожаный мешочек. - Вы передадите?

- Можете быть уверены...

- Спасибо. В этот раз сделка была очень удачной. Мы хорошо заработали.

Я взвесила в руке "долю". Ого! Очень увесистая!

- Если будет ещё что-либо подобное, я буду только рад. Условия меня устраивают.

- Я передам ему... Крианн, а вы, случайно, не знаете, можно ли увидаться со смертником... до казни?

Такого вопроса он никак не ожидал, но ответил быстро:

- Можно. А зачем вам?

- Сегодня я узнала, что здесь, в тюрьме, находится человек, с которым мне нужно обязательно встретиться.

- Думаю, что два-три ранда помогут в таком деле. Только договариваться нужно непосредственно с охраной, в городскую управу лучше не ходить, там задают слишком много вопросов.

- Спасибо, Крианн.

- Может чаю пока?

- Хорошо бы...

- Гарри принесёт.

Он поднялся с кресла. Стоя, Крианн, был не намного выше меня, сидящей. Теперь мы были почти на одном уровне и уже он, смотрел на меня сверху вниз. Мужчина хотел что-то сказать, я видела это по его лицу, но хозяин "Тихого островка" лишь слегка поклонился со словами:

- Отдыхайте... - и вышел.

Вскоре Гарри принёс чай с куском утреннего пирога. Парень сегодня был весел и улыбчив.

- Не желает ли эрдана ванну?

- Спасибо, Гарри, не утруждайся.

- Как скажете.

Я заперлась на засов, выпила чай, а к пирогу не притронулась. Есть совсем не хотелось. Не раздеваясь, упала на кровать и через несколько секунд была уже в библиотеке.

- Мозг! Как же так! Его казнят!

Профессор сидел за столом и листал толстый фолиант.

- Очень жаль...

- Надо что-то придумать! Слышишь?!

- Ты опять за своё?

- За какое своё?!

- Ну, Кари... Ты как маленькая... В Маргосе ты освободила ангалина, а здесь хочешь помочь заключённому совершить побег?! Не забывай, что он - преступник!

- Я очень хочу помочь ему и если бы знала как, то ни минуты бы не раздумывала. Но... Понимаю, что это нереально. Но надо хотя бы повидаться, спросить о том, что было после моего исчезновения... Что с Дайком...

- Тут ты права, конечно, встретиться надо, информация лишней не будет.

Я мерила библиотеку шагами, а "мозговой", через монокль, поглядывал на мои метания.

- Я так хочу помочь ему! Это же мой Гоблин! Только как?! Может на свидании получится что-то разведать?

- Выбрось это из головы! Банкорская тюрьма - не набережная в Маргосе! Ты ничего не знаешь ни о том, где и как его содержат, ни как охраняют. И города ты тоже почти не знаешь... Да и вообще! Что я говорю? Это глупая затея!

- А вот знаешь, что! - И я ткнула в него пальцем. - Что-то подобное ты и Маргосе говорил, не хотел, чтобы я Макса освободила! Но всё получилось! Мало того, теперь Макс мой друг и даже больше... И мне всё равно, что он не человек! Он стал таким же близким мне, как и "золотая" банда, и караванщики, и Гун! И если я смогу помочь Грасу, то я это сделаю! Обязательно! Не хочешь помогать, не надо! Обойдёмся! - И выскочила из библиотеки, громко хлопнув дверью.

Пока бежала по какому-то странному полутёмному коридору, которого раньше не было или я его просто не замечала, до сознания донеслись, брошенные вслед слова "мозгового":

- Кари! Постой! Давай поговорим!

Произнеся мысленно, обойдётся! я открыла глаза. Под полом стучали. Я вскочила и отодвинула от люка кресло. Холодный, мокрый Макс сбил с ног:

- Ты почему так долго не открывала?! - Хвост обвился вокруг коленей, а над лицом нависла тёмно-серая морда. - Ты, что обиделас-с-сь?! Прос-с-сти... Я понимаю, что пс-с-сих...

Не говоря ни слова, я крепко стиснула его шею, водя ладонью по влажной чешуе. Макс дёрнулся, по всему телу быстро пробежала искристая дорожка, и он ещё сильнее обхватил меня. Так мы и лежали на полу возле открытого люка. Я перебирала пальцами крупные чешуйки, вдоль позвоночника, это действовало очень успокаивающе, а он, закрыв глаза, дышал куда-то мне в макушку.

- Тебе Крианн кучу денег за жемчуг передал... - прервала я молчание.

- Много? - глаза не открывались.

- Не знаю, не считала... Сам посмотри... Ещё сказал, что если опять будет что-то подобное, то будет только рад, условия его устраивают.

- Отлично...

В дверь постучали:

- Эрдана Карина, ужин готов! Вы слышите?!

- Да, Гарри, я скоро... Макс, выпусти меня, - последнюю фразу я сказала шёпотом.

Хватка ослабла, и я поднялась на ноги:

- Ты голодный? Принести что-нибудь?

- Нет, я хорош-ш-шо поохотился... - Изумрудные глаза очень внимательно меня рассматривали. - Что-то случилось-с-сь?

- Ты о чём?

- Я же виж-ж-жу, вернее кож-ж-жей чувс-с-ствую, ты чем-то обес-с-спокоена...

- Случилось...

Он стряхнул остатки влаги и принялся разжигать камин.

- И что ж-ж-же?

- Помнишь, я рассказывала про "золотую" банду?

- Как не помнить...

- Грас в тюрьме, здесь в Банкоре. Перед праздником его казнят, голову отрубят...

Ангалин подбросил несколько поленьев и повернулся ко мне:

- Иди поеш-ш-шь, потом поговорим. - И улыбнулся одной половиной клякастой пасти. Как у него так получается?!

Ужин оказался очень вкусным. Правильно говорят, что аппетит приходит во время еды. Пока я топала в столовую, есть совершенно не хотелось, но стоило унюхать ароматы и увидеть на тарелке дымящееся мясное рагу с горой овощей, как проснулся зверский аппетит. Умяв свою

порцию, я поблагодарила Марэну и Гарри и, захватив небольшой чайник с фирменным горячим напитком, удалилась к себе.

Макс лежал на циновке и считал деньги. Цитата сорвалась сама собой:

- Там царь Кощей над золотом чахнет...

Ящер заулыбался:

- Ещ-щ-щё одна с-сказ-зка?

- Да. И очень красивая, между прочим, в стихах...

- Расскажеш-ш-шь?

- Если вспомню целиком, она длинная. Ну, что? - И я присела рядом, - Крианн тебя не обидел?

- Нет, всё как договаривалис-с-сь, даж-ж-же больш-ш-ше, чем я рассчитывал.

Он закинул одну монетку в рот и, прошлёпав к кувшину, вылил в глотку почти всю воду.

- Ну как? Вкусно?!

- Нет, но иначе я не с-с-смогу тебя радовать этим... как его... как ты говорила?

- Световым шоу...

- Точно! Ты такие слова умееш-ш-шь подбирать!

Он плюхнулся на циновку и уставился зелёными глазами:

- А вот теперь рассказывай, что случилось-с-сь...

И я рассказала. И про поход в управу, и про чиновника и его условия, и про объявления о казнях и даже отчиталась, сколько потратила денег и на что. Макс очень понравилась моя экономность и то, что я доложила ему всё детально, во всех подробностях.

- И что думаеш-ш-шь? - пальцы на хвосте отбивали чечётку на циновке.

- Если бы я могла ему как-то помочь... Но как?! Тюрьма - это не набережная в Маргосе, - повторила слова "мозгового". - Попробую хотя бы повидаться, расспросить о Дайке, а также про то, что случилось после того, как я убежала. А может Грас расскажет и про яму, в которой меня нашли. Проход в мой мир должен быть где-то рядом...

На последней фразе чечётка прекратилась, а сильные гибкие пальцы сжали моё запястье.

- Ты всё-таки хочеш-ш-шь вернутьс-с-ся?

- Конечно... Я чужая здесь...

Золотые искры, в ясных, фантастических глазах, на мгновение, вспыхнули и потухли.

- Но не для меня...

Я обняла его:

- Спасибо, Максик, так приятно слышать... Если честно, то на возвращение я уже особо и не рассчитываю. Это уравнение со многими неизвестными, а я не великий математик... Но я должна пытаться... Не обижайся...

- Я не обиж-ж-жаюсь... - горячий язык лизнул щёку, - я понимаю и помогу, чем с-с-смогу...

- Ах ты, крокодильчик, мой золотой! - И забыв, про возможные последствия, чмокнула его в нос.

Яркая молния шибанула в потолок, нас отбросило в стороны, и по комнате быстро распространился запах озона, как после грозы... Хорошо, что ставни были закрыты! Макс тряс головой, а я сидела на полу возле двери, закрыв лицо руками.

- Прости-и-и... я забыла...

- Не делай так больш-ш-ше. Видиш-ш-шь, чем это заканчиваетс-с-ся...

- Макс, - я подползла к нему на четвереньках, - а что это такое?! Самая настоящая молния бьёт...

Он отвернулся и пробурчал:

- Потом... как-нибудь расскаж-ж-жу... Давай лучш-ш-ше думать, что с Грас-с-сом твоим

делать будем.

- А что делать? В Маргосе у меня был расслабляющий отвар для каморты и желание помочь тебе, а здесь одного желания не хватит...

- З-з-зато теперь у тебя ес-с-сть я...

Я уставилась на своего друга:

- Неужели ты хочешь сказать, что...

Ящер подмигнул зелёным глазом и улыбнулся во всю клыкастую пасть:

- Хочу!

Я чуть не кинулась к нему обратно с поцелуями, но ангалин вовремя увернулся, хитро скалясь:

- Мне мож-ж-жно, а тебе нельз-з-зя!

Вскоре я уже знала, в чём состоял план Макса. Во всем Банкоре, да и на всём Окатане, наверно, он был единственным, кто мог такое повернуть! И этот, единственный, был сейчас рядом со мной! Каким же удивительным образом может закрутиться спираль событий! Один поступок влечёт за собой другой, этот другой - третий, какое-то событие приводит к определённым последствиям, из которых тоже следуют какие-то события и так далее... Из, казалось бы, отдельных звеньев сплетается единая цепь судьбы!

Тюрьма в Банкоре, по сути, тюрьмой не была. Это был древний, полуразрушенный Храм ангов, предков ангалинов, как они верили. Когда-то, в далёком-далёком прошлом, таких Храмов было восемь, для каждого из восьми богов. Восемь - это, вообще, особое число на Окатане, можно даже сказать, священное. В настоящее время сохранилось всего пять Храмов, один из которых, был разрушен во время очень сильного землетрясения, когда Банкора и в помине не было. Ангалины потеряли интерес к этому Храму, так как целостность его была нарушена и для поклонения они посчитали его непригодным. Из оставшихся четырёх, два, находились на Восточных землях, один на Севере и один на Западных территориях. Что случилось с остальными тремя, ангалины не знали. Предполагали только, что в те времена, когда анги воевали с богами, они были уничтожены.

Когда отстроился город, разрушенный Храм люди стали использовать в своих целях и вскоре он превратился в тюрьму, уж больно подходил для этого. Внутри, на нескольких подземных уровнях, находились небольшие изолированные камеры с такими прочными решётками и каменными стенами, что выбраться из них было невозможно. Для чего нужны были эти камеры в подземельях Храмов, Макс не знал. Зато, он знал другое! Все Храмы были абсолютно одинаковы, как снаружи, так и внутри. Решётки в камерах открывались только из одного изолированного помещения, и никаким другим способом открыть их было нельзя. Но... В полу, возле задней стены в каждой камере был узкий канал, по которому постоянно текла вода. Такой канал проходил через все камеры всех подземных этажей.

В полуразрушенном Храме Банкора, вода по этим каналам не текла, так как землетрясение нарушило циркуляцию подземных источников. Макс знал, что в каждой каменной клетке в этом канале есть участок, который отодвигается, зачем, неизвестно. Но известно как! Чтобы сдвинуть этот камень, нужно было попасть в узкий коридор за задними стенами череды камер. Люди не знали об этом проходе, так как найти его можно было, только если знать, что он там есть. Зачем и для чего анги строили такие странные сооружения, ангалины не знали, а люди тем более. С глубокой древности у ящеров сохранился документ из какого-то неизвестного и стойкого ко всяким повреждениям, материала с подробным планом одного из Храмов. И как они выяснили со временем, все уцелевшие Храмы ему соответствовали.

- А Храмы ли это? - задала я давно крутившийся в голове вопрос.

Ящер пожал плечами:

- Мы никогда не думали об этом, но теперь... - он задумался, - надо будет отца расспрос-с-снуть. Он много чего з-з-знает, мож-ж-жет что-нибудь и расскаж-ж-жет, хотя делиться самыми важ-ж-жными тайнами будет только с нас-с-следником. Я кое-что з-з-знаю только потому, что чрез-з-змерно любопытен, ос-с-собенно это проявлялос-сь в детс-стве, и пос-с-стоянно с-с-ую с-с-свой длинный хвост, куда не с-с-следует и ищ-щ-щу на него приключения... Так отец говорит... Вот и тебя так наш-ш-шёл...

- Значит... всё может получиться...

- Вполне. И притом так, что никто не поймёт, как он исчез-з-з из з-з-запертой камеры! Но одному мне не с-с-справиться. Тебе обяз-з-зательно нуж-ж-жно с ним встретитс-с-ся, как ты и хотела. За одно и рассмотреть вс-с-сё вокруг, пос-с-считать в какой камере его держ-ж-жат и на каком уровне. Чем больш-ш-ше увидиш-ш-шь и запомниш-ш-шь, тем лучш-ш-ше.

- Само собой... Вот только узнает ли он меня? А вдруг разговаривать не захочет?

- Ты так с-с-сильно из-з-зменилас-с-сь?

Я улеглась на спину, головой на Макса, как на подушку, а ноги закинула на сиденье кресла.

- Мне сложно об этом судить... Я же себя со стороны не вижу... Когда в лесу жила, то себя совсем не видела, кроме как в отражении воды. А про глаза и волосы так и говорить нечего... "Райское" поле оставило яркие отметины...

Гибкая шея изогнулась, и голова Макса легла мне на живот. Он молча рассматривал меня, и я почувствовала, что краснею.

- Что ты делаешь?

- Любуюс-с-сь...

- Вот дурак... - и щёлкнула его по лбу. Звук щелбана о крепкую, крупную чешуйку получился звонким.

- Он тебя уз-з-знает, ты ж-ж-же не один день ж-ж-жила с ними, да и говорить з-з-захочет... Он же там с-с-смерти ж-ж-ждёт... Я тоже ж-ж-дал... Ложис-сь с-с-спать, а я на раз-з-звездку с-с-сплываю. Ес-сть нес-с-сколько воз-з-мож-жностей попас-сть в тюрьму, по каналу и по подз-з-земной реке.

- Макс... Почему ты мне помогаешь?

Ангалин криво усмехнулся:

- Влюбилс-с-ся...

- А если серьёзно?

- Хочетс-с-ся утереть наместнику нос-с-с, да и с-самому Великому террхану. Щ-щ-щёлкнуть их вот так, как ты меня сейчас-с-с. И к тому ж-ж-же я, лично, против "з-з-золотой" банды ничего не имею. Вс-с-се говорят, что ангалины ж-ж-жадные и нам нуж-ж-жно только з-з-золото. А оно нам, дейс-с-ствительно, очень нуж-ж-жно! И ты з-знаеш-ш-шь, з-зачем. От него з-з-завис-сит наш-ш-ша ж-ж-жизнь в море! Когда из глубин поднимаютс-с-ся панцирные ос-с-сьминоги или кархароны мигрируют через наш-ш-ши воды, то только вс-спьш-ш-шки с-с-света могут их отпугнуть. А без з-золота ангалины не светятс-с-ся и не могут с-с-согреть с-с-себя в холодной воде. З-зачем з-золото людям?! Раз-зве их ж-ж-жизнь з-завис-сит от него так, как наш-ш-ша?!

На такое сложно было что-то возразить.

Макс уплыл, а я переоделась и улеглась. Спать не хотелось... Я лежала и перебирала в памяти все, о чём мы разговаривали. По словам Макса, выходило, что самое главное, это выяснить в какой именно камере держат Граса, а дальше дело техники. Проникнув в туннель за стенами камер, можно будет отодвинуть камень, там должен быть рычаг, и забрать Граса, а потом уйти тем же путём. Сейчас всё выглядело вполне простым и исполнимым, но реальность может внести свои коррективы, и я даже не сомневаюсь, что внесёт.

Первое, что сейчас нужно, так это организовать свидание, а там посмотрим. Я закрыла глаза и очутилась не перед дверью в библиотеку или в ней самой, а опять в том странном, полутёмном коридоре. Я огляделась по сторонам. На стенах тускло горели лампочки, самые обычные лампы накаливания, вкрученные прямо в стену. Я дотронулась до одной, она была холодная. А куда идти?! В обе стороны картина одинакова: бесконечный коридор с лампочками.

- Мозг! Мозг! Ты где?! Куда я попала?! Отзовись?!" - никакого ответа.

Я продолжала стоять растерянно оглядываясь: "Что за коридор? Откуда он взялся?!"

-Мозг! "Мозгово-о-ой!"

- Кари! Девочка моя!

Я обернулась на голос. Профессор нёсся по коридору, махая руками. Полы халата развевались, а шаги отдавались гулким эхом. "Странно... Я вижу его и слышу... Смотрю, как он быстрым шагом, приближается навстречу, но... ничего не меняется, он, будто на месте стоит... или это я отдаляюсь? Я же стою столбом! Что за чудеса?! Зазеркалье какое-то..."

Я продолжала смотреть на "мозгового", мчащегося ко мне. Не знаю почему, но я повернула голову в противоположную сторону. Секунда... и профессор оказался рядом. Он сграбастал меня в объятия и принялся целовать в щёки:

- Девочка моя! Я так рад! Как ты тут оказалась?! Я никак не мог достучаться до тебя... Ты так иногда отгораживаешься, что дозваться невозможно!

От таких бурных эмоций я обалдела. Я знала, что он меня любит, чувствовала это... И чем дальше, тем больше. Но ведь он - это я, а я - это он... Ум за разум заходит!

- Мозг... Я ничего не понимаю... Где мы находимся?

Он оторвался от своего занятия и поправил мою растрепавшуюся прядь:

- Как где?! В глубинах твоего разума, конечно!

- Моего?!

- Ну да...

- Мрачноватенько как-то, тебе не кажется?

Он захохотал и опять кинулся обниматься:

- Кари, ты попала так глубоко, что я сам только недавно начал тут появляться. Вот лампочки вкрутил, а то совсем был мрак.

- Я ничего не понимаю, мозг... А библиотека где?

- Пойдём.

И хоть двигались мы прямо, возникло ощущение, что мы постоянно поворачиваем: то налево, то направо, то кругом. Перед глазами одно - прямой длинный коридор, а внутри какое-то круговое движение. Меня начало подташнивать, как в детстве на карусели, а потом... пол, неожиданно, ушёл из-под ног.

- Ка-а-ари... Ка-а-ари! Где ты?! - кто-то звал меня, только не понятно, чей это голос.

Я осознавала, что сплю. Это сон... Деревья, скалы, хижина в лесу, потом быстрое мелькание лиц: Карелл, Грас, Олли, Лакр, какие-то хмурые и бледные. И опять голос, только я его уже узнала и завопила в ответ:

- Дайк! Дайк! Я здесь! Да-а-айк!

Поток холодной воды привёл в чувства. Мокрая с головы до ног я сидела на кровати, а напротив, с кувшином в хвосторучке, сидел Макс:

- Ну, ты и напугала! - и поставил кувшин на место.

В дверь постучали:

- Эрдана Карина! Эрдана Карина! Что случилось?! - Это был Гарри. - Вы слышите?!

Макс, ужом, юркнул под кровать. Я подошла к двери:

- Всё в порядке, Гарри, прости за беспокойство...

- Эрдана Карина, может откроете?

Я отодвинула засов:

- Гари, всё нормально.

Парень смотрел на меня снизу вверх, так как был не намного выше своего отца. В руках он держал большую дубинку и подсвечник:

- Вы вся мокрая...

- Я знаю... - и попыталась улыбнуться.

- Вы, что люк открывали?!

- Не только открывала, я в него и провалилась, случайно... - нашёлся правдоподобный ответ.

Парень недоумённо хлопал глазами.

- Не беспокойся, я в порядке...

Он просунул голову и оглядел комнату:

- Вы уж поаккуратней, эрдана, а то мало ли что... Ещё покалечитесь...

- Приятно, что ты так волнуешься.

Гарри широко улыбнулся:

- Отдыхайте и больше так не кричите, - и он погрозил мне пальцем.

- Я постараюсь, - и закрыла дверь.

Макс выполз из-под кровати:

- Кари, прос-с-сти... Я не з-знал как привес-сти тебя в чувс-ства. Ты как соз-з-знание потеряла, а потом кричать начала...

Я отмахнулась:

- Спасибо...

- За что?

- За то, что выгацил меня... оттуда.

- Откуда?

- Из сна.

- Ты Дайка з-з-звала...

- Громко?

Ангалин кивнул на дверь:

- Гарри же услыш-ш-шал...

Пока я переодевалась в сухое и после, когда мы раскладывали постель на просушку возле камина, я всё думала о том, что случилось... "Что же это за коридор странный такой? И Мозговой... весь такой лучистый и сияющий... Я же видела по его глазам, что он очень рад меня видеть... Почему же мне стало плохо? И этот сон... Дайк... Его зовущий голос... Мне надо в Латрас! И как можно быстрее! Но и Граса бросать нельзя..."

Макс стащил тяжёлый матрас с кровати и разложил на циновке:

- Он не вес-с-сь промок, с другой с-стороны мож-жно с-с-спать.

- Значит, будем спать возле камина.

Я устроилась на сухой части, а Макс рядом на полу:

- У меня не очень хорош-ш-шие новос-сти...

- Ничего не получится?

- Мож-жет и получитс-ся, но потребуются ус-с-силия... Проход местами з-з-авален, где-то з-землёй, где-то камнями. Попасть возмож-ж-жно, но чтобы з-знать, где копать, нуж-ж-но выяс-с-нить в какой он камере. Если на с-с-самых ниж-ж-них уровнях, то... - он замолчал.

- Чего-то подобного я и ожидала, не верилось, что всё будет так просто. Ладно, давай спать, утро вечера мудренее...

- Это поговорка твоего мира?

- Да.

- А у нас-с в таких с-с-случаях говорят: рассвет ярче з-з-заката...

- Красиво...

Гун объявился к завтраку. Пока мы ели он успел намекнуть, что кое-что выяснил. С самого утра мы с Максом решили, что если расположение камеры окажется удачным, то копать будем по ночам. Придётся поискать мою лодку, которую я оставила в кустах за городом у реки. Макс обещал заняться этим и перегнуть её в надёжное место, она может понадобиться. Возможно, что до сих пор её никто не нашёл.

Я же решила, что пора закупать припасы на дорогу, чтобы не остаться опять без пропитания, если придётся быстро сматываться из города. Голос Дайка не выходил из головы. Он звал меня! И хотя это был только сон, но предчувствие было не хорошее. Что-то случилось с моим дорогим "нянем", что-то случилось...

Я уговорила Гуна сначала съездить с Крианном в городскую управу, чтобы хозяин гостиницы выступил в качестве второго поручителя, а потом приехать за мной. Как ни странно, но вернулись они быстро. Гун сиял от счастья. Теперь он полноправный городской житель и может писать объявления о своих услугах. Он не переставал кланяться мне и Крианну и пока ему не налили кружку пива, никак не мог угомониться.

На закупку припасов Макс выделил мне ещё пять золотых рандов.

- Макс, но это очень много. У меня же есть деньги.

- Бери...

- Но тебе нужнее...

- Мои тайники по вс-сему Банкору рас-спиханы, так что не спорь. Ещ-щ-щё не из-звестно, сколько охране придётся з-з-заплатить...

По пути на рынок, Гун успел доложить, что идти в тюрьму нужно сегодня вечером, потому как новый начальник в отъезде и вернуться должен со дня на день. А он, без разрешения управы, никого не пропустит. Солдаты же, совсем не прочь подзаработать, поэтому медлить нельзя. Но цену они заломили, о-го-го! По ранду на каждого, всего четыре. Говоря это, Гун чуть не поперхнулся и принялся причитать, что люди от жадности совсем с ума посходили:

- Четыре ранда! Они что, ангалины, которым золота, сколько ни дай, всё мало?! Имели бы совесть!

- Ладно, Гун... Есть у меня деньги. Это слишком важная встреча, нет смысла торговаться.

Хотелось сказать ему, что как раз "жадный до золота" ангалин и подбросил мне золотишко. Но это не моя тайна... Ангалины хотят, чтобы люди лучше считали их жадными, чем на самом деле знали насколько оно им необходимо. И в этом я была согласна с ними. Узнав их тайну, люди, а особенно, власть имущие, поставят эту прекрасную расу на колени, как много веков пытались это сделать. А со временем уничтожат.

Время до похода в тюрьму мы провели на рынке. Я купила небольшой котелок, соль, специи, понемногу разных круп, сушёных фруктов и овощей, а также запас вяленой рыбы и мяса, всё такое, что долго хранится. Мешок получился увесистый. Учитывая, что у меня ещё два, то получался довольно объёмный и тяжёлый груз. Обросла я барахлишком, ничего не скажешь. Коли и дальше так пойдёт, то для своих странствий придётся не только коня, но и телегу покупать. Остаток времени мы провели в небольшой таверне, а потом Гун, погрузив мою поклажу в гондолу, повёз меня в тюрьму.

Дело близилось к вечеру. Солнышки играли в облаках розовыми и оранжевыми бликами, а с моря дул сильный, но тёплый ветер. Добирались мы долго. Тюрьма, правильнее, Храм ангов, находился на самой окраине города в береговой его части и мы плыли к нему по широкому каналу. В невысоких башнях уже горели огни, а на мосту, ведущему к воротам, никого не было.

С виду это здание, действительно, никак не напоминало место лишения свободы. Оно было не очень высоким, круглые колонны по периметру, одна из стен частично отсутствует, а вот высокий каменный забор и башни у въездных ворот очень сильно отличаются по цвету и структуре. Похоже, что построены они гораздо позднее.

У входа, с факелами в руках, нас встретили двое вооружённых охранников. Гун кивнул одному из них и, показывая на меня, сказал:

- Эрдана, которая просит о свидании... Она готова заплатить.

Один из мужчин подошёл совсем близко и осветил меня факелом:

- Кто вы приговорённому?

- Я жена его старого друга, - версия была придумана заранее, - приехала на праздник, а заодно и встретить мужа из плавания. Муж прибудет позже и не успеет попрощаться с ним... Поэтому мне хотелось встретиться с его другом, чтобы передать супругу последние слова прощания...

Второй охранник спросил:

- Эрдана северянка?

Я стянула платок, и платиновые волосы упали на плечи.

Мужчины хмыкнули, осмотрели с головы до ног, освещая факелами, и позвали за собой:

- Старик пусть ждёт здесь, проведём только вас.

Я кивнула.

- Гун, жди меня в гондоле.

Старик заковылял к воде, а мы прошли через ворота мимо башен, потом вдоль каменной стены забора и далее по ступенькам подняли в здание. Так как уже стемнело и света факелов не хватало, рассмотреть подробности было сложно. Один охранник шёл впереди, а другой сзади. Мы проследовали по нескольким коридорам, а потом начали спускаться вниз. После двух пролётов мы оказались в небольшой комнате со столом в центре и лежанками вдоль стен. Там находилось ещё двое. Стало немного жутковато, но я старалась выполнять наказ Макса, скромно смотрела под ноги, одновременно пытаюсь запомнить маршрут передвижения.

- Присядьте пока, эрдана...

Один из двух мужчин отодвинул стул. Я послушалась, он сел напротив, а остальные остались стоять. В полумраке было заметно, что он самый старший здесь.

- Вы готовы заплатить?

- Конечно... - я достала монеты, но на стол не положила. - Сколько у меня будет времени?

Охранники переглянулись:

- А сколько вам нужно?

- Мне хотелось бы о многом расспросить приговорённого, так как мы давно его потеряли и, желательно, наедине.

- К сожалению, не более часа... Вас устроит?

- Вполне...

- Тогда...

На стол я положила две монеты:

- Половину сейчас, половину на выходе.

Сидящий напротив охранник улыбнулся:

- Хорошо, пойдёмте...

Он прихватил факел и повёл меня вниз по узкой тёмной лестнице, которая находилась в другом конце этой комнаты. Мы спустились на один этаж вниз, получается, что это второй нижний уровень, если помещение охраны посчитать за первый. Мрачный коридор, уходящий в темноту, пара факелов на стенах и решётки с двух сторон. Если лестница была очень узкой, то

коридор с камерами, наоборот, очень широк. Вонючка стояла, как в хлеву, когда за скотиной толком не убирают, аж глаза заслезились. Я зажала нос платком.

Вдруг с левой стороны изнутри на решётку бросился человек. Я отшатнулась в сторону.

- Га-а-аби! Это ты?! У нас гости?!

Страшная, грязная рожа, пыталась просунуться сквозь толстые прутья. Ударило таким смрадом, что меня чуть не вырвало.

- Заткнись! - Охранник ткнул факелом в лицо заключённому. Тот завопил и упал.

- Не бойтесь, эрдана. Из камеры нельзя выбраться...

Мы подошли к проёму в стене и опять стали спускаться вниз. Третий уровень... Опять такой же широкий коридор и камеры с двух сторон. Насколько тянется в длину это пространство, определить было невозможно, впереди сплошной мрак. Охранник подвёл меня к третьей камере по правой стороне от лестницы.

- Вот ваш смертник. Я зажгу факелы, чтобы вам было не так страшно.

Я подошла к решётке. Сначала ничего не было видно, но когда в коридоре посветлело, и один из факелов запылал напротив, я разглядела внутри грубые нары и лежащую на них бесформенную кучу. Было очень холодно и сыро в этих мрачных, страшных катакомбах. Охранник ударил по решётке, окованной железом дубинкой:

- Эй! Смертник! К тебе пришли! Не каждому так везёт, повидать перед смертью такую красоту.

Куча шевельнулась.

- Я вернусь через два часа.

Я кивнула и он ушёл.

Холодные толстые прутья отгораживали меня от того кто находился внутри.

- Кто здесь?

Хриплый голос я узнала не сразу:

- Грас... Грас... - Я совсем растерялась и не знала, что говорить.

Постанывая и кряхтя, человек в лохмотьях поднялся и сделал несколько шагов. Когда дрожащий свет упал на его фигуру, я вздрогнула и вцепилась в металлические прутья. Это был мой гоблин... Это был он... Но в каком виде! И хоть он был также намного больше меня, как и раньше, но от его силы и могучести мало, что осталось: худое, осунувшееся лицо с серо-зелёной кожей, всклокоченная рыжеватая борода и грязные короткие светлые волосы, торчащие в стороны.

Я прекрасно помнила, как в лесной хижине он часто брил и лицо и голову. Оказывается, он блондин, почти такой же, как и я. Северянин...

- Грас, Грас... Это я...

- Кто вы, эрдана? - он приблизился к решётке.

- Ты меня не узнаёшь? Совсем? - Я втиснулась в прутья. - Забыл уже, как на Кифовом носу вы вытащили меня из ямы?

Он дернулся, и его небольшие узкие глаза поползли на лоб:

- Отари?! Ты?!

- Я это... Я...

- Не может быть! - рот у него открывался и закрывался, видно мысли никак не могли найти словестный выход.

- Грас, не волнуйся, всё в порядке...

- Говоришь уже...

- Да, научилась...

- Как ты тут оказалась и зачем?! Неужто меня повидать? - узник смотрел исподлобья.

- Подожди, у меня тут есть кое-что... - Я достала из сумки пару свёртков, - вот поешь...

В мгновение ока, он выхватил один и, плюхнувшись на каменный пол, впился зубами в кусок мяса. Ел жадно, даже постанывая иногда. Я присела рядом с другой стороны каменной клетки. Вскоре он завернул остатки в тряпку, и я протянула ему второй:

- Тут хлеб и вяленая рыба.

Он всё забрал и спрятал под нары:

- Что тебе надо "звёздочка"? Мало того, что натворила?!

Я оторопела:

- Грас, ты что... Я ничего не творила...

- Ври больше... Зря Карелл Лакра не слушал...

- В чём дело, Грас? Ты про что говоришь?!

- А то не знаешь?

- Нет... Откуда? Это я у тебя хотела спросить, что случилось после того как я ушла... И что с Дайком...

Он так злобно захохотал, что меня прошиб озноб, а потом кинулся на решётку. Я не успела увернуться. Грязные сильные пальцы сомкнулись на шее:

- Не прикидывайся, отари! Навела сыскарей, а сама сбежала! Отблагодарила за всё и Дайка, и Карелла! Подлая шпионка!

В глазах потемнело... Я нащупала кинжал в складках юбки и полоснула по руке сжимающей горло. Кровь свистнула фонтаном, и пальцы разжались. Только-только сошли синяки от хватки Макса и вот вам, получите! Теперь такой же подарочек от Граса буду носить! Я отползла подальше и похрипела:

- Грас, я никого не наводила на вас... Я вас не предавала...

Он зажимал рану, а потом оторвал кусок лохмотьев и обмотал руку:

- Уходи...

Я сидела на полу, держась за шею. Обидно было страшно, словами не передать! "Неужели все они думают, что это я их предала?! Вот значит как! Мой Нянь очень хорошо прикрылся мной! Он всё продумал заранее! Помог бежать, тем самым свалив вину на меня... Может именно потому он так старательно меня и выхаживал, чтобы потом подставить в нужный момент?! Ну, Нянь! Не могу не восхититься! Пусть остальные думают, что странная девица шпионка, а сам буду чистеньким! Значит... Если меня найдут, то конец очевиден. Не убили сразу, так убьют потом... А еще так за них переживала... Вот дура! А за Дайка, так и говорить нечего... Неужели он меня подставил?! Как же не хочется в это верить!"

Я поднялась с колен и осмотрела себя в свете факела. Туника была забрызгана кровью и даже на юбку попало. Нельзя, чтобы охрана заметила... Грас, сидя возле решётки, молча наблюдал за моими действиями. Я скинула жилет, сняла тунику и одела её задом наперёд. Вывернула жилет наизнанку, благо он был почти чёрный, и пятна крови на нем были почти незаметны. Вроде неплохо... Самые заметные пятна на спине под жилетом.

- Отари... - Грас сидел, привалившись к решётке, - ты слышала что-нибудь о них?

- Немного... Знаю только, что все на свободе, даже вроде как торговцев каких-то грабанули, которые на ярмарку в Маргос по реке сплавлялись.

- Хорошо... - он вздохнул и криво улыбнулся.

- Ещё я Лакра в Маргосе видела...

- Да? - Грас встрепенулся.

- Он был не один, но того второго я не знаю.

Мне показалось, что приступ бешенства у Граса миновал. Он сидел какой-то обмякший и тихо постанывал. Я присела рядом, ни страха, ни тем более обиды на него уже не было. Да и

душат меня уже не в первый раз... И что-то подсказывает, что не в последний...

- Послушай, Грас... Можешь верить, можешь, нет, дело твоё... Мне всё равно...

- По сути, мне тоже... Хранитель уже готов принять меня...

- Подождёт твой Хранитель, я вытащу тебя отсюда...

- Ты?! Вытащишь?! - судорожно улыбаясь, он покачал головой.

- Раз я такая подлая шпионка, как вы подумали, то почему ты сомневаешься?

- Из Банкорской тюрьмы нельзя убежать... Меня поэтому сюда и привезли.

- Это мы ещё посмотрим... - Я улыбнулась и погладила его по раненой руке, - прости, я не хотела...

С каким-то то ли вызовом, то ли укором он посмотрел мне в глаза:

- Кто ты, отари?! Откуда ты взялась?!

- Вот с этого и надо было начинать, а не с обвинений. Меня зовут Карина или просто Кари... Я не предавала вас, Грас... Мне Дайк помог сбежать...

Послышались шаги. Мы оба вздрогнули. Неужели час закончился?! Ничего толком узнать не успела! Просунув руки сквозь прутья, я порывисто обняла Граса и зашептала ему на ухо:

- Я вытащу тебя отсюда, жди...

На лестнице показался охранник. Я вскочила и прикрыла пятна на юбке руками.

- Всё в порядке, эрдана?

- Да.

- Пойдёмте, время вышло.

Опустив голову, я последовала за ним. В верхней комнате я положила два ранда на стол и быстрым шагом вышла.

В себя я начала приходить уже в гондоле: "Вот так встреча получилась! Я думала, что он обрадуется, а вместо этого возвращаюсь с новыми синяками. И пусть боли я не ощущаю, но синяки от пальцев будут "будь здоров", не хуже чем от ангалинских! Как бы Макс не отказался мне помогать, когда синяки увидит. А он увидит... Этот чешуйчатый заметит всё, что угодно. Надо сразу ему всё рассказать, уж больно он всякие подробности любит. Только сделать это надо правильно, чтобы не психанул, не дай бог. Без Макса у меня ничего не получится..."

Гун грёб в темноте, иногда поглядывая в мою сторону. Ясно, что ему любопытно, как прошло свидание, но не могла же я посвятить его в подробности.

- Гун, спасибо за помощь.

- Всё хорошо, Кари? Вы поговорили?

- Поговорили... - я плотнее прикрыла шею.

До "Тихого островка" мы добрались глубокой ночью, но меня ждали. Крианн сам открыл дверь.

- Крианн, простите, не думала, что так задержусь.

- Не страшно, я ещё не спал. Может, поужинаете?

- Нет, спасибо. Не хочу... А можно Гуна приютить, ему далеко к себе добираться? Я заплачу, сколько нужно.

- Что вы... Найдём мы Гуно место, не переживайте. Я бы и сам его оставил...

- Спасибо, Крианн, вы самый лучший хозяин гостиницы во всё городе!

Пожелав всем доброй ночи, я ушла к себе. И только закрыла дверь, как в темноте вспыхнули зелёные глаза и гибкий хвост обвил ногу:

- Что так долго? Как вс-сё прош-ш-шло?

- Привет, Максик, потерпи я, всё тебе расскажу.

Пока я зажигала свечи и переодевалась, а Макс растапливал камин, удалось немного успокоиться и подумать как вести разговор с ангалином. Матрас так и лежал возле камина, он

уже просох, но затаскивать его обратно было лень, и я опять устроилась на полу, а Макс рядом на циновке. Я всё ждала, когда же он заметит, но он ничего не говорил.

- Макс... Свидание прошло не совсем, так как я представляла, но это ничего не меняет, наоборот, теперь я просто обязана помочь ему.

Три гибких пальца дотронулись до шеи:

- Больно? - ящер заглядывал мне в лицо.

- Нет... Говорить немного тяжеловато...

- Почему? Или з-за что?

- Он думает, что это я сдала банду сыскарям, а сама сбежала. И так думает не только он, наверно... Мы не успели толком поговорить, времени не хватило...

- Это его кровь на твоей одеж-ж-жде?

- Его...

- Понятно... З-значит, твой Дайк тебя прос-с-сто подставил?

- Не зная, Макс... Не знаю... Я не хочу в это верить... Это так не похоже на правду, хотя...

Совсем ничего не понимаю...

Выступили слёзы и, обняв ангалина за шею, я спряталась от его взгляда. Он обвинил меня хвостом и крепко стиснул.

- З-значит, отказ-зыватья от с-своего плана ты не намерена?

- Нет, если получится освободить Граса, то он рано или поздно вернётся в банду. И если расскажет обо мне остальным, то это будет только к лучшему. Ведь ни о ком из них я толком ничего не знаю. Только о Карелле узнала немного от Гуна, да и про Граса что-то, остальные же, и Дайк в том числе, совсем "тёмные лошадки". Я не знаю о них ничего, кроме имён: кто они, кем были раньше, где и как жили, и что они, вообще, за люди... Может, если у нас всё получится, Грас поделится информацией... А пока, планы не меняются.

- Хорошо, как с-скажеш-шь.

- Не думала, что ты так спокойно отреагируешь...

- На что?

- На синяки.

Макс извернулся, и его голова оказалась напротив:

- А как ты думала?

- Ну, разозлишься, психанёшь...

Он ехидно заулыбался, щуря глазищи:

- Первым порывом было именно это...

- Значит сдержался?

- Я же обеща-щ-щ-шал, что буду старатьс-с-ся.

- Молодец, продолжай в том же духе.

Мы проболтали ещё долго. Я рассказала Максиму детально, что происходило в тюрьме, все подробности внутреннего расположения подземных этажей и камер. Всё-всё, что заметила, услышала и запомнила. Ангалин был доволен. Уровень, в котором держали Граса, был не самый нижний, в каждом Храме таких уровней было пять. Значит, шансы на то, что нам удастся добраться до нужной камеры, велики. В свою очередь, Макс рассказал, что лодку мою он нашёл и пока спрятал на одном из островков, а потом перегонит в город, когда понадобится.

Проспала я почти до обеда. Когда проснулась, Макса не было. Во время умывания голос Мозгового так громко раздался в ушах, что я выронила медный кувшин.

- Кари! Кари!

- Мозг, не пугай так, зайкой сделаешь.

- Фу-у-у! Дозвался, наконец...

- Я тоже рада тебя слышать, а то после последнего раза как-то жутковато. Я, почему тогда так отключилась, ты знаешь?

- Знаю...

- И почему?

- Тебе рано так глубоко погружаться в себя. Вестибулярный аппарат такие перегрузки ещё не выдерживает...

- Вот как?!

- Ну, что-то типа того...

- Но ведь я хотела попасть в библиотеку, а очутилась в этом странном коридоре?

- Это потому, что ты плохо представила себе точное место. На будущее, запомни, сначала представь точную картинку, а потом закрывай глаза.

- Хорошо... Но всё равно странно... Раньше была только библиотека, а теперь... коридор этот.

- Кари, пойми, наше общение не стоит на месте, оно развивается. Я узнаю тебя, ты - меня и чем дальше, тем больше мы можем погружаться друг в друга... Происходит энергообмен...

- Но ты - это я, а я...

- Это ты. Всё правильно. Ты учишься взаимодействовать сама с собой на очень высоком уровне, но на всё нужно время и некоторые навыки.

Я зажмурилась и, представив Мозгового, сидящего за столом, оказалась в библиотеке.

- Ну, вот и умница!

Он вставил монокль в глаз и уставился на мою шею. Потом как-то судорожно хихикнул, но быстро зажал рот ладонями.

- Тебе смешно, конечно, а у меня шея синей неделю будет.

- Прости, дорогая, - он спрятал смеющиеся глаза, - но шейные платки должны быть неотъемлемой частью твоего гардероба.

И заржал в голос. Я схватила подушку с кушетки и со всей силы запустила в профессора. Он, хохоча, уклонился, выскочил из-за стола и закружил меня по библиотеке.

- Я рад, что с тобой всё в порядке! Но с этим надо что-то делать...

- Ты о чём?

- Об этом, - и ткнул пальцем в свежие синяки. - Ты должна уметь защищать себя.

- Хотелось бы... Только из оружия у меня кинжал Дайка, которым я и пользоваться-то толком не умею.

- Попроси Макса, пусть научит тебя чему-нибудь.

- Чему научит?

- Ангалины прекрасно владеют оружием... А я помогу...

- Но...

- Что но?

- А где и как он будет меня учить? Да и согласится ли? Тут женщины и оружие, вещи несовместимые...

- Это у людей, а на ангалинов, я думаю, это древнее правило не распространяется.

Я сидела на кушетке и соображала с трудом: "Во-первых, кроме кинжала ничего нет, во-вторых в комнате развернуться негде для нормального обучения, да и уши кругом. В-третьих, а что, в-третьих? Мы с Максом скоро расстанемся... Или нет? Я же в Латрас собираюсь? Или уже не собираюсь? Что-то совсем я запуталась, что делать и что не делать... В-четвёртых..."

- А как ты можешь помочь? - я недоумённо глядела на профессора.

- Очень просто. Если Макс тебе что-то покажет из приёмов ведения боя или защиты, то мы могли бы закреплять это здесь, то есть не в самой библиотеке, а в тренировочном зале, который

я организую.

- Где организуешь?

- Ну как где?! В твоей голове, конечно! Точно так же, как и библиотеку сделал.

- Мозг! У меня иногда от тебя и твоих действий так крыша едет, что боюсь от шизофрении мне никуда не спрятаться.

- Не волнуйся, - и он уселся за стол, закинув на него ноги в мягких туфлях. - С тобой всё в полном порядке и дальше так будет. Просто воспринимай всё происходящее как данность, не мучая себя лишними вопросами, так же гораздо легче, согласишься...

Я кивнула: «Хорошо ему говорить... А у меня шарики за ролики заходят от одного только присутствия этого умника внутри».

- Кстати, по поводу Граса, - сложив руки за головой, он начал качаться на кресле. - Нужно помочь ему, раз есть такая возможность. Если он сможет найти Карелла, а он сможет, это сыграет в твою защиту.

- Думаешь, Дайк подставил меня?

- Не уверен... Хотя всё выглядит именно так. Мы пока ничего толком не знаем, что было, да как... Если Дайк и подставил тебя, то не нарочно... Я уверен...

- Мне бы твою уверенность.

- Время всё расставит по своим местам, вот увидишь. Мы во всё разберёмся...

- Знаешь, Мозг... Иногда я уже не хочу ни в чём разбираться... Просто хочу домой...

- Неужели тебе здесь так плохо, дорогая? И жизнь на Окатане настолько невыносима?

Я уставилась в пол:

- Да вроде нет... Не так всё и страшно, как могло оказаться... Кругом люди и вполне нормальные... И не только люди... - Я улыбнулась, вспомнив, как засыпала в обнимку с ящером, уткнув лицо в тёплую, упругую, бархатную грудь, пусть и не очень приятно пахнущую. - Здесь интересно... Прекрасный мир, если честно... Чистый и цветущий... Но мой дом не здесь, Земля - моя родная планета... Здесь я никто и звать меня никак...

- А вот с этим я бы поспорил! - Профессор улыбнулся и погрозил пальцем. - Если бы не ты, то в этом прекрасном и цветущем мире уже не было бы двух жизней, и третья висит на волоске. Всё зависит от тебя, от того, что ты сделаешь или чего не сделаешь. Понимаешь, о ком я говорю?

- Натри, Макс, и судьба Граса решается сейчас...

- А ты говоришь никто! В том-то и дело, что уже кто! И имя у тебя прекрасное, такой древний род...

Я захохотала:

- Да-а-а! С именем ты, конечно, учудил!

- Зато как удачно получилось! Сам не ожидал, ведь, правда?

Мы еще немного посмеялись, подтрунивая друг над другом.

- Ладно, я пойду, а то останусь без обеда.

- Иди, только заглядывай почаще. Я люблю, когда ты сама приходишь.

Гун, оказывается, так никуда и не уехал. Ночевал он в небольшой каморке рядом со столовой. Утром Гарри накормил его завтраком и остальное время, в ожидании меня, он провёл в гондоле, чистил её, мыл и приводил в порядок, насколько это возможно.

Подключать Гуна к плану по освобождению Гоблина было нельзя, ему жить в Банкоре, а нормальная жизнь у него только начиналась. "Это я, "птица перелётная", проще говоря "бомж", без определённого места жительства... Нужно вести себя так, что бы он ничего не заподозрил, хотя если у нас всё получится, то подозрения у него возникнут, а меня могут начать искать. Могут и на Гуна и на Крианна выйти...

Мне благоприятствует только то, что все уверены, что из Банкорской тюрьмы сбежать нельзя, даже Грас в этом уверен. Никто и никогда не убежал... Посещения заключённых не запрещены, мне и через управу могли разрешение дать, только это могло занять гораздо больше времени. Поэтому, если всё пройдёт гладко, доказательств, что я имею к побегу какое-то отношение, ни у кого не будет. Значит, из города сразу уходить нельзя, нужно задержаться... Только как сказать Гуну, что в ближайшее время он мне не нужен? Хотя... Зачем что-то придумывать? Копать мы будем ночью, тайный выход из комнаты есть, через люк я смогу уходить и возвращаться незаметно... Надо просто вести себя как обычно и всё!"

Когда я спустилась к гондоле, было уже далеко за полдень.

- Карина, - Гун, улыбаясь, махал мне рукой, - как спалось?

- Хорошо, спасибо.

Он глянул на мою замотанную шею, но ничего не сказал.

- Куда сегодня поедет, эрдана? - и он опять поклонился по привычке.

- За сапогами.

Народ прибывал. До начала празднований оставалось чуть больше недели. В гаванях стояло уже гораздо больше судов разных размеров, а на улицах стало намного больше людей. Гостиница Крианна уже почти заполнилась, это я заметила в столовой по количеству грязной посуды. Самое время Гуну начинать свою экскурсионно-транспортную деятельность, а не возиться со мной. В городе я уже неплохо ориентировалась.

До сапожных лавок мы добрались в течение часа. Пристроив гондолу под небольшим мостиком, мы поднялись по узким ступеням, и пошли вдоль по улице.

- Гун, а какие ещё ремесленные мастерские тут есть поблизости?

- Ну, портные рядом, я показывал тебе, вон за тем мостом - и он махнул в сторону, - ткачи чуть подалее, через два канала, за ними красильни. А если пойти вон туда, - продолжил Гун, показывая на узкое высокое здание с флюгером в виде молотка, - попадёшь в кузни.

- И что куют?

- Всё, от лопат и плугов до оружия.

Зайдя в первую обувную лавку, я удивилась. Столько всякой обуви, глаза разбегаются! Но вот найдётся ли то, что я хочу? Взяв старика за руку, я вывела его на улицу.

- Гун, послушай... Я тут, наверно, надолго застряну. Раз уж пришла, то без сапог не уйду. Зачем тебе меня ждать? Тебе нужно включаться в работу, самое время...

Старик кивнул, грустно улыбаясь:

- Да, ты права... Нужно... А как же ты потом доберёшься?

- Не волнуйся, я уже не заблужусь.

- А если помощь нужна будет, поднести что-нибудь...

- Гун, - я обняла его и поцеловала в морщинистую щёку, - ты просто не хочешь со мной расставаться...

- Не хочу...

- Но ведь придётся... рано или поздно...

Он обнял меня в ответ:

- Я буду приплывать в "Тихий островок" хотя бы раз в несколько дней, а ты предупреждай Гарри или Крианна, чтобы они знали, буду я тебе нужен или нет.

- Договорились.

Мы еще раз обнялись, и Гун заковылял обратно. Я вздохнула с облегчением: "Гун пристроен, работы сейчас у него будет много и сможет выбраться из нищеты. Да и я могу чувствовать себя свободнее..."

- Что бы творить свои "черные дела"! - Мозговой с хихиканьем встрял в мысли.

- И вовсе не "черные"...

- Дела, творящиеся под покровом ночи, являются "черными" априори!

- Вот зараза!

В лавке меня уже поджидал хозяин:

- Что угодно, эрдане? - высокий тощий мужчина слегка поклонился.

- Сапоги хочу... Высокие, до колен, из крокодильей кожи.

- Сапоги-и-и... - он был явно удивлён. - Но зачем такой прекрасной девушке сапоги? Вам бы прекрасно подошли туфли или коротенькие полусапожки... Высокие сапоги - это мужская обувь.

- Уважаемый фаэдр, так у вас есть или нет? Ни туфли, ни сапожки меня не интересуют...

Сапожник замялся:

- Есть несколько пар, но они будут вам очень велики.

Как это ни парадоксально, но таких сапог или подобных тем, что я видела в Маргосе, я не нашла. Я обошла все сапожные мастерские, но готовых, чтобы купить сразу, на мою ногу ни у кого не было. В расстройстве я присела на широкие низкие перила деревянного моста. Сколько раз зарекалась, если вещь действительно нравится, надо покупать сразу, не раздумывая долго, потому что потом или денег не будет или того, что понравилось, нигде не найдёшь. Вот невезуха! Несколько мастеров предлагали пошить, но это заняло бы, как минимум, около трёх-четырёх дней. А будет ли у меня время вернуться за ними? Плюс надо внести почти всю стоимость вперёд, так как такую пару вряд ли смогут кому-то продать, если я за ними не приду.

Я уже собралась уходить, как на мост выскочил мальчишка из последней обувной лавки и понёсся ко мне:

- Эрдана! Эрдана! Хорошо, что вы не ушли! Отец нашел кое-что для вас, идёмте... - и, схватив меня за руку, потащил обратно.

Оказывается, через несколько минут после того как я ушла, отец мальчика вспомнил, что у него есть пара сапог, похожих на те, что я хотела, только они не совсем новые. Несколько лет назад кто-то отдал их в починку, да так и не забрал. Вот они и валялись в сундуке. Когда я их увидела, то поняла, что, наконец-то, нашла то, что нужно.

Сапожник был очень рад, что пристроил бесхозную пару, да и к тому же заработает на ней. Голенище оказалось широковато в нескольких местах, но сапожных дел мастер, сказал, что за пару часов всё подгонит по моей ноге, вычистит и смажет специальным воском, лишь бы я их забрала. Он быстро снял мерки, я заплатила, не торгуясь, хотя было понятно, что цена завышена. Но всё же, вожделенная покупка обошлась мне гораздо дешевле, чем я отдала бы за похожие в Маргосе. Мы договорились, что я вернусь на закате. "Ну, а теперь можно и инструментик какой-нибудь поискать для подкопа, не руками же рыть..." - определилась я с дальнейшей целью.

На кузнечной улице я всё нашла и купила довольно быстро. Вовремя сообразив, что громоздкий и тяжёлый копательный инвентарь мне не нужен, я прикупила небольшую лопатку, похожую на сапёрную и кирку, почти таких же размеров. Два кузнеца, стоя рядом, молча смотрели, как я перебираю готовые изделия, взвешиваю каждый предмет в руке и рассматриваю со всех сторон, опыт дачных работ у меня был очень хороший. Выбрав то, что, на мой взгляд, подходило к моим целям, я спросила о цене:

- По полтора эре, эрдана...

- Годится, я беру.

Один из мужчин наклонился поближе:

- Не считите за грубость, эрдана... Можно спросить?

- Конечно.

- А зачем вам? Вы такая хрупкая девушка...

- Клад искать буду...

- Клад?! - кузнецы переглянулись, а потом захохотали. - А вы шутница!

Сложив поклажу в плотный мешок и обмотав тряпками, чтобы не лязгало при ходьбе, я закинула инструмент за плечи и подалась в сторону сапожной улицы. По дороге перекусила и к закату была на месте. Сапоги были готовы. Вычищенные и натёртые воском, они были великолепны. Изящный, светло-коричневый, чешуйчатый рисунок украшал голенища с двух сторон. Я натянула обновку. Идеально! Сели, как влитые! Нигде не жмёт и не давит...

Закинув "угги" в мешок, я поблагодарила сапожника и направилась в гостиницу. Солнышки уже садились и на мостах зажигали фонари. Неподалёку от рынка меня окликнул Гун:

- Кари! Я здесь!

- Ты что? Караулил?! - я сбежала вниз к гондоле.

- Нет, я сюда двух торговцев привёз и решил подождать, как чувствовал...

- Тогда поехали.

В "Тихий островок" я прибыла как раз к ужину. Столовая была полна народу, Марэна с Гарри бегали между столами, поднося и убирая посуду. На кухне я заметила ещё двух парней, крутившихся возле плиты, видно Крианн нанял помощников. Глянув, что мест нет, я потопала к себе. Макс меня уже ждал. Сапоги он заметил сразу, прощупал начищенную кожу и одобрительно кивнул:

- Крепкие с-сапоги, носить долго будеш-ш-шь. Крокодил был взрослый, но не с-с-старый, для обуви с-с-самое то...

- Рада, что тебе нравится. Значит, не зря деньги потратила... - Я уселась в кресло, закинув ноги на спинку кровати, любуясь обновкой.

- Не з-зря... Тебе очень идёт... Эх! Знал бы раньш-ш-ше, приберёг бы с пос-следней охоты пару ш-ш-шкур...

- А куда ты их дел?

- Продал, конечно. Мне ж-ж-же с-сапоги не нуж-жны... А что в меш-ш-шке?

- Лопату с киркой купила, не руками же копать...

- Умница! Я как-то с-совс-сем не подумал...

- А ты где был целый день?

Тяжёлая голова легла на бедро:

- С-сначала пригнал твою лодку, потом охотилс-ся, потом сплавал к ус-с-ловленному месту, где наместник мне з-знаки ос-ставляет на с-случай, если я могу понадобиться... потом в тюрьму.

- Ну и как? - Я замерла в ожидании ответа. - Сможем прокопать?

Изумрудные глаза хитро сверкнули, а узкие зрачки вытянулись в тонкие струнки:

- С-смож-жем, только...

- Что только?

- Там дыш-ш-шать будет тяж-желю, воз-здуха мало. Факелы з-заж-жигать нельз-зя, последний воз-здух выгорит...

- А зачем нам факелы? Ты же сам лучше всякого факела и не коптишь к тому же, - и провела рукой по упругой чешуе, пересчитывая бороздки.

Макс уставился на меня круглыми глазами и прошептал:

- Я с-совсем раз-зум потерял... Почему-то подумал, что тебе понадобятся факелы. Вот дурень-то! А про то, что с-сам могу з-заменить любой факел... з-забыл...

- Просто кто-то очень высокого о себе мнения, ваше великорэксие... - И похлопала его по голове. - Сын Великого Ангалина Рэкса будет работать светящейся лопатой... Не царское это

дело, не царское...

Зажав зубастую пасть трёхпалым хвостом, Макс давился от смеха, ну и я, за компанию. Один только вид смеющегося ангалина, вызывал приступ истерического хохота сам по себе.

После ужина мы ещё немного повалялись на полу перед камином, а когда окончательно стемнело, отправились в путь. Мою лодку Макс подогнал под люк и, загрузив инструменты и запас воды, мы отплыли в темноту. Под зданиями, стоящими на толстых каменных сваях, плыли мы довольно долго. Потом я догребла до узкого канала, а оттуда, метров сто, пришлось грести по открытой воде к берегу. Вскоре, мы оказались под гигантской нависшей скалой, откуда вытекала подземная река.

В темноте, пусть и не полной, определить расстояние и размеры мне было сложно. Ангалин же, ориентировался прекрасно. Как только мы заплыли под каменный свод, Макс накинул на себя верёвочную упряжку, "включил" своё освещение и потащил лодку вперёд. С такой скоростью плавание заняло не больше десяти минут. В крошечной тьме ящер сиял как сказочная жар-птица, в данном случае, как жар-ящерица или огненная саламандра.

За резким поворотом я заметила узкий лаз. Это был вход в подземный туннель.

- Это проход к тюрьме... Тут недалеко... - Макс зацепил верёвку о камень и, схватив мешок с инструментами, скрылся чёрной дыре.

Я провела рукой по стенам и поняла, что нечто подобное уже видела. Стены были довольно гладкими, правильной формы. По такому же туннелю, только спиральному, я спускалась с Кифового носа. Макс оглянулся:

- Мы уж-ж-же в Храме, с-с-смотри...

Впереди была узкая каменная лестница с очень высокими ступенями, вырезанная прямо в породе. Мы начали карабкаться вверх и Макс попутно комментировал:

- Вот проход к камерам пятого, с-самого ниж-жнего уровня, видиш-ш-шь, он полностью завален. Вот - к четвёртому, он тож-же не намного лучш-ш-ше... А вот и третий... Тут всё не так страш-ш-шно...

Но это, по словам Макса. Мне же показалось, что не то, что до казни, мы до "пришествия Богов" будем копать. Но, как говорится, лиха беда начало... И мы принялись за дело.

На следующие пять суток, именно столько пришлось копать, мы с Максом превратились в двух кротов. И в правду, всё оказалось не так страшно, как мне показалось. Проход был засыпан только местами, и нам приходилось не столько копать, сколько разбивать слежавшуюся землю и освобождать от неё и камней узкий туннель. Крупные отходы копательной деятельности мы сбрасывали в подземную реку, а остальное просто загребали к стенам.

В первую ночь я думала, что умру от нехватки кислорода, но по мере продвижения вперёд и освобождения от завалов узкого пространства, дышать становилось легче. Возвращались мы всегда перед самым рассветом. Ангалин прекрасно чувствовал время, он бросал работу и, ухватив меня хвостом, выволакивал из прохода. Иначе бы я, войдя в раж, так и копала бы, несмотря на то, что было очень тяжело.

Мои ночные отлучки из гостиницы проходили незамеченными. Мы тихо уходили и также тихо возвращались. Лодку на день Макс прятал в какой-то узкий проём между сваями и уплывал на охоту. Я же, дожидаясь завтрака, а потом заваливалась спать до обеда. Макс тоже быстро возвращался и спал почти до вечера.

Крианн, да и Гарри, заметили перемену в моём режиме, но никто ничего не говорил и не спрашивал. До казни было ещё несколько дней, когда работа подошла к концу. На следующий день мы должны были расчистить последний участок с задней стороны камеры и вытащить Граса, а что будем делать дальше, когда узник будет на свободе, как-то не думали. А вот теперь такие мысли посетили...

- Ему понадобятся припасы на дорогу и одежда, да и денег немного не помешает, - прошептал Мозг.

- Ну это я и сама понимаю... - тихо ответила я мысленно.

Макс лежал рядом и слегка похрапывал во сне.

- Нужно смотаться на рынок и всё купить. Если мы быстро управимся, то ему нужно будет убираться из города сразу, пока не поднимут тревогу.

- Или его можно будет где-то спрятать, в надёжном месте, там, где точно не найдут.

- Понимаю, о чём намекаешь... Макс много таких мест, наверно, знает, но я не хочу, чтобы Грас Макса видел. Помнишь, ты сам рассказывал, что Лакран говорил Кареллу, будто я "превращённая", шпионка ангалинов... И что же Грас подумает, если увидит Макса?

- Верно.

- Я ничего не смогу доказать, он мне не поверит и Лакран окажется прав. Я этого не хочу...

- И что же делать?

- Кто из нас Мозг?!

- Я...

- Вот и подкинь идейку...

- В таком случае, это с самим Грасом нужно решать... Но лучше ему уйти...

Макс зашевелился и открыл один глаз:

- Не спиш-ш-шь...

- Нет, на рынок надо за припасами и одеждой для Граса.

- Я тебя з-здесь ж-ж-ждать буду. Мож-жет рыбки мне с-с-свежей з-заодно купиш-ш-шь, а то я за эти дни устал что-то...

- Куплю...

Я быстро собралась, забежала в столовую на обед и пошла за покупками.

На рынке было не протолкнуться, торговля шла полным ходом. Крики, вопли, толкотня... У меня даже голова закружилась. Кучка детишек разного возраста пронеслась мимо и шумной стайкой столпилась возле небольшого лотка. Я подошла ближе. Торговали игрушками. Детвора глазела на тряпичных и глиняных кукол, смешных зверюшек, сшитых из кусочков кожи, хватала всякие свистелки и дуделки, кожаные мячики и другие подобные детские забавы. Торговец, румяный усатый дядька, никак не мог их отогнать:

- А ну не трогайте, сорванцы! Платите и тогда забирайте! - он делал злое лицо, но это плохо получалось. Видно было, что продавец совсем не такой строгий, каким хочет показаться.

Я протиснулась к прилавку, и он сразу обратил на меня своё внимание.

- О, эрдана! Что угодно?! У меня самые лучшие игрушки!

Я засмеялась:

- Не сомневаюсь, фаэдр! Дети, вы что-то хотите купить?! - обратилась я к детворе.

Мальшня притихла. Один из мальчишек, улыбнулся щербатым ртом и пропищал:

- Хотим!

- И что же вы хотите?

- Я хочу пищалку, - и мальчик ткнул пальчиком в деревянный свисток.

Детвора наперебой загомонила:

- А я эту куклу!

- Мячик!

- А я крокодильчика хочу!

- Та-а-а-к... - я оглядела шумную ораву. - На всех у меня денег не хватит. Выберите что-нибудь такое... что бы на всех... и играть можно было по очереди.

Дети завопили ещё громче. Пока они решали между собой, что им всем нужно, я

осматривала местные изделия народного творчества. В углу, на крючке, висел кожаный ангалин с ярко-зелёными глазами-бусинами: "Ну, точно, Макс! И морда такая же хитрющая!" Галдя, и награждая друг друга тумачами, детвора определилась, наконец, с выбором. Я купила им мяч и пицалку, а себе... не удержалась, зеленоглазого ангалина. Уж больно похож! Торговец, улыбаясь, протянул игрушку:

- Для сына или дочки?

- Для сына моего друга... - идея, для кого подарок, пришла неожиданно.

Протаскавшись почти до вечера и нагрузившись покупками, я решила сократить путь и пошла через центральную площадь. На высоком заборе резиденции наместника висело несколько больших досок с объявлениями. На одной - сообщение о скорых казнях, а на нескольких других, объявления о разных куплях-продажах и услугах, в том числе, нашлось и сообщение Гуна. Я кое-как прочитала и порадовалась за старика. Он предлагал два маршрута для впервые прибывших в Банкор: ознакомительный - по основным каналам города и другой, для покупок: центральная площадь - рынок - гавань с мелкой торговлей, так сказать по самым низким ценам - центральная площадь. Для начала очень хорошо, а дальше разберётся. Глядя на то, сколько народу прибывает каждые день, без работы он сидеть не должен.

На следующей доске, с замиранием сердца, я прочитала: "Голос Окатана снова в Банкоре! Два выступления! Третий день празднований - центральная площадь, восьмой - рыночная площадь. Спешите! Несите стариков, детей и больных! Никому не ведомо, кто исцелится в этот раз! Спешите!"

Я стояла возле доски и роняла слёзы: "Как же я хочу их увидеть! Затискать Натри, расцеловать Хейю и Айру, обнять Гая и даже со Скаем поперекаться... Они ещё не прибыли, как только приедут, слух по городу разнесётся быстро. Может удастся повидать их, если получится..."

Макс еле меня дождался, нагруженная мешками, я добиралась долго. В несколько минут он проглотил свою рыбу, из-за которой мне пришлось сходить, а Западную гавань, так как мой друг предпочитал только свежельовленную, и улёгся на циновке. Я собрала мешок для Граса: еда, одежда, несколько золотых и мелочь, одеяло, камень для розжига, небольшой нож, несколько факелов, бритва и кусок мыла. Никакого оружия я не покупала, да мне и не продали бы... Оружие могли покупать только мужчины.

Я обернулась к ящеру:

- Макс... Я хотела спросить... Ты знаешь, почему женщин не учат пользоваться никаким оружием, ну кроме обычных ножей для кухни?

Глаза распахнулись, и широко зевнув, ангалин потянулся и сменил позу:

- Нет... Не знаю, почему...

- Значит, у вас такого запрета нет?

- Нет, конечно. В океане без оружия не выжить. И хоть мы стараемся слишком далеко не заплывать во время охоты и держаться вместе, но слишком уж много крупных и опасных хищников, которые не прочь нами закусить. Люди обижаются, что мы не пропускаем их далеко в океан, хотя на самом деле должны быть благодарны... За поясом островов, океан кишит такими тварями, что по сравнению с ними, панцирные осьминоги и кархароны, просто мелкая рыбёшка.

- А ты мог бы меня научить чему-нибудь?

- В каком смысле?

- Ну, держать меч в руках, защищаться...

Ангалин поднялся на ноги и сделал по комнате круг:

- Тебя?! Научить?! Но зачем?!

- Я должна уметь защищать себя... Неужели ты не понимаешь... Меня здесь и на привязи держали и душили не один раз...

- Я понял, понял... - и он закивал головой.

- Никто из мужчин этого делать не станет, а ты не человек и никаких предубеждений у вас против этого нет...

Макс свернулся у моих ног, а я присела, чтобы быть на одном уровне:

- Пожалуйста...

- Я не против, только когда... И главное, где? Сегодня ночью мы вытаскиваем твоего Граса, а потом должно прибыть судно, на котором ты могла бы отплыть в Латрас. Там толковый капитан, я его знаю...

- Кроме тебя меня никто не научит...

- Кари, за несколько дней научиться невозможно, нужно время. Сама понимаешь... И место подходящее... А Банкор я пока покинуть не могу, пока брат меня не сменит.

Я вдохнула: «Ну, вот так всегда... И научил бы, да возможности такой нет».

- Ладно... Как-нибудь обойдусь... - Я всхлипнула и отвернулась.

- Ка-а-ари... - Макс обнял меня хвостом, - не плачь, я что-нибудь придумаю, раз ты так хочешь...

Он заглянул мне в глаза, приподняв пальцами за подбородок:

- Я очень хочу отправиться с тобой, но свободен буду, только когда брат меня сменит. И отцу нужно будет показаться, а это ещё пару недель, пока туда-сюда... Я думал, что отправлю тебя в Латрас, а как освобожусь, приплыву туда. Скоро зима и ты никак не сможешь попасть на Кифов нос...

- Почему?

- Дороги развезёт от проливных дождей. Всё движение по Востоку на зимние месяцы замирает, да и холодно будет. В лучшем случае, ты сможешь отправиться в середине весны, когда всё подсохнет...

- Значит, сидеть в Латрасе придётся долго?

- Да. Там, рядом с городом, есть большие пещеры, недоступные для людей... Мы могли бы там тренироваться, да и вообще...

Я гладила его по голове, водя ногтями по контурам крупных чешуек. Ящер отвернулся и напряжённо произнёс:

- Я теперь должен быть рядом с тобой...

- Должен?

- Да, должен, - он продолжал говорить в сторону, не глядя на меня. - Ты слишком много о нас знаешь и мы, то есть я... должны присматривать за тобой.

Я отёрнула ладонь от Макса и отодвинулась:

- Ты хочешь сказать, что раз не убил меня, то теперь будешь следить, как бы я, чем вам не навредила?! Так?!

- Что-то вроде того... Но я не хотел убивать, Кари... Так случайно получилось... Ангалины людей не убивают, а тем более женщин... Просто ты единственная, кто столько о нас знает, и я не хочу, чтобы моему народу было плохо... И...

- Но я тоже ничего подобного не хочу, Макс! На Окатане я человек новый и очень многого не знаю и не понимаю, но... Откуда у Дайка взялась ваша священная травка?! Ты думал об этом?! Похоже, что какие-то ваши тайны знаю не только я... А вы, как говорится, ни сном, ни духом, об этом...

Он утвердительно закивал головой:

- Да, ты права, конечно. Я должен рассказать отцу обо всём, что узнал благодаря тебе. Это

очень важно для нас... Нельзя допустить, что бы наместники и террхан, да и вообще люди, знали наши слабые места, иначе сама понимаешь, доступ на землю нам будет закрыт совсем. Моему народу вполне комфортно и на островном поясе и земли людей нам не нужны, но нам нужно золото... Ангалины и так уже сильно дичают, - добавил он совсем тихо.

- Как дичают?

Он поднял влажные глаза и стиснул хвостом запястье:

- На многих молодых ангалинов, особенно в последние несколько веков, "трава разума" почти не действует. Они не понимают человеческую речь, а из-за разногласий, существующих между нашими народами, просто выучить язык для нас невозможно. Мы постепенно становимся ближе к животным, чем к людям и если так пойдёт и дальше... То исчезнет наша память, наша культура, всё, что делает нас теми, кто мы есть... Мы теряем разум, Кари...

Макс опустил голову и закрыл глаза. Из уголка медленно скатилась слезинка:

- Это ещё одна наша тайна...

- Макс... я... Я бы очень хотела помочь, но в такой глобальной ситуации, что-то сделать...

Но ведь и среди людей тоже есть подобная проблема... Ты знаешь об этом?

- О чём?

- О том, что женщин меньше чем мужчин, а на Севере, говорят, совсем дело плохо.

- Правда?

- А разве вы не замечали?

- Нет... Ты серьёзно?! - Ящер встrepенулcя и вскочил на лапы.

- Мне это бросилось в глаза почти сразу, после того как я попала к караванщикам. Мы же проделали большой путь, проехали много деревень и посёлков, и везде я замечала, что мужчин и мальчиков больше. В Маргосе, правда, да и здесь в Банкоре, я такого не вижу, наверно потому, что женщины предпочитают выходить замуж за горожан, в городах всё-таки более комфортные условия...

Макс переминался с одной лапы другую - это характерное движение выражало у него усиленную умственную деятельность.

- Вот и получается, что проблема вырождения, стоит не только перед ангалинами.

Он пристально глянул и произнёс:

- Кари... Я так рад, что мы встретились... Я столько узнал, понял и даже научился... Ты бы понравилась моему отцу, если бы вам удалось встретиться и пообщаться...

- Может, и встретимся, когда-нибудь...

- Смеркается... Скоро будем выдвигаться.

- Боишься? - ящер улыбнулся одной половиной пасти и подмигнул.

- Есть немного... Надеюсь, всё получится... Я хотела попросить тебя не показываться Грасу, пусть он думает, что я одна...

- Я и сам не жажду, чтобы он меня видел, но ты почему этого хочешь?

- Это так важно?

- Для меня да...

- Ещё в лесу, когда я жила с ними, Лакран говорил атаману, что раз на мне нет "родовой метки", значит я... "превращённая"... шпионка ангалинов...

- Что-о-о?!

Ой, зря, наверно, я это сказала. Зрачки ящера расширились, из узких вертикальных полосок, стали абсолютно круглыми "чёрными дырами". Он забегал по комнате, вертя хвостом в разные стороны и тряся головой:

- И про это знают?!

- Макс, да не волнуйся ты так. Опять древняя священная тайна? Не многовато ли их у вас

накопилось?

- Это страшная тайна! Очень страшная! - он носился туда-сюда, приговаривая, - Отец должен об этом узнать... Как можно скорее... Как люди могли узнать об этом?!

- Ты меня спрашиваешь?!

- А кого?! Что они ещё говорили про превращения?!

- Да ничего. Карелл посмеялся тогда над Лакраном, сказал, что это всё сказки, но потом... как-то странно повёл себя, что я целый день думала потом, чем могла его разозлить.

- То есть, это всё, что тебе известно?

- Всё. А что такое "превращение"? Неужели ящера можно превратить в человека?!

- Кари, нет! Я не могу тебе рассказать, не могу... Прости... Об этом нельзя говорить! Страшнее этого нет ничего! Я не могу...

Мне было жутко интересно, учитывая, что про эти загадочные "превращения" я слышу не в первый раз. Но рано или поздно я это выясню, а может Макс и сам расскажет, отношения между нами ну уж очень доверительные. Ящер продолжал кружить по комнате, вращая глазищами и бурча какие-то ругательства вперемежку с проклятьями. Я наблюдала за его метаньями и радовалась в глубине души, что он не взорвался, не психанул и не уплыл в неизвестность. Всё-таки ответственное дело на носу, а без него мне придётся туго.

Когда я вернулась после ужина, ангалина в комнате не было: "Удрал всё-таки! Не выдержала чувствительная земноводная психика наплыва информации, нет опыта выживания в сплошном информационном потоке. Но не может же он меня подвести! Как в темноте я до скалы доберусь и внутри крошечная тьма... Что же делать то?"

- Ждать... - послышался голос Мозгового. - Он вернётся, вот увидишь...

- Хорошо бы... Без него весь план под угрозой.

- Успокойся... Приляг и отдохни, ночь будет тяжёлая...

Я послушалась совета своего "второго я" и улеглась, не раздеваясь, вперив взгляд в камин, на прыгающие языки пламени: "Ну что ж, будем ждать..."

Макс вернулся! Услышав тихое поскрёбывание под полом, я вскочила и откинула крышку люка. Ангалин впрыгнул, стряхивая воду на лету.

- Испугалась?! - он улыбался клыкастой пастью и хитро щурил один глаз.

- Представь себе... Но я рада, что ты в хорошем настроении, нам пора давно. Где тебя носило, можно узнать?

- Я в резиденции наместника был, в подвале. Оставил записку...

- Ты умеешь писать?!

- А почему это тебя так удивляет? Я и читать немного умею...

От возмущения я задохнулась:

- Ты... Ты... Ну, ты и...

- Ну, кто? Кто? - он продолжал ехидно ухмыляться и корчить смешные рожицы. - Змей Горыныч, я знаю...

- Ты же мог за это время меня читать и писать научить!

- Но ты и сама справилась... Не так ли? Готова?

- Готова.

- Тогда прыгай... - лодка стояла уже под люком.

До коридора, позади камер, мы добрались глубокой ночью. По дороге успели обсудить подробно наши действия: расчищаем от земли и камней последнюю часть прохода, Макс дёргает за рычаг и выключает свой свет, а я зажигаю факел. Потом вытаскиваем Граса и уходим по подземной реке за город. Макс сказал, что будет всё время держаться по близости, но так, что бы Грас его не видел. По левому рукаву подземной реки нам нужно будет двигаться до тех

пор, пока не окажемся на поверхности. После, я возвращаюсь в город, ну а Грас действует по своему усмотрению... Как-то так... Я утвердительно кивнула на вопрос ящера о том, правильно ли я всё поняла.

До рычага, который отодвигает камень, мы докопались быстро. На вид это был небольшой переключатель, типа "вверх-вниз" с закруглённым хвостиком. Я даже не удивилась: обычный переключатель, только из какого-то чёрного, полупрозрачного материала, похожего на стекло. Я зажгла небольшой факел и стала напротив камня. Пространство было узким, я еле-еле смогла выпрямиться во весь рост. Макс дёрнул за рычаг. Ничего... Мы переглянулись... Сердце камнем ухнуло вниз:

- Всё... Труба дело... Не работает древний механизм... Сломался...

Но тут стена дрогнула, раздался тихий щелчок, и каменная плита поползла в сторону... Потом опять глухо щёлкнула и остановилась...

Запинающийся, судорожный возглас заставил нас с Максом вздрогнуть:

- От-тари-и-и!

Я бросилась к отверстию. В тусклом свете факела Грас выглядел ещё хуже, чем раньше. Но он улыбался! Так широко и так ошалело, что я испугалась за его рассудок. Первый раз я видела такую улыбку на его лице.

- Ты пришла за мной! Ты пришла! Отари! Это чудо! Чудо... Но как?! Как ты узнала, что есть выход?! Откуда?!

- Нам некогда, Грас... Вылезай...

- Я не пролезу, отари... Щель слишком узкая... - Отверстие и впрямь было не слишком широким.

- Пролезешь, куда ты денешься... Я зря, что ли столько ночей землю рыла...

Схватив за руку, я дёрнула его на себя:

- Просовывай сразу две руки и старайся протиснуться... Я буду тащить...

Уперевшись спиной в каменную кладку, а ногами в стену камеры, я потянула пленника на себя. Гоблин старался изо всех сил.

- Вот не думала, что тащить тебя придётся в буквальном смысле... Выдохни!

Он послушался и, ободрав кожу, грудная клетка пролезла. Пока он ползал на коленях в узком проёме, я переключила рычаг обратно. С таким же тихим щелчком, камень пополз обратно. Макса в проходе уже не было, но я знала - он рядом. Грас сидел на земле, открыв рот и широко распахнув глаза. Он хотел что-то сказать, но от избытка эмоций у него ничего не получалось. Я воткнула факел в мягкий грунт, развязала мешок и достала флягу с водой. Он схватил и жадно присосался. Струи стекали по подбородку, заливая рубаху:

- Отари! Отари! Ты... Отари!

Я присела рядом:

- Ну как ты? Сможешь идти?

Шумно выдохнув и улыбаясь так широко, что видны были самые дальние зубы, он проговорил, задыхаясь:

- Я теперь не то, что идти, я взлететь смогу...

- Отлично! Тогда пошли...

Захватив копательный инвентарь, я пошла вперёд, а Грас за мной. Увидев лодку, мой Гоблин, расхохотался, быстро и ловко перераспределил груз и, усадив меня с факелом на нос, сел на вёсла:

- Я так понял, что куда грести ты знаешь...

- А то...

- Ну, отари! Ну, звёздочка! Кто бы мог подумать! Рассказать кому, не поверят!

Плыли мы быстро. Вот вам и измученный долгим заточением пленник! И откуда только силы взялись! Пару раз я замечала тусклый жёлтый свет под водой: "Максик! Ангалин мой золотой! Ты здесь, я знаю..." На развилке подземной реки, под высокими каменными сводами, мы притормозили:

- Бери левее... Так... Ещё... А теперь вперёд... Сложи вёсла и наклони голову, тут узкое место.

Гоблин послушно выполнял мои указания. Через несколько метров пространство опять расширилось, и мы двинулись вперёд с прежней скоростью. Вскоре, струя свежего воздуха ударила в лицо, течение усилилось и узкую пирогу понесло на свободу мощным потоком. Ночь была ясная, а невдалеке виднелась тёмная полоса. Берег! Нам туда!

Мы причалили, когда небо на востоке чуть-чуть посветлело, ночь пролетела незаметно... Грас вытащил лодку и выгрузил поклажу, а я распаковала один мешок.

- Отари! У меня слов... просто... нет...

- Меня зовут Карина или Кари, - ответила я, протягивая мужчине кусок мыла. - Тебе надо помыться и переодеться, только быстро.

- Я помню, как тебя зовут...

Он скинул свои вонючие, грязные лохмотья и побрёл к воде.

Одежду я подобрала удачно. Всё подошло, будто мерку снимала: и рубашка с кожаным жилетом, и штаны, и даже сапоги.

- Ну как? - он глядел на меня и широко улыбался.

- Прекрасно!

- Отари... то есть Кари... Карина...

Он схватил мои руки в свои лапищи, а потом обнял так, что кости затрещали.

- Я не могу поверить! Ты... Сделала невозможное! Спасибо...

Он крепко сжимал меня, а я смотрела на расцветающую зарю над морем. Горячие слёзы обожгли лицо...

- Ты знаешь куда пойдёшь? Тебя ведь начнут искать... - сдержаться не получилось, и я всхлипнула.

- Конечно, а когда начнут, я буду далеко. Заключённых для кормёжки обходят только после полудня...

- Один раз?!

Он засмеялся и смахнул с моей щеки несколько слезинок:

- Иногда и по три дня никто из охраны не показывался, так что опомнятся они не скоро. Кари, ты понимаешь?! Из Банкорской тюрьмы нельзя сбежать!

- Всё когда-то бывает в первый раз...

Как же искренне и счастливо он расхохотался:

- Ты! Ты - чудо! Что будет! Даже представить не могу! Наместника удар хватит! Да и самого Терра!

- Я тебе расскажу, если встретимся когда-нибудь...

- Зачем ты так говоришь, девочка?! Встретимся! Обязательно! Я же ничего о тебе не знаю, да и никто не знает... Ты так изменилась...

Я стянула с головы платок. Грас хлопал глазами, вода здоровенной ладонью по моим волосам:

- Не может быть... Отари! Что это значит?! Синие глаза... Такие светлые волосы... Как это понимать?! Но ведь это ты! Я узнаю тебя... А тощая какая! Мы тебя хорошо кормили!

Теперь я захохотала:

- Верно, хорошо... Не спорю... А то, что я так изменилась, так за это "райскому полю" надо

спасибо сказать... - И протянула ладонь. Узкие, тонкие линии шрамов были хорошо видны.

- Ты так изрезала руки?!

- Да...

- И осталась жива?!

- Да... Пять суток провалялась без сознания. Люди, которые меня подобрали, думали, что я скоро умру, но я очнулась вполне здоровой, только вот волосы побелели и глаза стали такими синими. Я сама, когда себя увидела в зеркале, то чуть в обморок не упала... Еле-еле узнала... Долго не могла поверить, что это я...

- Ну... ну... я... даже и сказать не знаю, что... Ты богиня, да?! Только они на такое способны...

Он опустил на траву и потянул меня за собой.

- Что за глупости? Какая я богиня... Сначала Лагр меня в ящерицы записал, теперь ты - в богини... Я обыкновенная... Просто не отсюда...

Наверно, зря я это сказала... Бедный Грас! Похоже, что от всего, от всей этой сумбурной информации и невозможных, с его точки зрения, событий у него случился истерический припадок. Он хохотал, заливая слезами новую одежду, но при этом так крепко прижимал меня к себе, будто боялся, что я сейчас исчезну. Я гладила его по плечу и тихо повторяла:

- Да всё нормально, Грас, всё хорошо... У нас получилось, ты теперь свободен... Всё хорошо... Всё хорошо...

Вскоре он успокоился и посмотрел на меня уже вполне осмысленно:

- Откуда не отсюда? Ты же не северянка...

- Я совсем из другого мира, он называется Земля. Но это долгая история, сейчас нет времени... Я хотела спросить тебя... Ты помнишь точно место, где вы меня нашли?

- Помню... Ведь это я тебя нашёл, вернее услышал...

- Я знаю... И очень благодарна тебе за это. Где это место, Грас?! Это очень важно для меня!

- В одном дне пешего пути к северу от Кифового носа, есть деревня, называется Дикие петухи. Так вот... Лет пять-шесть назад там пару раз появлялись горные волки, резали скот. Местные понарыли вокруг волчьих ям, но так ни одного волка и не поймали. Волки больше не вернулись, ямы же, какие-то засыпали, а про несколько и сами забыли. Вот в одной мы тебя и нашли, когда с охоты возвращались...

- А где?! В какой яме?!

- Ну... Я так прямо не могу описать... Вот если окажусь там поблизости, то точно найду... Но, Кари? Зачем тебе?

- Затем, что где-то там, рядом с этой ямой и был проход в мой мир, через который я попала сюда, на Окатан...

- Ты говоришь правду?

- Могу поклясться любой клятвой...

- Не надо никаких клятв, я верю тебе... Хотя этого не может быть, просто потому, что не может, но... Теперь я поверю во что угодно... И ты... Нас не предавала...

- Нет. Я тогда не понимала, где нахожусь, и что происходит вокруг... Грас, мне пора возвращаться в город, а тебе нужно бежать. Не хочу, чтобы тебя опять поймали.

- Не поймут! Не переживай... Меня схватили только потому, что сильно ранен был, да и остальных прикрывал... Так, что за меня не волнуйся... А вот ты что будешь делать, звёздочка?

Не знаю почему, но скрывать свои планы от Граса я не видела смысла, да и бегать от Карелла тоже... И когда я успела принять такое решение?!

- Вернусь в город, найду нужный корабль и отплышу в Латрас после праздников. Мы договорились там встретиться... с Дайком. Грас! Что случилось тем утром?! Ну, когда на вас

напали, а я сбежала?!

Гоблин задумался, почёсывая широкий нос:

- Я проснулся от шума. Выскочил из хижины и увидел, как Карелл бьёт Дайка. Парень валялся весь в крови, а Карелл стегал его камортой и кричал: "Как ты мог?! Зачем?! Почему?! Она знает всех в лицо!!! Её нужно было держать при себе!!! Её нельзя было упускать!!!" Вот так я и понял, что ты сбежала... За мной и Лакр с Олли выскочили... Но тут в меня стрела вонзилась, потом другая... Глянули - сыскари террхана! Еле успели мечи похватать! Ну а дальше... было уже не до выяснений. Завязалась большая драка... Их было очень много, но половину мы положили, не меньше...

- А Дайк?! Что с ним?! Карелл убил его?! - с холодом в груди я ожидала ответа.

- Его парни забрали с собой... Я успел только заметить, что чего-то серьёзного с ним не было, кровищи только много... Я остался задерживать солдат, так как истекал кровью и меня бы они не утащили... Карелл с Олли потащили Дайка к тайному спуску... Наш Ящер своих не бросает...

- Значит... Карелл не убил бы его?

- Не-е-ет... Парнишка же когда-то жизнь ему спас, вылечил и выходил, когда тот в тюрьме умирал. Благодаря этому, Карелл потом и сбежал... Значит, Дайк тебя отпустил...

- Да... Собрал припасы на дорогу, денег... Всё, что смог...

- Да-а-а... - Здоровяк глянул на меня долгим взглядом и провёл трёхпалой, искалеченной ладонью по моему лицу. - Смотрю... и не верю. Неужели это ты? И смогла проверить такое...

- Долг платежом красен...

- Хорошая поговорка...

- Тебе пора... И спасибо...

- За что?!

- За то, что всё рассказал...

- Это тебе спасибо, девочка, - тихо и нежно прошептал он вставая. - Я могу взять лодку?

- Бери, она мне больше не нужна. Там в мешке еда, немного денег...

Высоченный, широкоплечий северянин, невзирая на то, что выглядел худым и измученным, лёгким движением спустил пирогу на воду. Мы крепко обнялись:

- Береги себя... мой дорогой гоблин...

- Гоблин?! Кто это?!

- Да так... Персонаж из легенд и сказок моего мира. Я так называла тебя про себя, пока не знала твоего имени...

Он искренне и тепло улыбнулся, а потом смачно расцеловал в обе щёки:

- И ты береги себя, отари...

Он ещё раз чмокнул меня, запрыгнул в лодку и оттолкнулся от берега. Я провожала его взглядом, до тех пор, пока узкое судёнышко не скрылось в густом утреннем тумане.

Шипение за спиной вывело из тоскливой задумчивости:

- Ну и з-зачем ты ему лодку отдала?!

Я обернулась. Из прибрежных камышей выглядывала тёмно-серая ангалинская морда:

- И как ты теперь в город попадёш-ш-шь?!

- Ма-а-акс... У нас получилось... Если бы не ты! Спасибо!!!

- Да ладно... - склонив голову, ящер отмахнулся когтистой лапой.

Раньше он так не делал... Знакомый жест... Голос в голове прошептал: "Я даже знаю, от кого он набрался таких движений..." Я хихикнула про себя. Окинув взглядом, водные просторы я поняла, что Макс, по-своему, прав, только в данный момент это совсем не беспокоило:

- Доплыву как-нибудь, расстояние не очень большое... Я хорошо плаваю...

- Неуж-ж-жели?! И крокодилов не боиш-ш-шься?!

- Тут есть крокодилы?! - я быстренько сделала несколько шагов от воды.

- А то, как ж-ж-же! - зубастая морда ехидно скалилась. - Вот что ты без-з меня будеш-ш-шь делать?!

- Ума не приложу, Максик...

- Поплыли... пока туман не рассеялс-ся...

Ангалин вылез из зарослей и прошлёпал ко мне. На нём была знакомая сумка и двойные ножны с парными мечами.

- Держ-жись за ремень, вот здес-сь... - и он указал в нужное место хвостовым пальцем.

Я зашла в воду по грудь и ухватилась за кожаную сбрую. Почти лёжа на своём друге, я впервые, за всё время нашего знакомства и общения, прочувствовала так явно, в буквальном смысле на себе, его мощь и силу, гибкость и подвижность, скорость и выносливость в его родной стихии - воде.

Доплыли мы быстро. Я пару раз нахлебалась воды, но без Макса преодолеть такое расстояние было бы проблематично. А на другом берегу он огорошил меня своими планами.

- И когда уплываешь?

- Сейчас-с-с... - последовал тихий ответ.

- Это что?! Так срочно?! И так важно?! Никак нельзя повременить?! - слёзы опять залили глаза. Только попрощалась с Грасом, а теперь Макс... И часа не прошло...

Влажное, тёплое тело прильнуло к боку, хвост обвил талию, а прекрасные изумрудные глаза с узкими вертикальными зрачками оказались напротив моих. Мы молча смотрели друг на друга.

- Я долж-ж-ж-ен, Кари... Если не сейчас-с-с, то потом путь к отцу займёт в два раза больше времени... Течение с-с-свернёт в другую с-сторону... А так, я с-смогу обернуться-ся очень быстро, и мож-жет быть, догнать тебя в пути.

Обняв ангалина, я спрятала мокрое от слёз лицо на бархатистой груди.

- Не плачь... Не плачь... Прош-ш-шу тебя... - он говорил тихо-тихо, шипя прямо в ухо. - Какая с-с-странная ш-ш-штука, ж-жиз-знь... С-с-сначала я чуть не убил тебя... а теперь... Теперь не могу расстатьс-с-ся...

Горячий, шершавый язык коснулся шрама на шее, потом щеки:

- Обещ-щ-щай мне, что сделаеш-шь вс-сё так, как я с-скаж-жу...

- Обещаю... - пробурчала я в короткую, плотную шёрстку на груди.

- Тогда вот, воз-з-зьми... - он снял что-то, висевшее у него на шее под доспехами, и вложил в мою ладонь.

Это был круглый медальон на кожаном шнурке. С одной стороны выдавлен рисунок в виде медузы, а с другой - длинный двухмачтовый корабль.

- Это знак "Чёрной медуз-зы". Когда-то мне подарил его капитан Ают, в знак друж-жбы. Он помог мне, я - ему... В общ-щем, мы неплохо поладили... Он почти всю ж-жиз-знь в море, з-знает об океане как никто, только ему я могу доверить тебя... Каж-ж-ждый день, ты будеш-шь приходить в Восточную гавань и уз-з-знавать, не прибыла ли "Чёрная медуз-з-за". Покажеш-шь капитану этот медальон, ес-сли он с-с-спросит, откуда он у тебя, скажеш-шь, что я сам тебе подарил и прош-шу позаботится о тебе во время плаванья. Такж-же отдаш-шь ему вот этот ж-ж-жемчуг, я давно ему обещ-щ-щал...

И высыпал из мешочка потрясающий чёрный жемчуг! Пять крупных, идеальных жемчужин отливали стальным блеском...

- А вот этот, розовый и ж-ж-жёлтый... - и ящер опять полез в сумку за спиной, - Крианну, он его быстро продаст... Мою долю пусть отдаст тебе, так мне будет с-с-спокойнее...

Я громко всхлипнула, рыдания рвались наружу:

- Но Макс... У меня хватает денег...

- Значит, вернёш-ш-шь, если не потратиш-ш-шь, когда встретимс-ся...

- А где?

- В Латрасе, конечно... С-с-скоро пойдут дож-ж-жди и до Кифового носа в этом году ты никак не доберёш-ш-шься... Мож-ж-жет в Банкоре останеш-ш-шься? - И ящер с надеждой заглянул мне в глаза.

- Нет... Я обещала Дайку... Может он всё ждёт меня там, а меня носит по Окатану... И уже не важно, подставил он меня или нет... Я хочу его увидеть... Нам, обязательно, нужно поговорить, чтобы всё выяснить... Да и караванщики мои зимовать в Латрасе собирались...

- Так может их подождёш-ш-шь? И до Латраса с ними...

- Морем же говорят быстрее...

Ангалин вздохнул:

- Быстрее... Только опас-снее... Куда тебе торопиться?! Подожди хотя бы караван...

Сама не знаю, почему я так упёрлась... Я очень хотела увидеть Гая и всю его семью, но продолжать путь вместе, душа не лежала. Возможно потому, что если бы я вернулась, то ко мне было бы очень много вопросов, и не только от Гая... А создавать им проблемы или оправдываться из-за меня... Не-е-ет... Врать и выкручиваться?! Тоже не вариант...

- Лучше морем, караван я в Латрасе встречу...

- Но смотри тогда... - ангалин помахал перед моим носом длинным средним пальцем. - Садиш-ш-шься на корабль и напрямик в Латрас-с. Ес-сли у меня всё получится, то я вас догоню, если нет, значит будеш-ш-шь каж-ждое утро ж-ж-ждать меня у Белой с-скалы, тебе подс-с-скаж-жут где. Мес-стные обходят это место с-стороной, оно считается нехорошим. Туда никто не ходит, да и рыбы там нет...

- Хорошо... Я поняла...

- Ну... Вроде вс-сё... Отари... - Макс улыбнулся во всю клыкастую пасть.

- Подслушивал?

- Кое-что ус-с-спел... Почему он так тебя наз-зывал?

- Ещё в лесу, Карелл дал мне такое прозвище, они ведь не знали, как меня зовут. Я потом только Дайку сказала, как могла, языка-то я ещё тогда не знала...

- Понимаеш-ш-шь, что это з-значит?

- "Звёздочка"...

- Это у людей... У нас тож-же ес-сть такое с-слово, только произноситс-ся немного по-другому и з-значение отличаетс-ся...

- И какое же значение у вас?

- А вот встретимс-ся в Латрасе, тогда и узнаеш-ш-шь!

- Ну, Ма-а-акс! Я умру от любопытства...

- Нет, нет, нет! Не прос-си, не с-скаж-жу... Кари... Мне пора... Рассвело с-совс-сем...

Туман над рекой рассеялся, светила сияли единым целым, а лёгкий бриз успел подсушить на мне одежду. Я обняла ангалина крепко-крепко, вдохнула запах моря и свежей рыбы, исходящий от его чешуи и мягкой нежной шкуры:

- Мы столько времени провели вместе, а я... так с тобой и не наговорила...

- Я тож-ж-же... - Макс сильнее стиснул меня и уткнулся сзади в шею, вдохнул мой запах и нежно лизнул внизу затылка, там... где заканчивается рост волос... От такой интимной ласки я вздрогнула, а по его шкуре пробежали золотые искры.

Резко отстранившись, одним прыжком, он сиганул в воду. Холодные брызги смешались со слезами. Я сидела на берегу, вперив взгляд в синь воды и пытаюсь угадать, где он вынырнет... Но

его нигде не было видно...

В город я вернулась через пару часов. На подходе ожидала увидеть усиленную охрану, бегающих туда-сюда солдат и чиновников, интенсивное движение и суету, но... Ничего подобного не было. Охранников, у стен, у ворот и у проходов к мостам, было тоже количество, что и всегда. Народу, естественно, прибыло уже много, но пока ничего необычного я не заметила. Я спокойно вошла в город и напрямик направилась на центральную площадь. «Неужели пропажу заключённого ещё не обнаружили?! - Гадала я по пути. - Если так, то это очень хорошо. Грас сумеет убраться подальше, до полудня ещё далеко».

На площади стояла виселица с пятью свисающими верёвками, а неподалёку на помосте - плаха. Картина, точь в точь, как я видела в разных исторических фильмах. Никаких дополнительных сообщений или приказов на досках для объявлений не было. Я не могла поверить: заключённый, смертник и к тому же не просто какой-то обычный преступник, а из "золотой" банды, исчезает из камеры, а никто и ухом не ведёт! Чудеса, да и только! Но мне-то, такая ситуация, как раз на руку! Фантастическое везение! Возможно только одно объяснение. Из Банкорской тюрьмы нельзя убежать! Все уверены в этом настолько, что никто даже не допускает мысли об обратном! Вот поэтому пока никто и не чешется. Что ж... Посмотрим, что будет дальше!

Крианн не очень сильно удивился, увидев меня на пороге. Он просто оглядел меня с ног до головы и сказал:

- Доброе утро, эрдана Карина... С вами всё в порядке?

- Доброе утро, фаэдр Крианн. Спасибо, всё хорошо...

- Ну, тогда проходите, скоро будет завтрак.

Я достала жемчуг, предназначенный для хозяина, и сунула ему в карман:

- Наш общий знакомый просил передать...

Крианн одобрительно кивнул и похлопал себя карману.

- Он покинул Банкор, так, что отдайте его долю мне... Я тоже скоро отправляюсь, поэтому, если можно, с продажей не тяните...

- Я всё понял, эрдана, будет сделано. А он вернётся?

Я пожала плечами:

- Не знаю... Возможно, что нет... Но его брат должен прибыть на замену...

Мужчина пристально посмотрел на меня, а потом тихо спросил:

- Откуда вы это знаете? Ангалины с людьми не разговаривают...

Я не придумала ничего другого, как ответить:

- Окатан слухами полнится...

Мой собеседник заулыбался в широкую бороду и погрозил мне пальцем:

- А с вами приятно иметь дело, эрдана Карина!

- Кари... Можно просто, Кари...

Казнь должна была состояться на следующее утро, а ещё через сутки начиналась праздничная неделя. Народу в Банкор прибыло столько, что на улицах, вернее мостах, было не протолкнуться. Почти целый день после того, как я распрощалась с Грасом и Максом, я провела в своей комнате: сначала плакала, потом заснула, а после, опухшая и зарёванная, заявила к Мозговому в библиотеку.

Мой профессор ползал по полу, вычерчивая карту на большом плотном листе. Глянув в мою сторону, он, не говоря ни слова, полез в заветный шкафчик.

- Тебе не кажется, что если ты будешь продолжать меня спаивать, то я стану алкоголичкой?

Он достал бутылку красного вина и разлил по бокалам:

- Нет, не кажется...

- Почему?

- Я уверен, что тебе такая участь не грозит, моя дорогая... Тебя не тянет, - и он хитро улыбнулся, - да и пьём мы, не по-настоящему... Хотя мне... очень нравится это дело...

Я взяла бокал и уставилась в бордовую жидкость:

- Но ведь ты - это я...

- Верно... - он присел рядышком и прижался головой к моему виску.

- Тогда... я опять ничего не понимаю...

- А надо ли понимать? Может важнее чувствовать?

Я сделала глоток, и терпкое вино разлилось теплом в желудке.

- Что ты хочешь этим сказать? - Я еле сдерживалась, чтобы опять не разрыдаться.

- Скажи, только честно... Какие чувства, эмоции, ощущения ты сейчас испытываешь?

Я глубоко вздохнула:

- Тоску... боль... жалость к себе, какую-то непонятную обиду и... острое желание того, чтобы всё это закончилось... Я опять осталась одна...

- Почему одна... А я?

Я глянула на Мозгового: его глаза были влажные и запах, который я периодически ощущала возле него, усилился.

- Прости... Прости, Мозг... - отставив бокал, я обняла его и спрятала лицо от пристального взгляда. - Как я могла такое сказать... Ведь ты со мной, всегда со мной... По крайней мере, в этом мире...

Профессор нежно гладил меня по спине и шептал:

- Ты не одна... Не одна, девочка моя... Оглянись вокруг, у тебя здесь уже столько друзей и не только... А про меня и говорить нечего. Ты для меня всё... Всё, что в жизни есть у меня, как поётся песне. Я живу только благодаря тебе... Если бы не ты... Если бы не ты...

"Странно... Как непонятно он говорит... И о чём?! Я опять ничего не могу понять..." - Подняв глаза, я глянула на Мозгового и... не смогла оторваться. Его глаза из карих стали тёмно-фиолетовыми и в них, как тонкие узкие молнии, светились сиреневые прожилки. Такой нежный сиреневый оттенок, я часто видела в ночном небе, в размытом контуре самой прекрасной туманности.

То, что произошло дальше, объяснению не поддаётся. Словно под каким-то гипнозом, мои губы открылись и, не отрываясь от глубин этого космического взгляда, я впила рот Мозгового жарким поцелуем. А он... Он ответил... И так!!! Никто и никогда меня так не целовал! Сколько времени длилось это безумие не знаю. Я открыла глаза и вскочила. За окном вечерело, но было ещё не поздно. Сердце колотилось как бешеное, а внутри, внизу живота, известные всем бабочки, так хлопали своими крылышками, что казалось, будто сейчас я распадусь на сотни или тысячи порхающих созданий. Что это было?! Хотя... Стоп... Что это я знаю... И как называется такое физиологическое ощущение, тоже знаю... Но как?! Откуда?!

Когда-то, докторами, которые вытаскивали меня с того света после осложнений было сказано конкретно: полноценной женщиной я больше никогда не буду. На физическом и гормональном уровне некоторые важные для женщины функции мне не будут доступны. Я могла, конечно, иметь физическую близость с мужчиной, только толку... Ни детей, ни удовольствия... Поэтому после больницы и тяжёлого развода в сторону мужиков и старалась не смотреть, хотя не могу сказать, что они меня совсем перестали интересовать. А ведь было! Было уже что-то подобное! Тогда с Кареллом в лесной избушке! Я его захотела! По-настоящему! И хоть ощущения были не такими острыми, как сейчас, но желание-то было... Почему я не обратила тогда на это внимание, не придавала значения?! Но Мозговой?! Что он со мной сделал?! Или это я с ним сделала?! Или сама с собой?! О, боги! Да что ж это такое?!

Я схватила кувшин с водой, подбежала к ванной и вылила его себе на голову. В дверь постучали.

- Кто?! - Наверно я очень сильно рявкнула.

- Эрдана... - голос Гарри дрогнул, - простите...

Накинув полотенце, я рывком распахнула дверь.

- Простите, я помешал... Там ваш Гун пришёл...

- Спасибо, Гарри, позови его сюда.

Парень кивнул и быстренько ретировался.

А Гун принёс новости... И очень интересные!

Оказывается, просочились слухи, что в тюрьме умер заключённый и именно тот, к которому я ходила на свидание! Поэтому, Гунар, как только узнал такое, сразу поспешил ко мне.

- Умер, говоришь... - я вытирала мокрые волосы, пытаясь осознать ситуацию и свести её к кому-либо логическому объяснению. - И как же он умер?

Старик пожал плечами:

- Говорят, нашли в камере мёртвым... Может хворь, какая приключилась, а может ещё что... Не знаю... Я слышал, что он был тяжело ранен, может всё-таки от ран... Когда ты виделась с ним, как он выглядел?

- Плохо... Очень плохо... Я его даже не сразу его узнала.

- Ну вот... повезло, можно сказать.

- Повезло... - я задумчиво тёрла нос, - Что ещё говорят?

- Ну... Наместник очень разозлился. Кричал, топал ногами, грозился казнить всю охрану, включая начальника тюрьмы, что не досмотрели до казни... Но потом, говорят, вроде успокойся, однако, гонца в столицу с сообщением послал...

"Хорошая примета... Долго Грас жить будет, раз его уже похоронили... Только что же там охрана начудила?! Никак выдали чужой, похожий труп за Граса - это единственное объяснение! Вот почему и шум не подняли! Знали, что сами могут на плаху угодить. Молодцы! Не зря я им столько денег отвалила! Ой, молодцы!"

- Ты рада? - Гун удивлённо глядел на меня. Похоже, что я, как дура, улыбалась своим мыслям.

- Я рада тому, что муки его закончились.

- Да-а-а... Теперь о нём Хранитель позаботится...

В дверь опять постучали. Бас Крианна произнёс:

- Кари! Ужин!

Не вставая с места, я крикнула:

- А можно в комнату принести? Двойную порцию, у меня Гун...

- Конечно.

Старик поглядывал на меня с удивлением:

- Он кто тебе, Кари?

- Кто он?

- Крианн...

- Как кто?

- Ну родственник или знакомый?

- Да никто... Я с ним только здесь и познакомилась...

- Он относится к тебе не так, как к другим постояльцам... С уважением и заботой...

Я ухмыльнулась:

- Просто я сюда попала, если можно так сказать, по благу...

- Как это?

- У нас с Крианном есть общий знакомый, который и сказал мне здесь остановиться, а Крианн его очень уважает...

- Понятно! - И Гун, понимающе закивал, - значит, я тоже здесь по благу...

Мы захохотали.

- Отвезёшь меня завтра в Восточную гавань?

- Конечно, а зачем? Прости, что спросил...

- Я жду судно...

Гарри принёс ужин, мы поели и Гун отправился домой. А старик загрустил... Понял, что скоро мы расстанемся.

На следующее утро в Восточную гавань сразу мы не попали. Пришлось ждать, сидя в гондоле, когда закончится казнь и освободится проезд. Сама смотреть на это средневековое убийство я не собиралась, а вот Гуна отправила, узнать в толпе последние слухи и сплетни. Он вернулся не скоро, но ничего нового не сообщил. Пятерых смертников повесили, предварительно зачитав каждому приговор, а по поводу шестого было объявлено, что казнь признаётся состоявшейся, так как имеется мёртвое тело, опознанное охраной, и с остальными повешенными, будет сожжено за городом в пещере Хранителя, в оговоренные сроки. Вот, собственно, и всё...

В результате на причал мы попали только к полудню. "Чёрной медузы" ещё не было... Гун подсказал, что можно обратиться к начальнику гавани, он, дескать, должен иметь более точные сведения о том кто и когда должен прибыть. Но местное начальство мы не застали, наверно, с казней ещё не вернулся. Я отправила Гуна работать, пока в городе было много приезжих, предварительно обсудив наши планы на завтра, а сама отправилась в гостиницу пешком, в городе я уже хорошо ориентировалась. Хотелось погулять, побродить, побыть среди людей, хотя толпы купцов, торговцев, крестьян, мастеровых и другого разного люда, немного напрягало.

Мозг не давал о себе знать, с момента нашей последней ошеломительной встречи, но я его чувствовала... Знала, что он на связи, просто молчит. Мне тоже пока не хотелось с ним разговаривать, слишком уж странными и чувственными стали наши отношения. Хотя одно только присутствие его внутри меня было странным, даже непостижимым, не говоря уже про всё остальное.

Вернулась я под вечер, по пути зашла на рынок и прикупила ещё продуктов на дорогу. Кто знает, когда придётся снова отправиться в путь? Лёжа вечером в горячей ванне, я вспоминала все последние события. При мыслях о Максе, внутри всё сжималось, и наворачивались слёзы: "Где он?! Бороздит морские просторы на пути к отцу?! Как же далеко он отправился?! Только бы с ним ничего не случилось... Одно успокаивает: он в своей родной стихии, в воде, хоть и на суше чувствует себя прекрасно... С ним всё будет хорошо, он доплывёт и вернётся... Мы снова встретимся... И я скажу ему... Скажу, как сильно он мне дорог..."

Мысли переключились на Граса и "золотую" банду: "Дайк... Нянь, мой дорогой... Когда же я увижу тебя?! И увижу ли?!" Вспомнился сон, когда он звал меня... Правильно Макс сказал, никаких лишних движений, держать путь только в Латрас, не отклоняясь от цели. Может быть, моё удивительное везение опять сработает, и я встречу там со всеми, кого успела полюбить?

Ночью я проснулась от странного звука. Из подполья доносилось тихое царапанье. Сначала я подумала на водяных крыс, но когда этот звук повторился, а потом кто-то слегка стукнул в крышку люка, я вскочила: "Неужто Макс вернулся?!" Я быстро разворошила угли в камине, подбросила дров, зажгла пару настенных подсвечников и отодвинула кресло. В люк опять кто-то стукнул. Я медленно откинула крышку и свесилась вниз...

Из воды на меня смотрели большие жёлтые глаза. Это был ангалин... Но не Макс! Сделав

приглашающий жест, я отползла в сторону. Огромный, серый ангалин легко запрыгнул в комнату. Стряхнув с чешуи воду, ящер уставился на меня и зашипел:

- Ка-а-а-ри, ес-с-сли не ош-шибаюс-с-сь?

Затаив дыхание, я кивнула. Незнакомый ангалин слегка поклонился и улыбнулся одной половиной пасти:

- Приятно поз-з-знакомитьс-с-ся... Я, Фаллааксаан эн Шеар, с-старш-ш-ший брат Максашарая.

- Мне тоже... приятно познакомиться - обалдело прошептала я в ответ.

Этот представитель рептилоидов был не менее великолепен, чем тот, которого я уже хорошо знала, если не сказать больше. Во-первых, он был крупнее Макса и в длину и по весу, во-вторых - он был более мощным, под чешуёй перекачивались тугие мускулы, а движения были настолько плавными и в тоже время стремительными, что я робко отползла от него подальше к стене. Вот это экземплярчик! Один из жёлтых глаз подмигнул, и он опять заговорил:

- Не бойс-с-ся... Я не с-с-делаю тебе ничего плохого...

- А я... и не боюсь... Просто неожиданно как-то...

- У меня мало времени...

Ящер, без всякого стеснения, разглядывал меня со всех сторон, а потом тяжёлая серая голова с тёмной полосой от кончика носа, уткнулась мне в волосы, и ангалин втянул ноздрями воздух. Я замерла без движения: "И этот меня нюхает!" Шершавый язык лизнул за ухом, и он отстранился. Глаза его были полуприкрыты, а розовый язык облизывал широкие, подвижные ноздри.

- Да-а-а... - прошипел он протяжно. - Брат с-с-сказ-зал правду... З-з-запах с-с-странный, но приятный... Не з-з-забыть и не перепутать... Теперь я тебя з-з-запомнил...

- Ты его видел?!

- Видел... Мы вс-с-стретилис-сь у Пес-с-счаного ос-строва.

- С ним всё в порядке?!

Ящер удивлённо приподнял подобие бровей и присел на задние лапы:

- С-с-странное отнош-ш-шение к моему брату со с-с-стороны женщ-щ-щины, если не с-сказ-зать больш-ш-ше...

- Мы с Максом вроде как друзья...

- Друз-з-зья?! С Макс-с-сом?!

- Ну да... Я так думаю...

Здоровенный ангалин неожиданно хихикнул, но быстро зажал пасть хвостом. Меня тоже пробило на смех. Смеющиеся ангалины, зрелище ещё то! Никаких шуток и клоунов не надо, достаточно одного их вида. Братик Макса быстро взял себя руки... или в лапы? Или в хвост? Как правильно сказать? И с самым серьёзным видом сказал:

- Я приплыл на з-з-замену моему брату и как оказалос-с-сь, хорошо, что раньш-ш-ше с-срока. Макашаран пос-с-ступил правильно, что отбыл к отцу с докладом, но ты долж-ж-жна поз-з-знакомить меня с хоз-з-зяином этой гос-с-стиницы, дела не должны прос-с-стаивать.

- Деловой подход...

- Этому человеку мож-ж-жно доверять?

- Макс ему верит.

- Почему Макс-с-с?! Моего брата з-з-зовут Максашарай! З-зачем ты его так наз-зываетш-шь?!

- Во-первых, мне сложно произносить такое имя, а во-вторых, он мне разрешил.

Ящер высокомерно хмыкнул:

- Он с-сын Ангалина Рэкс-с-са!

- Ну и что?!

Рептилоид закатил глаза и вздохнул.

"Правильно... Нечего со мной спорить..."

- Поз-з-зови хоз-зяина...

- Сейчас?! Ночь на дворе...

- З-з-зови, мне некогда...

"А братик-то с характером! Корчит из себя принца направо и налево... Ну да ладно, лучше не перечить..." Я вышла из комнаты, заперев дверь, и пошла по коридору в сторону столовой. Там рядом находились комнаты хозяйской семьи. Но далеко идти не пришлось. Крианн сидел за своей стойкой и что-то писал или считал при свете масляной лампы. Заслышав шорох, он поднял голову. Я поманила его к себе.

Возле двери в мою комнату мы остановились:

- Крианн... У меня там другой ангалин, вместо зеленоглазого... объявился... Хочет вас видеть, чтобы познакомиться, так сказать, для общих дел...

- О, как! - хозяин аж крикнул. - И как он?!

- С характером... Я бы сказала... Поосторожней с ним, уж больно высокомерен...

- Я понял... - Мужчина поправил ремень, пригладил бороду и с готовностью глянул на меня. - Пошли.

Фаллаксаан сидел в той же позе на циновке у камина. Мы вошли и я по привычке, задвинула засов. Крианн с достоинством поклонился и представился. Ангалин кивнул в ответ. Я стояла рядом и хлопала глазами. Повисла пауза... И тут до меня дошло. Ангалины с людьми не разговаривают! Я, странное исключение из данного правила... Как же они общаться-то будут?! Но Крианн не растерялся. Он опять поклонился и произнёс:

- Уважаемый в курсе нашей работы с прежним связным?

Ящер важно кивнул.

- А об условиях сделок?

Он опять кивнул.

- А места для передачи товара и оплаты?

Ангалин задумался и показал два хвостовых пальца.

- Вы знаете только два?

Ответом был кивок.

- Два основные, но есть ещё два места, про запас. - И Крианн подробно объяснил, где и как найти эти запасные тайники, и в каких случаях ими пользоваться.

Вся эта сцена односторонних переговоров напомнила мне то время, когда я сама могла только кивать, как китайский болванчик. Однако вскоре они всё обсудили и обо всём договорились. Всё-таки у Крианна был хороший опыт подобного общения. Хозяин ушёл спать, а ящер кивнул мне на прощанье и скрылся в люке. "Высокомерный типчик! В Рэксы метит, не меньше... Ангалины, как и люди, каждый со своим характером, да и внешне они тоже отличаются друг от друга. Как же здорово, что я их понимаю! Получается, что на всём Окатане я одна такая, уникальная... Могу общаться с ними... Неужели Дайк толком не знал, что это за "трава разума" такая? Сам же он её не пил, почему-то... Похоже, ставил на мне эксперимент, сработает или нет... Когда же я разберусь во всём? Только он сам сможет мне всё рассказать, если захочет, конечно..."

Закутываясь в одеяло, я ещё не знала какие события принесёт новый день...

Первая утренняя новость была о прибытии в Банкор Гая - Голоса Окатана. За завтраком постояльцы живо обсуждали это дело и обменивались впечатлениями. Кто-то ранее слышал его

голос, кто-то нет, но все собирались завтра на выступление. Пока я ожидала Гуна, сидя на диванчике возле стойки, Крианн спросил:

- Эрдана Карина, а вы слышали нашу знаменитость?

- Слышала... В Маргосе...

- И как впечатления?

- Это самый прекрасный голос, который мне доводилось когда-либо слышать.

- Верно... Давненько он у нас не был... Лет пять или даже семь, не помню точно...

Я удивилась. За время путешествия с караваном, сложилось впечатление, что Гай с семьёй постоянно колесит и даёт концерты. Но, со слов Крианна, это оказалось не совсем так. В своих вояжах Гай делает очень большие перерывы. После очередного путешествия, музыкальное семейство, может осесть где-нибудь довольно надолго, вплоть до нескольких лет. В такие периоды Гай не поёт... Совсем... И никакие просьбы, уговоры или деньги на него не действуют. Но через какое-то время они опять отправляются в путь, чтобы давать концерты в разных городах и попутно торговать. В какую сторону они поедут и к какому каравану присоединятся, никто никогда не знает. И только в пути, постепенно, проясняется маршрут их путешествия.

Вскоре появился Гун, и мы опять отправились в Восточную гавань. "Чёрная медуза" прибыла на рассвете, как раз к началу празднований. Шхуна была двухмачтовая, крепкая и не такая длинная как галеры. С двух боков был вырезан рисунок медузы, такой же, как и на медальоне, который оставил Макс. По деревянным сходням я поднялась на палубу. Команда сразу же обратила на меня внимание, несмотря на интенсивную работу. Они разгружали трюмы.

- Эй, красавица! - весело крикнул молодой мужчина в широкой рубаше с закатанными рукавами и небольшой рыжеватой бородкой. - Не меня ли ищешь?!

Команда дружно, басисто расхохоталась.

- А ты капитан?! - ответила в тон.

- Нет, я помощник! Но для тебя буду кем угодно!

Мужики опять захохотали. Это не крестьяне и не горожане, похоже, настоящие морские волки... Я подошла почти вплотную к рыжебородому шутнику и, смерив его взглядом, произнесла, сексуально понизив голос:

- А ты уверен, что сможешь... мне угодить... Я, девушка придирчивая... И ты пока не капитан...

Все притихли. Мужчина смотрел на меня, не отрываясь, а потом опустил глаза. За спиной раздалось лёгкое покашливание. Я обернулась.

- Эрдана? Чем могу?

Передо мной стоял коренастый мужчина, чуть выше среднего роста, темноволосый, в тёмном платке, завязанном, типично, по-пиратски, узлом набок. Это и был капитан, без всякого сомнения. Я кивнула и улыбнулась:

- Вы капитан Ают?

- Аютан эн Закар, капитан "Чёрной медузы", эрдана, - и он учтиво поклонился.

- Очень приятно познакомиться. Я, Карина эн Матвэй, мне рекомендовали ваше судно как самое надёжное на пути в Латрас.

Он лукаво улыбнулся, сверкнув белоснежной улыбкой. Похоже, что слышал весь предыдущий разговор.

- А кто вам рекомендовал? Я не часто беру пассажиров...

Я достала медальон. Капитан поменялся в лице. Удивление и недоумение - вот эмоции, которые удалось разглядеть.

- Пройдите за мной...

Закрыв дверь маленькой каюты, он предложил мне присесть, а сам устроился на углу столика, заваленного картами и фолиантами. "Да у него тут неплохая библиотека..." - окинула я взглядом тесное помещение.

- Откуда у вас этот медальон, эрдана Карина?

- Подарили...

- Кто?!

- Тот, кому вы сами его когда-то вручили... Понимаете, о ком я?

- Понимаю...

- Он просит вас доставить меня в Латрас.

- Даже так?! - капитан был озадачен. - Вы знаете язык ангалинов?!

Теперь настала моя очередь озадачиться. Не хотелось никому выдавать свою тайну, да и Макса тоже. Поэтому я решила немного схитрить:

- Нет, их языка я не знаю... - что и было правдой. - Но нам удалось понять друг друга...

Не понятно было, что подумал капитан Ают, услышав такой ответ, но больше ничего объяснять я не собиралась. Возможно, капитан соображал, что ответить, а может и нет... Он рассматривал меня с большим интересом, заметил, и кольцо на пальце и выбившуюся из-под платка светлую прядь.

- Да... вот ещё, что... Он просил вам передать, то, что давно обещал.

Капитан принял у меня мешочек, и я заметила, как дрогнула его рука. Когда же он высыпал на широкую ладонь содержимое, то чуть не задохнулся. Открывая и закрывая рот от удивления, он переводил взгляд с жемчуга на меня и обратно и не мог вымолвить не слова. Я спокойно ждала, пока приступ восторга и удивления не пойдёт на убыль. Через несколько минут он, наконец, прошептал:

- Все боги Окатана! Не может быть... Я думал... он пошутил тогда... Это же... Чёрный жемчуг! Вот это сюрприз! Чёрный жемчуг для "Чёрной медузы"... как он тогда сказал... Эрдана... - и он уставился безумным взглядом. - Вы же всё могли оставить себе... Это же целое состояние! Три-четыре шхуны можно построить на эти деньги... и ещё куча денег останется...

- Простите, капитан... Я обещала ему передать вам, а вот оставить себе, как-то не догадалась. Может вы бы так и поступили...

- О, простите, простите меня... - он быстро вскочил со стола и опустился передо мной на одно колено. - Я не подумал, оскорбил вас... Простите грубость моряка...

Он порывисто схватил мою руку и поцеловал. Он неожиданности я отдернулась.

- Эрдана Карина, простите... Я не хотел...

- Всё в порядке, капитан... Вы ничем меня не оскорбили... Так вы возьмёте меня с собой до Латраса?

- Конечно! Это будет честь для меня! Не волнуйтесь, на "Медузе" вы в полной безопасности. Я выделю вам отдельную каюту.

- Спасибо, - и я попыталась встать с кресла.

Капитан Аютан поднялся и предложил мне руку. Такой галантности я не ожидала, но было приятно. Он проводил меня к сходням под любопытные взгляды всей команды.

- Мы отплываем послезавтра на рассвете, поэтому вам лучше прибыть завтра к ночи, чтобы не опоздать к отплытию. Я подготовлю каюту и буду вас ожидать...

Я достала два золотых ранда, оплату за проезд.

- Нет-нет-нет... Я не возьму с вас никакой платы...

- Но капитан...

- Эрдана Карина! Вы, я так понял, с зеленоглазым в очень хороших отношениях. К тому же, принесли такой подарок, что я перед ним в неоплатном долгу. Поэтому никаких денег... "Чёрная

медуза" в вашем полном распоряжении... Вы лучше припасов купите на свой вкус, а то наш корабельный рацион не очень-то разнообразен.

- А сколько продлится плавание?

- Недели три, если всё будет в порядке... В море сложно загадывать, примета плохая.

Он опять предложил мне руку, и я царственно спустилась по сходням. На пирсе он раскланялся и ещё раз напомнил, когда мне нужно быть на корабле. Команда ловила каждое слово и движение. Уже за спиной я услышала суровый окрик капитана:

- Что застыли олухи! Не всё подслушали?! А ну за работу!

Ухмыльнувшись, я потопала к гондоле.

Лодка была привязана у пирса, а Гун сидел на скамеечке и перебирал какие-то верёвки.

- Когда отплытие? - тихо спросил он.

- Послезавтра... на рассвете. А на "Чёрной медузе" мне нужно быть завтра вечером.

- А почему так скоро? Разве они не задержаться до конца празднований?

Я пожала плечами и запрыгнула в местный городской транспорт:

- Не знаю... Я не спрашивала, а капитан по этому поводу ничего не говорил.

" Да-а-а... Загрустил старик..." - я присела рядом и обняла его.

- Гун, не переживай... Мне тоже очень жаль с тобой расставаться. Но я должна... Понимаешь... Должна попасть в Латрас... Меня там ждут...

- Я всё понимаю, девочка, внучка моя дорогая... Я уже долго живу на свете... Просто... - он поднял влажные глаза с сетью лучистых морщинок, - за эти дни ты стала так много значить в моей никому не нужной жизни...

- Почему никому не нужной? - слёзы наворачивались от бушевавшего внутри потока эмоций. Я вытерла глаза. - Мне нужной, Гун... Мне... Я хочу, чтобы ты стал самым известным гондольером в Банкоре.

- Правда?!

- Конечно!

- Я уже неплохо заработал за это время, Кари... И всё благодаря тебе... Я как-то даже и не думал, что смогу полноценно жить и работать, и... Получать от этого удовольствие...

- Твоя новая жизнь только начинается...

- Верно, - он стиснул мои ладони, - начинается... Ты появилась и осветила её как звезда, как тысячи солнц, как богиня, сошедшая по радужному мосту во спасение...

- Да ладно тебе... - я не выдержала и захохотала. - Я самая обыкновенная!

- Нет, Кари! Ты не обыкновенная! Ты будто придала моей жизни новый вкус. Раньше всё было пресным, безвкусным, даже затхлым, а теперь... Теперь всё по-другому! Я захотел, действительно, захотел дожить свой век достойно! Ты будто... Посолила меня, добавила специй, аромата и теперь это блюдо можно есть с удовольствием!

На несколько секунд я задумалась. Старик вздрогнул и спросил:

- Я тебя обидел?!

- Нет, что ты! Ты так интересно сказал... Вот я и принялась размышлять... Верно ты подметил... У меня дома, на моей далёкой родине, есть такой набор приправ, специй для еды, называется "карри". Эта приправа придаёт пище очень специфический вкус и аромат, и даже цвет, яркий такой, солнечный... Я ведь тоже Кари, только без одной буквы.

Старик мягко улыбнулся и погладил меня по голове:

- Ну вот... Я угадал... Всё правильно...

- Спасибо, Гун... Спасибо за всё!

Мы крепко обнялись. Я еле сдерживалась и старалась не рыдаться: " Нечего рыдальню устраивать, Гуну и так тяжело, а тут и я нюни распушу..."

- Отвезёшь меня в "Тихий островок"? У меня есть к тебе одно дело... на прощанье...

В комнате я порылась в мешке и достала игрушечного ангалина с зелёными глазами-бусинами. Старик сидел в кресле и доедал принесённый Гарри ужин.

- Гун, вот эта игрушка для младшего сына Гая Голоса... для Натри...

Перестав жевать и отставив пустую миску, он уставился на меня:

- Ты знаешь Гая?!

- Знаю... И всю его семью... Подожди, я сейчас...

Я быстренько сбегала к Крианну за бумагой и стилосом. Нарисовав весёлого чертёнка с рожками и хвостиком, я вложила рисунок ангалинчику в лапы и обмотала бечёвкой. Гун с нескрываемым любопытством следил за моими действиями. Я присела перед стариком и протянула ему подарок для Натри.

- Это нужно передать Гаю или его жене Хейе... Можно отдать старшим детям, Скаю или Айре... Но больше никому! Слышишь?! Я не знаю, как это сделать, но очень прошу тебя, Гун... Сама я не хочу с ними пока встречаться, по некоторым причинам... Это весточка им, они поймут, когда увидят рисунок, что это от меня... Поможешь?!

Гунар сжимал мозолистыми ладонями игрушку и кивал:

- Да, Кари, Да... Я передам... Обязательно... Придумаю что-нибудь...

- Спасибо. Только сделай это, когда я буду уже в море...

- Я понял...

- Не хочу, чтобы они носились по Банкору и разыскивали меня, вместо того, чтобы заниматься своими делами.

Гун сжимал ангалинчика, а я, сидя перед ним, гладила его по коленям, хлюпая носом и размазывая слёзы:

- Я прощаюсь Гун... Последние дни я только и делаю, что прощаюсь... Расстаюсь с теми, кто дорог и... опять иду куда-то... в неизвестность...

В судорожном истерическом спазме я зажала нос и рот, чтобы окончательно не разрыдаться. Дурацкая мысль вырвалась на свободу с очередным всхлипом и разбавила слёзы смехом:

- Поди туда, не знаю куда...

Найди то, не знаю, что...

Вот девиз моей жизни последние месяцы...

- А может останешься? - И Гун, с надеждой, заглянул мне в глаза.

"Знакомая ситуация... И слова, и интонация, и взгляд... Только говорит не Макс! И ответ будет тот же..." Я покачала головой:

- Нет, не останусь. Иначе в Латрас я никогда не доберусь.

Мы ещё немного посидели, но затягивать прощанье было уже не по силам.

- Гун, завтра я сама сбегаяю в пару лавок и подкуплю, что нужно ещё на дорогу. Не хочу отвлекать тебя от работы, да и вообще... Долгие проводы, лишние слёзы...

- Но хоть в гавань отвезти тебя можно?

- Вечером выступление, ты забыл... Вряд ли мы сможем проплыть, лучше пешком... Дорогу я знаю, и Гарри меня проводит...

Гун кивнул и, сжимая подарок, почти выбежал из комнаты.

Сон не шёл. Я крутилась с боку на бок, но заснуть, никак не получалось: "Неужели, три недели, и я буду в Латрасе?! Найду ли Дайка?! Встретимся ли?! Грас сказал, что Карелл сильно избил его из-за меня, но не бросил, забрал с собой... А была ли потом у моего няня возможность самому оказаться в Латрасе?! Вдруг нет?! Где он может быть тогда?! Для того чтобы найти его, в Латрас нужно попасть, обязательно! Что-нибудь я точно там узнаю! Впереди осень... Моя

первая осень на Окатане... А потом зима... Насколько же похолодает, интересно?"

Климат Восточных земель мне очень нравился: ровный, мягкий, очень тёплый и, главное, что лето длится полгода, по-местному времени. Целых восемь месяцев! По четыре-пять урожаев в год снимают! Что же за орбита такая у планеты, что лето такое длинное, а зима короткая? Хотя дело тут, похоже, в наклоне оси вращения... А может и в том, и в другом? Точный размер планеты мне неизвестен, но Мозг говорил, что Земля и Окатан очень похожи...

- Мозговой? А Мозговой? Поболтаем?

- Ты дорогу ко мне забыла? - голос за ухом был ровным и спокойным.

- Нет, не забыла...

Он сидел за столом, а я, пристроилась на кушетке. Несколько минут мы молча смотрели друг на друга, но я не выдержала и заговорила первой:

- Я хотела попросить тебя... Давай не будем обсуждать последнюю нашу встречу, хорошо? Просто забудем...

- Забудем?! - профессор ухмыльнулся и вставил монокль в глаз.

Я залилась краской и зажмурилась: "Как же стыдно! Ой, мамочки! Я по сравнению с ним ребёнок малолетний, а целоваться полезла... Хочется сквозь землю провалиться..."

Через пару секунд, я приоткрыла один глаз. Мозг сидел в той же позе, только закрыв лицо руками. "Ему, что?! Тоже стыдно, что ли?! Фу-у-у... Так, конечно, полегче будет... Раз стыдно нам обоим..." Напряжение слегка спало:

- Мозг, прости... Прости меня... Я больше так не буду... Честное слово!

- Почему не будешь?! Тебе не понравилось?

От такого неожиданного заявления я обалдела и чуть не свалилась с кушетки. А он так сидел, пряча лицо за ладонями. От растерянности к горлу подступил ком, и слова не произносились. В конце концов, я совладала со спазмом и прошептала:

- Понравилось... Очень...

Он опустил ладони и улыбнулся:

- Давай договоримся...

- О чём?

- Забывать мы не будем, но и вспоминать пока тоже... Ничего плохого, страшного или постыдного между нами не произошло... Так?

- Так...

- Я не просто живу внутри тебя... Я живу тобой... Люблю тебя... Ты это понимаешь, чувствуешь?

- Да...

- И что бы мы ни делали, если это нравится нам обоим, не может быть чем-то плохим, неестественным, аморальным и так далее... Ты согласна?

- Согласна.

- Тогда мне нужно имя.

- Имя?!

- Ну да, обычное имя... Как у всех...

- Но ты... Мозг... Мозговой!

- Это прозвище, а не имя.

Я подтянула колени к груди и сжалась в комок, не отрывая глаз от профессора:

- И как же мне тебя называть?

- Тан.

- Тан?!

- Тебе не нравится?

- Ну почему... - Я хлопала глазами, пытаюсь переварить информацию. - Мозг... ой, Тан... Я, что-то совсем ничего не соображаю... А зачем? Зачем тебе имя?

- У тебя же оно есть?

- Есть, но...

- Так почему у меня не должно быть?

Тупик! Мозги вращались с жутким скрипом. На долю секунды показалось, что Мозг, то есть уже... Тан... тоже слышит, с каким лязгом они крутятся у меня в голове. Срочно требуется смазка!

- У тебя выпить есть?

- А как же алкоголизм? - он ехидно улыбался, глаза блестели и стена напряжения, почти видимая и осязаемая, между столом и кушеткой исчезла.

- Конечно, есть. Сегодня будем пить текилу, но... чуть-чуть!

Маленькая рюмка, бутылка с зеленоватой жидкостью, соль и лимон быстро появились на столе. После двух рюмок меня отпустило. И Мозгового тоже... Я заметила...

- Значит, Тан... Сам придумал?

- Ага.

- То есть теперь, как я понимаю, ты абсолютно самостоятельная личность, которая просто живёт в моей голове? Ведь имя тебе нужно именно для этого... Чтобы окончательно отделиться от меня?

- Умница! - и хлопнув рюмашку, звонко стукнул ею о стол.

- Почему, когда ты называешь меня умницей, я чувствую себя круглой душой?

- Понятия не имею... Я сказал то, что думал.

- Ладно, не будем вдаваться в детали... А ты хитре-е-ец! Я только сейчас начинаю это понимать... Имя нужно было тебе уже давно, но не было подходящего случая, чтобы завести такой разговор...

Профессор опустил глаза и, взяв мою руку, начал водить пальцем по шрамам на ладони.

- Получается, что раздвоение личности у меня всё-таки случилось...

Он отдёргнулся и резко вскочил:

- Ну какое раздвоение?! Какое?! Что ты говоришь?! С твоей психикой всё в порядке! Точно! Крепости твоей нервной системы можно только позавидовать! Ну, Кари... Девочка... Поверь мне, пожалуйста...

Присев на корточки, он крепко сжал мои ладошки:

- С тобой всё в порядке... Я гарантирую...

- Ты точно уверен?

- Ну что ещё сказать, чтобы ты поверила?!

- Не знаю...

- Ну, хорошо... Зайдём с другой стороны... Тебе плохо от того, что я с тобой... от того, что я здесь?

- Нет, не плохо...

- А наши встречи, разговоры и даже эти совместные виртуальные пьянки, вызывают какие-либо негативные чувства, эмоции?..

- Нет, конечно... Наоборот... Я рада, что есть у меня...

- Так в чём же дело тогда?

- А разве сам ты не знаешь в чём дело?! Ты же сидишь внутри меня?! И значит, видишь всё, что со мной происходит не только снаружи, но и изнутри?

- Верное замечание... Только есть одно, но... Я не всемогущ, я не создатель Вселенной, не Господь бог, иначе говоря, не всё мне подвластно. Ты часто настолько отгораживаешься, что

никакие усилия с моей стороны не позволяют мне позвать тебя...

Он вскочил и забегал взад-вперёд:

- Не знаю, как объяснить... Ты сильная! Очень сильная! В чём-то даже сильнее меня, не во всём конечно... У тебя очень мощная энергетика, я бы даже сказал стихийная... Ты пока не осознаёшь и не понимаешь этого, но придёт время, и ты научишься чувствовать свою силу. А я... Я помогу тебе в этом. Ты не просто так попала на Окатан, Кари! Этот мир всосал тебя... Притянул - как магнитом! Разве тебе самой так не казалось?!

"И что на это ответить... Какая сила?! Какая энергетика?! Что за чушь он несёт?!"

- Мозг... Я не знаю... Прости... Тан.

- Кари, милая... Называй меня, как хочешь... - Он присел рядом и глубоко вздохнул. - Имя мне, действительно, нужно... Для того чтобы осознавать себя и общаться с тобой так, как я хочу... Эгоизм с моей стороны, конечно, но по-другому я уже не могу... Да и не желаю...

От этой очень странной лекции, да от всего предыдущего разговора, наверно, а может и от текилы, у меня в голове начали шуметь волны. Сначала это был тихий плеск, но очень быстро он превратился в грохот мощного прибора. Мозаичный пол библиотеки закачался, а потом пошёл ходить ходуном. Я ткнулась лбом в бархатный халат:

- Я тоже очень люблю тебя, Мозг. Тан... Странно пока произносить твоё новое имя... И хоть ты несёшь какую-то околесицу, не хочу, чтобы это прекращалось. Я хочу видеть тебя, слышать твой голос в голове, чувствовать твоё присутствие... И пусть всё кончится "психушкой", шизофренией там, да чем угодно... Всё равно... Пусть будет так, как есть сейчас...

- Ты не представляешь, как мне приятно это слышать!

Я обняла его и закрыла глаза. Грохот прибора в голове превратился в шум ветра, будто сильные, мощные потоки воздуха гудели в кронах деревьев. Меня слегка качало под этим напором, бьющим прямо в спину: "Что это?! Что это такое?!" Я стояла на опушке леса, а впереди, зелёно-голубым морем, колыхалось "райское поле". Только я его не боялась... Совсем... Я чётко осознавала, что оно мне уже ничем не угрожает: ни яд травы, ни топь болота мне не страшны. Я улыбаюсь и иду прямо вперёд, в середину этой болотной синевы, потому что знаю - там, в самом центре "райского поля", находится источник... Источник моей силы...

Утренний свет бил в глаза. Я сползла с постели и подошла к зеркалу. Несколько минут, я тупо глядела на своё белобрысое отражение, потом зачерпнула воды и плеснула в лицо. Какие странные и загадочные сны мне снятся... И дело даже не в их содержании, а в ощущениях, которые я в них испытываю... Полная реальность! И каждый раз, когда я попадаю в такой сон, какая-то маленькая часть разума постоянно твердит: "Это сон, Кари... Только сон... Это не настоящему... Тебе снится, снится всё... В любой момент ты можешь сказать "нет"... И проснуться... Если сама захочешь... Это Мозговой так меня уговаривает... или я сама? Тан... Тан... Что за странное имя он себе выбрал? Будто неполное... Окончание... Часть какого-то другого... Но если и окончание, то чисто окатанское... Многие мужские имена, да и слова мужского рода здесь оканчиваются на -тан или -ан... А если вдуматься и разобраться по слогам, то получается, что... "Тан" - это "верхний" или "высший", если перевести на мой родной язык... Не похоже, что мой "жилец" страдает манией величия..."

Ход мыслей прервал стук в дверь:

- Завтрак, Кари! Ты просила разбудить! - Голос Крианна был громок, а стук настойчив.

- Спасибо! Уже иду!

В городе царил суматоха. Предстоящее выступление Гая, привело местное население в очень возбуждённое состояние. Откуда-то появилось столько стариков и инвалидов разной степени, что я диву давалась. Народ забивал места с вечера и к центральной площади было не пробиться. В лавках и на рынке творилось тоже, что-то невообразимое: раскупались украшения,

наряды, обувь... Точно так же, как и у нас, на распродажах, на Земле, хоть местные торгаши и взвинтили цены до небес.

Плюнув на такое дело, я подалась в Западную гавань. Там тоже был рынок, только народу гораздо меньше. Капитан сказал прикупить продуктов, поразнообразнее, что я и сделала. Овощи и фрукты, свежие и сушёные, рыба и другие морские гады - были там в изобилии. По пути в гостиницу, я забрела в лавку, где торговали сладостями. Не знаю, любит ли команда "Чёрной медузы" сладкое, но денег я не пожалела и купила хороший мешок засахаренных вкусностей. Шоколада на Восточных территориях не знали, как и кофе... Местные кондитерские изделия напоминали мне "сладости Востока", на Земле: рахат-лукумы всякие, пахлаву, щербет и тому подобное... Очень вкусно! Однако по шоколадкам и конфеткам я скучала... как и по кофе. На пороге "Тихого островка" стоял Крианн, ожидая кого-то. Как оказалось, меня, родимую. Затащив за ширму, он всучил мне долю за жемчуг. Я дико обрадовалась. Вот это сумма! С такими деньжищами я, точно, не пропаду! И хоть у меня всё есть и тратить деньги Макса я не собиралась, но когда душу греет такая наличность, и притом внушительная, жить гораздо веселее и спокойнее! А потратить-то, он мне разрешил! Вот вам и ангалинская жадность, во всей красе!

- Фаэдр Крианн, я уезжаю... сегодня. Я должна что-нибудь ещё, за проживание?

- Нет... Ничего... Почему сегодня? - Он нахмурился, губы сжались, а взгляд... непонятно, что выражали его глаза.

- Вернее завтра на рассвете... Капитан просил явиться на шхуну сегодня вечером, чтобы не опоздать к отплытию.

Лицо хозяина помрачнело ещё больше:

- Уж не на "Чёрной ли медузе" ты отплываешь?

- Да... А вы откуда знаете?!

- Только капитан Ают не задерживается в Банкоре, даже на праздники.

- Но мне это и нужно. Чем быстрее я попаду в Латрас, тем лучше. А почему он не задерживается?

- Он наказан... за неподчинение. У наместника на капитана очень большой зуб, но и совсем не пустить его в гавань он тоже не может. Таков закон всех прибрежных городов: на двое суток пускают любое судно. Наш наместник пытался было всё переиграть, сделать для "Чёрной медузы" исключение, чтобы совсем их не пускать, но моряки взбунтовались, и тогда он ограничил время пребывания до наименьшего.

- А за что?!

- Точно я не знаю... Слухи тогда разные ходили... То ли из-за жемчуга, который Ают, якобы скрыл и продал потом на Западе, то ли из-за того, что ангалинам платил хорошо, и потому доставлял грузы гораздо быстрее и брал самые выгодные заказы, обходя, таким образом, корабли наместника... Что-то в этом роде... В результате, "Чёрной медузе" закрыт нормальный доступ в Банкор на десять лет.

"О, как! Как же интересно!"

- Уезжаешь...

Я кивнула.

- Жа-а-аль... Мы так к тебе привыкли ... И доход от комнаты первого этажа не хочется терять...

- Я тоже привыкла... Даже слишком... Гарри сможет проводить меня, а то у меня поклажи накопилось, сама не донесу?

- А как же Гун? И кстати, где он?

- Работает, наверно... Я вчера с ним попрощалась... Боюсь, что если он будет меня

провождать, то со мной истерика случится... Не смогу уехать... Жалко его, как родного...

Крианн вздохнул и слегка приобнял меня:

- Давно я не встречал таких добрых и искренних отношений между чужими людьми...

Особенно, такими разными...

- Ты присмотришь за ним? - Я взглянула на этого маленького, но такого "большого" мужчину.

- Конечно, я теперь за него отвечаю... Не переживай... Мы с Гарри тебя проводим. Собирайся, раз надумала...

Ключ от комнаты я сдавала дрожащими руками: "Что ж так больно-то! Опять я прощаюсь... Опять... Когда же всё это кончится?! Не жизнь, а бесконечная череда расставаний... Почему я так привязываюсь к людям? Никогда раньше за собой такого не замечала... Жила, как все: училась, работала... За не столь и длинную жизнь было всякое, но что бы та-а-ак!"

Несколько раз, глубоко вздохнув, я оглядела "Тихий островок"... Напоследок... "Будто из родного дома уезжаю... Караван покидать было очень тяжело, а теперь... теперь ещё хуже..." Смахнув слезу, я закинула мешок за плечи: "Все! Хватит нюни распускать! В Латрас! К Дайку!" Из кухни вышла Марэна попрощаться. Мы обнялись. Я пообещала, что про её чай буду рассказывать всем и везде! Отец с сыном взяли мою поклажу, и мы двинулись в сторону гавани.

На площади было столпотворение. И хотя до начала концерта было ещё несколько часов, пробиться сквозь плотную толпу не представлялось возможным. Мы пошли в обход. Одна, я тащила бы до самой темноты, а с таким сопровождением поход оказался не таким уж и сложным.

Каюта на "Чёрной медузе" была малюсенькой-малюсенькой, но всё необходимое в ней было: узкая койка, умывальник, откидной столик и крючки для одежды на стене. Небольшое квадратное окошко закрывалось деревянными ставнями с двух сторон и, как я узнала чуть позже, таких кают на шхуне было всего две. Команда жила в общем кубрике, капитан в своей, а если брали много пассажиров, то для них освобождали небольшой трюм или отводили место на палубе, как кто захочет.

Скинув вещи, я спустилась к ожидающим меня Крианну и Гарри.

- Ну, что... - Я сделала глубокий вдох, - будем прощаться?

Сердце заколотилось мелкой дрожью и даже как-то помутилось в глазах.

- Удачи тебе... - Крианн крепко обнял меня, - Спокойного пути, доброй дороги... Надеюсь не надо говорить, что в "Тихом островке" всегда найдётся место для эрданы Карины, - и он лукаво улыбнулся, глядя на меня снизу вверх, - особенно на первом этаже...

Я засмеялась:

- Спасибо, Крианн. Я эту комнату никогда не забуду и вас всех тоже... Может, и свидимся когда-нибудь, кто знает...

Обнимая Гарри и целуя его в щёку, я сунула ему в карман золотую монетку:

- Купи себе что-нибудь на память... обо мне... И спасибо за заботу...

Парень вдруг всхлипнул и ткнулся носом в моё плечо. Ещё раз, обняв, их по очереди я взбежала по сходням и закрылась в каюте. Примерно через час, вдоволь наревевшись и выслушав тираду Мозгового по поводу моей излишней истеричности, я вышла на палубу.

Команда заканчивала погрузку. Грузили какие-то ящики, брёвна, большие мешки и тюки, стянутые верёвками. Праздник в городе уже начался, и часть команды собиралась на площадь. Меня тоже подмывало: "Там Гай, Айра, Скай, Хейа, Мышонок... Хоть бы глазком на них глянуть! А что, собственно, мне мешает?! Ещё куча времени до отплытия!" Я сбегала к капитану, отдала ему ключ от каюты и поставила в известность о своих планах.

- Я бы очень хотел сопроводить вас, но в городе мне лучше не показываться... по некоторым

причинам.

- Да, я знаю, капитан...

Он удивлённо приподнял брови:

- Доложили уже...

- А то! И к тому же, я очень любопытна.

Он басисто расхохотался, запрокинув голову:

- У вас четыре часа, эрдана Карина. Ночью меняется течение возле берега и нам нужно будет ждать рассвета во-о-он у того острова, - и махнув рукой, указал направление.

- Я ненадолго, капитан.

- Ждём вас... - и он учтиво поклонился.

Уже на подходе я поняла, что пройти ближе к сцене никак не получится. На площади яблоку было негде упасть. Как ни странно, но звуки музыки разносились очень далеко, акустика была великолепной, несмотря на то, что концерт проходил под открытым небом. Возможно, такой эффект получался из-за каменных зданий, создававших звуковые коридоры, да и направление ветра играло свою роль. Слышно было очень хорошо.

Гай с Айрой пели уже знакомую мне балладу, а Скай, вместе с другими музыкантами, из местных, подыгрывал на гитаре. Я крутила головой, пытаюсь найти более удобное место, пока взгляд не наткнулся на узкую высокую лестницу, приставленную к стене, как раз не очень далеко от высокой сцены. На крыше сидела ватага мальчишек, и парочка физиономий показалась мне знакомой. Кое-как, ну с очень большими усилиями, я протолкалась к лестнице и полезла наверх. Ребяшня подняла вой и попыталась спихнуть меня вниз.

- А-а-а! Вот к-а-а-ак, значит! Как игрушки вам покупать, так рады, а как пустить пару песен послушать, так нет?!

Детвора сначала замолкла, а потом дружно завопила:

- Лезьте! Залазьте к нам! Простите, эрдана!

Детские ручонки потянулись навстречу, помогая устроиться на карнизе. Знакомая компания была в полном составе. Те самые ребяташки, с которыми я познакомилась у лавки с игрушками. Сидела я, конечно, как курица на насесте, зато было прекрасно видно, а ещё лучше слышно.

С замиранием сердца и не только, я вглядывалась в родные и любимые лица. Всё хорошо! Всё хорошо! Выглядят отлично, поют так, что душа трепещет. Позади сцены я заметила Хейю, сидящую на скамеечке, а рядом... Натри! Мышонок был привязан камортой, той самой... Мальчик бодро топал вокруг, занимаясь своими детскими делами, а Хейя, держа конец верёвки, даже не смотрела в его сторону. "Здорово! Помогает мой подарок, раз она даже не следит за ним так, как раньше. Похоже, что загадочных исчезновений больше не было... - Я зажала нос ладонью, борясь с опять подступающими слезами. - Так хорошо ходит уже, уверенно... И вроде подросток немного..."

За этим любованием на своих друзей, я не заметила, как музыка стихла и на площади наступила полная тишина. Гай, как всегда был великолепен. В шикарном зелёном камзоле, чёрных кожаных бриджах и высоких сапогах, он вышел вперёд и громко заговорил:

- Дорогие мои слушатели! А сейчас... Я хочу представить на ваш суд новую песню. Вы будете первыми, жители и гости Банкора, кто услышит её! Она была написана совсем недавно мной и моим старшим сыном. Также я хочу объявить, что эта песня имеет для меня и моей семьи особый смысл... С ней связаны очень сильные чувства и прекрасные воспоминания... И я надеюсь, что вы полюбите её так же, как и все мы...

Он взмахнул рукой, и музыканты взяли первые аккорды. Мелодия была прекрасна. Уже на первых нотах, я поняла, что это будет новый хит, говоря моим языком. Но слова и общий смысл

повергли меня шок! А потом... и в ужас! Если бы не дети, то с крыши я бы точно свалилась.

- Синеглазая дева
Издалёка пришла...
Знания, веру, надежду
В этот мир принесла.

То ли ветер попутный,
То ль течение реки
Помогли её добраться
И жизни спасти...

Белокурая дева
Может дочь Богов?
Иль звезда, что упала
Из небесных садов?

Неизвестно, что ищет,
Обходя земля вновь...
Обрети на Востоке
Жизнь, судьбу и любовь!

Ты исчезла как дымка,
Растворилась в ночи...
И зови, не зови...
И кричи, не кричи...

Но спасённые помнят
То, что сделала ты:
И улыбку, как свет...
Синий взор чистоты...

Мы всегда будем помнить
И всегда будем ждать...
Знай же - дом там,
Где душе отдыхать...

Сжавшись в комок и натянув капюшон на голову, я сидела, балансируя, на карнизе и не верила тому, что слышала. Баллада была прекрасна! Она была просто великолепна! Мелодия легка и свободна, как ветер, а голос Гая парил над площадью, проникая в душу каждого слушателя. Я рассматривала людей: слушали, открыв рты и затаив дыхание, внимая каждому слову, каждой ноте...

"Приехали! А мне-то, что теперь делать?!?! Куда деваться?!?! Глаза выколоть?!?! Или наголо побриться?!?! Да меня теперь каждая собака узнает! Ну, Гай! Ну, спасибо! Да эту песню будут петь теперь повсюду! Бежать!!! Бежать без оглядки! Только куда?! Рано или поздно и до Латраса дойдёт... А слухи и сплетни на Восточных землях распространяются очень быстро! Никакого интернета не надо! Уже не раз пришлось в этом убедиться... Я же не смогу нигде спрятаться, чтобы в меня не тыкали пальцем! Может ввести моду на паранджу?! Пока это

единственное, что приходит в голову, только толку от этого будет ещё меньше... А может на Север?! Там я вполне сойду за свою... А как же я тогда на Кифов нос попаду, вернее в его окрестности.

Песня закончилась. Стало так тихо, что слышен был только шум ветра, да плеск воды. Гай звонко хлопнул в ладоши и люди вернулись с небес на землю. Что тут началось! Крики, восторженные стоны, овации... Несколько человек поблизости упало в обморок, на сцену полетели букеты, деньги, драгоценности... Подняв глаза, я увидела, как на большой террасе, наместник со своей свитой вытирал слёзы, а рядом приводили в чувства, лежащую на полу девушку в розовом платье: "Наверно, это дочь наместника... Та самая, что повредилась рассудком, когда крокодилы на её глазах разорвали брата. Уж слишком вокруг неё суетятся... Может песня Гая ей поможет? Не просто так ведь её привели на выступление..."

Толпа кричала и скандировала, Гай со Скаем раскланивались направо и налево. Люди кричали:

- Гай! Ещё! Спой ещё раз! Спой! Мы хотим запомнить! Гай! Спой! Голос! Голос Окатана! Исцели нас!

Когда песня начала исполняться второй раз, я поняла, что больше мне здесь нечего. Я махнула детворе на прощанье и спустилась вниз.

Опустив глаза, я пробиралась обратно в гавань. Обиды на Гая не было... Песня была прекрасна! Никто и никогда песен мне не посвящал, а тем более не писал, конкретно, про меня. Приятно до одури... Только... Как же теперь быть?! У меня слишком приметная внешность, для Восточных земель, где местное население сплошь темноглазые брюнеты да шатены, иногда тёмно-рыжие с зелёными глазами... Такого цвета глаз как у меня, я не видела ни у кого. У северян, из тех с кем довелось встречаться, глаза были серые или голубые, но никак не яркосиние. На меня и так обращали внимание, а теперь-то, что будет?! Вот только славы местной богини мне как раз и не хватает! Хорошо, что на рассвете я покидаю город! Удачно всё складывается... Спасибо, Окатан! Помогаете... Теперь я верю в это!

Капитан встретил меня у схода. Подавая руку, он заметил перемену в моём настроении:

- Что-то случилось? - и участливо глянул.

- Нет... Всё в порядке... Просто грустно, уезжать тяжело...

- Понимаю...

Я заперлась в каюте и упала на койку. Песня Гая звучала в голове, как включённая на повтор запись. Каждое слово, каждая нота, каждая интонация врезалась в память. "Вроде, ничего особенного, не шедевр поэзии и музыки, но всё вместе, в таком чувственном и искреннем исполнении... Убойное впечатление! Но проблема в том, что не только на меня... На всех!!! Гай, всё-таки гений! А тут ещё и Скайолан затесался... По словам Гая, они написали песню вместе... Скорей бы отплытие! После такого мне в городе показываться нельзя, а то, не дай бог, найдутся сумасшедшие, которые вознесут меня на пьедестал... Что же я тогда делать буду?! Как же хочется исчезнуть, спрятаться, забиться в какой-нибудь тёмный, глухой угол... Как вернуться домой?! Как добраться до Кифового носа?! Скоро осень, потом зима... Дожди и похолодание... Путешествие до Банкора заняло чуть больше трёх месяцев... Сколько же километров я преодолела за это время?! Средняя скорость каравана в час, километров пять-шесть... Значит, в сутки пятьдесят-шестьдесят километров, раз время в пути в день около восьми - десяти часов... Лошади, вернее единороги, двигались шагом, повозки тяжёлые... Путь до Маргоса занял два с половиной месяца, потом неделю я двигалась одна, вернее Макс был моим транспортом, и наша скорость была гораздо больше, чем у каравана... До всего этого, до встречи с караваном, я сама прошла километров двести, приблизительно... И что же тогда получается? Если грубо прикинуть?

Произведя в уме нехитрые вычисления, я поняла, что в этом году шансов вернуться, к исходной точке своего путешествия нет. Совсем нет... Да и в будущем тоже... Больше шести тысяч километров! Все Боги Окатана! Шесть тысяч!

- Если точнее, то семь тысяч сто пятьдесят... От Кифового носа до Банкора... - Голос Тана был спокоен и беспристрастен, как у робота.

- Спасибо, утешил... Хотя какая разница... Тысячей больше, тысячей меньше...

- Не расстраивайся... Это не так уж много...

- Если бы у меня был самолёт или железная дорога, хотя бы... Тогда не много, а так... О чём я думала, когда убегала? Почему меня так переклинило?

- Ты о чём?

- Да о том, что с Кифового носа уходить было нельзя! Нужно было сидеть там и искать проход обратно! На Землю! А я послушалась Дайка, испугалась чего-то, побежала... Вот дура! Ничего себе забег! Длиной в семь с половиной тысяч километров! Семь с половиной!!!

- Кари... Послушай... Кари...

Я лежала на койке, вперив взгляд в окошко и слушая плеск воды за бортом. Ветер доносил звуки музыки и гомон голосов. Пахло дёгтем, водорослями и тухлой рыбой... Очень хотелось плакать, но почему-то не получалось...

- Кари...

- Ну, что ещё?

- Ты всё сделала правильно... Если бы ты не сбежала, то так бы и сидела где-нибудь у Карелла на привязи... Неизвестно, что случилось бы с тобой, если бы не побег. А так, ты свободна. Выучила язык, многое узнала, многое увидела, приобрела друзей... А скоро... Скоро по Восточным землям, а потом и по всему Окатану о тебе будут ходить легенды! Эта песня сыграет свою роль.

- Вот то-то и оно! Сыграет... Она уже сыграла! Мозг, что мне делать, а?! Я же вязну здесь! Проваливаюсь, как в болото... Будто снова "райское поле" пытается меня проглотить... Явливаюсь в эту жизнь, в этот ритм, увязаю по уши... В людях, обычаях, культуре... Одни ангалины чего стоят, не говоря про всё остальное... Столько тайн и загадок, непонятного и неизвестного, удивительного и прекрасного я встречаю здесь... И это мне нравится... Вот, наверно, самое ужасное... Мне нравится...

Громкие голоса у схода отвлекли от столь философской беседы. Я выглянула в окошко. Из города вернулась команда. Гогочущей шумной ватагой, они поднялись на борт шхуны. Я приоткрыла дверь, чтобы лучше слышать. Подслушивание стало неотъемлемой частью моей жизни. Матросы, наперебой, рассказывали капитану свои впечатления. Как я и думала, песню о синеглазой деве они запомнили почти дословно. Пробовали даже напевать, чтобы хоть как-то донести до капитана Аюта, то, что творилось на площади.

Оказалось, что после того как я ушла, Гай исполнял её ещё два раза. Матросы рассказали, что видели, как несколько лежачих больных, которых родня принесла в надежде на исцеление, встали с носилок, а потом разнёсся слух, что дочь наместника, впервые после трагедии, смогла внятно отвечать на вопросы, после того, как очнулась от обморока. Один из матросов видел, как к Гаю подходили чиновники из управы и, кланяясь, о чём-то просили.

- А вы помните, капитан, - послышался чей-то голос, - какие синие глаза у нашей пассажирки?!

Команда загалдела:

- И волосы!

- Волосы совсем светлые!

- И красивая, как богиня!

- А вдруг это она?! Дочь богов, что ходит по земле?!

- Или звезда в человеческом обличье?!

- А может она наследница ангов?! Я слышал, что древнейшие анги могли становиться людьми...

Я слушала эту шумную беседу и ощущала, как волосы под платком, начинают шевелиться:

- Ну вот, Тан... Чего и следовало ожидать... Не прошло и часа, как твой прогноз начинает сбываться. Богиня... Дочь богов... Звезда, упавшая из небесных садов... Теперь от этого клейма уже будет не избавиться.

- От звёздочки до Богини... Молодец, растёшь... - и он хихикнул, но быстро осёкся.

- Тебе смешно... А как мне себя вести?

- Также...

- Это как?

- Ну... Переводить всё в шутку... Смеяться над этим, говорить, что это просто совпадение... Но желательно, конечно, замаскироваться.

- Каким образом?

- Хотя бы волосы перекрасить... С глазами ничего не поделаешь...

- Но здесь женщины волосы не красят... Да и чем?

- Просто ты не задавалась такой целью... Ткани же красят в разные цвета, может и для волос есть какие-нибудь средства.

- Может и есть, только в ближайшее время мы будем в море, а там торговых лавок нет...

Вблизи послышались шаги, я прикрыла дверь и шмыгнула на койку.

- Эрдана Карина... - Это был капитан. - Вы не спите? Вас спрашивают...

- Кто?

- Старик, что привозил вас на гондоле.

- Гун! - Я вскочила и рванула через палубу к сходням.

- Только недолго, - крикнул он вслед, - скоро отплываем!

Гун стоял на каменном пирсе, сжимая в руках маленький свёрток. Я пулей слетела вниз и кинулась старику на шею:

- Гун! Гун! Как хорошо, что ты пришёл! Дура, я! Такая дура, что не разрешила тебе проводить меня! Прости, меня! Прости...

Старик обнимал меня, гладил по спине и тоже, как и я, хлюпал носом:

- Что ты... Что ты, внучка моя дорогая... Я просто не смог... Не смог не прийти... Не плачь, не плачь, девочка... Я так хотел увидеть тебя на прощанье... Да и новости есть, интересные для тебя...

- Новости?!

Мы отошли в сторону, и присели на большой деревянный ящик.

- Какие новости, Гун?! Что случилось?!

- Я видел тебя, Кари... Видел, как ты сидела с детворой на карнизе... Я был слишком далеко, чтобы кричать, да и не добрался бы сквозь толпу... Вот хорошо, что сейчас успел...

Он крепко стиснул мои ладони. И мне показалось, что добрые, искренние глаза смотрят прямо в душу:

- Ты исчезла, как дымка,

Растворилась в ночи...

И зови, не зови...

И кричи, не кричи... - процитировал он хриплым, дрожащим голосом.

Солгать или отшутиться не получилось, язык не повернулся. Я глянула на Гуна:

- Ты догадался...

- Конечно... Тот, кто тебя знает, догадается... Тем более, ты знаешь Гая и его семью... Чтобы понять, что эта песня о тебе, большого ума не надо...

- Только никому не говори... - заговорщицки прошептала я в ответ.

Гун рассмеялся, продолжая держать меня за руки:

- Не волнуйся, я - могила... Всё, что просила сделать, сделаю... Я уже знаю, где остановился караван, с которым Гай путешествует... Но тут ещё кое-что произошло... Я подумал, что это будет важно для тебя...

- Да не томи уж!

- Вчера на рассвете в пещере Хранителя должны были предать огню тела казнённых...

- И что?!

- Так вот... На них напали! Прямо там, в пещере!

- На кого?!

- На похоронную команду! Связали и начали разрезать саваны, в которые были покойники закутаны. Они искали его!

- Кого искали?! Кто напал?!

- "Золотая" банда! Это они были! И искали тело своего друга! Только, Кари... - Гун, круглыми, ошалелыми глазами смотрел на меня. - Они его не нашли! Тот человек, которого нашли в камере мёртвым, не он! Не их друг! Ты понимаешь?! Они его не узнали!

- Откуда это известно?! Кто тебе рассказал?!

- В таверне сегодня шептались... Я с утра племяннику помогал, вот и услышал, случайно... Ну и подслушивал уже до конца, пока эти двое не ушли... Бандитов было трое, на головах мешки с дырками для глаз, так что лиц не видно было. Они осмотрели всех казнённых, да по несколько раз, а потом один из них, главный наверно, начал бить всех связанных и кричать, куда они дели тело его друга, ругаться и так далее... Ну, сжигатели, пытались объяснить, что никуда его не девали, что какие тела сняли с виселицы, те они сюда и привезли. А этот, что в камере умер, лежал в холодном подвале, до сжигания... Короче, побили их сильно... От злости, наверно... Кари! Ты, что-то понимаешь?!

Ураган мыслей бушевал в голове: "Они здесь! Где-то в Банкоре! Грас пока не нашел их... А Карелл пришёл за телом... Так рисковать?! Ради уже мёртвого человека?! В благородстве и преданности друзьям ему не откажешь..."

Свет фонарей и факелов на кораблях, стоящих на приколе, а также несколько больших костров в разных частях гавани, создавали странную, таинственную атмосферу. Шум голосов, зычные крики, смех, доносящийся издалека, гулкий бой барабанов вперемежку с гитарными переборами и пронзительными звуками флейты, настраивали на загадочный, мистический лад.

- Гун, послушай меня... - Я придвинулась ближе и наклонилась прямо к его уху. - Открою тебе одну тайну... Ты столько рассказал мне за это время важного и интересного, что я тоже хочу поделиться с тобой одним секретом...

Старик затаил дыхание.

- Главарь "золотой" банды - Кареллан эн Растан. Это под его началом ты воевал тогда... Это и есть ваш Ящер. Ведь среди его близких воинов был здоровенный северянин, который постоянно брил голову?

- Был... - Гун кивнул, - так, значит... Это он?!

- Да, это он. И сейчас в Банкоре или окрестностях...

- Вот так новость! Хотя... теперь всё понятно... Он мстит! Мстит террхану за всё! И поймать его не могут столько времени, он очень умён и хитёр! Да и терять ему нечего... Ну, Кари! Вот это да!

- Гун! А до заместника дойдёт про нападение? Ему уже доложили?! Ты не слышал?

- Не знаю, но эти двое в таверне говорили, что главарь пригрозил всем, что если наместник узнает, о том, что они приходили, то он всех найдёт и глотки перережет, не только сжигателям, но и их жёнам и детям. Он, дескать, всех запомнил, а прятаться от него бесполезно, так у него нюх, как у горного волка. Потом они развязали одного и ушли... Так, значит, это Карелл... Но, Кари... - Гун тревожно зашептал мне в ухо, - А ты как с ними связана?! Такая красавица и бандиты, пусть и родовитые...

- Они спасли меня, вытащили из ямы, в которой я умирала... Если бы не они, то мы бы с тобой тут не сидели... Зашили раны, вылечили, выходили... Вот откуда мои шрамы... Я обязана им жизнью, Гун...

С "Чёрной медузы" послышался крик капитана:

- Эрдана, мы отплываем, поторопитесь!

Мы вскочили с ящика, и Гун сунул мне свёрток:

- Прощай, моя синеглазая богиня! Видно судьба твоя такая, творить добро и растворяться в ночи... Всё правильно Гай спел... Всё правильно...

- Гун, мне ничего не надо!

- Это подарок тебе. Ты, эн Матвэй, как и моя прабабка. Там безделушка, но очень древняя... Одна из реликвий рода. Теперь в твоём происхождении никто не усомнится... Её носила моя прабабка, а до неё её предки... Она должна передаваться по женской линии. А у меня детей нет и у племянника моего одни сыновья... Род исчез давно, но теперь он возродится, я знаю. Она твоя, Кари! Твоя! Теперь я понимаю, почему так долго хранил её, для кого...

- Но что там?!

Он быстро затараторил, так как команда уже поднимала якорь:

- Это браслет из мягкого металла, носить надо на левом плече, вот здесь... - он сжал мою руку в нужном месте. - Ты не пугайся, что он такой маленький, от тепла тела он растягивается и принимает нужную форму. Не жмёт, не давит и никогда не свалиться, пока сама не снимешь. Я знаю только, что он может менять цвет, а вот с чем это связано, почему, не знаю... Но, думаю, что ты разберёшься...

Обливаясь слезами, мы обнялись. Как только я вбежала на палубу, убрали сходни. И я почувствовала, как невидимая сила дёрнула корабль, когда отвязали последний канат. Команда разбежалась по своим местам, капитан стал за рулевого, а несколько матросов полезли на мачту ставить парус. Ветер дул с берега, донося запахи города. Я пыталась вдыхать их, но больше хватала ртом воздух, так как рыдания дышать носом толком не давали.

Маленькая, сгорбленная фигурка быстро исчезла в темноте. Сильное течение быстро уносило шхуну в море. Я вглядывалась в исчезающие огни пристани, всё пытаюсь разглядеть там своего дорогого друга. Вдали от берега проступили все краски ночи. Чистое, прекрасное небо Окатана раскинулось ярким бриллиантовым куполом над головой. Когда шхуна бросила якорь возле тёмного острова, в ожидании рассвета, ко мне подошёл капитан:

- Кто он вам, эрдана? Этот старик...

- Это мой дедушка, капитан... Мой любимый дедушка...

ЧАСТЬ 4. МОРЕ

Новый день застал в открытом море. Но, по правде сказать, оно не было таким уж и открытым. То тут, то там на горизонте мелькали острова. Островной пояс окружал материк, как кольца Сатурн. Внутренняя часть, та, что ближе к материку, частично принадлежала людям, то есть самые близкие острова. Всё остальное - владения ангалинов.

Существовали определённые маршруты, по которым двигались корабли, отклонение от которых, ангалины не поощряли. За возможность проплыть между островами в определённых

местах, ящеры брали плату, золотом, конечно. Там постоянно дежурили группы из двадцати-тридцати ящеров, которые охраняли важные проливы. Моряки предпочитали с ними не связываться и платили, так как иначе, пустить корабль ко дну они могли очень быстро.

В случае нужды, капитаны могли нанять сопровождение из нескольких рептилоидов, которые могли вести судно ночью. Море было опасно большим количеством островов, мелями, меняющимися течениями, часто неожиданно и непредсказуемо и самое главное, плавучими островами, появление которых, всегда представляло опасность. Что касается крупных морских хищников, то их было не много. Как я поняла из рассказов Макса, ангалины служили своеобразной преградой, между гигантскими хищными тварями океана и материком. Островной пояс вместе со своим населением исполнял роль барьера, ограждая людей от бескрайнего и очень опасного океана.

Мне очень хотелось проводить больше времени на палубе, а не в тесной каюте, но и маячить перед командой, обращая на себя внимание, я тоже не жаждала. Около суток я не показывала наверх и носа, но, в конце концов, не выдержала. Всё равно все меня уже видели, всё заметили, чего прятаться-то? Мозг, то есть Тан, никак не могу привыкнуть называть его по-другому, одобрил такую позицию, сказав, чтобы я держала нос повыше, ничего не боялась и вела себя естественно и свободно.

Но перед тем как начать знакомство со шхуной и командой, я решила сначала рассмотреть подарок Гуна. Штука оказалась не только интересная и загадочная, но и красивая. Ранним утром я открыла ставни и дверь, чтобы пустить больше воздуха и света. Браслет представлял собой широкое кольцо, которое, на первый взгляд, на руку никак не налезет, но стоило подержать его в ладонях, как он немного теплел и странный, слегка блестящий материал, можно было растянуть. И чем больше я грела его, тем сильнее он растягивался.

Гун сказал, что это гибкий металл, но, по-моему, металл, как таковой, он напоминал мало. Он больше походил на какой-то пластик или плотный силикон, хотя и от металла тоже что-то было. В холодном состоянии, при постукивании, он звенел, как обычная железка. Но удивительное случилось тогда, когда я его достаточно нагрела, растянула и одела, так как показал Гун. Тёплый браслет обхватил левое плечо, и на нём проступила какая-то узорчатая надпись. Я стащила его обратно и попыталась рассмотреть и прочитать то, что там написано. Но ничего не вышло. Как только он сжался, надпись исчезла. Я опять согрела его, одела на прежнее место и надпись опять стала видна. Я и так читала не очень хорошо, а эти завитушки, линии и кружочки с левым наклоном, совсем не могла разобрать. Вроде и похоже на окатанскую письменность, а вроде и нет... Да и смотреть с такого ракурса было неудобно. В общем, я оставила эту затею. Смотрится красиво, даже стильно, я бы сказала. Он ещё и цвет менять может, по словам Гуна. Буду наблюдать за этой штукой и рано или поздно разберусь, что к чему. Перебрав свои мешки и проведя полную инвентаризацию, для успокоения, я вышла на палубу и в первую очередь пошла поздороваться с капитаном.

Хозяин "Чёрной медузы" внушал уважение и спокойствие. Он стоял на корме у руля, который чем-то напоминал штурвал, только перевёрнутый в горизонтальную плоскость. Высоко подняв голову и слегка улыбаясь, я продефилировала по палубе и поднялась по лесенке. Матросы улыбались и кланялись в мою сторону.

- Доброе утро, капитан!

Он обернулся и подал мне руку:

- Наконец-то, эрдана Карина! Я уже начал беспокоиться... Вы почти сутки не выходили...

- Всё в порядке. Сегодня прекрасная погода, не правда ли? Такой хороший попутный ветер...

Капитан Ают удивлённо хмыкнул:

- Вы что-то понимаете в мореплавании?

- Не совсем... Но я очень любознательна.

Он рассмеялся:

- Если вы хотите что-то узнать, то я буду только рад помочь...

- Смотрите не пожалейте! Могу замучить вопросами...

Он расхохотался ещё громче. С капитаном мы были одного роста, и я заметила, какие белые и красивые у него зубы. Что-то, а зубы местного населения ставили меня в тупик уже давно. Ни у кого я не замечала чёрного налёта, признаков кариеса или пародонтозных дёсен, даже у стариков. А спросить, почему так, не решалась. Да и что могут подумать?

- Показать вам шхуну? - вопрос отвлек от размышлений.

- Конечно!

Около часа, если не больше, капитан водил меня по кораблю, всё показывал и про всё рассказывал. Морской сленг на Окатане, как и на Земле, тоже имел свои отличия от обычной речи. Некоторые слова произносились не совсем обычно, по-другому ставились ударения и употреблялись в другом значении. Я заметила, с каким интересом на нас поглядывают матросы и, ни капли не стесняясь, подслушивают.

Вопросами я, действительно, завалила. Мне было интересно, как моряки находят путь в море, как ориентируются, рыбачат... Что меня поразило, так это отсутствие компаса! Такого понятия на Окатане не существовало. Главную роль в морских передвижениях играли течения, которые как реки, несли свои потоки в определённых направлениях, хотя иногда и резко их меняли. Искусство капитана, как раз и состояло в том, чтобы знать их, уметь использовать и так далее... Следующим, не менее важным фактором, был, конечно, ветер. Воздушные потоки были такими же непостоянными, как и водные. Скорость, сила и направление ветра зависели от многих факторов: времени года, времени суток, течений, впадающих в море рек, положения звёзд.

Каждый капитан имел примитивные карты с отмеченными островами, мелями, фарватерами, опасными водоворотами и подводными вулканами. В общем, наука сложная, по местным меркам, не каждый мог её осилить. Я спрашивала, слушала ответы, запоминала, стараясь не комментировать и боясь брякнуть что-нибудь про GPS-навигацию, эхолот или дизельный двигатель. От нашего общения капитан был в полном восторге. Вот, что значит, говорить с человеком о том, что он любит и чем живёт. И это правило работает как на Земле, так и на другом конце Вселенной.

- Позавтракаете со мной, эрдана Карина? – и он дотронулся до локтя.

- А где?

- В моей каюте, естественно...

От его прикосновения я слегка вздрогнула: "Не может быть, чтобы он не заметил обручального кольца... Я его явно всем демонстрировала... Неужели набрался наглости пригласить замужнюю женщину?" Хотя местных мужчин это не очень-то останавливало. А если и сама дама не возражала, то кольцо совсем не было препятствием. Я немного отодвинулась:

- Спасибо за приглашение, но... Я лучше у себя или на камбузе... Хочу познакомиться с вашим коком.

Слегка кивнув, я повернулась и, покачиваясь в такт кораблю, спустилась в каюту. Отобрала часть своих припасов, захватила мешок со сладостями и подалась на корабельную кухню. Кок, невысокий, жилистый дядька, непонятного возраста, встретил меня испуганной улыбкой и поклонами:

- Что угодно нашей прекрасной пассажирке? - Вытирая руки тряпкой, он протискивался между полками и ящиками.

- Да ничего... Я зашла просто познакомиться... И так, принесла кое-что... для всех... Вы любите сладкие шарики?

Кок хлопал глазами и явно не знал, что сказать.

- Куда положить?

Он отодвинул какие-то свёртки, освободив место.

- Тут вяленое мясо, масло, чёрный и белый ирс, а также много сушёных и засахаренных фруктов и ягод.

Видя, что разговор не очень клеится, я поспешила убраться на палубу. В душной каюте сидеть не хотелось, и я устроилась на носу, подальше, от занимающейся своей работой команды. "Чёрная медуза" двигалась довольно быстро: ветер надувал паруса, да и течение помогало. Я глядела по сторонам: на небо, море, острова, то тут, то там заметные на горизонте. Красиво... За спиной послышалось какое-то кряхтение. Я обернулась. Это был кок с миской в руках. Он опять поклонился:

- Не желаете ли завтрак, эрдана...

- А чем кормят на "Черной медузе"? - Я улыбалась, рассматривая мужичка.

- Сегодня тушёная рыба с кашей...

- Отлично!

Он протянул мне миску и ложку, завернутую в чистую тряпку:

- Меня зовут Тиллан, эрдана. Можно просто Тиль... Я хотел сказать спасибо... Ребята будут довольны... - И он смущённо заулыбался. - Все любят сладости, только не признаются...

- Значит, я угадала!

- Вы богиня... Вам виднее...

Я захохотала, притом так, что слышали, наверно, даже в трюме.

Ближе к вечеру, когда "Медуза" причалила к большому скалистому острову и стала на якорь для ночёвки, в мою каюту постучался капитан:

- Эрдана... Эрдана Карина... Можно вас на несколько слов?

Мы поднялись на корму. Я остановилась у борта, глядя, как Раматэа и Эала медленно катятся к горизонту.

- Эрдана Карина, простите меня... Похоже, я опять вас обидел...

- Капитан, вы только и делаете, что извиняетесь. Вы ничем меня не обидели. Просто поймите... Я одна... Среди незнакомых мужчин, вдали от берега... И мне немного страшновато... К тому же, я не желаю ни с кем заводить никаких отношений, кроме дружеских... - Говоря это, я смотрела на него в упор. - Вот поэтому, я и отказалась с вами завтракать.

Он поднял глаза и мягко улыбнулся:

- Спасибо. Приятно, что вы ответили честно. Поверьте, вам здесь ничего не угрожает. Ну, кроме как... воды, ветра и яркого света.

- Ну что ж... В таком случае, можете пригласить меня ещё раз.

- С огромным удовольствием!

После непродолжительной паузы, он спросил:

- А о чём вы разговаривали с Тилем?

Я прислонилась к перилам и оглядела капитана. Он стоял напротив, держа большие пальцы обеих рук за широким ремнём с квадратной пряжкой.

"А он, ничего... - голос Тана в левом ухе оказался полной неожиданностью. - На пирата похож. Тебе нравится?"

Я хмыкнула и отвернулась:

- Слушай, может, не будешь так пугать?

- А что... Я ничего... Неплохой мужик, вроде...

- Ну, Мозг... Ну, сводник... Тебе больше делать нечего, что ли?

- Сейчас нет. И к тому же, я смог вклиниться в твои мысли, а это всегда меня очень радует!

- Эрдана Карина! Что я опять не так сделал или сказал?

На меня напал приступ смеха:

- Не обращайтесь внимания, капитан... Со мной бывает... Иногда... - Я продолжала хихикать. -

А по поводу Тилы... Думаю, что в корабельном меню нас ожидает некоторое разнообразие в ближайшее время.

Снялись мы с якоря на рассвете. Восточный ветер наполнял паруса и "Чёрная медуза" двигалась прямо навстречу восходящим светилам. Проходя мимо матросов, отдыхающих на палубе, я улыбнулась им и кивнула.

- Доброе утро, эрдана Карина, - это был тот самый молодой бородатый мужчина, с которым мне уже доводилось иметь беседу в самый первый визит на судно.

- Доброе утро! Только не знаю вашего имени...

- Конечно! Я, Данкан эн Гамар, помощник капитана, а это... - и указал по очереди на своих товарищей, - Кулан и Найр.

Мужчины дружно кивнули.

- Очень приятно познакомиться.

- Вы первый раз в море?

- Ну... не совсем... Мне уже доводилось бороздить морские просторы, только корабли были побыстрее да побольше.

Матросы переглянулись, а я поняла, что сболтнула лишнее.

- Да быстрее "Медузы" нет ни одного корабля, ни на Западе, ни на Востоке! - и дружно захохотали.

- А я и не спорю. "Медуза" прекрасная шхуна, только если изменить немного форму парусов, удлинить первую мачту, чтобы поставить ещё один парус, а также поставить треугольный кливер на нос, то скорость при хорошем ветре была бы ещё больше...

Мужики потеряли дар речи. Они пялились на меня, я на них, и пауза затянулась. Я сделала шаг назад и натолкнулась на препятствие. Позади стоял капитан и также удивлённо смотрел на меня. И как он так тихо подкрался?!

- О... Простите, капитан... Доброе утро.

В эту секунду кок Тиль начал бить в корабельный гонг. Это был сигнал к завтраку.

- Эрдана? Моё приглашение в силе...

- Конечно, капитан, - и приняла протянутую руку.

В капитанской каюте стол был уже накрыт. Ают усадил меня в кресло, а сам устроился напротив на табурете. Он молча налил мне компот из фруктов, а потом спросил:

- Вы это серьёзно?

Я вопросительно подняла брови.

- О парусах...

- Ну, да... А что?

- Но так строили всегда... "Медуза" и так очень быстроходна... Вы думаете, что она может быть ещё быстрее?

- Я не могу сказать точно... Тут надо хорошенько подумать... Ведь если увеличить парусность и длину мачт, то и общий вес корабля увеличится, а соответственно и двигаться шхуне будет тяжелее, плюс грузы... Но с другой стороны, больше площадь парусов, больше и скорость...

Капитан сидел неподвижно, рассматривая меня, и было заметно, что он в замешательстве:

- Эрдана Карина, откуда вы всё это знаете? Вы рассуждаете как опытный

кораблестроитель...

- Что вы, капитан, - я отмахнулась, - кораблики я строила только в детстве.

После весьма сносного завтрака, я предложила капитану:

- Если хотите, я могу нарисовать несколько примерных схем, чтобы вы могли наглядно представить, что я имею в виду. Бумага есть?

- Хочу... И бумага есть... А вы и рисовать умеете?!

На следующие несколько дней я прописалась каюте капитана. В моей было темновато, да и бегать туда-сюда, то за линейкой, то за стирающими линии стилоса брусочками, было неудобно. Пока капитан занимался на палубе своими делами, я, с помощью Мозга, чертила схемы, а также сделала пару неплохих рисунков земных парусных кораблей. Вечером, перед ужином я вышла на палубу. Свежий прохладный воздух приятно бодрил, а разговоры матросов и окрики капитана навеяли какое-то ощущение нереальности и сказочности всего происходящего. Что меня торкнуло, я не знаю:

- Боцман!!! - гаркнула я.

Десять пар глаз обратились в мою сторону.

- Эрдана... Что вы сказали? - капитан спустился кормовой надстройки и дотронулся до моей руки. Это привело в чувства.

- На моей родине так называют помощника капитана, который занимается управлением командой. Я имела в виду Данкана.

- Боцман... Странное слово... - Ают задумчиво тёр переносицу.

- А мне нравится! - крикнул Данкан, спускаясь с мачты. - Эрдана... - подойдя ближе, он слегка поклонился.

- Можно я буду называть вас Данко? - спросила я улыбаясь.

- Данко?! Можно... Как красиво... - и он расплылся в широкой улыбке.

Развернувшись на пятках, я ушла к себе, бухнулась на жёсткую койку и закрыла глаза, а через секунду была уже в библиотеке.

Мозг сидел за столом, потягивая кофе, и копался в чертежах и схемах, подобных тем, которые я рисовала для капитана. Я устроилась напротив:

- Ну, что? Я всё правильно начертила?

- В общем да... - он улыбнулся и поправил монокль. - Если Аютан начнёт использовать эти новшества, то с его кораблём никто не сравнится, ни в скорости, ни в маневренности.

Я взяла один из чертежей:

- И откуда я это знаю, Тан? Такая специфическая информация... Я же никогда не была связана с флотом, кроме пары коротких круизов, тем более парусным...

- Как откуда? А телевизор, а интернет, а книги, которые читала, фильмы, которые смотрела? Всё это оттуда. Память у тебя прекрасная... Я просто помог тебе привести массу разбросанных знаний в более-менее единую систему. Ведь всё, что ты видела, слышала, думала, чувствовала когда-то, с самого момента твоего рождения никуда не делось, не исчезло. Оно всё осталось вот здесь... - и, потянув руку через стол, постучал пальцем по моему лбу. - Проблема только в том, как эту информацию достать. Вот это и бывает проблематично... Хотя, конечно, - и он бросил схему на стол, - знания о земном парусном кораблестроении у тебя неполные. Но для Аютана и его "Чёрной медузы" и этого будет более чем достаточно. И денег у него сейчас хватает...

- Да-а-а... Макс ему шикарный подарок сделал... Интересно, за что?

- Так спроси...

- Неудобно как-то...

- Что тут неудобного? Ты у нас девушка любознательная, и капитан это уже знает. Да и

понравилась ты ему.... Гляди, вот-вот, в любви признается... Я видел, как он на тебя смотрел...

- Вот поэтому и неудобно, что я тоже это заметила... Может мне как-то себя изменить, изуродовать что ли, чтобы мужики в мою сторону совсем не смотрели, а?

Мозг нахмурился, и карандаш, который он вертел в пальцах, с громким треском разлетелся на части. Я вздрогнула от неожиданности. Голос профессора стал строгим и жёстким:

- Тебе твоих шрамов мало?! Ещё хочешь?! А помнишь, как переживала из-за них, плакала, что такие страшные? Что замуж никто не возьмёт? Помнишь?! А теперь, что?!

Я сжалась и опустила глаза в пол. Он так со мной никогда не разговаривал!

- Что молчишь?!

- Я, вроде как, всерьёз замуж ни за кого не собираюсь, тем более здесь... - отчётливо проговорила я, - это, во-первых... Во-вторых, внимание мужчин мне всё же приятно, только тут его слишком много, мне столько не нужно... А в-третьих... - я встала и уставилась на профессора сверху вниз, - ты слишком много себе позволяешь! Это ты живёшь в моей голове, а не я в твоей! Я к тебе не просилась! Это ты... - и ткнула в него пальцем, - просил пустить тебя на постой и разрешить пользоваться всем, что у меня есть внутри! Ты - не я! Я тебе благодарна и признательна за помощь и поддержку и за любовь, про которую ты не раз говорил...

- Кари... Я...

Моя тирада подействовала, и тон его изменился на привычный, мягкий и нежный. Но было поздно, меня уже понесло.

- Молчать! - рявкнула я, и, выдохнув, продолжила, только уже не так громко. - Я ещё не закончила... Не надо больше заниматься моим воспитанием или перевоспитанием, и соблазнять меня, глазки космические строить, тоже не надо. Как мне быть и что делать, кого любить или не любить, я буду решать сама, а ты, если хочешь, то помогай, а если нет, проваливай и избавь меня от своего присутствия. Я всё понятно сказала?!

Он молчал, прикрыв лицо ладонью. Я бухнулась обратно на кушетку. Дрожащими руками взяла чашку и налила ещё тёплый кофе. Сердце ходило ходуном, а дыхание сбилось.

- Почему не ушла... Не хлопнула дверью...

- Не знаю... - буркнула я в ответ, - не хочу, наверно...

Он поднялся, вышел из-за стола, опустился на колени и обхватил мои ноги:

- Ты такая красивая, когда злишься...

Я скорчила гримаску:

- Не подлизывайся...

- Ещё чего... - он улыбнулся своей фирменной хитрой улыбкой. - Прости...

- И ты больше так не будешь!

Мозговой уткнулся лицом в мои колени:

- Не могу обещать... Однако, с уверенностью, могу сказать, что каждый раз буду вымаливать прощенье, стоя на коленях.

Я захохотала:

- Вот же хитрюга!

- Да, я такой...

Я всматривалась в его черты, такие родные и знакомые, в карие глаза, с лучиками морщин, которые сначала начали темнеть, потом расширяться, а потом... начал проступать этот, тот самый сиреневый оттенок, по окружности всей радужки. Вот только сейчас же говорила! Крепко зажмурившись, я сжала его локоть и твёрдо произнесла:

- Нет! - И очнулась...

Было ранее утро. Тусклый свет пробивался сквозь щели, а лёгкое покачивание действовало успокаивающе. Несколько минут я пыталась унять учащённое сердцебиение и дрожь в

конечностях: "Что он делает?! Что он со мной делает?! Теперь я точно уверена, что это он, а не я... так воздействует. Вот только я говорила, что бы он больше так не делал! Чего он добивается?! Такое ощущение, что он меня гипнотизирует... Только зачем?! Одни сплошные загадки..."

Я тихонько лежала и слушала плеск волн за бортом. Сверху доносились голоса матросов и команды капитана. "Похоже, мы отчаливаем, вроде как якорь поднимают... - я вслушалась в звуки на палубе. - Значит, ужин я пропустила... Странно, что никто не попытался меня разбудить, а может и будили, да не получилось..." Тревожно глянув на дверь, я убедилась, что закрыто изнутри: "Значит, не видели, как я отключаюсь... Хвала всем богам!"

Я встала и начала приводить себя в порядок. В тусклом утреннем свете в зеркало было плохо видно, и я открыла ставни. Свежесть, прохлада и солёный запах моря наполнили тесное пространство. Скинув тунику, я приступила к умыванию, подвесив зеркальце напротив. Плеснув пару раз водой в лицо, на шею и грудь, я заметила интересную вещь. Мой браслет на плече поменял цвет: из стального стал нежно голубым, а одна буква непонятной надписи еле-еле пульсировала мягким жёлтым светом. Я протёрла глаза и схватила зеркальце, поднеся его ближе. Как красиво! Волшебство какое-то! Как в кино про всяких колдунов и волшебников! Я взгляделась внимательней: закорючка напоминала букву "ау" из местного алфавита. Какая удивительная вещь! Что же это значит?! Спасибо, Гун! Спасибо, за такой подарок!"

Я оделась, закинула в рот жменю сухофруктов, поднялась на палубу и... обалдела. На носу "Медузы" развился кливер! Треугольный косой парус хлопал на ветру, а Найр и Кулан подтягивали канаты. Я обернулась. Капитан и Данко стояли у руля, пытаюсь положить шхуну на другой галс. Завидев меня Аютан призывно махнул, и я помчалась к рулевому колесу.

- Ну как?! - Глаза его горели, сильные руки крутили рулевое колесо, и вся фигура, такая гибкая и подвижная, выглядела весьма привлекательно.

- Потрясающе! И когда же вы успели?!

- Да за пару часов! Парусина ещё оставалась, да и канатов с блоками у нас запас. Эрдана Карина, вы и в правду богиня?! Или звезда?! Я когда увидел чертежи и рисунки, то сначала поверить не мог! Это же чудо! Какие корабли! Как дома! А мачты! А кормовые надстройки! Паруса!

- А фигура женщины на носу с развевающимися волосами! - добавил Данко, не сводя с меня восхищённых глаз.

"Ну всё! Теперь всё плаванье с тебя пылинки будут сдувать! - Голос Тана был бодр и весел, как обычно. - А если разрешишь, то и на руках носить, и поклонятся..."

"Вот только поклонения мне как раз и не хватает! - Ответила я мысленно. - Я хочу сказать тебе спасибо... За помощь... Рисунки и чертежи получились очень удачные.

- Всегда к твоим услугам, дорогая!

- То-то же! Общение в таком ключе мне больше нравится!

Через некоторое время мужчины справились с управлением и "Медуза" бодро продолжила свой путь по чистым синим водам. Данко остался у руля, а капитан потащил меня в каюту разбираться с тем, что не понял. Мы ненадолго прервались на завтрак, потом Ают менял вахты, а потом опять закопались в чертежах. Идея поставить рулевое колесо вертикально и назвать его "штурвал", ему сразу очень понравилась. Единственное, что вызвало у меня сомнение, так это возможность его правильной установки. Я же никогда не видела и не знала, каким образом сам штурвал соединяется с рулём корабля. Но Аютан отмахнулся, сказав, что с этим больших проблем не будет и замороженно оставил на рисунок:

- Как я хочу такой корабль!

- Если добавить ещё один кливер, увеличить фок и грот мачты, то из "Медузы" получится

отличный бриг.

- Бриг... - прошептал он и погладил меня по руке. - Где?! Какие моря бороздят такие красавцы, эрдана Карина?!

- Уже не бороздят... Таких кораблей на моей родине осталось очень мало. Это прошлое... История... На таких в море уже давно никто не ходит. Их берегут, как воспоминание, как легенду: о силе и мужестве, стойкости и благородстве моряков во все времена... и, конечно же, о любви... - я глубоко вздохнула. - Алые паруса...

- Алые паруса?!

- Да... Есть очень красивая и удивительная история, связанная с кораблём, несущем алые паруса...

- Вы расскажете, эрдана? - голос Тиля за спиной оказался полной неожиданностью.

И когда он вошёл? Мы с капитаном так увлеклись, что его и не заметили. Видно, придя накрывать стол к обеду, кок так и застрял у порога, слушая нашу беседу. Я уже давно поняла, что подслушивание на Окатане - это норма!

- Расскажу, конечно, если хотите...

После обеда я опять расположилась в кресле со стилосом и бумагой. Мне хотелось разобраться с местной математикой. На нескольких картах у капитана я заметила кое-какие расчёты, но спрашивать было неудобно, и я решила попробовать самостоятельно. В деньгах я ориентировалась уже хорошо и знала простые местные арифметические действия, но некоторые моменты никак не могла уяснить.

Ни умножения, ни деления, как такового, на Окатане я пока не встречала. Вместо умножения использовали многократное сложение, а вместо деления, дробление на части. Было ощущение, что таких элементарных для меня математических действий тут не знали, не говоря уже про квадратные корни, возведение в степень, тригонометрические функции и так далее... Всё было просто и примитивно, но... Наряду с обычным десятичным счётом, параллельно существовала, и была не менее распространена, и другая система счисления. Две системы и смешивались между собой, и существовали отдельно. Вот в этом и была загвоздка!

Водрузив карты на колени, я погрузилась в раздумья. Капитан пытался вычислить время в пути до каких-то Небесных островов. Вместо того чтобы всё посчитать по простой формуле, он действовал очень простым, но очень долгим путём, сложением и вычитанием. Я же, нашла решение за несколько минут, так как расстояние и примерная скорость были известны.

Ают вернулся в каюту и присел рядом на колченогий стульчик.

- Значит, у Небесных островов мы будем через четыре дня? - спросила я, покусывая кончик стилоса, обтянутого в тонкую кожу.

- Должны быть... - проговорил он. А как вы узнали, эрдана?

- Во-первых, просто Карина или Кари, мне уже надоели эти церемонии... Хорошо?

- Как скажешь... - и он ласково улыбнулся.

- А во-вторых, посчитала...

Он поднялся, нацедил кружку пива из небольшого бочонка, выпил залпом и сел обратно:

- За то время, что меня не было?!

- Нет... Вот только что, за пару минут.

- Но как?! Ещё долго считать!

- Тоже мне долго! - Я хохотнула. - Есть очень простая формула. Подставляешь в неё известные данные и всё, дело в шляпе!

Глядя, на этого обаятельного, сильного и мужественного мужчину, я поняла, что всё, хватит - это перебор! У него и так, за эти дни, от потока новой информации голова пухнет, а тут ещё и формулы! Нужно жалеть, не закалённые высшим образованием мозги!

Нацедив пива в кружки, я выволокла его на воздух. Мы устроились под новым носовым парусом, потягивая кислотоватый напиток.

- Кари... Можно спросить?

Я хитро улыбнулась:

- Смотря что...

- Где твоя родина?

- Далеко... Очень далеко отсюда...

- А как она называется?

Я вздохнула и уставилась на линию горизонта. Вдали виднелось несколько зелёных островов.

- Она называется Земля... Просто Земля...

- Странное название... Земель много вокруг...

Наверно, Ают решил, что я не хочу рассказывать и поэтому так ответила, во всяком случае, мне так показалось. Но я решила больше ничего не говорить, пусть думает, что хочет, тем более, я сказала чистую правду. Он придвинулся ближе и загадочно прошептал:

- Южные земли за океаном, да? Ты оттуда?! Только как ты пересекла океан?! Такое расстояние! Он же бескрайний! Неужели ангалины помогли?! Ты так с зеленоглазым познакомилась?!

Я оторопела: "Какие южные земли?! О чём он?! Южные земли за океаном?! Опять старая беда, что ответить в тупиковой ситуации!"

Я молчала, по старой привычке, теребя угол юбки. Капитан ещё пару минут ждал ответа, потом улыбнулся, хлебнул пива и махнул рукой:

- Прости... Я всё понял... Больше не буду спрашивать. Теперь ясно, почему ты такая... необычная... Объяснишь, как ты так быстро считаешь?

Я кивнула. Загадок только прибавляется!

Вот так мы и плыли. Несколько раз погода портилась, пытался накрапывать дождь и задувать холодный ветер, но тёплые южные и юго-западные потоки прогоняли холодные циклоны. Когда Аютан был свободен, мы разбирались с математикой и картами. В результате, я очень многое узнала о морском деле, а капитан освоил умножение, деление и формулу скорости, ну с очень большим скрипом.

Однажды вечером, на последней стоянке перед Небесными островами, где располагался узкий пролив, охраняемый ангалинами, матросы на палубе затеяли какую-то игру, похожую на нарды или шашки. Ают с Данко засели в каюте, споря над конструкциями мачт, парусов и подводкой такелажа для новой шхуны, которую капитан давно хотел построить. А теперь, имея жемчуг, мои чертежи и рисунки, просто жаждал!

Я пристроилась у компании игроков. Поначалу матросы искоса поглядывали, а потом предложили присоединиться, что я с удовольствием и сделала. Игра, оказалась, очень простая, даже детская, я бы сказала. За несколько партий я вникла в суть, а потом начала подсказывать Тилью, так как рядом с ним сидела. В результате, Тиль выиграл всё!

- Эрдана, а как вы догадались, какой ход будет правильным? - Тиль схватил меня за руку, когда я уже направлялась в каюту.

- Очень просто, когда знаешь все возможные ходы соперников. Очень простая игра...

- Простая?!

- Конечно. Есть игры гораздо более сложные, когда нужно хорошо логически мыслить, считать в уме и даже просто делать вид, что ты выигрываешь, хотя это и не так. Выиграть в таких, не просто. Если капитан даст мне бумаги, то я попробую нарисовать колоду карт и покажу некоторые карточные игры. - И кивнув на прощанье, удалилась к себе.

И только закрыла дверь каюты, как послышались знакомые быстрые шаги. Аютан стукнул несколько раз.

- Входи!

Он просунул в дверь, держа большой масляный фонарь, и спросил:

- Я забыл, как называется та форма паруса, что ты говорила?

- Трапеция.

- Тра-пе-ция... - медленно повторил он по слогам. - Трапеция...

- Это четырёхугольник с двумя параллельными и двумя непараллельными сторонами. -

Вспомнилось определение из школьного учебника.

Ают завис:

- Пара... что?

- Всё! Хватит на сегодня. Будет время, объясню. А кстати, я хотела спросить, что значат те значки, на обратной стороне карты? Ну такие, с хвостиком?

- А-а-а, это! Это счёт ангов! Очень древний! Только я его плохо понимаю... Когда-то я пытался разобраться, еще, когда помогал отцу и братьям, но он мне не даётся, мне проще по-нашему, хотя на Севере все только так и считают...

- А бумаги ещё много осталось? Я хотела кое-что нарисовать...

- Бери всё... Мы скоро будем в Перриколе, там докуплю...

- Спасибо, капитан, и... спокойной ночи... - он кивнул и прикрыл дверь.

А утром на горизонте показались Небесные острова. И они были синими... Синими, как небо! Сначала, мне показалось, что туманная дымка придаёт такой оттенок, но, по мере приближения, оказалось, что это не так. Острова представляли собой цепочку скал разного размера с очень редкой растительностью. Мне очень хотелось попасть на какой-нибудь остров, чтобы поближе рассмотреть горные породы, которые составляли этот сине-голубой заградительный барьер, но без разрешения ангалинов этого было делать нельзя. Небесные острова полностью принадлежали ящерам.

Ангалины появились в тот момент, когда "Медуза" оставила один из Небесных островов за кормой. Их было шестеро. Все желтоглазые, крупные, как Флакс, и... вооружённые. Тёмные спины мелькнули вдоль борта, и я свесилась вниз, с жадным любопытством, разглядывая соплеменников Макса. Так много ангалинов вместе, а тем более в море, я ещё не видела.

Команда засуегилась, убирая паруса, ставя судно на якорь и спуская шлюпку. Ают спустился по верёвочной лестнице, взял вёсла и направился к маленькой скале, всего лишь на полметра торчащей из-под воды. Там должны были состояться переговоры.

Ящеры, по традиции, хранили молчание, однако, один из них общался с капитаном посредством каких-то знаков. Ают говорил, а ангалин то кивал, то вертел головой в стороны, то показывал какие-то фигуры из трёх хвостовых пальцев.

Я стояла у борта, наблюдая эту картину и хихикала: "Фигуры из трёх пальцев... Ха! В моём понятии, такая фигура всего одна и её значение совсем не способствует успешным переговорам. А тут, целый язык, почти как у глухих! Однако Ают всё понимает..."

Капитан бросил ящеру кожаный мешочек, который тот поймал на лету. Они ещё немного пообщались таким странным способом, а потом ангалин кивнул и звонко, пронзительно свистнул. Я вздрогнула: "Аж мурашки по коже!" Свист был настолько резким, что мне показалось, будто он прошёл меня насквозь, как пуля. Оглянувшись на команду, я заметила, что все почувствовали, наверное, то же самое: мужиков передёрнуло, как и меня.

"А ведь при мне Макс никогда таких звуков не издавал... Какие удивительные, всё-таки, существа - ангалины! И как же мало я о них знаю!" Через несколько минут, сразу после того, как Ают поднялся на борт, все снова забегали: мы снимались с якоря, ангалины дали добро на

проход через узкий пролив. "Медуза" медленно двинулась вперёд под плотным конвоем: по два ящера с каждого борта, один за кормой, и один впереди, прямо по курсу. Подойдя к капитану, я спросила:

- А никак нельзя хоть на какой-нибудь островок сплавать? Хочу поближе посмотреть на эти синие скалы.

Ают пожал плечами:

- А что на них смотреть? Скалы, как скалы... из небесного камня... - Он замолчал, а потом продолжил, - старший ящер торговлю предложил, сказал, что у них есть пара сундуков с разбитого штормом в прошлом году корабля. Пройдём пролив, а там он покажет куда причаливать, там и посмотришь...

Пересечение пролива оказалось очень занимательным. Я глядела во все глаза. Если люди перегораживали реки мостами, с опускающимися решётками, то у ангалинов тоже было нечто подобное. Мост, то есть, блокирующая пролив стена, выступала над поверхностью, буквально, на десяток сантиметров. Вода была очень прозрачной и уже издали можно было разглядеть, уходящую вниз, на самое дно, преграду. "Вот это, да! А как же мы проплывём?! Стена полностью перекрывает пролив..." Не успела я толком додумать эти мысли, как стена дрогнула, волнение заметно усилилось и огромная преграда, разделившись на две части, поползла в стороны. Я открыла рот от удивления и принялась дёргать Аюта за рукав:

- А как?! Как они её раздвинули?!

- Где-то в скалах, с двух сторон, стоят механизмы, они и раздвигают стену. Как всё это работает, никто не знает. Ящеры никого туда не допускают. Были любопытные, которым не терпелось узнать, но живым никто не вернулся... С ангалинами лучше не связываться, сама понимаешь... Каждый из них в несколько раз сильнее, быстрее и выносливее человека, тем более в воде.

Мы благополучно миновали промежуток между раздвинутыми стенами и взяли курс на дальний остров по левому борту, всё также под конвоем шестёрки ящеров. Через пару часов "Медуза" вошла в живописную бухту. Этот остров был более зелёным, чем синим, из-за густой растительности, но синих и серо-голубых скал на нём тоже хватало. В шлюпку я спустилась первая, за мной Ают и Кулан, а Данко остался за старшего. Мужчины были в доспехах и вооружены короткими мечами. Мой кинжал, как всегда, скрывался в складках юбки, хотя в случае конфликта с ангалинами, это оружие вряд ли бы помогло.

Если мужская часть нашей троицы вела себя сдержанно и немного напряжённо, то я, абсолютно, ничего не боялась, тем более ящеров, несмотря на их грозный и устрашающий вид. Мне было интересно всё! Четвёрка ангалинов осталась у шхуны, а двое сопровождали шлюпку до берега. Рептилоиды то и дело бросали на меня косые взгляды, а когда выныривали, усиленно приплюхивались. Кулан сидел на вёслах, капитан на корме, а я, по обыкновению на носу. Опустив руку в тёплую воду, я вглядывалась в дно, которое из-за удивительной прозрачности, казалось совсем близким. То один, то другой ангалин подныривали под лодку, поражая своей грациозностью и красотой. Я наблюдала за ними и не могла оторваться. Как же они прекрасны!

Один был значительно крупнее, но более светлый, второй, тёмно-серый, с крапчатым рисунком по бокам. Он мне понравился больше, потому как выражение его морды было каким-то более мягким что ли, более спокойным. Проплыв под шлюпкой крапчатый перевернулся и... я обалдела. Да это же самка! Это она, а не он! Потрясающе! Она просто красавица! От сделанного открытия, я чуть не кувыркнулась за борт.

- Кари! - Аютан рванул мне на помощь.

- Да всё нормально! - Я отмахнулась, хохоча. - А если бы и свалилась, ну и что... Я прекрасно плаваю!

- Но тут же они! - Кулан тоже решил высказаться.

- А ангалины людей не едят! - И глядя на крапчатую, громко спросила, - ведь, правда?!

Лёгкая полуулыбка мелькнула на чешуйчатой морде, вернее лице, так будет правильнее сказать. Крапчатая нырнула и поплыла к берегу.

Как только лодка ударилась о голубоватый песок, я выскочила на берег. Как же здорово почувствовать под ногами твёрдую землю! Я зачерпнула пригоршню сыпучего вещества... На вид, песок, как песок, только не жёлтый, а голубой. Мужчины вытащили лодку, и пошли вслед за ангалинами. Я тоже направилась за ними, вертя головой и щурясь от яркого света.

Идти пришлось не долго. Крапчатая посматривала в мою сторону, иногда поворачивая изящную голову. Я заметила, что у обоих ангалинов пробудила к себе неподдельный интерес. Возле большой скалы находился вход в пещеру. Серый ящер сделал знак остановиться, а сам нырнул в чёрный провал. Через несколько минут он выволок, один за другим, два больших сундука. Замки на них были взломаны и, понятно, почему: ящеры искали золото. Капитан с Кулом открыли крышки и стали перебирать содержимое.

В одном сундуке была какая-то одежда и серебряная посуда разного калибра. А вот содержимое другого было, на первый взгляд, бесполезным. Там были книги... Здоровенные такие, толстые фолианты, только от морской воды, пришедшие в полную негодность. Ещё было несколько свитков, только не бумажных, а гибких, как бы резиновых, и текст на них был не написан, а выцарапан.

Мне показалось, что Ают уже всё решил для себя и продолжал копать только для вида. Швырнув один из свитков обратно, он встал с колен и равнодушно произнёс:

- Всё это, конечно, хлам... Особенно книги, они не читаемы... Ну, посуда ещё ничего...

Предлагаю один ранд за всё.

Парочка чешуйчатых переглянулась, а Кулан нервно сглотнул. Крупный серый ящер покачал головой и показал несколько знаков.

- Не-е-е-т... Это слишком... Четыре ранда! Ждите других покупателей... Только больше меня вам всё равно никто не даст, а многие и за половину ранда не возьмут. Даю два и разбегаемся! - И капитан уверенно сложил руки на груди.

Ангалины пару минут переглядывались, а потом серый кивнул.

- Вот это другой разговор! - Ают достал пару монет и положил на камень. - Кул, закрывай сундуки, мы уходим...

Я внимательно наблюдала за всем происходящим, и почему-то возникло чувство, что тут что-то не так. Я видела, как блестели глаза капитана, когда он шарил в сундуках и слышала, как безразлично он потом говорил. Он явно нашёл что-то ценное, но сбил цену до минимума. Короче говоря, Ают просто надул простодушных ящеров!

- Только молчи и ничего не вякни! - Голос Тана зашипел в левом ухе. - Ты понимаешь, что можно спровоцировать конфликт... И если что-то случится, то это будет на твоей совести!

- Да молчу я, молчу... Пара золотых не стоит ничьих жизней...

- Умница моя!

Мужчины поволокли сундуки к лодке, а я пошла следом, набивая карманы синими камушками: "Очень похоже на лазурит или ляпис-лазурь... Только гораздо ярче и насыщенней... Рассмотрю потом на досуге..." Застряв у большого валуна с фиолетовыми и красными прожилками, я и не заметила, как отстала. От созерцания местных геологических красот меня оторвало лёгкое подёргивание за юбку. Я обернулась. Это была крапчатая... Она смотрела яркими, медовыми глазами, ноздри её шевелились, а белоснежные клыки виднелись за полными губами, если можно так назвать переднюю часть её пасти. Я присела перед ней на корточки и улыбнулась:

- Меня зовут Карина... А вы... Вы, удивительно, красивая! Глаз не оторвать...

Крапчатая приподняла изящные надбровья, слегка улыбнулась и сделала шаг назад. Пару секунд она не отрывала от меня взгляда, а потом махнула головой в сторону берега.

- Да, конечно... Я иду... А ничего, что я синих камней набрала? Это можно?

Моя спутница хмыкнула и пожала плечами.

- Значит, можно...

Ждали только меня. Я залезла в шлюпку и Ают сердито прошептал:

- Что ты там застряла? Нам надо убираться отсюда...

- Да так, попыталась пообщаться...

- Ну и как? Успешно? - Хихикнул Кулан, отталкиваясь веслом.

- Вполне...

Как только мы поднялись на палубу, капитан скомандовал сниматься с якоря. Матросы кинулись ставить паруса. "Чёрная медуза" быстро набирала ход. Стоя на корме, я наблюдала за ангалинами, плывущими позади. Когда ящеры стали отставать, я махнула крапчатой на прощанье, и она ответила красивым, высоким прыжком.

Стоя у руля, Ают бросил через плечо:

- Ну, что отстали?

- Почти... - Я обернулась.

- Эрдана Карина, я и не знаю, как вас благодарить... Вы приносите удачу!

- Мы снова на "вы", капитан?

- Нет, что ты... - Он свистнул, подзывая Данко.

Когда помощник сменил его, он схватил меня за руку и поволок в каюту. Вскоре туда принесли сундуки. После того, как за матросами закрылась дверь, Аютан налил вина и одну кружку протянул мне:

- Сегодня будем праздновать! Поводов накопилось более чем достаточно! Вечером станем на якорь и откроем одну из бочек. Как ты на это смотришь?

- Не знаю... На судне всё решает капитан...

- Ох, Кари! - И он громко рассмеялся. - Как только я тебя увидел, то сразу понял, что рейс будет интересным... Только не ожидал, что настолько...

Я пригубила терпкое вино:

- Ты обманул ангалинов... В сундуках, действительно, много ценностей?

Он захохотал ещё громче:

- Да только за одну посуду из чёрного серебра можно выручить рандов десять, а то и больше!

- А остальное?

- Смотри... - и подвинул к себе сундук с книгами. - Эти книги можно восстановить. В столице, в архиве террхана, работает книжный мастер, который знает, как это сделать. Он их с руками оторвёт! А это... - Он достал гибкий свиток. - Знаешь, что это такое?

- Нет...

- Это Вечные свитки Кифа! Они бесценны! Я могу запросить за них сколько захочу! Бери! Один твой! - И бросил мне рулончик. - Богинь надо холить, лелеять и дарить самые дорогие подарки!

Теперь я захохотала:

- Это тот самый Киф, в честь которого названо место - Кифов нос?

- Верно... Ты знаешь?!

- Была там... Полгода назад...

- Но это же такая даль!

- Для богинь не существует расстояний!

Теперь мы хохотали вместе. Когда смех пошёл на убыль, я спросила:

- А что там? В этих свитках... И почему они называются "вечными"?

- Там стихи... И очень странные... Их сложно понять... Некоторые их считают пророчествами... А вечные, потому, что в огне не горят и в воде не тонут. Этот материал, на котором они выцарапаны, никому не известен. Но их всё равно очень берегут, во-первых, по тому, что их мало, а во-вторых... Кто знает, вдруг, то, что написано, правда и пригодится когда-нибудь... Многие люди до сих пор верят в проклятие Богов, и думают, что придёт время, когда они вернуться...

- А ты?

- Что, я?

- Ты, веришь?

Он вздохнул, допил вино и громко стукнул пустой кружкой о стол:

- Нет! Я не верю! Это сказки... Я верю только в то, что человек сам за всё в ответе, и никакие боги тут не причём! Но это ещё не все подарки! В другом сундуке тоже есть кое-что интересное.

Мы достали посуду, которая, к слову сказать, была очень красивая, и ворохи каких-то юбок, рубаш, штанов. Я заглянула на дно и достала... скукоженную детскую одежду: странные ползунки, такой же сморщенный гольфик-водолазку и пару малюсеньких перчаток. Держа эти корявые одёжки, я непонимающе посмотрела на Аюта. Он загадочно улыбался.

- И как это понимать?

- Кари, это лимм!

- Лимм?! Что это?!

- Это нижний костюм женщин севера, они носят его под обычной одеждой. В нём никакие морозы не страшны, да и жара, тоже. Когда холодно - он греет, когда жарко - охлаждает. В нём даже можно плавать в ледяной воде!

Я подозрительно вертела корявые кусочки и никак не могла взять в толк, как это можно носить. Всё сморщенное, скукоженное и размер, как на трёхлетнего ребёнка.

- Его нужно положить в воду на пару часов. Он набухнет и увеличится. Потом мокрый лимм нужно натянуть на голое тело, он быстро высохнет и станет, как вторая кожа. А если его не носят, то хранят мокрым, чтобы не сжимался...

Недолго думая, я рванула на палубу за ведром и уже на бегу выкрикнула:

- А вода, какая нужна?!

- Пресная!

Схватив ведро, я так же быстро спустилась в трюм к бочке с пресной водой. Мужики в кубрике удивлённо переглянулись:

- Кари! Зачем тебе столько?! Лопнешь! - Данко свесился из гамака.

- Капитан разрешил... Кстати, вечером будет маленький праздник, доставайте кружки, мальчишки!

Все, кто был внизу, радостно загалдели. Через несколько минут, загадочный костюм северянок намокал в ведре, а я опять устроилась в кресле в капитанской каюте. Ают поднялся на палубу сменить рулевого, так как скоро начинался сложный фарватер. Ожидая, пока набухнет мой второй подарок, я взяла первый, то есть Вечный свиток и взгляделась в уже знакомые значки. Голос в ухе прошептал:

- Разверни полностью, я тоже хочу почитать...

- Мозг, прочтёшь? А то я буду эти кривульки долго разбирать...

- А самой слабо?

Я заныла:

- Ну, Тан... Ну, миленький... Ты же знаешь, как плохо я читаю, а это же, вроде как, стихи...

Их надо читать плавно, с выражением...

- Ох, хитрюга! Верёвки из меня вьёшь! Ладно, слушай...

Когда вернутся боги,

Когда они придут

Исчезнут все тревоги,

Печали вмиг уйдут.

Когда вернутся боги

И вспыхнет звёздный свет,

Протянутся дороги

Для душ в потоке лет.

Вселенная откроет

Для нас свои врата,

И зрители, как в театре,

Займут свои места...

Эмоции, волненья,

Реакции судьбы...

Вся химия творенья!

И музыка мольбы...

Когда вернутся боги,

Я буду только рад,

Увидеть, как к истокам

Приникнут, стар и млад.

И радуга надежды

Проложит к сердцу путь.

Когда они вернутся...

Придут, когда-нибудь...

После того, как отзвучала последняя фраза, я зависла на долгой паузе. Дуновение воздуха возле шеи вывело из прострации:

- Эй... Эй... Кари... Очнись... - приобняв за плечи, позади склонился капитан.

Я открыла глаза и оглянулась.

- Что с тобой? Ты, будто, сидя сознание потеряла...

- Всё в порядке... Бывает, когда задумаюсь... Я прочитала...

- И как?

- Действительно, похоже на пророчество... Красивое стихотворение... А дашь свой почитать?

- Если моя богиня умеет читать на языке древних, то, конечно...

- Нет, не умею...

Его руки сжимали мои плечи, потом он опустил на колени и, обняв ещё крепче, поцеловал в шею:

- Кари... Дорогая...

Этого хриплого, чувственного шёпота было достаточно, чтобы понять, что вскоре может произойти. Я медленно высвободилась и посмотрела на него. Мужественное, загорелое лицо, небольшая тёмная щетина, широковатый нос, красиво очерченные губы, блестящие карие глаза и небольшой шрам на правой щеке... Строгая, истинно мужская, красота. Я провела ладонью по его щеке и покачала головой. Он всё понял:

- Прости... Не сдержался...

- Я пойду к себе. Надеюсь, когда начнётся празднование, не забудешь пригласить?

Он криво улыбнулся:

- Как же без тебя...

Я забрала свои подарки и закрылась в каюте. Дело близилось к вечеру. "Медуза" шла полным ходом к месту очередной ночёвки. Лёгкая качка действовала расслабляюще, и я растянулась на узкой жёсткой койке.

В библиотеке никого не было. На письменном столе царил рабочий хаос: свитки, какие-то схемы, чертежи... На обрывках плотных листов непонятные вычисления и странные формулы... Я осмотрелась и заметила новшество. На стене, между высокими стеллажами, висела карта. Карта Окатана... Два полушария, восточное и западное, выше экватора большой материк, отдалённо похожий на Австралию и разделённый на две части сплошной горной цепью. "Восточные территории... - Я провела ладонью по шершавой бумаге... - Так вот они какие... Большие... А там, за горным хребтом, Западные земли... Ого! На Западе должно быть ещё теплее: южные окраины почти достигают экватора... Молодец, Мозг! Неплохая карта получается, но белых пятен ещё много... А вот и Северный материк, правда, обозначен пока только Альдаск... Не так и далеко от северной границы Восточных территорий..."

- Кари...

Я обернулась:

- И где мы ходим?! Плутаем в дебрях моего разума?!

- Ну, что-то вроде того... - профессор улыбнулся и уселся за стол. - Ну, как? Нравится?

- А ты, молодец! Хорошая карта... Я даже как-то успокоилась, что ли...

- В смысле?

- Ну... - Я продолжала водить рукой по стене и всматриваться в пометки. - Теперь я представляю Окатан более ясно, более чётко, что ли... Он становится осязаемым, настоящим... Для меня...

Профессор внимательно посматривал через монокль и о чём-то размышлял:

- Именно для этого я её и делал, чтобы ты посмотрела на всё со стороны, более отрешённо и спокойно...

Я нашла место, обозначенное, как Кифов нос:

- Вот она... Вот точка отсчёта... Исток Улитки, Чёрное ущелье и Маргос... - Я продолжала водить пальцем по карте. - А вот и Банкор! Он почти врезается в Островной пояс... Латрас! Так вот он где! На востоке, на самом побережье...

Тан встал из-за стола и стал рядом:

- Мы сейчас где-то здесь... Видишь, вот Небесные острова, мы их миновали... А вот Перрикол, тут Ают собирается сделать остановку, потом около недели пути и... мы в Латрасе.

- Да... Долго я туда добираюсь... Такой огромный крюк... Если бы шла напрямик, то давным-давно была бы на месте...

- Жалеешь... - Мозг обнял меня за плечи и глубоко вдохнул.

- Нет... Уже не жалею... Ты правильно тогда сказал... Если бы я не отклонилась от маршрута, то и Макса, и Граса уже не было бы в живых, это того стоило... Всё нормально, всё правильно...

- Умница моя! - И нежно поцеловал в висок.

- Эрдана Карина! Открой! Кари! - От грохота, стены ходили ходуном.

Я вскочила и распахнула, трещащую под мощным натиском дверь. Ают, по инерции, ввалился в тесное пространство.

- Что случилось?!

- Я заснула...

- Да я уже полчаса стучу! Кари, что с тобой?!

- Всё в порядке, капитан... Всё хорошо...

Он сначала подозрительно рассматривал меня, потом обвёл взглядом каюту и, видя, что всё вроде нормально улыбнулся:

- Тебя все ждут. Тиль приготовил прекрасный ужин и даже десерт, благодаря твоей предусмотрительности, а ты спишь!

- Я сейчас... Пять минут...

Он кивнул и вышел:

- Пять минут, не больше...

Праздник удался на славу. Погода тоже благоприятствовала: было тепло, ветер стих и "Медуза" плавно покачивалась на якоре между двух островов, похожих, как две капли воды. Команда расположилась на палубе, наблюдая яркий, сочный закат, а позже, когда совсем стемнело, зажгли фонари. Мы ели, пили вино, а ужин был, и правда, очень вкусным. Потом пошли рассказы, разные морские байки и истории из жизни. Было очень весело, от хохота, у меня даже лицо заболело. Вскоре дошла очередь и до меня, тоже рассказать какую-нибудь историю. Тиль выразительно глянул:

- Эрдана, помните...

- Да, помню. Выполняю обещание...

Историю про Ассоль и алые паруса рассказать в деталях не составило труда, так как я и книгу читала, и фильм смотрела раз в двадцать. Если бы устраивали конкурс на лучшую историю, то моя взяла бы первый приз.

Матросы слушали затаив дыхание, а под конец, некоторые, даже вытирали слёзы. Капитан сидел, прикрыв глаза и слегка отвернувшись, будто не хотел, чтобы видели его лицо. В процессе рассказа иногда кто-нибудь не выдерживал и начинал сыпать вопросами, но на него тут же цыкали и нетерпеливый затыкался, потом ситуация повторялась, только уже с другим матросом. В своём повествовании я дошла до момента, когда люди бежали на берег смотреть на алые паруса: бедняга Тиль разрыдался и звучно сморкался до тех пор, пока я не закончила. Сначала все молчали, а потом Данко, неожиданно, выдал:

- Если мы построим новую шхуну, то назовём её Ассоль... Верно, капитан?

Ают улыбнулся и кивнул:

- И второй комплект парусов будет ярко-красным.

Разошлись мы только под утро. Я упала на койку и сразу же заснула. А следующие несколько дней учила желающих играть в карты. Колоду я нарисовала, буквально, за пару часов, используя самые плотные листы, которые нашлись в капитанской каюте. Также у Аюта была пара красных карандашей, которыми он делал пометки, они тоже пошли в ход. Потом я выпросила у Данко банку древесного лака и покрыла им своё произведение в несколько слоёв. Получилось очень даже не плохо. Пока я сушила колоду на ветру, все по очереди подходили смотреть, что такого интересного я опять придумала. В результате, спать я легла опять почти на рассвете, и то после того, как Аютан погнал меня из кубрика, где мы с Данко, Куланом и Найром азартно резались в дурака. Парни, оказались, толковые и суть игры схватили на лету. Мне показалось, что Ают был недоволен тем, что я стала проводить больше времени на палубе и с командой, а не в его каюте, хотя, возможно, дело было в чём-то другом...

Вот так мы и добрались до Перрикола. Капитан планировал стоять около трёх суток, так как нужно было почти полностью разгрузиться, получить деньги за доставку и взять новые грузы. Меня такая задержка немного расстроила, но ничего не поделаешь, это их жизнь, их работа.

Городок Перрикол был небольшим и, довольно, неприглядным. Неподалёку находились железные рудники и город, в основном, населяли рудокопы, кузнецы и другой люд, чьё ремесло было каким-либо образом связано с металлом. Я обошла его вместе с Тилем за полдня, помогая коку, закупать продукты. Больше ходить в город было незачем. Единственное, на что я обратила внимание, так это на горячий источник, который находился в часе пешей ходьбы от города. Местные использовали его как природную баню, а нормально помыться в горячей воде уже очень давно хотелось.

Ают, категорически, отказался меня отпускать одну, предупредив, что народ здесь простой, даже грубый и, неизвестно, чем может закончиться поход на источник в одиночестве. А если со мной что-то случится, то он никогда себе этого не простит. Я ещё поканючила немного, но потом сдалась: «Может он и прав... Если найду приключений на одно место, то сама же буду виновата». И собралась помыться в каюте.

Заперев дверь, я полезла под койку за своими пожитками и наткнулась на ведро: "Лимм! Забыла! Я совсем забыла про него! Это ж, сколько дней он в воде пролежал?! Вот балда! А ещё хвасталась, какая прекрасная у меня память! Напрочь, вылетело из головы!"

Я достала костюм и выкрутила: он очень увеличился в размерах и приобрёл вполне нормальный вид. Цвета он был почти чёрного с ярко выраженным фиолетовым отливом: "Ну, что ж... Надо примерить!" Я быстро разделась и принялась натягивать его на себя. Ощущение было такое, будто я надеваю мокрые и очень-очень плотные колготки, хотя, по сути, так оно и было. Тянулся лимм прекрасно, трудность оказалась только в просовывании головы. Я даже немного испугалась, что горловина меня придушит, но когда полностью натянула и расправила его на себе, давление исчезло и дыханию нечего не мешало.

Пристроив на стену зеркальце, я вертелась, так и сая, пытаюсь рассмотреть, как же я выгляжу в этой штуке. Лимм прекрасно облегал тело, подтягивая и сжимая в нужных местах, но движений ничего не сковывало. Я свободно могла вертеть руками, задирать ноги, наклоняться, в общем, идеально! Как же хочется посмотреть в большое зеркало! Но даже в капитанской каюте оно было маленькое.

От стука в дверь я вздрогнула: "Надо же... Так увлеклась, что шагов не услышала..."

- Кари, ты спишь? - это был капитан.

Я откинула щеколду и открыла... Лучше бы я этого не делала!

- Ну как?! Мне идёт?!

Аюта словно парализовало. Сначала он стоял столбом и пялился во все глаза, потом дёрнулся, покраснел и рванул на палубу. "Ох! Опять я дала маху! Нельзя было, наверно, перед ним в таком виде показываться..." Шёпот Тана в ухе, только утвердил в этой мысли:

- Ко мне в библиотеку в таком виде лучше не приходи... Иначе, я за себя не отвечаю...

- А, что такого?! Я же не голая!

- Не голая... Только... Если бы ты видела себя со стороны...

Я ещё раз осмотрела себя: "Да-а-а... И верно, как вторая кожа... Только чёрная и с какими-то прожилками... Талия сжата, ягодицы плотно обтянуты и приподняты, грудь рельефно выделяется... Похоже, что слишком сексуально, даже чересчур... Вон как, капитана-то, торкнуло! Опасный костюмчик! Но краси-и-ивый... Даже снимать не хочется!"

Некоторое время я ещё покрутилась, привыкая к такой удивительной одежке, а потом принялась его стаскивать: "Вот бы в нём поплавать! Интересно, а что сказал бы Макс, если бы увидел меня в нём?" Стянув верхнюю половину лимма, я заметила, что на браслете пожелтела ещё одна буква: "Ого! Процесс идёт... Что же будет, когда все буквы надписи пожелтеют?! Посмотрим-посмотрим..."

Наверху три раза звякнул гонг, Тиль приготовил ужин. Я быстро переоделась, обернула

лимм влажной тряпкой и пошла наверх. Возле камбуза меня поймал Данко:

- Тебя капитан зовёт... Составить компанию за ужином...

Я нехотя развернулась и направилась к капитанской каюте. Аютан стоял у небольшого квадратного окна, скрестив на груди руки, и смотрел в сторону высокой скалы у входа в бухту: стол накрыт для двоих, над мисками поднимается пар, а рядом два бокала из чёрного серебра... Видно, эту парочку капитан решил оставить себе. Я отодвинула кресло и он обернулся:

- Я почему-то подумал, что ты не придёшь...

- Почему я должна была не прийти?

Он разлил вино по изящным бокальчикам и уселся напротив:

- Не привык пить из такой посуды...

- Ну, ты теперь человек очень богатый, надо привыкать...

Ают засмеялся, и, протянув руку через стол, сжал мои пальцы:

- Кари... Я тут подумал... Сегодня я отпускаю команду в город, ребятам нужно отдохнуть от меня... Если хочешь, могу проводить тебя к горячему источнику, да и самому тоже не мешает окунуться... - Он замолчал, видя моё напряжение. - Ты только ничего такого не подумай... Без твоего согласия ничего не будет... Просто, ты такая... красивая и... удивительная, что мне, иногда, даже больно... Знаешь... Со мной такого никогда не было. Я ведь раньше в любовь не верил, думал, что это рассказы излишне чувствительных людей...

"Ну вот и приехали! Неужели придётся сходить на берег и до Латраса двигаться одной?! Как же не хочется!"

Я устала в миску с едой и выдавила:

- Это понимать как признание?

- Да...

Никаким образом я не хотела обидеть капитана или причинить боль, но другого выхода не было. Лучше сразу и честно, чем давать ложные надежды.

- Я уже говорила, что ни с кем не намерена завязывать никаких отношений, кроме дружеских...

Он хотел что-то сказать, но я его остановила и встала из-за стола:

- Капитан, я сойду на берег и дальше поеду по суше. Остаться на корабле мне не следует...

Он стремительно вскочил и загородил дверь:

- Я никуда тебя не отпущу!

- Намерен задержать силой?! - Я жёстко посмотрела ему прямо в глаза.

- Кари, пожалуйста! Не уходи! Я доставлю тебя в Латрас и больше не заговорю о своих чувствах... Тебе нельзя уходить! Тут опасные земли для одиночного путешествия... - И схватил меня за руки. - Прости... Я сам всё испортил... Ты давала понять, что ничего не будет, но... Кари... Я люблю тебя! Слышишь?! Люблю!

Горячий, жадный, страстный поцелуй чуть не задушил... Я вырвалась и залепила ему звонкую пощёчину:

- Ты обещал! Как я могу верить тебе после этого!

Сама не ожидая от себя такой силы, я оттолкнула его от двери и рванула к себе в каюту.

"Бежать! Бежать немедленно! Иначе, в Латрас я прибуду в постели Аютана! Как же всё было хорошо и спокойно! Я чувствовала себя в полной безопасности и на тебе, получите и распишитесь! Капитан "Чёрной медузы" воспылил чувствами! А если не только он?! Если ещё кто-то начнёт ко мне клеиться?! На шхуне десять здоровых мужиков! А в море сбежать некуда и шлюпку я украсть не смогу, она всегда в зоне видимости того, кто стоит на вахте..." - Вся в этих панических мыслях, я перебирала мешки и затягивала верёвки.

- Не смей! Даже не смей думать об этом! - Вопль Мозгового чуть не разорвал череп. - Ты куда собралась?! Опять?!

Я с силой сжала виски, как бы пытаюсь, запихнуть этот голос обратно.

- Дура!!! Куда ты пойдёшь на ночь глядя?! Осталось, максимум, дней десять пути! А по суше ты, чёрт знает сколько, будешь добираться! Он успокоится и потом в ногах у тебя валяться будет, прощенья просить!

- Заткнись, Тан... - Прошипела я в ответ. - У меня от твоего крика голова лопнет.

Я оторвала кусок старой рубахи и, смочив водой, приложила ко лбу. Такого ещё не было, чтобы так раскальвалась голова от общения с Мозгом. Последний раз я испытывала такую головную боль ещё на Кифовом носу, в хижине, когда приходила в себя от травм. Через несколько минут в голове наступила полная тишина: я слышала только, как кровь стучит в висках, да часто бьётся сердце. Боль, будто волной, смыло...

За стеной послышались шаги. Так стучали только сапоги капитана. Я подумала, что сейчас он постучится ко мне, заговорит, но ничего подобного не произошло. Послышался какой-то лязг, потом дверь задрожала и... Я поняла, что он сделал... Он меня запер! Снаружи моей каюты были "уши" для навесного замка. Я не понимала, зачем они, когда есть обычный врезной замок, но теперь стало понятно, зачем. А может это и не каюта вовсе?! А камера для пленников?!

- Кари... Кари... Успокойся... - Мозговой уже не кричал, а мягко и нежно пытался наладить контакт. - Это не камера, не думай глупостей... Он переживает за тебя, он влюбился, без памяти... И ему нужно время, чтобы успокоиться... Неужели ты этого не понимаешь?!

- Да, что ты его защищаешь?! Он меня запер! Он нас запер!

- Но ты же сбежишь...

- Конечно, сбегу! При первом же удобном случае! Можешь не сомневаться!

- Глупо...

- Сам дурак! Вот если бы не это, - и я злобно постучала в запертую дверь, - то может я ещё бы и передумала... Но теперь... Нет! И ты мне поможешь!

- Не буду. - Голос Мозгового был твёрд и холоден.

- Не будешь?! Ах, вот как, значит! Хорошо! Я сама, сама выберусь, без твоей помощи! Но запомни! В твоей библиотеке ноги моей больше не будет! Понял?!

От нахлынувшей злости, я забарабанила в дерево:

- Выпусти меня! Выпусти, немедленно! Ают! Открой! Открой, сейчас же! Да чтоб тебя штормом смыло! Цунами на твою голову! Да чтобы ты руки-ноги себе переломал, гад!

Но всё было бесполезно. Снаружи ни каких звуков не доносилось, лишь пару раз мне показалось, что кто-то вздыхает, только непонятно где... Я бухнулась на койку и уставилась в пустоту: « Он меня, что?! До самого Латраса не выпустит?! Вот это будет номер... Ладно... Утро вечера мудренее... Посмотрим, что будет завтра».

Я зажгла фонарь и лампу, немного перекусила из своих запасов, так как к ужину приступить не получилось, и достала влажный лимм, для успокоения. Потом подвесила зеркало на крючок и натянула костюм. Он очень быстро приобрёл температуру тела и даже начал немного согревать. Классная всё-таки штука! Ещё какое-то время я покрутилась, принимая различные позы и пытаюсь, при слабом свете, разглядеть детали, а потом так и улеглась на койку, закутавшись в одеяло. Думала, что от переизбытка эмоций не усну, но ошиблась. Заснула, почти сразу.

Сначала мне приснился Макс. Будто мы переплываем с ним какое-то горное озеро. Я держусь за его доспехи, а он постоянно оглядывается и спрашивает:

- Ну, как? Ты не устала?

Я фыркаю, как тюлень, и отвечаю:

- Нет, не волнуйся, не устала. У нас всё получится... Всё получится...

Потом кадры резко поменялись, и я оказалась в лесу на живописной полянке. Сажу на поваленном дереве и держу в руках голубенькие цветики, отбивающие запах. Позади трещит ветка, и я оглядываюсь. Среди деревьев стоит Карелл. В одной руке он держит обнажённый меч, а в другой, свёрнутую в моток, каморту. Потом он поднимает руку с верёвкой и говорит:

- Соскучилась?! А мы очень скучали без тебя, отари... Особенно, твоя подружка... - И бросает каморту на меня, как лассо.

Я пытаюсь уклониться, но петля захватывает ногу и плотно сжимает. Тогда я выхватываю кинжал, разрезаю ладонь, и алая струя льётся на петлю. "Слепая смерть" начинает пузыриться, будто закипать, и растворяется, прямо на глазах. Я сдёргиваю её и бегу в заросли. Позади раздаётся дикий крик... Я оборачиваюсь и вижу... Леса нет, полянки нет, а кругом, во все стороны до самого горизонта, гигантское, кольшущееся "райское" поле и... Карелл, которого медленно засасывает топь. Я разворачиваюсь и иду к нему, а он кричит мне и шрам на его щеке уродливо дёргается:

- Нет! Нет! Стой! Ты погибнешь! Нет!

Я продолжаю идти к нему и когда приближаюсь, вижу: он погружён уже по пояс. Я протягиваю ему окровавленную руку, и его глаза расширяются от ужаса. Потом он закрывает лицо ладонями и шепчет:

- Отари... Отари... Прости меня... Отари... Прости...

А вокруг, огромные волны сине-зелёной травы перекатываются по всему пространству. Потом зыбкая почва под ногами тоже начинает ходить ходуном, но меня это совсем не пугает. Мне весело! Я качаюсь на этих волнах и хохочу во весь голос. Смотрю на Карелла и опять протягиваю ему окровавленную руку:

- Пойдём! Пойдём со мной! Ты всё сможешь, если пересилишь страх!

Он поднимает голову, смотрит прямо в глаза и... хватается за меня.

Проснувшись я от того, что свалилась с койки и ударилась лбом о ведро. В каюте полный мрак, всё бешено качается и грохочет. Завывания ветра, перекрывают треск досок и доносящиеся с палубы крики. Шторм! Это шторм! Наощупь, я доползла до двери, поднялась на ноги и принялась барабанить:

- Откройте! Выпустите меня! Откройте!

"Как мы оказались в море?! Стоять ещё больше суток! Сколько же я спала?! Ничего не понимаю!"

- Откройте! Ают! Данко! Откройте!

В панике я метнулась к окну. Мокрый, холодный ветер ворвался в маленькую каюту. Меня отшвырнуло на пол. Вдруг дверь сильно дёрнули:

- Кари! Кари! Открой! Нас в море уносит! Тут нельзя оставаться!

- Там замок, Данко! Снаружи! Я не могу выйти! Ают меня запер!

- Что?! - Послышалось лязганье замка и ругательства.

- Где Ают?! Ключ у него!

- Я не знаю! Его нет нигде! Мы не можем его найти! Мачта упала и он исчез! Я сейчас!

Послышался топот, потом вопли, а потом стук и треск ломающегося дерева. Данко рубил дверь топором. Впопыхах, я нашла штаны и тунику и, валяясь по полу от жуткой качки, натянула на себя. Дверь с треском рухнула, и крики помощника перекрыли рёв ветра:

- Кари! Ты где?!

- Я тут! Всё нормально.

Он откинул доски и помог подняться:

- Данко?! Что случилось?! Почему мы в море?! Что происходит?!

- Потом! Всё потом! Сиди пока здесь, а я к ребятам! - И бросился наверх.

Я сидела, вцепившись в перила ступеней и гадала, что сейчас, день или ночь? Молнии рассекали небо, а от громовых раскатов, закладывало уши. Вдруг, оглушительный треск раздался прямо над головой. С поросычьим визгом, я рванула на палубу, в сплошную пелену дождя и ветра.

Наверху царил полный хаос. Одной мачты уже не было, а из всей команды я заметила только троих: Данко, Лиама, мужики называли его Чёрный Ли, за самый смуглый цвет кожи, и Кулана. Больше никого не было видно. "А где же капитан?! Неужели его смыло за борт?!" - Я оглядывала стонущую от ударов стихии "Медузу", пытаюсь, в свете молний, хоть что-то разглядеть. - "Накаркала! Это же я, дура такая, накаркала! Да, чтоб мне провалиться!"

В эту же секунду доски под ногами треснули, и я полетела вниз, а сверху рухнула вторая мачта. В трюме было полно воды и всё, что могло плавать, плавало. Какое-то время я трясла головой и приходила в себя, а потом, при свете очередной небесной вспышки, заметила, что с другой стороны, дальний люк приоткрыт, да и лестница на месте. В воде почти по пояс, практически в полной темноте, я двинулась к отверстию. Страх отступил, как тогда, на "райском" поле... Я видела цель и пробиралась вперёд.

- А, ну! Что-то темновато! - И заорала во весь голос. - Разряд!!!

И тут же яркая вспышка полыхнула в небе.

- Отлично! Я вижу! - Треск грома над головой заглушал собственный голос. - Разряд!!!

Очередная вспышка последовала незамедлительно. И в этом сизом свете я увидела... тело. Аютан лежал на воде. Я подскочила, спотыкаясь о ящики и разбрасывая обломки табуретов:

- Капитан! Капитан! Ают!

Я трясла его за плечи, лупила по щекам, но это не помогало. Голова капитана была разбита, а грудь рассекала огромная глубокая царапина.

- Ты не посмеешь!!! Ты не посмеешь умереть!!! Ты слышишь?! Ают! Ают!

- Кари! - Голос Данко донёсся сверху.

- Здесь капитан! Помоги вытащить!

Шторм не утихал: кругом мрак, дождь и холод. Данко с Кулом уложили капитана под остатки лестницы, ведущей на корму.

- Он живой?! Он жив?!

Я тупо смотрела на бездыханное тело:

- Не знаю...

- Ну, и нам, скоро конец... - проронил кто-то.

Я сжала кулаки:

- Нет! Этого не будет! - И заорала, что было силы. - Не-е-ет!!! Ты будешь жить! И этот дурацкий шторм закончится! И никто не погибнет! Никто!!!

Отшвырнув матросов, я, неистово, принялась делать Аюту массаж сердца и искусственное дыхание.

- Раз, два, три, четыре... - Вдох... Ещё вдох... - Раз, два, три, четыре... - Вдох... Ещё... - Раз, два, три, четыре...

- Что ты делаешь?! - Мокрый, насквозь, Данко, ободранный и всклокоченный, впрочем, как и остальные, таращился круглыми глазами.

- Раз, два, три, четыре... Выцарапываю его у вашего Хранителя... Он его не получит... Во всяком случае, пока... Раз, два, три, четыре...

Судорожный хрип и раздирающий кашель сотрясли тело. Матросы заорали так, что у меня заложило уши. Они принялись трясти его и колотить по спине. Капитан долго кашлял, а потом открыл глаза, только взгляд был блуждающим и пустым. Пока просто запустилось сердце, но

сознание ещё не вернулось. Я прислонилась к деревянной стенке и подтянула его на себя, в более вертикальное положение, а остальные трое пристроились по бокам. Вот так мы и сидели, плотной трясущейся кучкой, пока при очередном разряде молний не увидели, что вода далеко-далеко внизу, а нас всё поднимает и поднимает, выше и выше, на гигантской водяной стене. Я прижала голову Аюта к себе и зажмурилась: "А вот и цунами подоспело... Всё, как сказала!"

Данко рядом ругался, как сапожник, проклиная всех и вся. Кулан бормотал какие-то молитвы, а Чёрный Ли помалкивал, только очень сильно сжимал мою ногу. А дальше... Дальше всё происходило, как в замедленном кино... Как так вышло, что шхуна неслась на гребне волны и не падала вниз, я не знаю, но у меня было полное ощущение полёта. Мы летели... Или парили... А потом, неожиданно, начал стихать ветер, и дождь прекратился... И сразу стало, как-то так, тихо-тихо... Море будто бы вздохнуло или перевело дыхание... И "Медуза" начала быстро опускаться вниз. Нас ещё несло вперёд, и несло очень быстро, но было уже понятно, что ситуация изменилась: шторм стихает, вернее, он почти совсем утих.

Парни крутили головами и потихоньку приходили в себя. И вдруг... Небо прорезал яркий луч и тучи начали расходиться прямо на глазах. А ещё через короткое время, туманная дымка полностью рассеялась и шхуна, почти всем корпусом, вылетела на песок.

От сильного толчка у меня в желудке случился какой-то спазм, и я икнула. Звонко так, на вздохе... Громкий смех чуть не лишил остатков слуха. Истерический хохот сотрясал потрёпанную "Медузу" не меньше часа. Кул с Данко хохотали так, что из посиневших от воды и холода, стали красными, как варёные раки. Чёрный Ли тоже улыбался во весь рот, только ногу мою он так и не отпустил. Он переводил ошалелый, полубезумный взгляд с меня на капитана, с него на дико хохочущих парней, потом опять на меня, и повторял:

- Синеглазая богиня спасла капитана... Белокурая дева прогнала шторм... Богиня спасла капитана... Спасла всех нас...

О том, что я это всё и накаркала, скорее всего, я предпочла благоразумно умолчать: "Вот и первый адепт культа моей божественной личности, во всей красе! Значит, Чёрный Ли был на площади в Банкоре и слышал песню... Всё! Бессмертное имя в легендах Окатана мне обеспечено!" - И я нервно хихикнула. Потом ещё раз, и ещё, и вскоре, так же громко хохотала, как и остальная компания.

А через пару часов нас нашли местные жители. И через некоторое время, я уже знала подробности того, почему "Медуза" оказалась не в закрытой от ветров бухте, а в море. А дело было так...

Команда знала, что капитан их отпустит в город, так сказать, "погулять" и надолго, до утра. Поэтому самые нетерпеливые, Найр и ещё двое, удрали самыми первыми. Остальные заканчивали грузить в трюм часть нового груза. Вот поэтому никто не видел и не слышал нашу ссору с капитаном. Тиль, только, удивился, когда Ают послал его убирать со стола, что мы ни к чему не притронулись. Даже обиделся, решил, что нам не понравилась его стряпня и, сразу же, как закончил, ушёл в город, а за ним засобирались и остальные. Когда Данко спросил Аюта, где я и почему не видно, капитан ответил, что я ушла к себе и просила не беспокоить, поэтому он и не знал, что я сижу под замком.

Данко также рассказал, что Аютан после ужина был мрачный и очень злой, как горный волк. Поначалу, он заставил всех оставшихся на шхуне проверить весь такелаж, а потом приказал ставить парус. И объяснил это тем, что рассвета будем ждать у острова за мысом, якобы со стороны рудников рано утром будут везти руду и, чтобы сэкономить время, торговец попросил взять груз там, ведь причал за мысом тоже есть.

Вот тут помощник и заподозрил неладное, как он сам признался. Ёкнуло внутри нехорошее предчувствие. Когда шхуна отплыла за мыс и стала на якорь, а это было уже поздно вечером,

Ают отправил двоих на шлюпке обратно, чтобы утром команда знала, где искать "Медузу". Вот где-то в это время я и спала и видела свои чудные сны. Был полный штиль и ничего не предвещало такого урагана. Как вдруг, поднялся ветер, небо заволокло тучами, а потом хлынул дождь. Очень быстро ветер усилился настолько, что если бы вовремя не успели поставить парус и поднять якорь, то шхуну разнесло бы в щепки о скалистый островок.

Каким-то чудом Ают успел вырुлить, но направление ветра изменилось и "Медузу" понесло в море. А потом, началось что-то совсем страшное. Данко сказал, что такого жуткого шторма в его жизни ещё не было. На что я, философски, заметила, что в жизни всё бывает первый раз.

Оказалось, что нас вынесло на берег всего в двадцати этье от Перрикола, а это около пятнадцати-шестнадцати километров. И вечером, когда нас спасать примчалась остальная часть команды, Аютан очнулся. У него была сильно разбита голова, вывихнуто плечо и сломана левая нога. Глубокую царапину на груди я, за серьёзную рану, не считаю. Пока он был в отключке, мы с Данко сделали всё, что могли: промыли мелкие порезы и царапину, а так же рану на голове. Череп был в целости, а вот нога... Так же я переживала, не сломала ли я ему, вдобавок, пару рёбер, когда с силой и злостью давила на грудь.

Тиль был не только кокком, он был ещё и лекарем на шхуне. Поэтому, после беглого осмотра, он взял заботу о капитане на себя, а я, помогала, чем могла. Тиль быстро вправил вывих, а после, принялся за ногу. Кости он составлял наощупь. Как это возможно сделать без рентгена, я не представляла, но очень внимательно наблюдала за его манипуляциями.

Возился кок довольно долго. Всё это время я держала капитана, чтобы он, неожиданно, не дёрнулся. Вот тогда он и открыл глаза, когда я почти на нём лежала.

- Тиль! Он очнулся!

- Хорошо... Я, как раз, закончил... - пробормотал кок, туго приматывая ногу к шинам.

- Все живы? - это был первый вопрос.

- Все... Никто не пострадал... Кроме тебя...

- А "Медуза"?

- Нормально... Данко с ребятами и местными сейчас мачту ставят. Утром вернёмся в Перрикол... Шхуна сильно не пострадала: пробоин нет и воду из трюма уже откачали.

- Хорошо... - он прерывисто вздохнул, закрыл глаза и отвернулся. Из уголка глаза скатилась слезинка. Я смахнула её и поцеловала его в висок.

- Не надо...

- Ают, но...

- Не надо меня жалеть!

Я отстранилась:

- Как скажешь... Тиль, побудь с ним, пойду Данко позову...

Когда я поднялась наверх, мачта уже стояла, а команда заканчивала первоочередную работу. Вторую мачту решили ставить уже в Перриколе, под руководством Данко дело двигалось быстро. Я подошла к помощнику сзади и положила ладонь на плечо:

- Капитан очнулся... Тиль, как раз, с его ногой закончил...

- И как он?

- Вроде неплохо...

Данко выглядел не лучшим образом: сказала страшная ночь, да и день, заполненный тяжёлой работой.

- Тебе нужно отдохнуть...

Он улыбнулся, и я заметила, что у него во рту не хватает одного зуба.

- Вот сейчас всё доделаем, поговорю с капитаном, доложусь... И спать!

Я дёрнула его за рукав и хихикнула:

- А зуб куда делся?! Недавно был на месте...

Данко устало отмахнулся:

- Да когда мачту ставили, Найр, случайно, выбил... Не беда, новый быстро вырастет... Мне его уже третий раз выбивают...

Это удивительное открытие надолго заняло мои мысли. Даже отодвинуло на задний план переживания за капитана. Загадка красивых, здоровых зубов местных жителей разгадана. Лёжа вечером на своей койке, я размышляла об этом открытии и одновременно умирала от зависти: "Мир без стоматологов! Как же им повезло! Повредился зуб или, как у Данко, выбили его, так на его месте новый вырастает! Потрясающе! А у меня во рту четыре пломбы... А если новая дырка появится?! Что же я тогда делать буду?! Умру от зубной боли?! Тут зуб мне никто не залечит... Как же страшно!"

В Перрикол мы вернулись быстро. Ветер был попутный, да и расстояние не велико. Тиль обосновался в капитанской каюте, пока Ают более-менее не оправится. Чтобы унять боль, кок поил Аюта каким-то отваром и капитан почти всё время спал. Я иногда подменяла Тиля, когда тому нужно было отойти, однако, если Ают просыпался в это время, то завидев меня, отворачивался.

Ремонт шхуны шёл полным ходом. Данко, как помощник, оказался на высоте. Через несколько дней после возвращения в город, я поняла, что мне нужно уходить и чем быстрее, тем лучше. Чёрный Ли во всех красках расписал остальным как я спасала капитана, вдыхая в него "божественный дух", и как прогнала этот ужасный шторм, злобно крича в негодующее небо. Мне уже почти не улыбались, а иногда и просто отворачивались, когда я проходила мимо. Возникло ощущение, что эти взрослые, сильные мужчины начали меня бояться. А Чёрный Ли, при виде меня, начинал декламировать песню и низко кланяться. Ни о каком продолжении путешествия на "Медузе" не могло быть и речи.

Собралась я быстро. Как ни странно, но мои вещи, практически, не пострадали, даже раковина была целёхонька. Съестные припасы были упакованы в непромокаемые мешки, а одежду и одеяло я просушила. Оставалось купить лошадь, узнать дорогу и можно отправляться в путь. В свои планы я решила никого не посвящать. Ают под надёжным присмотром и идёт на поправку, а вскоре Тиль сделает костыли и капитан сможет хоть как-то передвигаться. Шхуну тоже скоро приведут в порядок: она не так уж и пострадала, да и никаких ценностей во время шторма не пропало, так по мелочи. В общем, и с капитаном, и с "Медузой" будет всё в порядке. А мне пора...

Лошадь, хотя правильнее, единорога, я выбирала не долго. Особого выбора на местном рынке не было, и я купила ладную кобылку по кличке Тучка. Из всех предложенных коняшек, она приглянулась больше других. Вместе со сбруей и небольшим мешком местного ваго, которым подкармливали лошадок, она обошлась мне в три золотые монетки. Тучка была невысокой, коренастой, тёмно-серой масти, с шикарной чёрной гривой и таким же хвостом. Она показалась мне достаточно выносливой и молодой.

Я договорилась с бывшим хозяином, что он подержит её до утра на своей конюшне, доплатила пару мелких монет за уход и, закупив ещё некоторое количество продуктов, вернулась на шхуну. Дневная работа была уже закончена и часть команды ушла в город. Маршрут передвижения до Латраса я выяснила и уже знала, в какую сторону завтра двигаться: сначала до рудников, а потом несколько дней по восточной дороге до перевала. Можно будет попробовать пристать к какому-нибудь обозу или каравану, так как недалеко от восточной дороги начинались территории горных волков. И хотя местные меня успокоили, мол, сейчас волки с гор не спускаются, добычи у них хватает, но учитывая, что ехать мне,

преимущественно, одной, стало немного жутковато.

Горных волков боялись. Они нападали большими стаями, всегда неожиданно и почти всегда удачно. Людей они не трогали, если только в крайних случаях, но скот резали везде, где появлялись. Как я поняла из всех рассказов, которые довелось услышать, у них была своя тактика: часть стаи брала на себя сторожевых псов, часть отвлекала людей, а остальные ловили, резали и уносили добычу. На Восточных землях, горные волки, были самыми умными и опасными хищниками, поэтому встречаться с ними совсем не хотелось. Но другой дороги на восток из Перрикола не было. По приблизительным подсчётам, если всё будет благополучно, путешествие до Латраса займёт около трёх недель.

Я собрала и упаковала всю свою поклажу и пошла проведать Аютана. Нужно было попрощаться как-то... Сказать спасибо, ну и всё такое... Когда я спустилась к каюте, дверь открылась, и навстречу вышел Данко. Он как-то странно глянул и, не сказав ни слова, взбежал наверх. Ают уже не лежал, а полусидел на постели: под спиной подушка, нога в шинах лежит на табурете. Я присела возле кровати:

- Ну как ты?

- Не плохо... Голова уже не болит... Завтра Тиль обещал обуть меня в деревянный сапог, чтобы можно было вставать.

- Хорошо, я рада...

- Знаешь, о чём я жалею? - и очень внимательно взгляделся в моё лицо.

- Нет... Откуда мне знать?

- Я жалею, что не слышал песню... ту... про тебя...

Я опустила глаза:

- Ты её ещё услышишь...

- Значит это ты?!

- Что я?

- Вызвала этот ураган?! Чтобы наказать меня?! Я же слышал, слышал, что ты кричала из каюты!

От трезвого и здравомыслящего Аютана, такого бредового заявления я никак не ожидала. Поэтому даже растерялась, не зная, что сказать.

- Ают, этот ураган я не вызвала. Я была просто рассержена вот и всё. И даже не от твоего признания или поцелуя, а от того, что ты меня запер... Как можно вызвать ураган?! Ты сам понимаешь, что говоришь?

Он приложил ладонь к глазам, как бы прикрываясь от меня и выдавил:

- Я не знаю, что думать, Кари... Я совсем запутался... Ты... Ты такая... И то, что случилось... Я понимаю, что сам виноват... Я был слишком самоуверен... и настойчив. Данкан всё рассказал... И как ты нашла меня, и как спасала, и как они радовались, когда я начал дышать, и как закончился шторм... Всё... Я никогда не верил в богов, считал, что это глупые рассказы, но теперь... Я... - Он потянулся к моей руке и прижался губами к ладони. - Влюбился, без памяти, в богиню... Чем вызвал её гнев, но она проявила милосердие и сохранила мне жизнь...

Этот бред я больше не могла слушать. Ладно Чёрный Ли, ладно команда, но капитан Ают! Не-е-ет! Это уже слишком! Нужно уезжать и немедленно... Я крепко обняла его, расцеловала и, ничего не говоря, быстро вышла из каюты. До заката ещё несколько часов и если поторопиться, то заночевать можно будет на рудниках, а на рассвете отправиться в дальнюю дорогу.

Через пару часов, когда половина пути была позади, а солнышки клонились к закату, послышался конский топот. Я одёрнула кобылу и обернулась. Вдогонку мчался всадник. Когда он приблизился, я узнала Данко. Завидев, что я остановилась, он замахал руками:

- Кари! Кари! Постой!

"Всё же не удастся избежать трогательных прощаний!" - я спешила, в ожидании. Взмыленный и запыхавшийся помощник капитана спрыгнул с коня и кинулся ко мне.

- Кари! Зачем?! Почему?! Не уезжай!

- Тебя Ают послал?

- Нет... Он ещё не знает, что ты уехала... Я не успел ему сказать...

- Думаю, после всего, он не стал бы меня удерживать...

- Ты... Ты, что? Ещё раньше хотела уехать?

- Он потому меня и запер... Он тебе ничего не рассказал?

Данко смутился:

- Он не хочет об этом говорить... Что между вами произошло, Кари?! Ты отказала ему?!

Потому он так разозлился тогда?! Не уезжай... - и, сделав шаг крепко меня обнял.

И я ответила таким же крепким объятием.

- Всё решено. Сам понимаешь... Ты всё видел... Мне нельзя больше с вами... Не хочу создавать на судне нездоровую обстановку. Поверь, Данко, я никак не ожидала, что всё так обернется. Прощай... - И вскочила в седло.

- Но... Ты же совсем одна! Хочешь, я с тобой поеду?

- А как же "Медуза"? Команда и капитан? Им без тебя не справиться. А за меня не волнуйся, земля круглая, может ещё встретимся.

Резвой рысью я скакала до темноты. Пару раз оглядывалась, но меня никто не преследовал. На ночлег на рудниках я не осталась. Ночь была светлая, небо чистое и Тучка бодро бежала по укатанной дороге. Я хотела уехать как можно дальше, чтобы никто не смог меня догнать. Хотя, кроме Данко, догонять было некому. Не терпелось оставить всё позади, всё, что случилось: море, шхуну, команду и... капитана. Ещё совсем недавно я так радовалась, что скоро буду в Латрасе, но жизнь, как всегда, внесла свои поправки.

Когда небо на востоке посветлело, мы с Тучкой сделали привал. Заехали в лесок, чтобы нас не было видно с дороги, и расположились у быстрого ручейка. Заботы о кобыле заняли немало времени, я даже немного пожалела, что купила её, одно дело заботится только о себе и совсем другое, когда рядом другое живое существо, которое требует внимания. Однако, на своих двоих и с мешками, я бы и десятка эти не прошла. Не разжигая костра, я перекусила, завернулась в одеяло и завалилась спать, а стреноженная Тучка осталась пасти рядом.

Проснувшись я почти в полдень, чему очень обрадовалась, не хотелось продряхнуть целый день. Приведя себя в порядок и оседлав четвероногий транспорт, я, не спеша, двинулась на восток. Тихо и спокойно прошло несколько дней. Пару раз на пути встречались обозы, но ввиду того, что ни одной женщины или семьи с детьми среди этих людей не было, я не рискнула напрашиваться в попутчики. Чисто мужское общество напрягало.

Местность была уже довольно гористая, с крутыми оврагами и перелесками, а впереди маячили круглые сопки. Ещё через день я вплотную приблизилась к перевалу. Дорога уходила в ущелье между серыми скалами. Я спешила передохнуть и размяться. Если все эти дни я ехала вполне благополучно, разговаривая с Тучкой, любуясь природой и надеясь, что в Латрас я всё-таки доберусь, рано или поздно, то сейчас, сидя на камне и жуя кусок вяленого мяса, я ощущала какое-то беспокойство. И чем дальше смотрела на узкую расщелину, уходящую под нависающие скалы, тем больше мне туда не хотелось.

Поднеся руку ко рту, я заметила, как дрожат мои пальцы. И это была не усталость... Нет... Это было ощущение тревоги, будто глубоко внутри, что-то пульсировало и дрожало. Вдруг, что-то больно кольнуло в плече, как оса укусила. Инстинктивно хлопнув по плечу, я попыталась почесать зудящее место. Пальцы наткнулись на браслет, щипало именно под ним. Сильно оттянув ворот лимма, который я не снимала с момента отъезда из Перрикола, глянула на

подарок Гуна. Он был чёрный! Абсолютно! И буквы надписи еле видны!

"Та-а-ак! Это плохой знак! Что-то происходит или должно произойти..." Последний раз, когда я смотрела на браслет, он был цвета светлого, полированного металла с голубым оттенком. В эту секунду одна из букв надписи вспыхнула, и больно ужалив, потухла. От неожиданности и боли я подпрыгнула и вскочила:

- Это сигнал! Тучка, это сигнал! Нужно убираться отсюда!

Вскочив в седло, я резко дёрнула поводья.

Слишком далеко ускакать от перевала мы не успели. Тучка взвилась на дыбы, как-то хрипло, испуганно заржала и бросилась в сторону. Я вылетела из седла и всеми костями грохнулась на землю. Сначала я подумала, что это от удара так гудит в голове, но, оглядевшись, поняла, что гудит не в голове, а везде! Страшный звук окружал со всех сторон. Гнетущее, тяжёлое гудение проникало внутрь. Я почувствовала, как устало и медленно стало биться сердце, а потом... замерло.

Подземный толчок огромной силы подбросил моё тело, и я кубарем покатила куда-то. Сколько пролежала без сознания, не знаю. Когда же открыла глаза, небо было затянуто облаками, и начинал капать мелкий дождик. Я медленно села, ощупала себя и убедилась, что всё, вроде, в порядке: серьёзных травм нет, только ощущение во всём теле такое, будто меня переехал асфальтовый каток. На шорох позади, я резко обернулась. За спиной стояла Тучка и, трясла головой, была у этой кобылки такая привычка.

- Ну, что, подруга?! С тобой, я вижу, всё в порядке...

Не в силах забраться в седло, я взяла её под уздцы, и мы медленно пошли к перевалу. Но его уже не было... Когда, окончательно, осела пыль, обнаружилось, что дорога между скалами полностью засыпана, и притом так, будто её там никогда и не было. Я ещё немного постояла, тупо осматривая новый пейзаж и пиная сапогом камни: "А браслетик-то, можно сказать, волшебный... Если бы не он, то лежать бы мне сейчас под каменной толщей... Да и "чуйка" моя сработала, не первый раз уже выручает, а браслет только подтвердил опасения... Гун сделал мне бесценный подарок! Храните его боги! А сейчас нужно хорошенько отдохнуть, а завтра искать путь на ту сторону. Может и найдётся подходящее место. Тут завалило, но где-то могло случиться и наоборот..."

Ночь прошла спокойно. И хоть я и нашла удобное место для ночёвки, за большой скалой, нормально поела, и в лимме было совсем не холодно, но толком так и не заснула. Тучка часто фыркала, прислушивалась, прядя ушами, и, настороженно осматривалась. Если вечером, сразу после землетрясения, было очень тихо, то ночью, наоборот, постоянно доносились какие-то звуки.

Вечером, ещё до заката, я видела из своего укромного убежища, как к бывшему перевалу, один за другим подъехали несколько всадников. Они осмотрелись, качая головами, о чём-то поговорили и повернули обратно. Я не вышла к ним, хотя оставаться одной после такого жуткого буйства стихии, было очень страшно. Половину ночи я слегка дремала, а половину просто лежала, глядя на догорающий костёр и прислушиваясь к ночным звукам. К утру моя дымчатая, четвероногая красавица успокоилась и улеглась недалеко от меня. Вот так мы и встретили рассвет.

Я всё думала, как же поступить: о том, чтобы вернуться в Перрикол, не могло быть и речи. "Медуза" ещё там, а искать проход в горах... опасно и страшно, хотя вчера мне, почему-то, так не казалось. Только вот в какую сторону ехать, на север или на юг? Горный хребет, хоть и не очень большой, тянулся в обе стороны... Я решила бросить монетку и полностью положиться на провидение. Золотой ранд звякнул о камни: "На север... Да будет так!"

С первыми лучами небесных светил, мы тронулись в путь. Тучка шла спокойным шагом,

самостоятельно выбирая дорогу. Повсюду были видны последствия землетрясения: обрушившиеся скалы, поваленные деревья и глубокие трещины. Кобыла оказалась толковая. Она внимательно смотрела под ноги, пригнувшись, иногда останавливалась и явно размышляла, переступить препятствие или обойти. Такая её осторожность мне очень понравилась. Я сидела, почти не держа поводья, и не мешая Тучке идти так, как она хочет.

К полудню, когда мы были уже очень далеко от заваленной восточной дороги, я решила сделать привал. Бессонная ночь и усталость давали о себе знать. На относительно ровной полянке, я освободила кобылу от поклажи и пошла за водой, так как за здоровенными валунами слышался плеск воды.

Ручей был маленький, однако, было заметно, что, недавно, он был гораздо полноводней. Похоже, землетрясение перекрыло русло. Я только и успела ополоснуть лицо, как раздалось испуганное ржание, топот копыт и треск ломающихся веток. Бросив флягу и котелок, я помчалась обратно, прыгая по камням.

Тучки на полянке не было: разбросанные мешки и взрытая копытами земля. Вдруг, за спиной, будто заработал мощный мотор. Глухое, утробное рычание доносилось откуда-то сверху. Сердце упало пятитонным камнем, а ноги вросли в землю. Медленно-медленно, я начала оборачиваться... А когда увидела огромную, серую в пятнах, клыкастую зверюгу, полулежащую на валуне, то застыла, как изваяние: " Волк... Горный волк... Это волк..."

Зверь продолжал рычать, а я смотрела на него и в ужасе понимала, что всё... Убежать не смогу, а дёрнусь - прыгнет... Я закрыла глаза, глубоко-глубоко вздохнула и, нащупав кинжал в складках юбки, сжала рукоятку. Сколько я так стояла, в застывшей позе, не могу сказать. Показалось, что вечность...

Стало тихо. Рычание прекратилось, и я приоткрыла один глаз. Волка на камне не было. Он стоял рядом и нюхал один из мешков. Я сделала шаг назад и упёрлась в каменную стену. Волк резко обернулся и уставился жёлтыми глазищами. И тут... Я заметила соски на брюхе: большие, тяжёлые...

"Волчица! Кормящая... Теперь мне, точно, конец..." Выхватив кинжал, я выставила его перед собой:

- Уходи! Я ничего не сделаю твоим детям! Уходи! - Конечно, я не рассчитывала, что она меня поймёт.

Волчица уже не рычала, а просто смотрела на меня и нюхала воздух. Она была очень крупная, гораздо больше овчарки: длинные сильные лапы, с удлинёнными, когтистыми пальцами, широкая, мощная грудь, узкое, гибкое тело и длинный, опущенный хвост. Внешний вид, действительно, напоминал волка, но не совсем. Эта зверюга больше походила на гиену, очень большую, но гиену, а не волка. Может из-за пятнистого окраса, в тёмно-серых, чёрных и светло-серых тонах, а может из-за больших, округлых ушей, не знаю... Но впечатление жуткого, смертельно опасного зверя, она, конечно, производила.

Мне как-то уже поднадоело стоять в такой напряжённой позе, да и ноги подкашивались от страха. Я сползла вниз и присела на корточки. Волчица тоже плюхнулась на пузо и тихонько скуля, поползла ко мне. Я открыла рот от удивления: нападать она не собиралась, во всяком случае, пока. Чем ближе она подползала, тем жалобней скулила. А когда положила свою страшную, огромную, клыкастую голову на мою ступню и заглянула в глаза, до меня дошло: "Она просит помощи!!! Что-то случилось! Ей что-то нужно от меня! О, все боги Окатана!"

Как общаться с горным волком я не представляла, да и на всём Окатане, наверно, никто не представлял. Волков боялись, при возможности, убивали, но, в целом, предпочитали на их территории не соваться. Люди очень мало знали о горных волках... Очень медленно, замирая от страха, я опустила руку и погладила мохнатую голову:

- Я поняла... Я помогу... Если смогу...

Она моментально вскочила и бросилась в перелесок. Минут через десять волчица привела меня к свежей, глубокой трещине. Рядом было много поваленных деревьев и скальных обломков. Уже на пути я догадалась, что случилось. У волчицы была здесь нора или берлога, а там щенки, похоже, их завалило... Волчица подошла к самому краю и завывала, так жалобно и пронзительно, что у меня навернулись слёзы: "Понятно... Они там..." Я легла на край и свесилась вниз: «Ничего не видно... Нужны факелы и верёвка». Я быстро сбегала обратно за всем необходимым, и только когда начала спускаться вниз поняла, что делаю. Если верёвка развяжется или порвётся, или ещё что-то случится, то я, просто-напросто, сломаю себе шею.

Но всё оказалось не так страшно. Благодаря факелам, я увидела, что дно совсем не далеко. Проблема состояла в том, что трещина была очень узкой и сама звериная мамаша никак туда бы не пролезла. Щенков я увидела сразу, как только осветила камни. Они лежали плотным комочком и тихо попискивали. Их было трое: два чёрно-серых, а один, самый мелкий, полностью чёрный, как уголёк. Я быстро запихала малышей в сумку и, крича, полезла обратно.

Подниматься было уже не так страшно. Я видела, куда поставить ногу, и за какой камень ухватиться. Волчица носилась по краю и то скулила, то начинала рычать: "Как бы она вместо "спасибо" на тот свет меня не отправила, от беспокойства за детёнышей..." Дрожащими, ободранными о камни руками, я выложила щенков на траву и отступила:

- Ну, я это... Пойду... Ты уж тут сама, как-нибудь... - И медленно, пятясь задом, отошла шагов на двадцать. А потом рванула обратно к ручью.

И какова же была моя радость, когда на полянке, возле мешков, я обнаружила Тучку:

- Ах, трусиха! Бросила меня, да?! На съеденье горным волкам! А сама удрала! Эх, ты... Испугалась?

Я гладила кобылу, а она, ласково фыркая, тыкалась мягкими губами в ладони:

- Давай-ка собираться и делать отсюда ноги! Нам только со всей стаей встретиться, не хватает!

Быстро навьючив живой транспорт и заполнив бурдюк водой, я запрыгнула в седло. А на следующее утро случилось то, что я никак не могла предположить.

Ночевали мы в пещере, довольно далеко от места встречи с горной хищницей. Пещерка была не большая, но удобная. На закате я разожгла костёр и приготовила сносный ужин: наварила каши с вяленным мясом и даже со специями. Возле пещеры была хорошая трава и кобыла весело хрумкала, бродя кругами. На ночь я насыпала ей немного ваго, как дополнение к травяному рациону, и спокойно заснула.

Проснулась же на рассвете от громкого испуганного ржания и выскочила наружу. Тучка была привязана и в этот раз никуда не смогла удрать. Возле пещеры сидела моя гиеноподобная знакомая. Я растерянно таранилась, не понимая, зачем она пришла, пока не заметила, что возле её лап что-то ползает. Это был щенок, чёрный, самый маленький из всех... Волчица смотрела в упор влажными глазами.

- Э-э-э... Ты, что задумала... - кольнуло меня предчувствие. - Не надо... Одумайся мамаша... Что я с ним делать буду?! Ты, что?! Это твой щенок! Он мне не нужен!

Она жалобно заскулила, вылизала своё слепое дитяtko, глянула на меня так, что внутри всё сжалось, и бросилась в лес. Я стояла столбом, вникая в ситуацию: "Вот это номер! Она отдала мне своего щенка... Зачем?! Как она могла так поступить?! Почему?!" Но дать ответы на эти вопросы было некому. Волчица исчезла, а моих ног ползало и попискивало маленькое беззащитное существо. Я взяла его на руки и прижала к себе. Щенок, такой малюсенький и ещё слепой, глухо и утробно зарычал: по-детски, конечно, по-щенячьи, но очень злобно. Навернулись слёзы:

- Рычишь... Ну, рычи, рычи... Ты же горный волк, ты должен хорошо рычать! Что же мне с тобой делать?!

Я поднесла щенка к кобыле. Сначала она шарахнулась, а потом принялась его обнюхивать.

- Ну, вот и познакомились...

Волчонок ещё какое-то время поскуливал и рычал, а потом заснул. Он был накормлен: круглое, тугое пузико делало его похожим на плюшевый шарик.

- Покормила тебя твоя мама, позаботилась... А вот чем я тебя кормить буду?! Она подумала?! У меня молока нет, да и Тучки тоже... Что же делать?

- Надо найти ему молочную маму... - тихий голос в макушке был долгожданен до боли.

- Здравьете, вам! И где ж доброго молодца носило, по каким землям, полям аль лесам дремучим?!

Он захихикал:

- Да вот, девица-красавица, был я в раздумьях серьёзных, думал думы тяжёлые, да делами важными занимался, а вышел срок, воротился к тебе, а ты опять... мать!

И мы дружно расхохотались:

- Да только не дитю человеческому, а зверю лесному, злобному и опасному. - От радости, что я опять его слышу, я расплакалась. - Мозг, прости меня... Мне так было плохо без тебя, так одиноко...

- Мне тоже, дорогая... Мне тоже.

- А почему тогда молчал? И вообще... Никак не давал о себе знать...

- А ты почему?

- Ты знаешь...

- Знаю... Ты такая же упрямая, как и я.

- Но ведь ты - это я!

- А я - это ты...

Вскоре я уже ехала верхом, запихав щенка за пазуху, то тех пор, пока не придумаю для него более удобное ложе. Меня очень беспокоило, что вскоре нужно опять кормить малыша, а нечем. Нужно молоко, только где его здесь взять?! Надо найти проход через хребет, на ту сторону. Там, на пути к Латрасу, должно быть много деревень, где можно будет разжиться свежим молоком.

Ближе к полудню я заметила узкий, высокий проход между скал. Было довольно солнечно, и он не показался мне слишком уж страшным, тем более что я предварительно проверила браслет. Он был светлым, с голубым отливом и две буквы надписи жёлтыми - это успокоило. И я направила Тучку прямо в расщелину. Вскоре пришлось спешиться и зажечь факел. Чем дальше мы продвигались, тем становилось темнее. Несколько раз попадались подозрительные трещины, которые я вовремя замечала, да узкие места, через которые упитанная кобыла еле проходила, но... Мы двигались вперёд и в нужном направлении.

Щенок завозился и начал попискивать. Мне было безумно жаль его, но накормить пока было нечем. Когда он опять притих, я переложила его в сумку и укутала своими тряпками: может пригреется и ещё поспит. Мысль о том, что он умрёт от голода у меня на глазах, была не выносима. Присев на большой камень, я перевела дух и осветила факелом каменные стены: "Интересно, сколько нам ещё идти? Хорошо бы выбраться до вечера..."

При очередном взмахе факела, на противоположной стене, что-то блеснуло. Подойдя ближе, я осветила горные породы:

- Мозг? Это то, что я думаю? - трогая камни, я не могла поверить своим глазам.

- Да.

- Золотая жила... - эту фразу мы сказали одновременно.

- Ты уверен?!

- Абсолютно! И хорошая жила, богатая... Посмотри вон туда, повыше...

Я залезла на уступ и поднесла факел:

- Обалде-е-еть... Какая она огромная, толстая такая...

Мой папа был геологом, поэтому в камнях и горных породах я неплохо разбиралась. У нас в доме была куча разных справочников, энциклопедий, атласов и учебников по геологии, а также неплохая коллекция редких минералов, которую начал собирать ещё мой дед, отец моего папы. И хотя всё это меня в детстве, да и потом, особо не интересовало, однако геологической информации в голове было много. Я много раз видела хорошие, качественные фотографии жильного золота, поэтому и узнала его сразу. Настоящее жильное золото! А говорили, что на Восточных землях его почти нет... А оно вот, пожалуйста, бери, не хочу! Вот это находка!

Я достала кинжал, подобрала большой камень и попробовала отбить кусок, в том месте, где заметила трещину. Пара ударов и увесистый золотой булыжник, чуть не упал на ногу. "Ого! А жила-то, действительно, богатая! И если бы не землетрясение, то меня бы здесь не было... Вот ведь жизнь, никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь..."

Завернув золото в остатки рубахи, я засунула его в мешок на самое дно: "Максу подарю! Вот обрадуется! А местечко надо запомнить..."

- Уже... Я пометил его на карте и приметы записал.

- Молодец! У меня чувство, что эта жила ещё пригодится...

- У меня тоже.

Мне опять повезло. Проход оказался сквозным. Когда мы вышли из пещеры, скрытой густой, уже подсыхающей растительностью, солнышки клонились к закату. Волчонок проголодался и вёл себя очень беспокойно. Его срочно нужно было кормить. Примерно через час, когда мы спустились на относительно ровную поверхность, я вскочила в седло. Пока ещё светло, может и найдётся поблизости какой-нибудь хутор.

Но жилья рядом не оказалось. Щенок жалобно пищал, а у меня разрывалось сердце. Потом накатила злость и на себя и на волчицу, которая бросила на меня своё беспомощное дитя по непонятной причине. Сидя у костра, я слушала тихое пицание и утирала мокрые глаза: "Он скоро умрёт... И я ничего не могу с этим поделать..." Внутри черепа послышался вздох и Тан прошептал:

- Есть одна идея... Только...

- Что только?

- Мы рискуем опять поссориться...

- Говори уж... Не поссоримся, обещаю...

- Тебе не понравится...

- Выкладывай!

- В первую очередь его надо успокоить, к груди приложить, а во вторую... Молока у тебя нет, зато есть кровь...

Я глянула на чёрный комочек:

- Согласна... Мне это не нравится, но другого выхода всё равно нет... А он от моей крови не отравится? Там же яд "райской" травы...

- Когда это было! Главное не переборщить, ему нужно совсем не много, чтобы продержаться какое-то время.

- Хорошо, давай попробуем. Я даже представляю, как это сделать...

Стянув верхнюю половину лимма, я прокалила остриё кинжала над пламенем, подождала пока оно остынет и резким движением полоснула по голой груди, чуть повыше ареолы. Брызнула кровь и, взяв щенка на руки, я прижала его к окровавленному соску. Он впился в него с голодным остервенением.

"Хорошо, что кругом лес, ночь и нас никто не видит... Вот был бы ужас! Женщина кормит волчонка собственной кровью... Попахивает зоофилией, смешанной с вампиризмом... Кошмар!"

- Я никому не скажу! - И Мозг принялся гаденько хихикать. - Всё! Оттаскивай его, хватит!

Еле-еле я отодрала от себя голодное создание. Щенок немного повозмутился, порычал, а потом притих. Я закуталась в одеяло, устроила его под боком и задремала. Утром процедуру пришлось повторить, потому, как малыш вопил так громко, что даже Тучка забеспокоилась. "Ну, вот и добавилась к моим шрамам ещё парочка... - думала я, глядя как кровь из раны заливает сосок, а волчонок жадно его сосёт. - Как бы он потом, когда подрастет, не сожрал меня с потрохами, крови ведь он уже попробовал..."

- Не сожрёт, не волнуйся...

- А ты откуда знаешь, умник?

- Ты теперь ему кровная мачеха. Но без молока он долго не протянет...

Щенок оторвался от груди с громким "чпоком", когда я потянула его в сторону. Я укутала его, натянула лимм, обложив свежие раны остатками рубахи, и вскочила в седло. И какое же испытала облегчение, когда через несколько часов Тучка вышла на дорогу. Я не заблудилась! Это была восточная дорога. Получилось, что я объехала засыпанный перевал. Я дёрнула поводья, и мы бодрой рысь поскакали вперёд.

В первой же деревне я купила козу. Хозяин небольшого стада был несказанно счастлив, когда я предложила за дойную животинку золотую монету. В посёлке были видны следы землетрясения: несколько домов повреждено, а недалеко от дороги в земле зиял большой провал. Поэтому мой золотой пришёлся весьма кстати. Я попросилась у хозяина отдохнуть в сарае, хотя он всеми силами пытался затащить меня в дом. Не могла же я сказать ему, что мне надо волчонка покормить. В конце концов, он махнул рукой, и я спряталась на сеновале.

С дойкой козы никаких проблем не возникло, как ни странно, хоть я и делала это первый раз в жизни. Минут через десять у меня уже был целый котелок тёплого, парного молока. Свернув чистую тряпочку и обмакнув в молоко, я попыталась накормить щенка. Однако ничего не получилось. Он не хотел брать такую соску. Никак! Я разозлилась:

- Ах ты, маленький негодник! Молока, хоть залейся, а ты не хочешь! Ты же умрёшь с голоду!

Он начал громко пищать и скулить. Мне же совсем не хотелось привлекать к нам лишнее внимание. Я опять стянула лимм, устроила голодного крикуна у груди и начала тонкой струйкой лить по ней молоко. Это сработало! Немного захлёбываясь и урча, малыш принялся за еду. К концу кормления в молоке я была вся. Также вскрылся последний порез, и щенку попадала уже смесь из молока и крови. Заснул он прямо в процессе, животик стал тугим и круглым. Я выдохнула: "Значит, будем жить! Только такой способ кормёжки никуда не годиться, надо что-то придумать..."

Я помылась в поилке для скотины, переделась, выпросила у хозяина небольшое лукошко и кусок козлиной шкуры в качестве подстилки для своего питомца и, поблагодарив за гостеприимство, отправилась в путь. Из-за козы, двигаться так, как раньше мы не могли, но без неё было никак. Вот так, в медленном и спокойном путешествии прошло три недели.

Волчонка я назвала Бумер, за глубокое, утробное рычание, как звук мощного мотора, и чёрный окрас. За это время он очень подрос, у него открылись глазки и прорезались молочные зубы. На меня он больше не рычал, а воспринимал как маму, постоянно ластился и вылизывал руки, лицо, в общем, всё, что получалось вылизать. На привалах он уже хорошо бегал, и всё свободное время я старалась с ним играть. Мозг даже обиделся, немного, сказал, что щенок стал мне дороже, чем он. Но мне удалось успокоить своего внутреннего друга признанием в бесконечной любви.

В природе уже хорошо чувствовалась осень: по ночам становилось всё холоднее, хотя днём было тепло. Многие деревья покрылись осенним нарядом, только цвета Окатанской осени были не совсем такими, как у меня дома, на Земле. В цветовой палитре преобладали красные, розовые, лиловые и фиолетовые цвета, а жёлтыми листья становились, только когда совсем высыхали. От этого буйства красок иногда рябило в глазах, но красота была такая, что замирало сердце. Окатанская осень была удивительна и прекрасна...

Ещё неделя-две и зарядят дожди, а потом резко похолодает, но этого я уже не боялась. До Латраса было совсем недалеко, пять-шесть дней неспешного пути. Пару раз я ночевала с караванщиками, которые из-за землетрясения вынуждены были менять маршрут передвижения и потому сильно переживали: никому не хотелось застревать в дороге накануне дождей и холодов. Стихия наделала много бед. Много я видела сама, а кое-что мне рассказали. Такого землетрясения не было в этих местах лет пятьдесят, если не больше. Люди помнили, что да, было такое, когда трясло землю, но чтобы так! Чтобы завалило дорогу, чтобы разрушилось много домов, выкорчевало столько деревьев, такого не бывало очень-очень давно...

Однажды, ближе к вечеру, я доехала до большого постоялого двора. Хозяин с хозяйкой очень обрадовались моему визиту, так как многие караваны и обозы, что двигались с востока на запад, до них не доехали и повернули в Туманную долину, чтобы оттуда перебраться через залив и ехать дальше. Другие же, которые, как и я, ехали с запада на восток, от заваленного перевала поворачивали обратно на Перрикол, а оттуда морем или на север по Дикой тропе, огибая территории горных волков, и далее на юго-восток по Кифовому пути. Такая вот получалась география... В результате, многие постоялые дворы остались без хорошей доли дохода.

Мне выделили лучшую комнату, пообещали горячую ванну и вкусный ужин. С оплатой я не поскупилась, за что мне было высказано огромное количество благодарственных слов. Хозяин определил мою живность на конюшню и пообещал отличный уход. Кормить Бумера было ещё рано и, выпустив щенка носиться по комнате, я плюхнулась в горячую ванну. Счастью не было предела!

Отмокала я долго. Потом стирала грязные вещи, а незадолго до ужина потопала доить козу. Когда же вернулась с полным котелком в большую переднюю комнату, которая служила столовой при большом наплыве гостей, увидела нового гостя. Он стоял у стойки, спиной ко мне и беседовал с хозяином. Высокий, стройный мужчина в коротком плаще; тёмно-русые волосы стянуты в низкий хвост, на ногах высокие сапоги, а рядом, на полу, дорожный мешок.

Завидев меня, хозяин улыбнулся и кивнул. Мужчина обернулся... В эту секунду я почувствовала, как пол уходит из-под ног и я, наверно, грохнусь в обморок. На меня смотрел Дайк! Дрожащей рукой я поставила молоко на стол и, сделав шаг навстречу, запинаясь, выдавила:

- Дайк... Это я... Кари...

Я смотрела на своего дорогого "няня" так пристально и жадно, что ни одна его эмоция не смогла укрыться. Сначала он вздрогнул, когда услышал своё имя, потом крайняя степень недоверия, удивления и радости отразилась на его лице, а потом... глаза его закатились, и он начал оседать на пол.

- Дайк! Дайк! - я кинулась к своему другу.

Подоспевший хозяин помог усадить его на широкую скамью и удивлённо спросил:

- Вы знакомы?!

- Сто лет не виделись! - Я вытирала ручьи слёз и тормозила расслабленное тело, покрывая его лицо поцелуями. - Дайк, Дайк... Дорогой... Очнись!

Прибежала жена хозяина с кружкой воды. Хлебнув из кружки, я устроила парню холодный

душ:

- Дайк!

Он выдохнул и открыл глаза:

- Ка-а-а-ри... Ка-а-ари... Это ты?!

- Всё хорошо, Дайк, это я! Всё хорошо!

Через минуту он окончательно пришёл в себя:

- Карина! Кари! Ты жива?! Ты мне не снишься?!

- Нет, не снюсь... Это, правда, я... - и стянула с головы платок.

- Не может быть... Что с тобой произошло?! Где ты была?! Но добралась всё-таки...

- Добралась!

Он порывисто прижался ко мне... Стиснул так, что рёбра затрещали и глубоко вдохнул:

- Это ты... Это ты... Так пахнешь только ты... - А потом жарко зашептал в ухо, - комната, где

ты остановилась, большая? Я с тобой буду ночевать!

Я захохотала, размазывая слёзы:

- Большая! Нам хватит!

Конец первой книги.